

АБАЙ ТЫНИБЕКОВ
АУЭЗ ТЫНИБЕКОВ

ИДУЩИЕ

РОМАН

IFOLIANT

Абай Тынибеков
Ауэз Тынибеков

ИДУЩИЕ

Исторический роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT
Нур-Султан

УДК 821.512.122-94

ББК 84(5Каз)-44

Т93

Тынибеков, Абай, Тынибеков, Ауэз

Т93 Идущие : исторический роман / Абай Тынибеков, Ауэз Тынибеков. — Нур-Султан : Фолиант, 2021. — 448 с.

ISBN 978-601-338-781-9

Настоящий роман написан авторами в историческом жанре.

События, происходящие в романе, охватывают один год из жизни народов усуней, канглов и огузов, находившихся в очень переменчивом соседстве между собой во II веке до нашей эры и обитавших на территории современных Казахстана и Средней Азии. Повествование в романе затрагивает и возникновение предпосылок государственности в этих народах, и отношения их в вопросах ведения военных действий и создания военных союзов, и проблемы торговли и контроля над караванными путями, и довольно сложную работу лазутчиков, и, конечно же, очень непростые человеческие отношения, связанные как с дружбой и враждой, так и с высокими чувствами между людьми. Но самой главной сутью во всём этом многообразном хитросплетении судеб как целых народов, так и каждого конкретного человека является то, что все они через кровную наследственность, из поколения в поколение, неустанно, несмотря ни на что, идут вперёд сквозь годы, десятилетия и века. Они — вечно идущие. Они — это мы в их будущем. Мы — это они в нашем прошлом.

УДК 821.512.122-94

ББК 84(5Каз)-44

ISBN 978-601-338-781-9

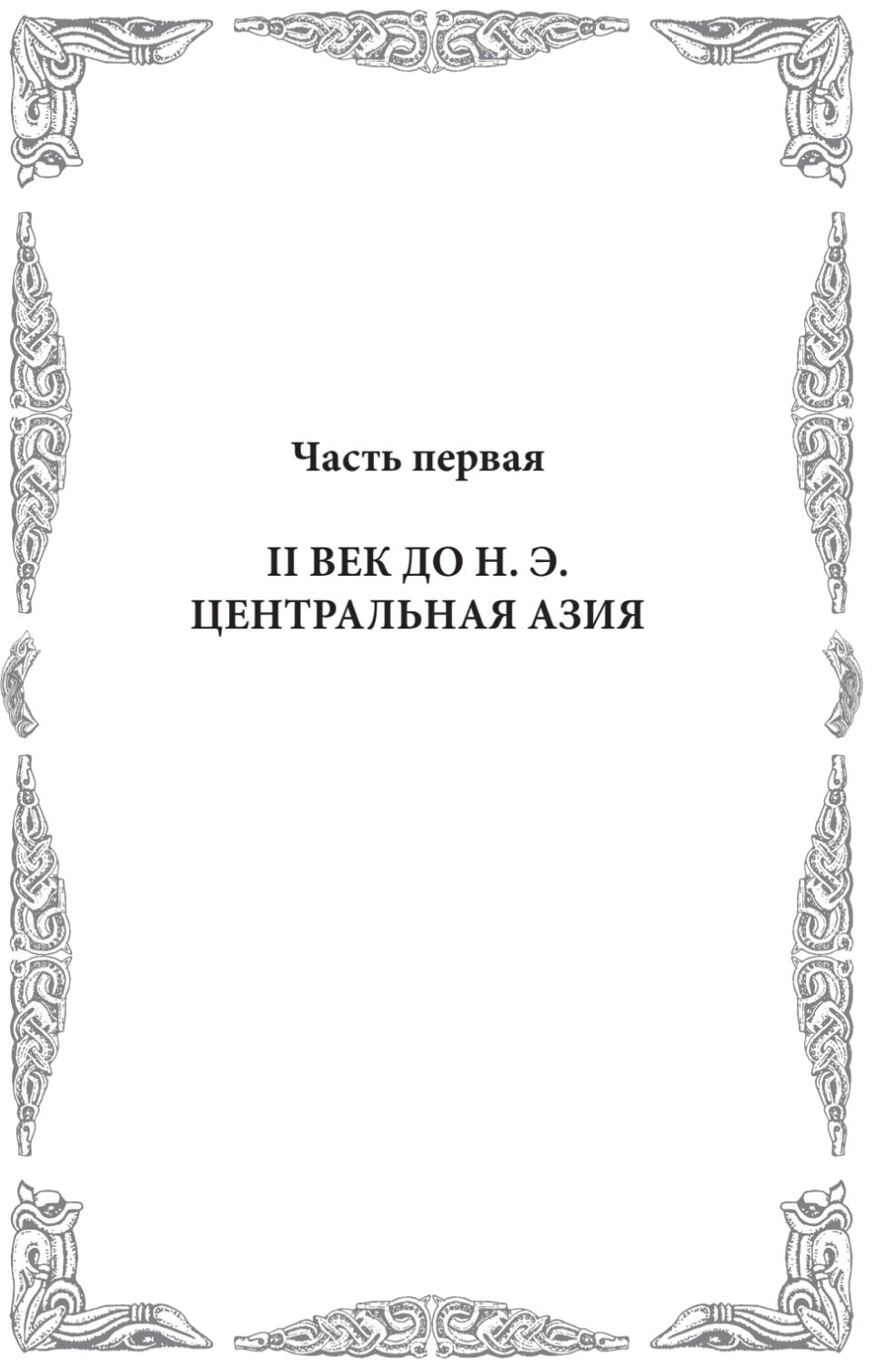
© Тынибеков А., Тынибеков А., 2021

© ТОО «Издательство «Фолиант», 2021

П Р О Л О Г

Родился ещё один человек. Он видит и не видит. Он слышит и не слышит. Он не знает — кто он. Он не знает — где он. Уютный, тёплый и привычный мир вокруг него вдруг стал другим, и его уже нельзя вкусить простым глотком, в него уже нельзя упереться ножками, в нём уже нет возможности плавно парить, и он больше не обволакивает собой маленькое тельце. Мир расступился и стал цветным и громким. К нему теперь нельзя прикоснуться. Он новый, просторный, прохладный и чужой. В нём появилось много запахов и звуков, среди которых до новорождённого доносится и его собственный крик, но этого он ещё не понимает. Всё изменилось. Он ещё не знает, как реагировать на такие перемены. Им овладевает первое в жизни чувство — страх, который сжимает что-то внутри и выталкивает наружу, и он, впервые напрягаясь и тут же расслабляясь, плачет. Но вдруг среди всей этой чуждой новизны нечто родное подхватывает его и прижимает к себе. Появляется почти прежнее, но всё же несколько иное ощущение защищённости. Он всецело доверяется ему и умолкает. И так же вдруг среди сплошного странного шума он улавливает очень знакомый, единственный и неповторимый звук. Он пока ещё не осознаёт, что этот звук — голос, голос его матери, а прикосновения к нему — это её первые ласки. Он не знает, кто это и что это, но ему становится приятно и тепло. В одно мгновение он привыкает к новому состоянию и успокаивается. Появившиеся чувства, ощущения, звуки и цвета отняли у него много сил, но добрый голос и нежные объятия вернули ему покой, и теперь он хочет есть. Его желание угадано. Он трепетными губами принимает что-то податливое, удобное и мягкое, из чего сочится вкуснейшая пища. Он с жадностью утоляет голод, вцепившись в это нечто крохотными пальцами, удерживая

его, не желая даже на миг расстаться с ним. От чрезмерных усилий он устаёт и засыпает, но продолжает насыщаться животворной влагой. Когда-то появившись в материнском лоне от слияния родительских соков маленькой частичкой таинственной природы, он долго созрел в нём, обретая форму телесного существа, в уготованный срок покинул его, а теперь, с каждым глотком материнского молока впитывая родительскую суть, превращался в истинное человеческое дитя. Он ещё не знает, что уже прожил одну жизнь и вошёл в другую, но со временем поймёт, что ему никогда не суждено вернуться в ту, прошедшую в утробе матери, а однажды догадается и о том, что жизнь — это бесконечная череда перерождений, а смерть всего лишь рубеж между её новыми этапами, напроочь отсекающий память, и наконец осознает, что всегда и у каждого есть ощущение пережитого, но никогда и ни у кого нет чувства пересмертного. С этими ощущениями и чувствами он будет идти по жизни вместе с другими людьми, потому что они все подобны друг другу в одном, в самом главном: они — вечно идущие...

Часть первая

II ВЕК ДО Н. Э.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Г Л А В А   П Е Р В А Я

— Не отставай! Скорее! Говорил же, не нужно было идти сюда! Привязался ко мне! Большая волна!.. Давай посмотрим!.. Будто я не видел таких! — задыхаясь от быстрых шагов, раздражённо говорил юноша лет пятнадцати, то утирая пот с лица, то порывистыми движениями раздвигая густые, высоченные, доверху покрытые листьями стебли тростника, отчего на их макушках сильно тряслись крупные, развесистые, густые метёлки.

За ним, далеко отстав, молча шагал мальчик лет шести, с трудом державшийся на ногах. Вскоре юноша вырвался из зарослей и, сделав пару шагов, остановился. Тяжело переводя дыхание, склонился и уперся руками в колени, встревоженно поглядывая то в сторону огней недалёкого аула, то на тростник, плотной стеной темневший за спиной.

Сгущались сумерки. Порывами налетал сильный северо-восточный ветер, низко пригибая густой тростник, от чего по всей округе стоял невообразимый гул, временами дробившийся на оглушительный треск и хруст ломающихся стеблей. Юноша выпрямился, повернулся к зарослям и стал напряжённо всматриваться, нервно убирая с лица мокрые пряди рыжих волос.

«Да где же он?.. Навязался на мою голову... Я тоже хорош... Не нужно было поддаваться на его уговоры! Да где же он застрял?!» Не дождавшись появления маленького спутника, он еще раз оглянулся на аул, прикусил губу и, мотнув головой, решительно шагнул в гущу тростника, а войдя, сразу же ощутил под ногами хлюпающую влагу.

«Не может быть! Вода никогда не доходила даже на сто шагов до этих мест. Как же так? Почему в этот раз такая волна?.. Да где же он?! Нужно быстрее найти его», — с нарастающей тревогой думал юноша, торопливо углубляясь в заросли.

— Эй, ты где? Я здесь! Я иду к тебе! Слышишь? Я иду за тобой! Э-э-эй!

Юноша останавливался, прикладывал ладони к ушам, вслушивался, вертя головой, затем соединял ладони рупором и что есть силы кричал, после чего вновь продвигался вперёд. Вода быстро прибывала и уже доходила ему до колен. Он с ужасом смотрел под ноги, но ничего не видел из-за опустившейся темноты, здесь, в тростниковых зарослях, ставшей совершенно непроглядной.

— Он не услышит меня... Даже я сам не слышу своего голоса!.. Ну надо же такому случиться! Ведь никогда такого не было... Сколько воды!.. Я найду его... Я должен его найти! — зло бормотал юноша, пробираясь сквозь заросли. — И где эта кабанья тропа?.. Если я сбился с неё, то это всё... Нет, только не это!.. Я смогу выйти!

Юноша яростно продирался сквозь густые стебли с длинными, узкими, заострёнными, жёсткими листьями, хлеставшими его по лицу. Он уже даже не прикрывался руками. В какой-то миг ему слышалось что-то — какой-то посторонний звук. Он тут же замер, вновь приложив ладони к ушам и завертев головой.

— Это он! Это точно он! Он подаёт голос! Больше никому... Он где-то рядом! — стараясь успокоиться и как можно реже дыша, шептал юноша.

Когда вновь донёсся тот же звук, он бросился в его сторону. Вода всё прибывала и уже доходила до пояса.

— Эй! Я здесь! Эй! Помоги!

Теперь приглушённый слабый голосок отчётливо был слышен прямо перед ним. Юноша на мгновение замер, вытянул вперёд обе руки, резким движением раздвинул стебли и стал медленно продвигаться вперёд, пристально всматриваясь в темноту, но, как ни старался, различить ничего не мог.

— Где ты? Я ничего не вижу! — крикнул юноша. — Поддай голос!

— Помоги! — очень тихо и совсем близко ответил мальчик.

Юноша водил вытянутыми руками вокруг себя по поверхности воды. Вдруг коснулся чего-то и тут же понял, что это лицо мальчика. Малыш запрокинул голову так, что только лицо едва выглядывало из воды. Юноша начал вытаскивать мальчика на поверхность, но тот цепко держался руками за стебель тростника.

— Всё, всё. Я здесь. Отпусти стебель. Не бойся. Это я, — говорил юноша, пытаясь оторвать младшего от спасительного стебля.

Мальчик разжал пальцы и сразу же вцепился в одежду спасителя, судорожно вскарабкиваясь на него.

— Всё, всё. Не бойся... — прижимая хрупкое тельце к себе, успокаивал юноша. — Перебирайся мне на спину. Надо уходить отсюда скорее.

— Брат... Ты вернулся... Ты... — обхватив его сзади за шею, обессиленно шептал мальчик. — Ты нашёл меня...

— Это я, я. А ты как думал? Я не брошу тебя нигде. Молчи. Держись крепче... — пробираясь обратно, говорил в ответ юноша.

Вода поднялась до груди. Он едва шагал, раздвигая стебли перед собой. Но как ни старался, как ни спешил, а уровень воды не снижался.

«Я иду не к берегу... Я не знаю, где он... Вода не снижается... Я потерял тропу... Ноги вязнут... Только бы выбраться отсюда...» — почти в полном изнеможении думал юноша, продолжая пробираться в воде сквозь заросли, но очень медленно.

Тем временем вода достигла его подбородка. Он не останавливался, зная, что после не сможет сделать и шага по топкому дну. Изредка подкидывал мальчика на спине, дабы тот не сполз и не начал захлёбываться...

Вода всё не убывала, приходилось задирать голову, чтобы не наглоутаться. Окончательно выбившись из сил, юноша остановился и схватился за ствол тростника, пытаясь хоть немного подтянуться вверх. Затем напрягся и с огромным усилием подкинул повыше мальчика на спине, но тут же почувствовал, как ноги уходят в вязкое дно.

— Держись за стебель! — запрокинув голову, закричал юноша, захлёбываясь водой.

Мальчик подался вперёд, нависнув над лицом старшего брата, и вцепился обеими руками в тот же стебель, за который держался юноша.

— Поднимайся выше!.. — выплёвывая воду, кричал юноша. — На плечи мне вставай!.. На плечи!..

Мальчик вскарабкался на плечи. Юноша уже не мог говорить, погружаясь всё глубже. Он судорожно цеплялся за стебель, чтобы иметь возможность приподняться над водой и сделать хоть один вдох. Вдруг тонкий полый стебель тростника треснул над головой, и малыш тут же упал в воду. Юноша отпустил стебель, глубоко вдохнул, нырнул и стал шарить по сторонам, пытаясь поймать мальчика. Нащупав, схватил за ноги и вытолкнул наверх, сам по-

гружаясь всё глубже в вязкое, топкое дно. Он не мог знать, сумел ли брат ухватиться за другой стебель, и продолжал водить руками вокруг себя... Вдруг он коснулся чего-то твёрдого, похожего по форме на лист, но острого по краям, величиной в несколько его ладоней. Тут же вцепившись руками, он почувствовал, как это что-то потянуло вверх.

Юноша уже задышался и, вынырнув наконец, жадно глотнул воздух, затем стал вертеть головой по сторонам, пытаясь увидеть мальчика, но вода застилала ему глаза. Он хотел крикнуть, но не смог и сильно закашлялся. В этот миг кто-то крепко схватил его за ворот одежды и выдернул наверх. Юноша вытер глаза. Едва успев различить смутный силуэт, он тут же услышал голос отца.

— Вылазь уже отсюда. Потом выпорю, — прогрехотал тот.

— А где... — едва дыша, хотел было спросить юноша.

— Жив. Иди за мной. Можешь? — вновь прогрехотал отец.

— Да... — прохрипел юноша, только теперь заметив, что вода заметно убыла и была ему лишь по грудь.

Отец с копьём направился сквозь заросли. Юноша последовал за ним. Впереди отца шли два воина. Один держал два копия. У второго на руках лежал мальчик. Он уже спал.

* * *

В самом конце длинного обоза два огромных вола медленно тянули кибитку, освещенную дрожащим на ветру факелом и поскрипывающую большими деревянными колёсами. За кибиткой на привязи шёл осёдланный скакун. Юноша сидел в кибитке возле старого возничего, чьи рыжевато-седые космы волос были стянуты вокруг головы тонкой верёвочкой, и смотрел в ночное звёздное небо. Обе его ладони были перевязаны кусками ткани, сквозь которые проступила кровь, уже подсохшая небольшими пятнами.

— Что это у тебя с руками? — тихим скрипучим голосом спросил возничий, взглянув на юношу.

— За наконечник копья схватился, — вздохнув, ответил юноша.

— Зачем? — удивлённо вскинул густую белёсую бровь старик.

— Так получилось, — пожав плечами, нехотя ответил юноша.

— М-да... Не маленький вроде уже. А я-то думаю, чего это ты не верхом едешь. Вон меньшие все верхом как положено, а ты, значит, покалечился. М-да, дела... — возничий ухмыльнулся.

Мальчик опять вздохнул и отвернулся.

— Отец, что, не выпорол тебя за это? — спросил старик, заглянув на спину юноши.

— Нет ещё. Обещал, — буркнул юноша.

— М-да, обещал, значит. Это дело нужное. А-то как же... Вот руки заживут — и получишь своё, — довольно произнёс старик.

Юноша посмотрел на него и вновь отвернулся.

— Чего надулся? Обидно, да? Ты не гневайся на него. Вот будут у тебя свои озорники, тоже будешь пороть их, ну конечно же, за дело. Я помню, как мне доставалось в твои годы от отца. Эх, как я злился! А ведь напрасно. Нужное это дело. Ох, нужное. Многое после этого запоминается. Не повторишь непотребного потом. М-да, на всю жизнь это.

Старик замолчал, переложив в одну руку тяжёлые длинные поводья, взялся узловатыми пальцами другой руки за заплетённую рыжую бородку, погладил её и слегка ткнул тощим локтем в бок юноши. Тот повернул голову и удивлённо посмотрел. Старик вновь ухмыльнулся.

Ветер заметно ослабевал. Факельный огонь уже не бесновался, как прежде, и стал немного ярче.

— Такой сильный ветер, что прошёл, бывает редко, — мельком взглянув на факел, произнёс старик. — Что-то на этот раз он был уж очень силен. Поговаривают, что на озере он поднял небывало огромную волну. Я сам не видел, в дорогу собирался. Едва с волами справился, пока запрягал их. Молодые, норовистые.

Юноша слушал старика и смотрел вперёд на вереницу обозных огоньков, что тянулись перед ними, исчезая в темноте.

— В эту пору нас, несмышлёнышей, отцы всегда загоняли в юрты, чтобы мы на озеро не бегали. Держали строго у очагов. Опасно это было. А нам очень хотелось увидеть большую волну, мы ж не понимали, что могли погибнуть среди тростника. Там же топь. Вязко. Не каждый взрослый, коль собьётся с кабаньей тропы, выберется оттуда. За всю свою долгую жизнь я лишь разок видел её. Страшно было, хотя я уже был постарше тебя... Да, ничего подобного той волне не видывал. Жуть. Она поднималась ниоткуда и шла по всему озеру. Словно что-то живое, очень могучее просыпалось в зарослях на дальнем, северном, берегу и двигалось через всю воду. Лобнор-то наш хоть и огромное озеро, но мелкое. Я не

один был, это-то и спасло всех нас. Больше мы туда не ходили при такой волне. Старшие поговаривали, что были и те, кто не вернулся оттуда. Волна забрала... Вода в озере очень быстро поднималась. Видать, не все успевали выбраться из зарослей...

Старик замолчал и несколько раз слегка дёрнул поводья. Юноша бросил взгляд на спутника и быстро перевёл его на мелькающие впереди огоньки.

— Сильный ветер, как сегодня, поднимает её и гонит по всему озеру. Нам старшие говорили об этом, чтобы мы не боялись, но мы не слушали их по малолетству. Позже, когда выросли, понимали, и страх проходил, но увидеть её ещё раз почему-то не хотелось... Вода в озере не пригодна для питья. Да ты и сам знаешь это. Она солёная. Поэтому все наши аулы находились там, где река Даян впадает в озеро. Вот речная вода годится для питья. Это она уже потом смешивается с озёрной и становится плохой... Да, богатое наше озеро... И кабан, и рыба, и птица, и другая живность — чего только здесь не водится!

Голос у возникшего вдруг дрогнул, он замолчал, низко склонил голову и, не выпуская из рук поводьев, рукавом вытер глаза. Юноша посмотрел на него и тут же отвёл взгляд. Старик поднял голову и часто заморгал, словно что-то попало ему в глаза.

Долго он молчал, прежде чем заговорить.

— Жаль покидать такие благодатные места, — продолжил затем с грустью в голосе. — Вот когда к твоим летам прибавится столько же, сколько тебе теперь, и вдруг доведётся попасть в эти края, то можешь здесь и не найти наш Лобнор. А всё потому, что озеро иногда уходит от тех мест, где было.

Мальчик удивлённо уставился на старика, ответившего многозначительным взглядом.

— Да, да, такое случается с ним иногда. Можешь не верить мне, но это правда. Без потоков реки Даян Лобнор давно бы превратился в болото, а потом бы вообще высох. Только эта река питает своими водами наше озеро. А сама река изредка меняет своё русло, и тогда Лобнор как бы следует за ней. Вот так-то. Помни об этом.

Старик замолчал, подался вперёд и осмотрел волов, наклоняя голову то вправо, то влево. Выпрямившись, взглянул на юношу.

— Что, удивлён? Молод ты ещё, оттого многого пока не знаешь. Ты спрашивай, если что узнать хочешь. Путь далёкий. Спешить некуда. В разговорах и дорога короче будет, — спокойно произнёс он.

— А мы всегда здесь жили? Ну, возле Лобнора? — спросил юноша.

— Нет, не всегда. Когда-то жили здесь, затем ушли на северо-восток, в пустынные земли, но позже вернулись. Так получилось. Здесь на нас часто нападали юэчжи, потому мы и вынуждены были уйти. Но в новых местах не было покоя от хуннов. Частые сражения изматывали. Мы несли большие потери. Они угоняли много нашего скота. И однажды нам пришлось подчиниться им... Хунны перестали нападать, но мы утратили свою вольную жизнь и стали во всём зависеть от них. Как жить, где пасти скот, сколько иметь воинов, с кем сражаться на их стороне и даже как нарекать новорождённых — всё зависело от них. Наш великий правитель — гуньмо Янгуй сумел получить от хуннского правителя, шаньюя, разрешение вернуться сюда. Тяжёлая была жизнь тогда. Очень тяжёлая... Вот и теперь не от хорошей жизни мы уходим. Одному Небу известно, как хунны воспримут это. Гуньмо принял такое решение после долгих и тяжёлых раздумий... Надеюсь, ему был подан знак от Великого Неба... Твой отец, Наби-ван, и все остальные наши знатные люди, ваны, дружно поддерживали его. Вот мы тайком и двинулись в путь, пока хуннский шаньюй занят делами на северных границах, — тяжело вздохнув, ответил старик.

— А куда мы идём?

— Никто не знает этого. Одно известно: мы идём туда, куда следует великое светило.

Они оба замолчали.

— Я видел большую волну, — вдруг тихо признался молодой спутник.

Старик пристально посмотрел ему в лицо, затем перевёл взгляд на перебинтованные руки.

— Листвой тростника порезался? — спросил с пониманием.

— Нет... Я был с моим младшим братом Илими на озере... Я обманул его, сказав, что и раньше видел её не раз... Он поверил мне и поэтому не боялся... Отец как-то узнал об этом и пришёл на помощь... Я сбился с тропы, увяз и стал тонуть... Это отец протянул мне своё копьё, — с досадой в голосе ответил юноша.

— Что с братом твоим? — спросил старик.

— Он жив... Я как мог выталкивал его из воды... Потом сам ушёл под воду... Если бы не отец... — почти прошептал юноша и опустил голову.

— Поэтому ты едешь со мной? Отец не хочет видеть тебя? — догадался возничий.

Юноша удручённо кивнул.

Г Л А В А   В Т О Р А Я

Племена рыжеволосых, белокожих, синеглазых усуней во главе с великим правителем — гуньмо с наступлением первых летних дней совершили жертвоприношения, заколов множество скота, и, выслав вперёд дозорные отряды, продвигались на запад, оставляя по правую руку пески огромной пустыни Пиньинь, а по левую — хребты Кунь-Луня. За передовыми сотнями шли под предводительством гуньмо Янгуя и знатных ванов конные тысячи воинов, ведомые своими военачальниками. Каждый из воинов вёл на привязи двух скакунов, на одном из которых были вооружение и поклажа, а второй, боевой, шёл под седлом. За ними тянулась вереница обозов, гружённых семьями, юртами и скарбом. Вслед им величаво вышагивали двугорбые верблюды с большим количеством бурдюков с водой. Затем тянулись многочисленные стада скота: лошадей, волов, коров, коз, овец и ослов. Замыкали шествие тыловые сотни воинов.

Усуни покидали навсегда свои исконные земли вокруг озера Лобнор, что лежало на самой восточной оконечности Пиньиня. Они уходили, так как невозможно было и далее пребывать в зависимости от воинственных хуннов, много лет назад одержавших над ними победу и присоединивших к своей державе.

* * *

— Что там, впереди, ждёт нас, никому не ведомо. В том, что хунны сильны и попытаются вернуть нас, сомнений нет. Одолеть отступающего врага легче, нежели наступающего, каким бы он ни был. Это понятно и нам, и хуннам. Я о другом теперь думаю. Следуя по-прежнему по южной стороне пустыни, мы имеем больше возможностей уйти как можно дальше и оторваться от преследования хуннов, которые скоро узнают о нашем своеволии. А вот что будет потом, где мы окажемся и как нам быть, я не знаю. Об этом все мои думы... Обратного пути нет. Значит, придётся искать новые

земли. Нам нужны хорошие, обширные пастбища — скота у нас много. Есть ли впереди такие земли? Если даже есть, то наверняка они в чьём-то владении, а это означает, что придётся воевать ещё с кем-то, но уже за земли. Хватит ли у нас сил на такое? Здесь хоть и были мы под властью хуннского шаньюя, но всё же на родной земле, — густым грудным голосом рассуждал вслух статный, крепкий усунь средних лет. На вершушку его островерхого шлема сзади была прикреплена коса, туго сплетённая из белого конского волоса. Он спокойно вёл своего белого жеребца, оглядывая пред-рассветные окрестности.

Рядом на чёрном скакуне ехал очень сурового вида могучий усунь, немного старше по возрасту, с багровым шрамом, пересекавшим всю левую половину лица. С вершушки его шлема свисала коса из чёрного конского волоса.

Светало.

— Правитель, не терзай себя думами. Только Великому Небу известно, что будет с нашим народом. Ты прав, обратного пути уже нет. Но верю, что мы сумеем оторваться от хуннов, если они станут нас преследовать. И не может случиться так, что нам потом некуда будет идти и негде осесть. Мы найдём нужные земли, и они примут нас, чего бы это ни стоило. Могущественные хунны не смогли нас уничтожить и были вынуждены считаться с нами. Да, мы бежим от влияния великого шаньюя и находимся всем народом в пути. Но мы свободны, и отныне только нам решать, как быть дальше. От того, что ждёт впереди, не уйти. Такова воля Небес. Испытания нас ждут суровые и, скорее всего, кровавые, но мы идём на это все вместе. Все наши ваны поддержали тебя в этом нелёгком решении. К тому же мы и семьи не оставили на волю хуннов... Они стали очень сильны, и, сдаётся мне, мы ушли вовремя. Иначе трудно даже предположить, как бы дальше обошёлся с нами шаньюй. Непокорных он не терпит долго, — произнёс Наби-ван.

— Очень надеюсь на то, что так и будет, Наби-ван. Если шаньюй хуннов Модэ всё-таки даст нам спокойно уйти, то со временем, думаю, мы установим с ним мирные отношения и, кто знает, может, даже вступим в союз, но уже на равных правах. Надеюсь, он не забыл, какую помощь мы оказывали ему все эти долгие годы. Многими своими победами он обязан и нам. Хотя, надо признать, в последнее время он был не так справедлив к нам, как прежде. Ничего

с этим не поделаешь теперь. Ты прав, на всё воля Небес, — ответил гуньмо Янгуй.

Гуньмо Янгуй и Наби-ван замолчали и какое-то время вели скакунов, каждый думая о своём.

— Правитель, прибыли люди от наших лазутчиков в землях хуннов, — прервал молчание Наби-ван.

— Что там творится? — гуньмо Янгуй напряжённо посмотрел на него.

— Дела у шаньюя Модэ с ханьцами обострились. Один из его пограничных чжуки-ванов самовольно напал на Ордос. Император Вэнь-ди направил к тем рубежам боевые колесницы и большую конницу, почти девять десятитысячных отрядов, дабы наказать этого вана. Но хунны по велению шаньюя отступили. Император намеревался дать ему сражение, но перенести военные действия из своих земель в хуннскую степь, однако внезапно отказался от такого решения, так как в это время в его приграничных землях поднял восстание военачальник по имени Син Гюй. Шаньюй Модэ направил к императору послов с извинениями за действия своего чжуки-вана, тут же сосланного на западные границы, чтобы искупил вину кровью, — доложил Наби-ван.

— Как поступил император Вэнь-ди? — спросил гуньмо Янгуй.

— Он принял извинения шаньюя Модэ, — уверенно ответил Наби-ван.

— Жаль. Очень жаль, что он простил шаньюя. Для нас было бы гораздо удобнее, если бы между ними началась война, — проронил гуньмо Янгуй, недовольный ответом Наби-вана.

Они вновь замолчали и какое-то время ехали в раздумьях.

— Со слов Бэйтими-вана, на многие тысячи ли тянется эта пустыня с востока на запад. Это большой и долгий путь. Может быть, успеем пройти его за тридцать или сорок дней, если в день будем проходить по сто пятьдесят или сто шестьдесят ли, пока не настала самая жаркая пора. Реки иссякнут, и травы усохнут. Вот где беда кроется... — прервал размышления гуньмо Янгуй. — К тому же где-то там, в тех краях, обитают племена юэчжей. Вот их-то я не хотел бы повстречать на нашем пути. Слишком хорошо мы знаем друг друга, а это в теперешнем положении совсем не в нашу пользу.

— Да, правитель, долго нам пришлось соседствовать с ними. Хунны вытеснили их на запад, но не уничтожили, и они с тех пор

наверняка усилились... Дозорные ушли довольно далеко вперёд, и пока нет от них гонца. От лазутчиков в той стороне тоже никто ещё не прибыл, — оглядывая светлеющий небосвод, произнёс ван.

— Рано ещё. Мало мы прошли. Главное, чтобы в нашем тылу никто не появился. Ты, Наби... — гуньмо Янгуй начал было говорить, на миг задумчиво замолчал и тут же продолжил: — Усиль несколькими сотнями замыкающие отряды. Мало ли что. За ночь мы прошли всего сотни полторы ли, но с рассветом придётся встать на короткий отдых. Если бы не обозы и скот, ушли бы дальше, но это невозможно. Придётся продвигаться вот так... — Гуньмо Янгуй посмотрел в лицо вана, что-то обдумывая. — И вот что ещё, Наби-бек, отныне весь наш народ пусть обращается и к своему правителю, и к племенной и родовой знати в соответствии с усуньскими титулами. Не гуньмо, а куньбек, не ваны, а беки. Хватит нам носить титулы от хуннов...

— Повинуюсь, правитель... — Наби-бек на мгновение приподнял в удивлении брови, но сразу же понятливо кивнул. — Повинуюсь, куньбек Янгуй! Я лично осмотрю наши тылы.

Наби-бек слегка склонил голову, приложив правую ладонь к груди, затем развернул скакуна и повёл его обратно. Поравнявшись с передними сотнями, но не останавливаясь возле них, Наби-бек поднял руку и три раза описал круг над головой. Тут же, не нарушая своих рядов, три сотни конных воинов, каждая во главе со своим сотником, стали разворачиваться и, набирая ход, последовали за ним, поднимая клубы пыли.

* * *

Передовой дозорный отряд усуней в сотню воинов быстро продвигался на запад. Местность была пустынной. В небольшом отдалении справа от них лежали нескончаемые песчаные барханы. Далеко слева тянулись бесконечные горные хребты. Десятники и воины внимательно осматривали окрестности, объезжая и оглядывая каждый холмик и каждую ложбинку. Сотник то следил за действиями воинов, то всматривался вдаль перед собой. Увидев приближающихся спереди троих воинов, он остановил коня. Вскоре и те осадили разгорячённых пыльных жеребцов перед ним.

— Говори, — сотник посмотрел на старшего по возрасту.

— Там, впереди, на расстоянии сотни ли отсюда, — воин обернулся и указал рукой вдаль, — дорогу пересекает небольшое высохшее русло реки. Никаких следов нет. Это всё.

— Продолжайте наблюдение, — велел сотник, выслушав.

Воины почтительно склонили головы, приложив правую руку к груди, умчались обратно.

«Хоть и нет пока воды впереди, но уж лучше пусть будет так, нежели обнаружатся чьи-то дозоры», — подумал сотник и тронулся вперёд.

* * *

Небо стало совершенно белёсым и предвещало скорое появление светила.

Юноша увидел впереди несущуюся в их сторону конницу. Вскоре всадники, поднимая пыль, промчались мимо кибитки и удалились по направлению хвоста колонны, где за обозом шёл скот. Слегка осела пыль, и юноша разглядел одинокого всадника, спокойно приближающегося к ним. Старик возничий прищурился, всматриваясь.

— О, это же твой отец, сам Наби-ван! — узнал старик и, крепче сжав в руках поводья, решительно потянул их на себя, откидываясь назад.

Волы немного прошли и встали. Возничий отпустил поводья и сошёл на землю, склонив голову и приложив руку к груди. Юноша тоже спрыгнул и склонился в почтительном приветствии. Когда Наби-бек остановил коня рядом с ними, молодой человек поднял голову и виновато взглянул отцу в лицо. Взгляд Наби-бека был строг, и сын вновь опустил голову. Наби-бек тронул скакуна и повёл его дальше, туда, куда умчались три сотни воинов. Юноша и старик молча смотрели ему вслед.

* * *

Тридцать сотен воинов усуней следовали позади огромного множества скота. Над землёй висела пыль, поднятая тысячами копыт, и воины держались на отдалении, дабы не дышать ею. Увидев приближающиеся отряды, старшие военачальники — трое тысячников, к верхушкам чьих шлемов сзади были прикреплены волчьи хвосты, отличавшие их от всех остальных, — остановили продвижение войск, подав каждый своей тысяче сигнал поднятой

правой рукой. Три сотни, посланные Наби-беком, промчались в тыл и выстроились там. По чёрной косе на шлеме следовавшего за ними всадника тысячники издали поняли, что едет высокий сановник, а когда он приблизился, ведя скакуна лёгкой рысцей, узнали самого Наби-бека. Тысячники быстро вышли навстречу ему и замерли в приветствии, склонив головы и приложив правые ладони к груди.

Наби-бек взглянул вдаль — туда, откуда усунь держали путь, затем перевёл взгляд на застывшие ряды. Все воины, как и он сам, были облачены в тонкие кожаные одежды, поверх которых были надеты толстые доспехи из кожи, стянутые широкими кожаными поясами с железными и костяными бляхами. Предплечья и голени у всех были прикрыты бронзовыми наручьями и поножами на тонкой войлочной подкладке. Головы защищали остроконечные кожаные шлемы с множеством железных и костяных блях. У сотников с верхушек шлемов сзади свисали лисьи хвосты, а у десятников — по три длинные кожаные полосы. У всех за спинами — длинные пластинчатые луки в налучьях и туго набитые стрелами колчаны, верх которых крепился ремнём через плечо, а низ затыкался за пояс. Круглые деревянные щиты, обшитые снаружи толстой воловьей кожей, крепились с боков к сёдлам. У каждого из воинов были копье с треугольным железным наконечником и железный меч с изогнутым клинком.

Наби-бек взглянул на тысячников.

— Как тут у вас? — спросил он.

— Пока всё спокойно, властитель. Преследователей не обнаружили. Наши дозорные отряды довольно далеко отстали по дороге. Они ведут наблюдение, — ответил старший по возрасту тысячник.

— Слушайте веление куньбека Янгюя, — начал Наби-бек и, заметив на их лицах удивление, спокойно продолжил: — Да, вы не ошибались, веление куньбека. Отныне титулы гуньмо и ван заменяются на титулы куньбек и бек. Передайте это своим воинам.

— Повинуемся, властитель, — военачальники вновь склонили головы, приложив правые ладони к груди.

Наби-бек тоже слегка склонил голову. Военачальники переглянулись. Было заметно, что веление правителя пришлось им по душе.

— Оставайтесь здесь.

Сам Наби-бек направился к задним рядам войск.

— Повинуемся, властитель, — ответили тысячники.

Наби-бек ускорил ход коня и вскоре поравнялся с последними сотнями. Подняв руку, он описал круг над головой и перевёл коня на галоп. Три прибывшие сотни последовали за ним. Спешно пройдя почти пятнадцать ли, Наби-бек увидел вдали одинокого всадника, медленно продвигавшегося в их сторону. Было видно, что всадник то выпрямлялся в седле, то припадал к конской гриве. Наби-бек указал на него рукой, и тут же по приказу сотника один из десятников со своими людьми, нахлёстывая плетью скакунов, помчался к нему навстречу.

Наби-бек, сильно замедлившись, стал напряжённо всматриваться в дальние окрестности. Когда он поднял правую руку до уровня плеча и сжал кулак, к нему тут же примчались три сотника. Наби-бек остановился.

— Здесь что-то не так, — тихо произнёс он и уже громче приказал: — Слушайте моё веление! Одна сотня уходит на восток на пять ли, вон за те холмы, и затем следует в том же направлении, что и я. — Наби-бек указал направление по правую руку от себя. — Вторая сотня уходит на такое же расстояние на запад, в сторону той лошины, и тоже продолжает движение. — Он указал влево от себя. — Последняя сотня идёт за мной. Вперёд!

Две сотни устремились в разные стороны. Наби-бек повёл свою сотню вслед десятнику и его людям, которые уже приближались к одинокому всаднику. Вскоре все воины Наби-бека тремя отрядами продвигались на север на отдалении двух с половиной тысяч шагов друг от друга.

* * *

Юноша лежал внутри кибитки на мешках с разными вещами и смотрел в кожаный навес. Возничий оставался на своём месте и изредка что-то тихо бурчал себе под нос. Волы медленно тянули повозку размеренным шагом, от чего скрип колёс был монотонным и ровным. Юноша выбрался из-под навеса и сел возле старика.

— Не спится? — ухмыльнулся старик, чьи глаза покраснели от пыли и солнца.

Юноша подался в сторону, высунул голову за плетённый из прутьев борт кибитки и стал смотреть назад, но ничего, кроме пыли, вдали не увидел.

— Что ты там хочешь увидеть? — заметив его беспокойство, спросил старик.

— Куда уехал отец? Почему его долго нет? — скорее спрашивая вслух себя, нежели старика, произнёс юноша.

— Ну мало ли дел у самого Наби-вана? — пока не зная об изменениях в титулах, пожал плечами старик. — У него забот много. А в дороге становится ещё больше.

Младший из спутников вновь высунул голову и посмотрел назад — и вновь ничего, кроме пыли, поднятой тысячными стадами, не увидел.

— Ты так не успокоишься, — понимающе посмотрел на него старик.

— А что делать? — глядя ему в глаза, растерянно спросил юноша.

Старик как-то нарочито закатил глаза и пожал плечами, словно говоря: «Я-то знаю, что делать, но не скажу. Думай сам».

Юноша на мгновение задумался, затем быстро полез внутрь кибитки, достал оттуда лук в налучье и колчан со стрелами, спрыгнул на землю и закинул их за спину. Подбежал к своему скакуну и, отвязав его от кибитки, запрыгнул в седло, на ходу выхватил из-за голенища сапога плётку и, нахлестывая коня, погнал его туда, куда ушёл отец, Наби-бек. Старик высунул голову, посмотрел ему вслед и довольно кивнул.

* * *

Десятник, посланный Наби-беком навстречу одинокому всаднику, спешил и подбежал к остановившемуся коню, на котором, припав к гриве, лежал воин. Его колчан был пуст, а из спины торчала стрела. К десятнику поспешили двое из воинов. Втроём они осторожно сняли раненого на землю и уложили на бок. Десятник присел возле его головы. Воин едва дышал. У него изо рта толчками выходила пенящаяся светлая кровь.

— Кто? — низко склонившись над его лицом, спросил десятник. — Кто это сделал? Где остальные наши воины?

Воин едва приоткрыл глаза и зашевелил губами. Десятник припал ухом к его рту.

— Хунны, — прошептал воин, слегка дёрнулся всем телом и тут же обмяк, закрыв глаза.

— Передай властителю! Быстро! — десятник взглянул на одного из воинов. Тот запрыгнул на скакуна и с места вскачь погнал его обратно.

Наби-бек гнал во весь опор. Сотник старался оставаться возле него, дабы услышать команды. Вся сотня, раздвинувшись по флангам, мчалась за ними. Наби-бек увидел гонца от десятника и повёл скакуна на него. Вскоре они сблизились. Наби-бек не стал сдерживать коня. Гонец на полном скаку описал небольшой круг и поравнялся с ним.

— Хунны? — повернув голову, громко спросил Наби-бек.

— Да, властитель! — кивнув, прокричал тот.

Наби-бек посмотрел вперёд и увидел, как из-за отдалённой небольшой возвышенности вылетела конная полусотня хуннов и стремительно охватила кольцом десятника и его воинов, кружась вокруг них и расстреливая из луков, но не приближаясь. Те ответили выстрелами из луков и сумели сразить несколько хуннских воинов. Покончив с маленьким отрядом, хунны вновь исчезли за возвышенностью. Наби-бек устремился за ними.

Взобравшись на вершину холма, он осадил коня. Внизу на расстоянии пяти полётов стрелы перед ним стояли хунны. Их было не меньше шести сотен. В отличие от воинов усуней они были облачены в войлочные доспехи и имели круглые шлемы.

— Я так и знал, что это западня! Они все на белых лошадях. Это сотни из их западных войск, — вертясь на скакуне, зло прошептал Наби-бек.

— Что будем делать, властитель? — не сводя глаз с врага, спросил сотник.

— Раненого дозорного воина они отпустили для приманки. И у них всё получилось, — вглядываясь то в одну сторону от себя, то в другую, уже громко произнёс Наби-бек. — Они заманили нас сюда. Их здесь может быть и больше.

— Властитель, они заметили нас! — тоже вертясь на своём коне в ожидании решения, воскликнул сотник. — До них меньше пяти тысяч шагов!

— Отправь гонца к тыловым тысячам. Сообщи обо всём. Атаковать не будем. Слишком много их. Они пойдут лавиной, но в ближний бой не вступят, — выхватив меч, произнёс Наби-бек. — Жди моего сигнала и сразу уводи свою полусотню на восток. Я с остальными поверну в другую сторону. Наши сотни присоединятся на правом и левом крыле. Нам нужно сдержать хуннов до прихода подмоги. Все за мной!

Он показал мечом в одну сторону, затем в другую, а потом указал на хуннов. Сотник повторил всё за ним. Сотня стала быстро раздвигаться по флангам, выстраиваясь в одну линию. Сотник подозвал ближнего к нему воина и что-то коротко сказал ему. Тот склонил голову, развернул коня и помчался по направлению к основным тыловым войскам.

Наби-бек вздыбил скакуна и направил его вниз по холму в сторону хуннов. Хунны тоже стали выстраиваться в одну линию и двинулись навстречу, на скаку снаряжая луки стрелами. Сотник взглянул на Наби-бека и кивнул, давая понять, что гонец отправлен. Расстояние между усунями и хуннами быстро сокращалось и уже составляло три полёта стрелы.

«Рано, — думал Наби-бек. — Рано».

Расстояние сократилось до двух полётов стрелы.

«Рано», — думал Наби-бек.

Расстояние уже сократилось почти до одного полёта стрелы.

— Пора, — шепнул он, поднял меч, указал им на запад и стал спешно поворачивать туда. Сотник увидел поданный сигнал, вскинул меч и указал на восток, быстро поворачивая в ту же сторону. Две полусотни усуней разлетелись в разные стороны, и тут же в землю, откуда они только что ушли, со свистом стали втыкаться пущенные хуннами сотни стрел.

* * *

Юноша промчался мимо тыловых сотен. Трое тысячников, увидев молодого всадника, настороженно всматривались в него.

— Кто это? — приставив ладонь ко лбу, спросил один из тысячников.

— Так это же старший сын Наби-бека Иджими! Куда это он так спешит? Что там случилось? Гонцов от дальнего дозора не было. Да и он не в боевом одеянии, — удивлённо произнёс старший тысячник и тут же решительно взглянул на стоявших рядом двоих военачальников. — Так, я беру пять сотен и иду за ним. Мало ли что могло случиться там. Не зря же он так торопится...

* * *

Хунны разделились надвое и преследовали уходившие от них оба отряда усуней, выпуская тьму стрел. Наби-бек, неся потери,

уводил остатки своей полусотни на запад, когда навстречу им вышла сотня, посланная раньше в эту сторону. Он повёл их всех за собой. Сотня, направленная прежде Наби-беком на восток, тоже уже встретила с полусотней, ведомой сотником. Усуни отстреливались и продолжали уходить в разные стороны.

Наби-бек влетел в неглубокую низину, оглянулся, описал полукруг и остановил разгорячённого скакуна, пропуская мимо себя своих воинов. Из полутора сотен всадников, что были с ним, в низину вошла только половина. Воины закружили, оглядываясь в сторону преследователей и держа натянутыми луки. Наби-бек тоже смотрел вверх, на склон, откуда спустился, ожидая появления хуннов, но их почему-то не было.

* * *

Сотник, направленный Наби-беком на восток, со всеми своими людьми, отстреливаясь и неся потери от стрел хуннов, уходил всё дальше, стараясь скрыться среди множества холмов. Из полутора сотен воинов в живых оставалось лишь четыре десятка, когда они влетели за большую возвышенность. Сотник оглянулся, но преследователей не увидел. Он тут же поднял руку и остановил скакуна, разворачиваясь к своим воинам. Те стянулись к нему и закружили, вглядываясь назад, но врага за их спинами уже не было.

* * *

Иджими увидел скачущего навстречу ему всадника. Вскоре они поравнялись и стали придерживать скакунов. Всадник весь, вместе с конём, был покрыт пылью и часто утирал пот с лица.

— Что случилось? — встревоженно спросил юноша.

— Хунны преследуют нас... Дозоров наших больше нет... Властитель Наби-бек и три сотни ведут неравный бой... Всё... Я спешу... Разворачивайся за мной, — с трудом переводя дыхание, ответил гонец и помчался дальше.

Иджими посмотрел ему вслед, но направил коня в другую сторону.

* * *

Наби-бек ничего не мог понять. Хунны не появлялись. Он со всеми людьми стоял в низине, оглядываясь по сторонам. Только теперь он к своему ужасу заметил, что низина имеет форму чаши

с очень крутыми, отвесными склонами и что спуск в неё только один, по которому они все сюда и угодили. Указав рукой на десятника, Наби-бек подозвал его и повелел спешиться, осторожно подняться по склону и осмотреться. Тот быстро сошёл с коня и, оставив лук и копьё, стал вскарабкиваться наверх. Добравшись до края, десятник замер и осторожно высунул голову. Едва он успел осмотреться, как стрела вонзилась в землю прямо перед его лицом. Он отшатнулся, кубарем полетел вниз, быстро вскочил на ноги и подбежал к Наби-беку.

— Они здесь? — спросил Наби-бек.

— Да, властитель. Они окружили низину, — переводя дыхание, тихо ответил десятник.

— Сколько их?

— Не могу точно сказать, властитель, но вокруг низины они стоят в один ряд на отдалении друг от друга шагов на десять. От низины они шагах в двадцати. Думаю, их сотня и ещё полусотня, — доложил десятник.

* * *

Сотник Наби-бека, ушедший на восток, долго стоял у подножия большой возвышенности с оставшимися людьми. Они озирались и прислушивались, но звуков, свидетельствующих о приближении всадников, не слышали и от этого пребывали в недоумении. Хунны, так яростно преследовавшие их, вдруг куда-то исчезли, оставив в покое. Сотник повёл скакуна вверх по склону, остановился и стал осматриваться. Нигде никого не было. Он поднялся ещё выше и вновь остановился. С этой стороны возвышенности были видны несколько ближних холмов, расположенных полукругом. Хуннов нигде не было. Сотник взобрался на самый верх. То, что он увидел на вершине, повергло его в ужас.

Прямо перед ним на почти ровной площадке на коленях стояли полтора десятка связанных верёвками раненых воинов усуней. За спиной каждого из них, поднеся спереди меч к его шее, стоял пеший хунн, готовый быстро перерезать врагу горло. Пленники, рты которых были заткнуты кляпами, безмолвно смотрели на внезапно появившегося сотника. Позади всех возвышался на коне могучий хунн. Два лисьих хвоста свисали по бокам шлема. Это был сотник. Он спокойно смотрел на сотника усуней, словно ждал его.

— Сдавайтесь. Ваш Наби-ван уже пленён. Мы узнали его, — подавшись вперёд и упершись локтем в луку седла, тихо, но уверенно произнёс сотник хунн и ухмыльнулся.

Сотник усунь растерянно смотрел то на сотника хунна, то на пленённых собратьев. Он не знал, что делать, как поступить. Молча он вглядывался в лицо каждому из своих беспомощных воинов. А они не сводили с него глаз и, встречаясь с его взглядом, мотали головами, пытаясь сказать, чтобы он не сдавался. В их глазах не было мольбы о спасении. Сотник всё понял, ещё раз окинул их взором, склонил перед ними голову, быстро выхватил меч, ударил им по крупе своего коня и погнал его сквозь стоящих перед ним людей прямо на сотника хунна. Тот не ожидал такого поведения и не успел выхватить свой меч. Сотник усунь налетел, одним ударом отсёк ему голову и поспешно развернулся, вздыбив скакуна. Он взглянул в сторону пленённых воинов и увидел, что они лежат на земле, а пешие хунны бегут к нему. Сотник ринулся им навстречу и стал яростно рубить. Не сумев быстро одолеть его, оставшиеся в живых хунны отступили и стали быстро спускаться в сторону своих войск.

Тяжело дыша, весь покрытый брызгами крови сотник подъехал к усуням. Все они были мертвы и лежали лицом вниз, а под их головами растекалась кровь. Сотник заметил, что один из них судорожно подёргивает ногами. Спрыгнув с коня, он подбежал к воину, присел и, осторожно взяв за плечи, повернул лицом к себе. Воин хрипел, а из небольшой раны на горле толчками вытекала кровь. Сотник смотрел в голубые глаза и видел, как в них потухает жизнь и они быстро мутнеют. Выхватив меч, он на мгновение замер, с жалостью мотнул головой и вонзил остриё в грудь умирающего. Воин дёрнулся всем телом и затих. Сотник встал и, не сводя взгляда с воина, тихо прошептал: «Прости...»

Вернувшись к своему скакуну, усуньский военачальник запрыгнул в седло и стал объезжать казнённых братьев. «Я отомщу за вас!» — гневно подумал он и стал быстро спускаться к ожидавшему его отряду. Оказавшись внизу, сотник проскочил сквозь ряды всадников и помчался в сторону, откуда они пришли. Все последовали за ним.

* * *

Наби-бек подозвал к себе четверых десятников. Других военачальников у него уже не было.

— Хунны загнали нас сюда, чтобы пленить. Иначе они уже сразили бы нас в этой ловушке. Мы не знаем, живы ли наши воины, что ушли на восток. Дошёл ли гонец до наших войск, тоже неведомо, так что следует надеяться только на себя. Хуннов наверху вдвое больше, чем нас, и они ждут, когда мы сдадимся в плен. Долго оставаться здесь мы не сможем, да и пользы от этого нет. Мы должны не только выбраться отсюда, но и навязать им бой, задержать как можно дольше и сразить их как можно больше. Потому слушайте моё веление. Вы двое, — Наби-бек показал рукой на двух десятников, — возьмите по десять воинов, спешьте и с двух сторон от спуска скрытно разместитесь на самом верху склонов. Лошадей держите наготове. Как только мы начнём подниматься наверх, сражайте из луков тех хуннов, что будут стоять ближе к нам. Когда мы все окажемся наверху, следуйте за нами. Вы двое, — Наби-бек кивнул в сторону двух других десятников, — поделитесь с ними стрелами. Они им будут нужнее. Главное, вам надлежит построить воинов попарно. При выходе из низины оба воина в каждой паре должны будут скрыться за своими лошадьми — оказаться между ними. Если кто-то не сможет удержаться, свесившись с коня, то пусть хватается за стремя и бежит рядом. Недолго придётся это делать. Пары должны держаться близко друг за другом и идти сплошным потоком. Выберемся отсюда и сразу атакуем врага, навяжем им ближний бой. Следите за моими сигналами. Всё это нужно сделать быстро и слаженно. Другого выхода у нас нет. Всё. Готовьте воинов.

— Повинуемся, властитель.

Десятники спешно направились к воинам.

* * *

Сотник, посланный Наби-беком на восток, обогнув большую возвышенность, увидел стоящих на его пути хуннов. Он знал, что они будут ждать здесь. Знал и то, что это его последнее сражение в жизни. Не замедляя бега скакуна, он направил отряд прямо на врагов, дабы не дать им возможности расстреливать его воинов из луков на расстоянии. Вскоре сорок воинов усуней во главе с сотником врезались в ряды втрое превосходящих воинов хуннов. Завязалась жестокая битва на мечах.

* * *

Наби-бек поднялся в седле, посмотрел на вытянувшиеся позади него пары воинов, взглянул на два десятка воинов, притаившихся наверху по бокам от спуска с луками наготове, затем перевёл взор на десятника, что был с ним в паре, поднял руку, взмахом указал на выход из низины и пустил коня с места вскачь. Десятник мчался рядом. Как только стали приближаться к верхнему краю, Наби-бек ухватился левой рукой за луку седла и сполз на правый бок жеребца, удерживая в правой руке уздечку. Десятник таким же образом сполз на левый бок своего коня. Они оказались между скакунами, почти касаясь друг друга.

Два десятка лучников тут же, поднявшись из укрытий, стали расстреливать хуннов, что находились ближе всех к Наби-беку и его отряду, не давая им возможности опомниться и вести прицельную стрельбу. Вскоре почти все воины Наби-бека были наверху. Кто-то остался лежать на земле, кто-то бежал со своим скакуном, схватившись за стремя, а кого-то бездыханного волочил его конь. Потери несли обе стороны. Лучники, остававшиеся в низине, быстро спустились к лошадям, вскочили в сёдла и помчались наверх, выскакивая на ровную поверхность и продолжая вести стрельбу из луков. Неся большие потери, уцелевшие хунны отступали, но на помощь им уже спешили остальные их воины, расположившиеся вокруг низины.

Наби-бек, сев ровно в седле, развернув своего чёрного скакуна и выхватив меч, во весь опор летел на хуннов. Все его люди, что были ещё живы, устремились следом. Отряды вступили в ожесточённую битву на мечах.

* * *

Иджими услышал звуки сражения. Он понял, что отец со своими людьми вступил в бой с хуннами, поскольку кроме хуннов здесь появиться было некому. Нахлёстывая плетью скакуна, юноша спешил как можно скорее оказаться возле отца. Вскоре он увидел и поле битвы на расстоянии не больше трёх полётов стрелы и, засунув плетё в голенище сапога, выхватил лук. Приподнявшись в седле, Иджими стал всматриваться, пытаясь понять, кто побеждает, но в кровавой круговерти, что творилась там, как ни старался, ничего не смог разобрать с этого расстояния.

Совсем приблизившись, он попытался найти среди сражающихся отца, вглядываясь в шлемы и очень желая увидеть чёрную косу из конского волоса. Теперь он уже понимал, что хуннов больше, но его собратья рубились отчаянно, не желая уступить. Иджими оставил коня, заложил стрелу в лук, стал выцеливать жертву и вдруг очень отчётливо увидел отца. Наби-бек сражался сразу с двумя хуннами, нападавшими с разных сторон: то пригибаясь от удара, то нанося удар мечом в ответ, то откидываясь на круп коня и вновь выпрямляясь и нанося удар. Иджими прицелился в одного из этих хуннов и выпустил стрелу. Сражённый в шею хунн упал с лошади. Отец тут же нанёс удар по плечу второго хуннского воина, тот выронил меч, схватился за рану и стал отводить коня в сторону. Иджими быстро заложил вторую стрелу, изготовился для стрельбы и следил за отцом, дабы сразить каждого из врагов, кто к нему приблизится. Отец вытер широкой ладонью пыль и пот с лица, приподнялся в седле, осмотрелся и сразу же устремился в самую гущу сражающихся. Иджими потерял его из вида, выстрелил в ближнего из хуннов, заложил следующую стрелу и направился в объезд, стараясь держаться ближе к тому месту, где бился Наби-бек. Он увидел отца и хунна, зашедшего ему за спину и готовившегося нанести удар сзади. Иджими прицелился и, когда враг занёс меч над головой Наби-бека, выпустил стрелу. Стрела вонзилась в спину хунна, отчего он сразу же подался вперёд и опустил вдруг ослабевшую руку с мечом, лишь коснувшись остриём спины отца. Отец быстро обернулся, одним коротким замахом отрубил хунну голову, увидел торчащую в спине стрелу и стал оглядываться, пытаясь понять, кто спас его, метко и своевременно сразив врага.

Иджими увидел, что отец повернулся в его сторону, и быстро вытянул вверх руку с луком. Наби-бек приподнялся в седле, заметил сына и тут же погнал скакуна к нему.

— Что ты здесь делаешь?! Как ты оказался в этом месте? — подлетев к сыну, прогрохотал Наби-бек.

— Отец, прости, но я больше не могу оставаться в этой скрипучей кибитке возле безумного старика, — склонив голову, ответил Иджими.

— А это ещё кто? — устало произнёс Наби-бек, вглядываясь в южную сторону.

Иджими оглянулся. Поднимая пыль до небес, к ним приближалась конница.

— Это наши войска! — радостно вскричал юноша.

— Долго же они шли... — недовольно произнёс Наби-бек.

Уловив отцовское настроение, Иджими перестал улыбаться, украдкой посмотрел на него, затем перевёл взгляд на свои ладони. На них не было повязок, и они сильно кровоточили.

— Поезжай навстречу. Будь у них в тылу. Здесь тебе нечего делать с такими руками. Всё. Убирайся, — развернувшись в сторону поля битвы, сурово повелел Наби-бек.

* * *

День перешёл далеко за свою половину и приближался к вечеру. Усуни по велению куньбека Янгуй с утра до полудня стояли на отдыхе, разбив лагерь, и теперь вновь продолжили движение. Куньбек Янгуй, как всегда, спокойно вёл своего белого жеребца. К нему приблизились три всадника средних лет, с макушки шлема каждого из которых свисала коса из красного конского волоса, что свидетельствовало об их высоком положении. Поравнявшись с куньбеком, они склонили в приветствии головы, приложив правую руку к груди. Куньбек Янгуй так же приветствовал их.

— Бэйtimi-бек, ты говорил, что когда-то бывал в тех краях, — куньбек Янгуй взглядом указал вперёд. — Скажи, скоро ли на нашем пути будет вода?

— Да, правитель, это было в далёкой моей юности. Насколько я помню, впереди было много мелких рек, что несли свои воды с хребтов Кунь-Луня в сторону пустыни. Есть ли они теперь, не знаю. Отсюда до большой реки Юйтянь почти четыре тысячи ли. Больше, к сожалению, я ничего не помню, — задумчиво ответил Бэйtimi-бек, широкоплечий мужчина с седой полосой в середине рыжей бороды.

— М-да, это очень далеко. Нам вода нужна на всём пути. наших запасов не хватит и на десять дней. Скота слишком много ведём с собой, — задумчиво рассуждал куньбек Янгуй.

— Правитель, позволь сказать, — обратился к куньбеку Янгую второй из всадников, большеголовый мужчина.

— Да, Юити-бек, слушаю тебя, — взглянув на него, кивнул куньбек Янгуй.

— Всех старых волов, коров и половину всего мелкого скота нужно заколоть, мясо закоптить и везти с собой на ослах. Думаю, пу-

стить на мясо следует в основном овец, а коз оставить. Они при отсутствии травы могут питаться и листвой, и корой. Воду сбережём. Этим может заняться часть воинов из тыловых тысяч. Всех зрелых ослов с погонщиками нужно будет оставить с ними, — предложил Юити-бек и посмотрел на куньбека Янгуй. — Они быстро справятся и нагонят нас.

— Ты прав, Юити-бек. Придётся так и поступить, — куньбек Янгуй кивнул и, окинув взором всех троих беков, продолжил: — Вы уже знаете, что Наби-бек разгромил шесть сотен хуннов, что были посланы за нами. Четыре сотни наших воинов погибли в бою с ними. Сам Наби-бек едва не угодил к ним в плен. Их шаньюй Модэ теперь уже явно оповещён о нашем уходе, несмотря на то что теперь он на своих южных рубежах и занят с Хань. Что-то там случилось у них. Кто-то из его ванов нарушил перемирие с ханьцами. Преследовать нас мог повелеть и сянь ван его западного крыла. Как они поступят дальше и что ещё задумали, мы пока не знаем. Одно понятно: мы должны уходить как можно быстрее. Долго преследовать нас хунны не будут. Они не смогут часто отправлять за нами войска без должного пропитания и необходимого количества воды. Обойти нас и встать на нашем пути у них нет возможности. Пустыня велика и неприступна... Если бы не Наби-бек, то мы бы понесли гораздо большие потери. Хунны могли бы скрытно подойти к спящему лагерю наших тыловых войск и внезапно напасть. Убрать дозорных возле лагеря не составило бы большого труда, ведь они сумели уничтожить весь наш дальний тыловой дозор, сотню воинов, оставив нас без глаз за спиной. — Куньбек Янгуй вновь задумался на некоторое время. — Наби-бек отдыхает. Он удвоил тыловые дозорные отряды и увеличил замыкающие войска до пятидесяти сотен.

Куньбек Янгуй замолчал. Трое беков задумчиво вели скакунов рядом с ним.

— Карами-бек, — куньбек Янгуй взглянул на третьего бека, краснолицего, добродушного на вид толстяка, кто пока не обмолвился ни единым словом, — твои сто сотен идут перед обозами, ближе всех к скоту. Выдели людей для резки овец. Пусть сделают всё как можно быстрее. Тыловые сотни остановятся и будут ждать, пока всё не закончится.

— Повинуюсь, правитель, — высоким голосом ответил тот с почтительным жестом.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

Прошло двадцать пять дней и ночей с той поры, как племена усуней выступили в дорогу на запад, покинув окрестности озера Лобнор. Проходя по сто шестьдесят ли в день и преодолев за это время почти четыре тысячи ли, шли они за передовыми дозорами, подступившими уже к берегу реки Юйтянь. После победного сражения с хуннами нападений больше не было. Ещё несколько дней тыловые дозорные сотни усуней видели на отдалении от себя небольшие хуннские отряды, но со временем и их не стало.

После долгого перехода с непродолжительными остановками на отдых, иногда приходившимися на места возле мелководных пересыхающих речушек, берега реки Юйтянь, густо заросшие высокими тугайными кустарниками с широкими кронами и обильной светло-зелёной листвой и покрытые вдоль них плотным травостоем, располагали к длительному отдыху, о чём и распорядился куньбек Янгуй, приняв решение разбить здесь лагерь.

Дабы использовать пастбища по обоим берегам, половина племён усуней во главе с куньбеком по обнаруженным бродам перешла на другую сторону реки и расположилась там.

* * *

Стояли жаркие дни. Река в эту пору уже начинала мелеть, но была ещё довольно полноводной и, слегка извиваясь среди утопающих в зелени берегов, плавно уносила медленный поток в сторону пустыни. На обильных пастбищах с обеих сторон от русла под присмотром пастухов пасся оголодавший и исхудавший за время долгой дороги скот. Установив юрты и разведя возле них костры, люди с наслаждением купались в реке, смывая с себя многодневную пыль. Женщины, шумно переговариваясь и смеясь, занимались приготовлением еды, стиркой и прочими хозяйственными делами, отмахиваясь от туч надоедливых насекомых, вылетающих из густой листвы кустарников. Дети не вылезали из воды, несмотря на окрики матерей, часто поглядывавших в их сторону и продолжавших при этом свои хлопоты. Ниже по течению реки воины купали коней, войдя в воду вместе с ними, — омывали их сильные тела и очищали гривы и хвосты от грязи и сорняков. Встревоженные птицы: вороны, сороки, сойки, галки и ястребы, обитавшие в

прибрежных зарослях в большом количестве, долго кружили над рекой, не решаясь вернуться в свои гнёзда.

Небольшое пространство, где прежде царили покой и тишина, с приходом огромного количества людей и скота вдруг ожило и наполнилось разными звуками и всевозможными запахами, пугая дикую живность, что обитала здесь.

* * *

Наступил долгожданный вечер, принесший с собой прохладу и свежесть. Пришло время купаться женщинам. Ещё днём воины прорубили в кустарниках многочисленные подходы к воде и очистили их от срубленных ветвей и речных наносов. Теперь по этим проходам женщины, одетые в длинные холщовые одежды, направились для купания, на ходу расплетая длинные косы.

Иджими был недалеко от кибиток, окружавших полукругом, доходящим до реки, весь огромный стан, вытянувшийся вдоль западного берега. Он сидел на небольшом бугре и смотрел на закат, любуясь его красотой, оглядывал небосвод, в восточной стороне которого только начали появляться пока ещё очень тусклые, мерцающие звёзды. Шагах в ста от него горел костёр, там, о чём-то тихо переговариваясь, сидели воины ближнего дозора, рядом паслись их стреноженные кони. Такие же посты располагались по всей внешней стороне полукруга кибиток на расстоянии пятисот шагов друг от друга. Иджими с удовольствием подставлял лицо каждому дуновению лёгкого ветерка, при этом сладко зажмуриваясь и водя головой из стороны в сторону, чтобы ветер обдувал его. Поймав очередной свежий поток воздуха, он закрыл глаза и повернул к нему лицо, а когда вновь открыл их, то увидел невдалеке от себя кого-то сидящего на земле. Он с удивлением стал всматриваться, но понять, кто это, не мог.

— Эй, ты кто? — тихо спросил он.

— Я Джуйя, — ответил ему тихий девичий голос.

Иджими вскочил. Девушка тоже поднялась, пошла к нему, но остановилась в нескольких шагах. Иджими молча смотрел, как она перебирает пальцами две короткие косы, спускавшиеся чуть ниже её груди. На ней была надета длинная холщовая одежда, из-под подола которой виднелись босые ступни.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Иджими. — Все же купаться пошли.

— А я уже искупалась. Захотелось прогуляться перед сном, — чуть склонив голову набок, улыбнулась Джуйя. — Я помешала тебе?

— Нет, что ты... Я тоже вот... — начал было Иджими и запнулся на полуслове.

Девушка медленно обошла Иджими и, встав к нему спиной, смотрела на закатное небо. Юноша повернулся следом и растерянно оглядывал её с головы до ног.

— Красиво, — прошептала Джуйя.

Она выглядела немного младше его, была узкоплечей, хрупкой и на голову ниже Иджими. Юноша неуверенно шагнул сперва в одну сторону, затем в другую, наконец встал рядом с девушкой, в шаге от неё, и тоже стал смотреть на закат.

— Иджими, ты скучаешь по нашим краям?

Девушка повернула голову к Иджими. Улыбки уже не было на её лице.

Юноша посмотрел ей в глаза, опустил голову, теребя в руках травинку, и тихо ответил:

— Да, Джуйя, очень.

— Я тоже очень.

Девушка плавно опустилась на землю, обхватила колени руками и положила на них голову, устремив глаза на ещё светящуюся полоску неба. Иджими сел рядом и тоже обхватил руками колени, поглядывая то на закат, то на Джуйю.

* * *

Прошло десять дней, отведённых куньбеком Янгуем на отдых. Усуни двинулись дальше на запад, оставляя за собой истощённые пастбища вдоль Юйтяни. Последними от реки тронулись две тыловые дозорные сотни, подошедшие с восточной стороны и перешедшие её по бродам.

Г Л А В А   Ч Е Т В Ё Р Т А Я

Было раннее утро. Впереди, к северо-западу, лежали обширные благодатные земли, покрытые лесами, пастбищами, садами и виноградниками, — куньбек Янгуй давно знал об этом от передовых дозоров. Двадцатипятидневный переход усуней от реки Юйтянь

завершался приближением к неизведанным землям. Позади, в десяти днях дороги, осталась крупная река, так же как и река Юйтянь, несшая оскудевшие воды с юга, от гор Кунь-Лунь, на север, к великой пустыне. По сведениям дозоров, повстречавших на её берегах редких пастухов с небольшим поголовьем коз, река называлась Со Цзюй, но главное, что им удалось тогда узнать, — там заканчивалась пустыня. Чуть позже дозоры замечали по правую руку от себя, в отдалении, небольшие конные отряды, но те ничего не предпринимали, продвигались, сопровождая их, и вскоре вовсе исчезли, что означало лишь одно: племена, обитавшие в тех местах, мирно пропустили мимо своих земель уходящих на запад усуней.

* * *

— Мне доложили, что здесь места густонаселённые. И люди другие, нежели мы и кто бы то ни был ещё в наших прежних краях. Мужского населения много. И вид у них странный. Все они широкоглазые и носят густые и длинные чёрные бороды. И одежды необычные для нас. Главное, там, по правую руку, вдали, находится сильно укреплённый большой город, — куньбек Янгуй вёл своего скакуна и беседовал с Наби-беком. — Трудно нам будет понять их. Язык у них другой, незнакомый.

— Да, правитель, мы пришли в края, где до сих пор никто из нас не бывал. Ночью прибыли ещё люди от наших лазутчиков. Юэчжей здесь нет. Горы с южной стороны тянутся с северо-запада на юго-восток. По сведениям лазутчиков, это горы Памир. Другие горные хребты протянулись от этих мест на северо-восток. Это Тянь-Шань. Между ними долина, широкий проход в полторы тысячи ли. Это земля Давань. У них десятки городов-крепостей. Думаю, за Давань и подались юэчжи. Хотя может случиться так, что они расположились в предгорьях Тянь-Шаня с этой, восточной стороны, но дальше на север от этих мест. Лазутчики туда не доходили. Но больше здесь идти некуда. Вокруг одни горы, и проход только этот. Надо полагать, по нему и проложены караванные дороги из-за Давани на восток, — оглядывая дальние окрестности, задумчиво произнёс Наби-бек.

— Богатые земли. Вода, видимо, в изобилии. И для ведения торговли место весьма благоприятное. Вот и жизнь у них от этого всего другая... За такую землю народ, обитающий здесь, будет стоять до

последнего. Нам бы пройти без сражений, как до сих пор удавалось на всём пути... Юэчжи, как я полагаю, либо побывали тут и ушли дальше, либо не попали сюда, а осели в тех предгорьях, о которых ты говоришь. Но если они всё-таки проходили эту долину и вступили в битву с местным народом, то нам не удастся сохранить мир. После сражений с юэчжами здешние жители и нас будут воспринимать как врагов. Это плохо... Но если юэчжи не оказались здесь или же им удалось как-то договориться и пройти без кровопролития, то и у нас есть такая возможность... К сожалению, мы этого знать не можем... — рассуждал куньбек Янгуй.

— Правитель, может быть, тебе послать к правителю Давани послов с дарами? — спросил Наби-бек.

— Может и так, но не воспримет ли он это за слабость? Исход в таком случае будет один. Нас не пропустят и попытаются овладеть всем, что у нас есть. А это уже война, и, даже если мы возьмём в ней верх, жить здесь спокойно и свободно не удастся. Разве что истребим всех. Не думаю, что это нам нужно. И времени на это уйдёт много, и мы значительно ослабеем. К тому же у них могут быть союзники за долиной. Наживать врагов в нашем положении смертельно опасно. А вот оказаться в землях дальше этих с их многочисленным народом, значит, оставить их между нами и хуннами. Вот что нам нужно, чтобы не жить как прежде, в постоянном ожидании нападения со стороны шаньюя, — резонно подметил куньбек Янгуй.

— Ты прав, правитель. Не для этого мы тронулись в путь. Как быть? Полагаю, что очень скоро их дозоры увидят нас и оповестят правителя об этом, — несколько удручённо произнёс Наби-бек.

— Я уверен, Наби-бек, что он уже знает о нашем подходе. Вот как мы поступим. Передай моё веление всем войскам идти строем и без моего сигнала не вынимать оружия, несмотря ни на что. Пусть дозоры Давани видят, что мы не имеем намерения нападать на них и на их селения. Может быть, их правитель поймёт наши истинные устремления и пропустит нас. Ну а если нет, будем атаковать всеми силами. Другого выхода я не вижу, — принял решение куньбек Янгуй.

— Повинуюсь, правитель, — с почтительным жестом ответил Наби-бек, развернул скакуна и направился к войскам.

* * *

Усуни продвигались спешно и молча, зорко вглядываясь в крупные дозорные отряды чужаков, что шли справа от них на небольшом отдалении. Даваньцы, не таясь, наблюдали за усунями, постоянно перемещаясь по ходу их движения и отправляя гонцов в сторону города-крепости.

Наступил вечер. В отличие от открытой равнинной местности, где сумерки наступают долго и плавно, здесь, в долине, окаймлённой с трёх сторон высокими горными хребтами, они опустились быстро и внезапно. Теперь вся вереница войск, обозов, скота и тыловых отрядов усуней освещалась удвоенным количеством факелов и хорошо проглядывалась со стороны, о чём строго повелел куньбек Янгуй. Дозоры даваньцев продолжали двигаться параллельным курсом с ними, но огней не запалили и шли, не выдавая своих расположений. Куньбек Янгуй велел людям идти всю ночь.

* * *

На заре, когда на далёком восточном небосклоне едва забрезжил рассвет, куньбек Янгуй повелел всем остановиться для непродолжительного отдыха. Он понял, что они, пройдя за минувшие день и ночь почти четыреста ли, больше без отдыха для волов с повозками и для скота не смогут уже преодолеть даже пяти ли. Он, как всегда, ехал следом за тридцатью передовыми сотнями. К нему приблизился Наби-бек и повёл коня рядом. Все остальные беки располагались во главе своих людей, готовые вместе с ними исполнить волю куньбека. Оповещённые гонцами об отдыхе, все усуни тут же замерли.

— Что там, Наби-бек? — остановив скакуна и озираясь по сторонам, негромко спросил куньбек Янгуй.

— Всё пока спокойно, правитель. Похоже, мы прошли земли Давань и всю долину. Передовые дозоры вышли за горы на простор. Хребты Тянь-Шаня остались от них по правую руку, а Памира — по левую. Они подошли к реке, — ответил Наби-бек, вытирая широкой ладонью чёрное от пыли лицо.

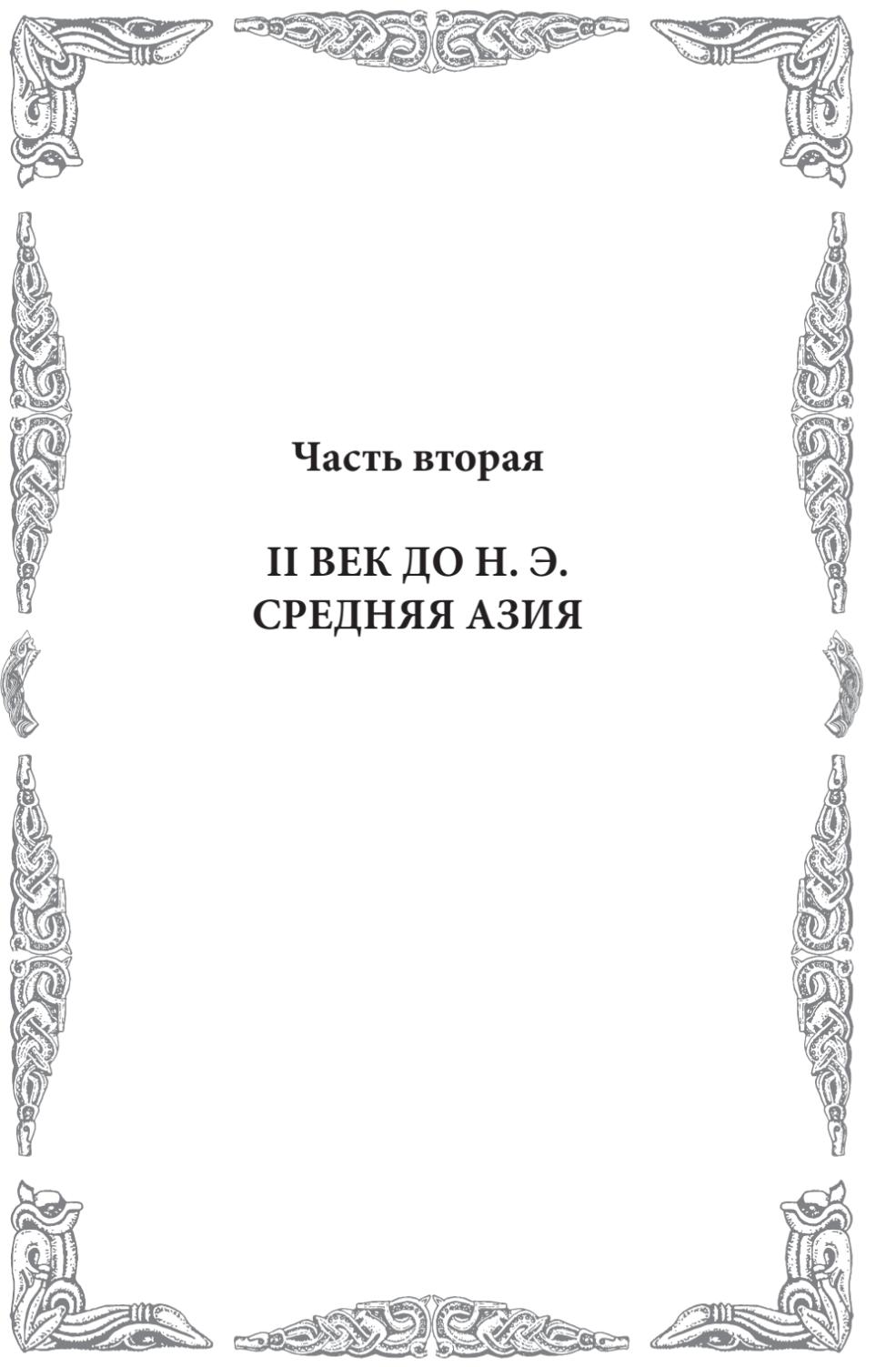
— Это хорошо. Значит, нам удалось благополучно миновать эту долину. Невиданно, но мы прошли в два раза больше, чем проходили за один день, — почти три с половиной сотни ли и без единой остановки. Даже больше, — куньбек Янгуй посмотрел на Наби-бека. — Это сколько же в шагах будет, а Наби-бек?

— Я знаю, правитель, что один ли равен пяти сотням шагов, стало быть, десять ли — это пятьдесят сотен шагов, а сто ли — это десять раз по пятьдесят сотен шагов, и всё это ещё по три раза и ещё половина сотни ли. Сколько всего это будет, даже представить не могу. Очень много, — улыбнулся Наби-бек.

Куньбек Янгуй смотрел на него и тоже стал расплываться в улыбке, а затем и вовсе рассмеялся. Наби-бек не стал сдерживаться и тоже уже смеялся, сотрясаясь всем своим могучим телом. Они смотрели друг другу в лицо и долго смеялись, сверкая глазами и обнажая белые зубы.

* * *

Ещё через день, подойдя к берегу реки, что несла свои воды с гор Тянь-Шань на юго-запад, усуни встали на длительный отдых. За их спинами, на протяжении всего пути через земли даваньцев, по бокам от дороги лежало много погибшего скота, не выдержавшего долгого и тяжёлого перехода.

Часть вторая

II ВЕК ДО Н. Э.
СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Г Л А В А П Е Р В А Я

— Правитель, на дальних подступах к озеру вновь появились чьи-то дозорные отряды, — проговорил Наби-бек, обращаясь к куньбеку Янгую.

Они расположились на коврах из кошмы у дальней от входа стены в главной юрте правителя усуней. Над ними на ярком самотканом ковре висел полотняный белый стяг с изображением чёрного ворона.

— Да, мы пока ещё не так много знаем о том, что это за люди, но кое-что узнали, — задумчиво ответил куньбек Янгуй. — По донесениям лазутчиков, это, должно быть, воины местных племён тиграудов. Они из числа потомков некогда могущественного и многочисленного народа саков. Мы вошли в их земли, и они пытаются более точно разузнать, кто мы такие, какими силами располагаем и почему появились именно здесь. Насколько мне известно, они приняли к себе часть бежавших в эту сторону юэчжей и мирно уживаются с ними: выделили им пастбища и даже берут в жёны их дочерей, тем самым усиливаясь благодаря установлению новых родственных отношений. Как видишь, земли здесь обширные и благодатные. Много пастбищ с богатым травостоем. В воде нет нехватки. — И он пригубил молоко из деревянной чаши, которую держал в руке.

— Правитель, за всё время нашего пребывания здесь они ещё ни разу не попытались связаться с нами, и это очень настораживает. Они постоянно наблюдают издали, но при этом не выказывают нетерпения. Почему они так ведут себя? Или они не настолько сильны, чтобы дать нам отпор и попытаться выгнать со своих земель, или же чего-то ждут, а может быть, кого-то, помощь откуда-то, — не сводя глаз с правителя, выразил свои думы Наби-бек. — К тому же, как сообщают лазутчики, язык этих тиграудов очень схож с нашим. Оттого и сведения добываются столь быстро и, полагаю, являются весьма достоверными, хотя пока довольно скудными.

— Я уверен, Наби-бек, в том, что и им уже многое известно о нас. Юэчжи, живущие среди тиграхаудов, наверняка узнали нас и сообщили их правителю и о том, кто мы, и о том, откуда, и о том, почему мы вдруг оказались здесь, и, конечно же, о том, какими силами располагаем. Им многое известно. Поэтому они и не вступают в ненужные связи, а выжидают, чтобы понять, что мы теперь предпримем, каковы будут наши дальнейшие действия. Для них важно одно: пройдем ли мы через их земли в другие края или же попытаемся завладеть этой территорией. Вот от этого будет зависеть их поведение в отношении нас. А в том, что они стягивают сюда все свои силы, я сомнений не имею, — взглянув на собеседника, уверенно произнёс куньбек Янгуй.

— Значит, война?

Наби-бек вопрошающе вскинул густые брови, затем, задумчиво глядя на подстилку перед собой, на которой размещалась еда: сыры, творог, масло и мясо, — опустил на неё чашу с молоком и по привычке коснулся пальцами шрама на лице.

— Вот о чём мои думы, — разглядывая напиток в своей чаше, продолжил куньбек Янгуй. — Тиграхауды приняли бежавших от хуннов юэчжей, хотя понимали, что могут тем самым навлечь на свои головы немилость шаньюя Модэ. Почему они так поступили? Если они сильны и уверены в своей мощи, тогда зачем им нужны юэчжи, которых нужно содержать, с которыми нужно делиться пастбищами и с которыми даже сочли нужным вступать в родство? Они без особых усилий могли бы превратить юэчжей в рабов. Именно так и не иначе поступил бы любой сильный народ. Так почему они приняли такое решение, а не другое? Я долго думал над этим и, кажется, кое-что понял. Тиграхауды слабы и не имеют той силы, при которой не возникает нужда с кем-то объединяться либо принимать в свой народ кого-то ещё и относиться к нему как к равному. Вот в этом и кроется истинная причина радушного приёма пришедших юэчжей. Других мыслей на этот счёт у меня нет, и я уверен в том, что я прав. Наш приход в эти земли означает для тиграхаудов совсем иное, нежели появление малочисленных юэчжей, и они это видят, и их это очень настораживает. К тому же сведения о нас, полученные от юэчжей, полагаю, весьма тревожат их. И ещё. Думаю, у тиграхаудов нет союзников в ближних землях, иначе они бы уже давно дали нам понять, что мы нарушили их покой и обя-

заны немедленно покинуть территорию. — Куньбек Янгуй перевёл взгляд на Наби-бека. — Мы почти тридцать дней и ночей стоим здесь, а они, как ты правильно заметил, ещё ни разу не попытались связаться с нами.

— Правитель, — Наби-бек смотрел ему в глаза, — если я правильно тебя понял, то ждать мы больше не будем и сами двинемся на них?

— Наби-бек, — отведя взор и слегка улыбнувшись, продолжил куньбек Янгуй, — ты почти прав, но не совсем. Теперь, когда мы всё поняли о хозяевах этих земель, мы должны вступить с ними в переговоры и поставить в известность об истинных наших намерениях. Пусть они узнают всю правду: и о том, что нам нужны пастбища, и о том, что нам нужны земли для стойбищ, и, самое главное, о том, что нам, как и им, нужно мирное соседство. Иными словами, они должны поделиться всем этим без войны. Конечно же, им такие требования придутся очень даже не по нраву, но ничего теперь не изменишь. Мы уже здесь, обратного пути для нас нет и не будет. Дадим им на раздумья какое-то время, а дальше всё будет зависеть от принятого ими решения. В случае отказа возьмём всё это силой. Вот так и поступим. Такое решение будет самым правильным и в нашем, и в их положении. Всегда нужно пытаться сначала решить вопрос мирным путём, а военные действия отложить на второй план, и тогда тот, кто так поступит, окажется прав и по мнению своего народа, и в глазах противника. Только в таких случаях военные действия будут всеми поняты и оправданы, и только при таких обстоятельствах принесённые жертвы будут не напрасны. — Куньбек Янгуй замолчал, глотнул молока и вновь взглянул в глаза Наби-беку. — Слушай моё веление, Наби-бек. Ты отправишься к ним в ставку к царю Демиру и вступишь в переговоры от моего имени.

— Повинуюсь, правитель!

Наби-бек вскочил на ноги, склонил голову перед куньбеком Янгуем, приложив ладонь к груди, и быстрым шагом покинул юрту. Куньбек Янгуй хлопнул в ладони, и тут же на входе появился воин и замер в почтительной позе в ожидании велений правителя.

— Пусть срочно прибудут ко мне все дагяни, дуюйи, дали, шечжундали и кигюни, — повелел куньбек Янгуй вызвать своих старших помощников, носивших эти титулы.

— Повинуюсь, правитель.

Воин удалился.

Ставка тиграхаудов находилась на юго-восточном побережье огромного высокогорного озера, что лежало между двумя гигантскими горными хребтами, почти полностью окруженное ими.

Наби-бек с десятком своих воинов и в сопровождении такого же количества воинов тиграхаудов во главе с их военачальником медленно продвигались по дремучему ельнику, петляя, взбираясь по едва заметной лесной тропе всё выше и выше. Иногда тропа оказывалась зажатой между невысокими горными грядами, нависавшими над головами красноватыми выступами, прорезанными многочисленными водными промоинами, но когда они расступались, то вдали, на высоте, видны были ослепительно белые снежные вершины гор. Воздух здесь был невероятно чистый, прозрачный, с приятным смолистым хвойным привкусом, от чего дышалось легко, и иногда при глубоком вдохе ощущалось лёгкое пьянящее головокружение.

Ближе к полудню отряд выехал из леса на берег озера и оказался на тропе, идущей между узкой прибрежной песчаной полосой и горной грядой. Вода в озере имела зеленовато-чёрный цвет, и от этого водная гладь казалась продолжением ельника. В небольшом отдалении виднелось крупное стойбище. Как догадался Наби-бек, это и была ставка правителя тиграхаудов. Отряд неспешно направился в его сторону.

Даже на расстоянии было понятно, что стойбище довольно большое. Его центральная часть состояла из приземистых каменных жилищ, расположенных в определённом порядке, а по окраинам стояли многочисленные кожаные островерхие шатры, напоминавшие головные уборы тиграхаудов. День был безветренный, ясный и солнечный. Всюду возле жилищ клубился светлый дымок, уходящий прямыми струями вверх и растворявшийся в небесной синеве. Дикая, истинно природная тишина, царившая в лесу и слегка нарушаемая лишь пением птиц и жужжанием насекомых, по мере приближения к стойбищу отступила под напором всевозможных звуков, исходивших от крупного поселения людей, в котором протекала хоть и размеренная, но довольно активная жизнь. Уже стали отчётливо слышны голоса: и громкие мужские выкрики, и женское многоголосие, и детский смех, и всё это вперемежку с конским ржанием, мычанием коров, блеянием овец, лаем собак и множеством других звуков.

Вскоре отряд подступил к окраине стойбища. Сотня воинов тиграудов, разделившись надвое, встречала их у ближних шатров, образовав коридор и пропуская к неширокой дороге, уходящей ровной линией прямо в центр стойбища. В самом начале этой дороги располагались деревянные арочные ворота с небольшой площадкой наверху. Над ней на столбе висел огромный барабан, в который тут же стали ударять дубинками стоявшие по бокам от него два стражника. Встречавшие воины молча и очень внимательно, а некоторые, более молодые, с нескрываемым напряжением рассматривали прибывших гостей.

Как только зазвучал барабан, заметил Наби-бек, во всём стойбище тут же утихли людские голоса. Проехав ворота, отряд двинулся дальше по дороге, по бокам от которой молча скапливались обитатели стойбища. Они смотрели на усуней по-разному: кто со страхом в глазах, кто с удивлением, а кто и с явным интересом, при этом старики, мужчины и юноши большей частью смотрели с вызовом, старухи, женщины и девушки — с испугом, а малые дети бросали на них кроткие взгляды, прячась за своих матерей и крепче обычного сжимая ручонками их ладони.

Пройдя мимо окраинных шатров, отряд стал продвигаться между жилищами из камня, где дорога заметно расширялась, через какое-то время превращалась в огромную круглую площадь, за которой вновь сужалась, уводя так же прямо к дальней окраине стойбища. На площади военачальник сопровождающего отряда поднял руку, и все остановились. К ним тут же подбежали воины и замерли в ожидании. Военачальник спешил и посмотрел на Наби-бека, давая понять, что они прибыли. Наби-бек и его люди тоже сошли с коней и передали их поджидавшим воинам, а те бегом увели животных с площади.

В восточной стороне площади на невысокой деревянной платформе был установлен огромный трёхглавый шатёр, перед которым и на обширной террасе, и на ступенях стояла полусотня стражников. Воины сопровождения не спешили и по кивку своего военачальника, развернув скакунов, умчались в обратном направлении, оставив его вместе с гостями.

Наби-бек рассматривал главный шатёр: в передней части его между двух столбов на верёвках была растянута хорошо выделан-

ная огромная шкура какого-то животного с изображением лежащего оленя с большими и очень ветвистыми рогами. Вскоре двустворчатая деревянная дверь распахнулась, и из неё вышел мужчина средних лет с длинными седыми волосами, тяжело ниспадавшими на широкие плечи из-под островерхого кожаного головного убора с оборкой из пушнины. Он был облачён в тонкую кожаную рубаху, поверх которой надел длиннополый безрукавник из чёрной овечьей шкуры. Его штаны из тонкой кожи были заправлены в высокие кожаные сапоги, а талию стягивал широкий поясной ремень из красной кожи, за которым спереди виднелся большой кинжал с изящной изогнутой остроконечной рукоятью, похожей на рог. Мужчина замер, окинул взглядом площадь и остановил суровый взор на Наби-беке, оглядывая его с ног до головы. Двое стражников, стоявших за его спиной по бокам от двери, тут же закрыли её и вновь застыли, как истуканы. Наби-бек заметил, что все стражники похожи друг на друга, и их сходство исходило не от однообразия в облачении и оружии, а от того, как они стояли, от их поз: они располагались попарно, на равном отдалении друг от друга, каждый статно заложив левую руку за поясницу, а правой рукой держась за рукоять своего меча, висевшего сбоку, при этом глядя строго перед собой, словно не замечая ничего вокруг.

Военачальник, сопровождавший усуней, метнув быстрый взгляд на Наби-бека и слегка кивнув ему в сторону шатра, быстрым шагом направился туда и сам, легко и ловко поднимаясь по каменным ступеням, ведущим к бревенчатому настилу, образовывавшему большую террасу, где был разбит шатёр. Наби-бек последовал за ним. Остановившись в двух шагах перед седовласым мужчиной, военачальник молча склонил голову и приложил правую руку к груди, тем самым показав, что перед ними высокий сановник.

— Как зовут этого асия? — низким голосом, обращаясь к своему военачальнику, спокойно спросил седовласый, смотря прямо в глаза Наби-бека.

— Властитель, его имя Наби-бек, — не поднимая головы, ответил сопровождающий.

— Пусть его воинов разместят на отдых и позаботятся об их конях, — распорядился седовласый и, слегка склонив голову в сторону Наби-бека, тем самым выражая приветствие, повернулся к двери в шатёр.

— Будет исполнено, властитель, — отступая на шаг и выпрямляясь, ответил военачальник, быстро развернулся и спешно направился к ожидавшим усуням.

К Наби-беку подошёл один из стражников и замер перед ним. Усунь вопрошающе взглянул на седовласого.

— Оставь всё оружие, — пояснил тот.

Наби-бек отстегнул от пояса меч и вместе с кинжалом отдал стражнику. Приняв оружие, стражник продолжал стоять. Наби-бек вновь удивлённо посмотрел на седовласого.

— Плётку тоже, — указал седовласый на правый сапог, из-за голенища которого торчала плетть. Наби-бек вытащил её и тоже протянул стражнику, который, приняв и её, слегка склонил голову и быстро удалился.

Стражники открыли створки двери. Седовласый вошёл в шатёр. Наби-бек проследовал за ним.

В шатре после яркого солнца, казалось, царил полумрак. Седовласый замер и кому-то поклонился, приложив ладонь к груди. Наби-бек стоял за его спиной и пока никого и ничего разглядеть не мог.

— Правитель, прибыл посол асиев, — произнёс седовласый, продолжая стоять в поклоне. — Он назвался Наби-беком, но нам известен, как Наби-ван.

Только теперь он выпрямился и сделал шаг в сторону, повернувшись лицом к Наби-беку. Наби-бек увидел разостланные по всему шатру яркие ковры, в центре шатра — пылающий очаг, а у дальней стены — сидящего на широком, низком, обшитом белыми овечьими шкурами троне с высокой спинкой седовласого мужчину средних лет, очень похожего на стоявшего рядом с ним сановника, но в отличие от него облачённого во всё светло-бежевое. По бокам от трона, сжимая в руках рукояти мечей, так же неподвижно, как и стражники снаружи, стояли два огромных телохранителя.

Наби-бек в приветствии сделал шаг вперёд, приложил ладонь к груди и слегка склонил голову.

— Пройди сюда и присаживайся, Наби-бек, — услышал он спокойный голос правителя.

Наби-бек поднял взгляд. Правитель смотрел на него спокойно и приглашал, плавным жестом указывая на разостланные на ковре овечьи шкуры, бугрившиеся из-за больших подушек, подложен-

ных снизу. Наби-бек взглянул на сановника, едва заметно кивнувшего в ответ и прикрывшего веки в знак разрешения подойти к правителю. Наби-бек медленным шагом, аккуратно ступая, обошёл очаг и приблизился к правителю. Сопровождавший его сановник тоже подошёл. Правитель указал на два мягких сиденья, лежавшие ближе к нему, по бокам от низкого деревянного столика с круглой столешницей. Наби-бек скрестил ноги и опустился на своё сиденье. Оно было достаточно мягким и удобным. Сановник также сел. Наби-бек понял, что первое впечатление о схожести во внешности между сановником и правителем оказалось ошибочным.

Из бокового шатра по правую руку от правителя, откинув полог на двери, вошёл воин и замер. Правитель слегка кивнул ему. Воин удалился, и вскоре вместе с ним вошли трое с подносами, на которых стояли кувшины и большие чаши. Они подошли к сидящим, поставили перед каждым чашу и, когда те протянули над чашами руки, стали из кувшинов аккуратно поливать на ладони воду, после чего подали куски чистой белой ткани, дабы можно было вытереть руки после омовения. Потом они всё забрали и удалились, вернувшись тут же с подносами, уставленными блюдами с едой. Расставив всё на столе, обслуживающие воины положили перед каждым сидящим деревянную ложку и покинули шатёр. На плоских глиняных тарелках, источая жар, лежали и мясо ягнёнка, и запеченная на углях рыба, и зажаренная птица, а также сваренный рис, сыры, творог, лепёшки и зелень. В больших глубоких чашах пенилось взбитое кобылье молоко. Правитель подался вперёд к столу, взглянул на Наби-бека и сановника и развёл ладони над едой, приглашая к трапезе.

— Прошу. Угощайтесь.

Он ложкой зачерпнул немного рассыпчатого риса и стал неспешно прожёвывать его. Наби-бек и сановник тоже приступили к еде. После того как все насытились, правитель взял в руку чашу с напитком и стал небольшими глотками отпивать, наслаждаясь свежестью и прохладой. Наби-бек и сановник последовали его примеру. Как только они завершили трапезу, воины убрали блюда и быстро покинули шатёр.

— Три дня пути в седле по горной местности до берега нашего тёплого моря — это довольно непростой переход, — задумчиво произнёс правитель, спокойно глядя прямо в глаза Наби-беку и при

этом поглаживая широкой ладонью короткую седую бороду. Его большие, чёрные, как смоль, умные глаза, обрамлённые длинными белёсыми ресницами, заскользили по лицу Наби-бека. — Думаю, после отдыха в этих благодатных местах с чистейшим, прохладным воздухом и вкусной студёной водой из горных родников ты и твои воины быстро восстановитесь и обретёте прежнюю силу.

— Благодарю тебя, правитель, за добрые пожелания, — слегка склонив голову, вежливо ответил Наби-бек.

— Здоров ли твой гуньмо Янгуй? — вдруг спросил хозяин шатра.

— Хвала небесам, мой куньбек Янгуй в полном здравии, чего и тебе желает, царь Демир, — деликатно поправив относительно титула своего правителя и впервые обращаясь к правителю тиграхаудов по его титулу и по имени, ответил Наби-бек, вновь склонив голову и приложив ладонь к груди.

— Значит, не гуньмо, как прежде, а куньбек, и не ваны, а беки теперь... Благодарю, — царь Демир тоже склонил голову слегка и степенно и приложил ладонь к груди. Он ненадолго задумался, улыбнулся с лёгким сарказмом и продолжил, вновь смотря прямо в глаза Наби-беку: — Как многообразен этот мир, и как же он тесен и переменчив. Прежде ваш народ обитал очень далеко от нас, и нам не доводилось встречаться, а теперь по воле Небес вы оказались здесь, и мы с вами говорим почти на одном языке. Разве можно было поверить в такое? Но пришло время, и мы с вами увиделись и, надеюсь, поймём друг друга. Язык шаньюя Модэ и его народа тоже во многом имеет сходство с нашим и вашим языками, но, несмотря на это, мы с ним давние враги, и, как я понимаю, вы тоже стали недругами. Вы ушли из-под его главенства, а стало быть, общий язык не сумел вас с ним объединить, не связал навечно. Воля Небес нам неведома, но всему в людском мире есть причины и есть объяснения. И вашему уходу оттуда наверняка тоже есть причина, равно как есть объяснение вашему появлению в этих землях. — Царь Демир замолчал, о чём-то размышляя и поглаживая седую бороду.

Наби-бек не сводил с него глаз, понимая, что разговор становится серьёзным и уже напрямую касается его миссии здесь, но царь погрузился в раздумья, и он молча ожидал дальнейших слов.

— Судя по тому, что вы стоите почти на моей границе уже больше месяца и не продолжаете путь дальше, вы явно намерены в ближайшее время что-то предпринять, ведь так не может продол-

жаться бесконечно. Естественно, мне трудно понять такое поведение. Признаюсь, всё это время я размышляю, как вы поступите теперь, подойдя к моим землям, но вы ничего не делаете, и каждый день я воспринимаю вас по-разному. То я вижу в вашем поведении какую-то растерянность, то отсутствие планов, либо же вы наводите на мысль, что совершенно случайно оказались здесь, не знаете ничего о здешних обитателях и о хозяевах этих территорий и по этой причине не можете принять какого-либо решения... — царь Демир посмотрел на Наби-бека и, выражая лёгкое недоумение, вопрошающе приподнял брови. — Ответь мне, Наби-бек, прав ли я или же в чём-то ошибаюсь. Ты ведь не зря прибыл ко мне? Твой правитель направил тебя с какой-то определённой целью. Видимо, ты наконец-то внесёшь ясность в сложившееся положение и развеешь мои сомнения относительно вашего появления здесь...

— Царь Демир, да, ты прав, мой правитель прислал меня с определённым поручением. Он убеждён в том, что ты уже многое знаешь о нас благодаря юэчжам, которых ты, как равных, радушно принял в свои земли и под своё покровительство, и этому, надо полагать, есть свои причины. Прежде мы, усунь, были вынуждены подчиниться воле правителя хуннов шаньюя Модэ и долгие годы входили в состав его державы, принимая участие во многих его завоеваниях, дабы остаться в живых и не утратить своей целостности. Но, как мы ни старались, шаньюй не счёл нужным относиться к нашему народу как к равному его народу и не наделил столь необходимыми правами, благодаря которым мы могли бы стать вровень с хуннами. Находясь там, мы не только не стали с ними братскими народами, но едва не утратили своё истинное имя, так как и сам шаньюй, и его народ называли нас асии, а не усунь. Мы по его велению стали носить его титулы, пасти скот только на тех пастбищах, на которые он указывал, иметь определённое им количество воинов и сражаться с теми народами, на которые посылал он. При всём при этом он не счёл нужным пойти хотя бы на одну уступку, о которой не раз просил наш правитель. В итоге мы вынуждены были проявить своеволие и уйти, — сказав, Наби-бек замолчал, на мгновение задумался и продолжил: — А теперь с твоего высочайшего позволения, царь Демир, я перейду к поручению моего правителя.

Наби-бек вновь замолчал в ожидании реакции царя Демира. Тот внимательно слушал и тут же кивнул в знак согласия.

— Мой куньбек Янгуй навсегда увёл народ из окрестностей озера Лобнор, последнего места нашего проживания. Только в этом направлении остались земли, не покорённые шаньюем Модэ. Мы вынуждены были прийти сюда. Другого пути не было. Теперь мы у твоих границ. Мой правитель направил меня к тебе, царь Демир, дабы я рассказал всю правду о причинах нашего появления здесь и передал его намерения. Так вот, царь Демир, то, что я нахожусь здесь в качестве посла моего правителя, свидетельствует о том, что он готов путём переговоров с тобой решить самый главный вопрос. Он желает узнать, готов ли ты, царь Демир, отступить от южных своих земель и отдать их нашему народу, не проливая крови ни своих, ни наших воинов. Он ждёт твоего ответа, от которого будут зависеть дальнейшие отношения между нами. Также при принятии решения он советует помнить о том, что обратного пути у него нет. Это всё, царь Демир, — Наби-бек замолчал и почтительно склонил голову, приложив ладонь к груди.

Дослушав Наби-бека, царь Демир изменился в лице. От прежнего благодушного вида не осталось и следа. Его лицо стало суровым, глаза наполнились гневом, а руки сжались в кулаки. Едва сдерживая нахлынувшие чувства, он порывисто поднялся. Наби-бек и сановник тут же вскочили с мест.

— Да как ты смеешь! — вскричал вдруг сановник и, выхватив из-за голенища сапога плетё, замахнулся на Наби-бека.

— Не смей! — метнув гневный взгляд, приказал царь Демир.

Сановник быстро и послушно опустил руку и виновато склонил голову. Царь Демир продолжал пристально смотреть на него.

— Он всего лишь передаёт волю своего правителя! Он его посланник! Никто не смеет даже прикасаться к таким, как он! Или ты забыл наши священные законы?! — с металлом в голосе громко произнёс царь Демир.

Сановник ещё ниже опустил голову. Наби-бек отвёл взгляд от сановника и смотрел себе под ноги, смиренно сложив руки на поясе. Царь Демир взглянул на посла и сел на место, нервно поправив полы овчинного безрукавника и положив ладони на колени.

— Слушай приказ, Даут, — обратился к сановнику царь Демир.

При его словах тот, не поднимая головы, сделал шаг вперёд и замер в ожидании.

— Наби-бека и его людей пусть сопровождают до нашей границы. Они отбывают на заре. Теперь же пусть никто не мешает их отдыху. Ступай, — царь Демир едва шевельнул пальцами в сторону сановника, словно что-то стряхнул с колена, и перевёл взгляд на Наби-бека.

— Будет исполнено, правитель, — сановник отступил на несколько шагов, развернулся и направился к выходу.

— Наби-бек, я понял твоего куньбека Янгуя. О принятом решении я оповещу, отправив гонца. Больше тебя не задерживаю, — учтиво указав жестом в сторону двери, царь Демир встал и заложил руки за спину.

— Благодарю, царь Демир, — Наби-бек слегка склонил голову, приложив руку к груди, развернулся и быстрым шагом вышел из шатра.

* * *

— Однако недолго размышлял царь Демир над моим предложением, — задумчиво произнёс куньбек Янгуй. — Он ожидал его и был готов ответить, коль так скоро прислал гонца. То, что он предлагает, совершенно не входило в мои планы. Умён и решителен этот царь.

Куньбек Янгуй смотрел вдаль на горные вершины. Они с Наби-беком стояли на берегу небольшой речки, что, журча, игриво несла свои прозрачные воды по извилистому мелкому руслу. Наби-бек молча и нервно потирал шрам на лице.

— Его предложение выступить в совместный поход против канглов весьма неожиданно. Решение вопроса о земле после предстоящей войны — довольно расчётливый и хитрый ход. Выходит так, что в случае нашей общей победы нам отойдёт часть земель канглов, и ему не придётся делиться своей территорией. Ну а в случае поражения для него вопрос о земле уже не будет стоять так остро, как сейчас. И вот почему. Оставив нас, он просто уйдёт к себе, и всё. Ведь он, ссылаясь на то, что мы ничего не знаем о народе канглов, предлагает своё главенство в этом походе и руководство над общими объединёнными силами и, следовательно, постарается одержать победу силами усуней, бросая их первыми в бой и сохраняя своих воинов. Его расчёт понятен. Ослабленные этой войной, понеся большие потери, мы не сможем требовать каких-либо уступок и не будем представлять для него угрозу, — после недолгих разду-

мий продолжил рассуждать куньбек Янгуй. — В любом случае он остаётся в выигрыше. Изрядно потрепав с нашей помощью своего соседа, канглов, — как выясняется, его врагов, — он укрепит свои позиции в их отношениях и почти избавится от наших притязаний. Но это о нём. Мы же в этом противостоянии выглядим в его глазах довольно глупыми и неспособными отстаивать собственные интересы. И самое худшее даже не в этом. Молва о нас, о вот таких, слабых и глупых, быстро разлетится по всей округе и сослужит в ближайшем будущем самую худшую службу. Все народы, обитающие в этих землях, станут воспринимать нас именно такими, и никто не станет считаться с нами всерьёз. Никто не примет моих послов с должным уважением, и только постоянная война станет нашей повседневной жизнью. Но это уже будет не жизнь, а тяжёлое выживание, изнуряющее наш народ, доводящее до отчаяния. Смерть превзойдёт рождение, а это чревато полным исчезновением. Разве для этого мы проделали столь долгий и трудный путь? — Куньбек Янгуй посмотрел в глаза Наби-беку и, не дожидаясь ответа, решительно направился к своему коню. Наби-бек заспешил следом, а когда поравнялся с куньбеком Янгуйем, тот резко остановился, повернулся и отдал приказ: — Созывай через день большой совет!

— Повинуюсь, правитель, — прижав ладонь к груди, склонил голову Наби-бек.

* * *

— Беки мои и мои военачальники, я созвал вас на большой совет впервые с тех пор, как мы пришли в эти земли, — восседаая на широком троне перед своей юртой, куньбек Янгуй окинул взором собравшихся, вплоть до сотников, расположившихся большим кругом на войлочных коврах. — Скоро закончится лето, а мы не знаем, какие здесь зимы. У нас нет пастбищ и нет стойбищ. У нас пока нет земли. В дороге погибло много скота. Мы не знаем ничего и о народах, обитающих вокруг нас. Мы не можем знать того, как они поступят теперь, видя нас и зная о нашем присутствии здесь. Сложные дни мы переживаем. Это правда. Но мы все вместе, и мы сильны этим. — Правитель замолчал и оглядел подданных, стараясь увидеть их глаза и понять состояние их духа. Они все напряжённо смотрели на него, ожидая дальнейших слов. — Вон там, — куньбек Янгуй показал рукой на север, — начинаются земли тиграхаудов.

По моему поручению Наби-бек посетил их ставку и имел беседу с их царём Демиром. В ответ на моё предложение мирно оставить эти земли нам царь Демир прислал гонца. То, что он сообщает, признаюсь, стало для меня полной неожиданностью. Так вот, царь Демир предлагает вернуться к вопросу о земле после совершения совместного с ним похода на его соседей канглов. — Куньбек Янгуй замолчал, наблюдая за реакцией беков и военачальников. Было заметно оживление. Они переглядывались и тихо переговаривались. Выждав, пока они успокоятся, куньбек Янгуй продолжил: — Учитывая ситуацию, я принял решение. На заре к царю Демиру отправится гонец. Я принимаю его предложение. Тридцать тысячников со своими воинами во главе с Наби-беком пойдут со мной. — Куньбек Янгуй встал и все тут же вскочили со своих мест. — Юити-бек, — куньбек Янгуй повернул голову направо.

Юити-бек, стоявший за Наби-беком, сделал шаг вперёд, приложил ладонь к груди и склонил голову.

— Юити-бек, на время моего отсутствия и отсутствия дуглу Наби-бека ты, кто носит титул сян дуглу, временно примешь на себя обязанности дуглу и останешься старшим над всеми. Цзо дуглу Бэйтими-бек и ю дуглу Карами-бек будут тебе во всём помогать, как правая и левая твоя рука. Усиль дозоры, продолжай направлять лазутчиков в разные стороны и будь наготове со всеми войсками, — отдал распоряжение куньбек Янгуй.

— Повинуюсь, правитель, — твёрдо произнёс сян дуглу Юити-бек.

— Наби-бек, — куньбек Янгуй перевёл взгляд на Наби-бека, — готовь войска к походу.

— Повинуюсь, правитель.

— На этом большой совет завершён, — куньбек Янгуй приложил ладонь к груди, слегка склонил голову, затем быстрым шагом обошёл свой трон по левой стороне, взглянул на стоявших ближе к нему Бэйтими-бека и Карами-бека, тут же с почтительным жестом отступивших на шаг, и решительно направился в главную юрту. Все присутствующие повторили почтительный жест и, как только правитель вошёл в юрту, стали расходиться.

* * *

— Правитель, дальние дозоры доложили, что замечены дозоры и передовые отряды тиграхаудов, — ведя своего чёрного, как

смоль, скакуна вровень с белым жеребцом правителя, сообщил Наби-бек.

— Значит, мы на верном пути. Хорошо. Всюду незнакомая местность. Это очень затрудняет передвижение, — взглядываясь вперёд, тихо произнёс куньбек Янгуй. — Насколько они далеко?

— В полудневном переходе, правитель, — уточнил Наби-бек.

Куньбек Янгуй слегка кивнул и стал осматривать округу. Некоторое время они двигались молча.

— Что-нибудь стало известно о месте нашей встречи? Что за местность там? — взглянув на Наби-бека, вдруг спросил куньбек Янгуй.

— Да, правитель, если наши дозоры не ошибаются, то встреча произойдёт в долине между лесами с восточной стороны и холмами с северной и западной сторон. Только эта открытая местность более всего подходит. В земли канглов мы вступим, пройдя среди западных холмов. Тиграхауды направляются к той долине, — с готовностью ответил Наби-бек.

Куньбек Янгуй внимательно выслушал и задумался. Наби-бек часто поглядывал на него. Конные сотни, ощетинившись копьями, неспешно продвигались следом, поднимая клубы пыли.

— Прости, правитель, что-то не так? — не выдержав долгого молчания, тихо и взволнованно спросил Наби-бек.

— Скажи мне, как близко к нашим передовым дозорам дальние дозоры тиграхаудов? — спросил куньбек Янгуй.

— Правитель, они, зная, что мы идём навстречу, свои дальние дозоры отправляют только в западную сторону, к землям канглов, но в нашей стороне их нет. Наши дозоры их не замечали, — удивлённый таким вопросом, пожав плечами, ответил Наби-бек.

Куньбек Янгуй вновь задумался. Наби-бек поджал нижнюю губу. Было заметно, что он в растерянности от вопросов правителя. Тем временем прежде казавшиеся далёкими хвойные леса к востоку от них приблизились и потянулись на север почти ровной окраиной, чернея тенистыми зарослями.

— Наби-бек, слушай и запоминай, — сурово посмотрев ему в глаза, очень внушительным голосом произнёс куньбек Янгуй. — Сейчас же направо двоих тысячников с их воинами в тот лес. — Куньбек Янгуй рукой указал на лесные гущи. — Передай им, чтобы продвигались по лесу параллельно нам, но не выказывали своего присутствия. Ещё двум тысячникам передай приказ немедленно

отойти влево от меня и следовать тоже параллельным курсом за холмами. Пусть не отдаляются, держатся на расстоянии пяти ли и высылают вперёд как можно дальше усиленные дозоры. Всех, кого дозоры встретят, убивать на месте, никого не упускать. Никого! Даже если это люди тиграхаудов. Никого не оставлять в живых. Когда подойдём к месту встречи с тиграхаудами, эти тысячники должны продвинуться дальше нас и ждать моего сигнала. Они поймут какого. Нам нельзя угодить в западню. Всё может случиться, — куньбек Янгуй отвёл взгляд от Наби-бека и стал смотреть вперёд, поглаживая скакуна по шее.

— Будет исполнено, правитель.

Наби-бек начал поворачивать коня.

— И вот что ещё, Наби-бек, — вновь сурово произнёс куньбек Янгуй. Наби-бек остановился. — Там, в долине, когда мы встретимся с царём Демиром и его войсками, особенно внимательно слушай мои приказы, следи за сигналами и немедленно исполняй их. Всем тысящикам передай моё веление действовать без промедлений.

— Повинуюсь, правитель, — как всегда, почтительно ответил Наби-бек.

— Наби-бек, очень скоро мы будем иметь свои земли, — куньбек Янгуй загадочно улыбнулся и уверенно кивнул.

— Да будет так, правитель.

Наби-бек склонил голову, приложил ладонь к груди и тут же с места вскачь повёл коня в сторону военачальников, огибая следовавший за правителем сотенный отряд телохранителей. Куньбек Янгуй поднял руку, и к нему примчался начальник личной охраны.

* * *

— Правитель, тот человек в середине на белом скакуне и есть сам царь Демир, — взглядом показывая на правителя тиграхаудов, пояснил Наби-бек.

— Да, я вижу его, — всматриваясь в передние ряды войск тиграхаудов, стоявших на дальней стороне долины, кивнул куньбек Янгуй.

Дойдя до места, войска усуней по команде куньбека Янгуйа остановились, не вступая в долину. Тиграхауды также замерли на её окраине.

— Каковы их силы? — спросил куньбек Янгуй.

— Правитель, по сведениям дозорных, у них около пятнадцати тысяч воинов, — ответил Наби-бек.

— Это хорошо, — задумчиво произнёс куньбек Янгуй.

— Правитель, но этого же мало! — возмущённо, но сдержанно воскликнул Наби-бек.

— Сколько смогли, столько и привели, — на удивление Наби-бека спокойно откликнулся куньбек Янгуй.

Куньбек Янгуй оглянулся на свои войска, поднял руку, указал в сторону тиграхаудов и неспешно, шагом повёл коня по долине. Войска тронулись за ним, раздвигаясь по флангам. Тиграхауды, заметив это, также начали движение в долину.

— А теперь, Наби-бек, будь очень внимателен к моим командам. От этих можно всего ожидать, — кивнул в сторону тиграхаудов куньбек Янгуй.

— Правитель, я всё помню, — почтительно и уверенно ответил Наби-бек.

— Ты остаёшься с войсками. Я в сопровождении начальника охраны встречу с царём Демиром. Зорко следи за мной. Теперь от этого может зависеть очень многое, — дал последние наставления куньбек Янгуй.

— Повинуюсь, правитель.

* * *

Войска усуней и тиграхаудов полностью вступили в долину и замерли друг против друга на расстоянии пяти полётов стрелы. Первым в окружении десятка телохранителей двинулся навстречу царь Демир, ведя скакуна быстрой рысью. Куньбек Янгуй взглянул на Наби-бека, затем перевёл взгляд на начальника своей личной охраны, стоявшего за его спиной, слегка кивнул, прикрыв глаза, и тронулся с места, продвигаясь навстречу к царю Демиру, но сдерживая коня и ведя его тихим шагом. Начальник личной охраны правителя и десять воинов последовали за ним. Наби-бек остался на месте.

* * *

Царь Демир уверенно приближался к середине пространства, разделяющего его войска и войска усуней, и вскоре уже преодолел её. Тем временем куньбек Янгуй неспешно продвигался навстре-

чу, не отдаляясь сильно от своих войск. Прошло немного времени, и между двумя правителями оставалось всего лишь полсотни шагов, как вдруг усунь, сопровождавшие правителя, стремительно вскинули луки, заложили стрелы и выстрелили по воинам тиграхаудов, охранявшим царя, сразив почти всех в одно мгновение и тут же пустившись вскачь, быстро приблизились вплотную и добились мечами уцелевших охранников царя Демира. Начальник личной охраны куньбека Янгуя ловко набросил аркан на царя Демира и, стянув правителя тиграхаудов на землю, волоком потащил его в сторону своих войск. Куньбек Янгуй выхватил меч, развернулся к усуньским войскам, резко поднял руку вверх и указал мечом на войска тиграхаудов. Тысячи усуней во главе с Наби-беком по всей ширине долины устремились вперёд на противника, пребывавшего от увиденного в полной растерянности. Вскоре военачальники тиграхаудов, опомнившись, повели войска навстречу. Противники не успели сойтись в ближнем бою, как вдруг тиграхауды увидели, как слева, из леса, на них мчатся тысячи усуней и одновременно справа, из-за холмов, стремительно появились ещё тысячи усуней, охватывая долину с обоих флангов. Став очевидцами пленения правителя, видя численное превосходство усуней, попав почти в окружение и потеряв боевой дух, военачальники тиграхаудов приняли решение не проливать зря кровь своих воинов и повелели войскам срочно остановиться, не вступать в сражение, не оказывать сопротивления, а сложить оружие и сдаться, рассчитывая на милость правителя усуней.

* * *

На далёком западном горизонте светило оставило последние багровые следы, плавно забирая у земли свой свет и своё тепло, но с надеждой на скорую новую встречу. По всей долине запылали костры. Обезоруженных пленённых тиграхаудов усунь разместили под усиленной охраной в ограждении многочисленных факелов в западной части долины, дабы они были видны с высоты.

Куньбек Янгуй сидел возле большого костра, задумчиво наблюдая за языками пламени, что игриво метались, рассыпая яркие искры при всяком дуновении ветерка.

«Первый шаг сделан. Хвала Вечным Небесам, царь Демир уже в моих руках. Он попытался перехитрить меня, предложив вступить

в союз. Да, он всё рассчитал и надеялся бросить моих воинов вместе со мной на своего врага и тем самым одновременно ослабить или избавиться от меня и нанести урон неприятелю-соседу. Но слишком самонадеянным оказался. Он даже не сомневался в том, что я соглашусь на его предложение и на этот поход. А всё потому, что я и мой народ оказались в безвыходном положении. Именно по этой причине он был уверен в том, что я соглашусь на любые условия. Да, я не знал ничего о численности его сил, но он не мог предположить того, что я хорошо запомнил некоторые советы шаньюя Модэ. Многочисленный и сильный народ никогда не примет в свои ряды остатки беглого и слабого народа как равного себе, и тем более не наделит его землёй, и не вступит с ним в родство. Только в качестве невольников будет существовать такой пришлый народ. Прав шаньюй Модэ. То, что тиграхауды приняли беглых юэчжей, наделили равными с собой правами, а также выделили свои земли и вступили с ними в родственные связи, свидетельствует лишь об одном — тиграхауды слабы и поэтому поступили именно так по отношению к юэчжам, дабы хоть как-то пополнить свои ряды и немного усилиться. Исходя из этого, можно понять, что воинов у них не так много и они неспособны вступить со мной в прямое противостояние. Однако всё это только теперь нашло подтверждение. Я, конечно же, рисковал, построив свою тактику вот таким образом, доверившись лишь скудным сведениям, добытым лазутчиками и Наби-беком. Всё могло обстоять совершенно иначе, и мой расчёт мог оказаться ошибочным. Что теперь думать об этом? Случилось так, как случилось. Я оказался прав. Вернее, прав оказался шаньюй Модэ, одним из советов которого мне удалось воспользоваться. Да, нужно честно признаться себе, что прежде я никогда даже предположить бы не мог, что буду однажды за что-то благодарить жестокого правителя хуннов. Надо же, как бывает в жизни! — куньбек Янгуй улыбнулся, мотнул головой, цокнув языком, выпрямил спину, окинул взором ночной лагерь и вновь стал смотреть на огонь. — И ещё в одном нужно честно признаться себе. Ведь я не был уверен, что прав, когда после долгих раздумий принял решение не вступать в союз с тиграхаудами, а любой ценой одолеть их в этой долине. Только по этой причине, из-за сомнений в задуманном, я не поставил никого в известность о своих планах, держал их в тайне ото всех. Даже от Наби-бека. И он, и все

остальные беки, и военачальники до последнего были уверены в том, что мы приняли условия царя Демира. Пойти войной с незнакомым союзником по неизведанной земле на неизвестного врага означает только одно — быть равнодушным к судьбе своего народа. А это в свою очередь означает, что ты не являешься истинным правителем... — Куньбек Янгуй тяжело вздохнул, посмотрел на телохранителя, стоявшего к нему спиной на небольшом отдалении, затем взглянул на других охранников, протёр глаза и вновь перевёл взгляд на огонь. — Теперь нужно думать о будущем... Хотя о нём приходится думать всегда. Власть над народом становится тяжёлой ношей только в таком положении, в какое угодили мы. В обустроенной и сытой жизни и чувства, и ощущения, равно как и поступки, и помыслы, иные, нежели теперь. Даже слова другие. Там всё это какое-то поверхностное и необременяющее. Да и ответственность не столь тяготит, становясь всего лишь обыденной привычкой. При хорошем существовании всё в человеке расслабленно: и разум, и душа, и тело. Теперь же пришло время глубоких раздумий, волевых решений и безошибочных действий. Для всего этого нужны силы... Пора отдохнуть. День был непростой, но, хвала Небесам, завершился благополучно для нас. Нужно немного поспать... Даже светило покинуло нас до утра, дабы мы погрузились во сны и набрались сил... Мы пришли из земель, за которыми восходит светило, в земли, за которыми оно скрывается. Значит, мы идём за ним. Мы — идущие за светилom...» — Куньбек Янгуй устало провёл ладонью по лицу, оглянулся по сторонам и откинулся на спину на разостланные на земле мягкие овечьи шкуры.

* * *

— Царь Демир, ты лично приведёшь меня и мои войска в свою ставку. И сделаешь это до заката. В противном случае все твои военачальники и воины будут казнены.

Куньбек Янгуй сидел на шкурах возле костра. Царь Демир стоял перед ним. Вид у него был измождённый. Руки и лицо покрыты многочисленными ссадинами и ранами, кожаные доспехи сильно истёрты. Покрасневшими от бессонницы глазами он смотрел на правителя усуней.

— Поведёшь не той лесной тропой в горах, по которой твои люди сопровождали моего посла в ставку, а главной дорогой, по которой

ты пришёл сюда. Я уверен, что ты очень ясно осознаёшь положение, в котором оказался теперь, и не станешь его усугублять. Более того, отныне в твоих интересах честно отвечать на все мои вопросы и выполнять все мои приказы незамедлительно и без попыток ввести в заблуждение. Советую тебе, царь Демир, прежде чем дать ответы мне, подумать о том, что от их достоверности и полноты во многом будет зависеть судьба и твоя, и твоего народа, — куньбек Янгуй встал, заложил руки за спину, медленно подошёл вплотную к царю Демиру и стал пристально смотреть ему в глаза. Тот не выдержал взгляда и опустил голову. Куньбек Янгуй вернулся на место, вновь опустился на шкуры, продолжая смотреть на пленника.

— Хорошо, куньбек Янгуй, я согласен. В моём народе помнят о правах победителя и уважают их. Я отвечу на все твои вопросы и поведу тебя в свою ставку главной дорогой. Лишь об одном прошу, если, конечно, смею... — царь Демир запнулся и посмотрел в глаза куньбека Янгуй.

— Говори, — кивнул куньбек Янгуй.

— Прояви милость к моему народу. Меня казни, но народ пощади. Прошу тебя, — царь Демир продолжал смотреть в глаза куньбека Янгуй и вдруг рухнул на колени, безвольно опустив руки и низко склонив голову.

Куньбек Янгуй не ожидал такого и слегка растерянно поднялся с места. Два стражника, стоявшие за спиной царя Демира, тут же подхватили его за руки и подняли на ноги.

— Уведите его, дайте ему еды и воды, пусть немного отдохнёт перед дорогой, — приказал стражникам куньбек Янгуй.

* * *

Каменистая дорога петляла среди густого ельника, постепенно поднимаясь всё выше и выше. Далеко за полдень передовая тысяча усуней во главе с Наби-беком уже выступила из леса на берег озера. За ней в плотном окружении сотни телохранителей продвигался куньбек Янгуй, рядом с которым ехал царь Демир. Следом шли войска, за которыми вели всех пленённых тиграхаудов. За пешими пленниками гнали их лошадей. Замыкали шествие многочисленные обозы и тыловая тысяча. По бокам от дороги, в лесу, на всём протяжении пути находились многочисленные дозорные отряды.

Пройдя небольшое расстояние по берегу, передовая тысяча по команде Наби-бека остановилась. Вдали виднелось стойбище — ставка царя Демира. Наби-бек долго и напряжённо всматривался в ту сторону. Оттуда примчался воин и что-то взволнованно сообщил. Отправив его обратно, Наби-бек подозвал тысячника, что-то сказал ему, тот поднял руку, и к нему тут же прискакал один из сотников. Тысячник отдал короткое распоряжение. И сотник, нахлёстывая плетью коня, помчался вдоль воинов по направлению к правителю.

* * *

— Правитель, — склонив голову и приложив ладонь к груди, сотник обратился к куньбеку Янгуй.

— Говори, — кивнул куньбек Янгуй.

— Правитель, меня послал Наби-бек. Лазутчики, что побывали вблизи от ставки тиграхаудов, сообщили, что там никого нет. Стойбище покинуто всеми обитателями.

Сотник замолчал, переводя дыхание. Куньбек Янгуй на мгновение задумался, затем перевёл взгляд на царя Демира.

— Что это значит?

— Куньбек Янгуй, я думаю, что они узнали о моём поражении и за ночь покинули ставку, зная о том, что ты скоро придёшь туда, — растерянно ответил царь Демир. — Мне нечего больше сказать.

— Как они могли узнать об этом? — не сводя с него глаз, сурово спросил куньбек Янгуй. — Кто и как сумел сообщить им обо всём? Говори!

— Этого я не знаю. Хотя, может быть, это Даут как-то сумел избежать пленения и добраться до ставки, — неуверенно произнёс царь Демир. Было заметно, что он искренне недоумевает.

— Кто это? — гневно спросил куньбек Янгуй.

— Это мой брат. Вечером я не заметил его среди своих людей, но и он не пытался найти меня. После того как меня увели от тебя, я был один. Не уверен в том, что это он, но никто другой не сумел бы увести людей из ставки. Кроме него, они не подчинились бы никому, — царь Демир замолчал, опустил голову и прикрыл веки.

Куньбек Янгуй посмотрел на сотника:

— Скажи к Наби-беку и передай моё веление вступить в ставку!

— Повинуюсь, правитель, — почтительно поклонился сотник и помчался обратно.

Куньбек Янгуй нашёл взглядом начальника личной охраны и кивнул ему. Тот быстро приблизился, сдерживая скакуна.

— Риза, сопроводи царя Демира к пленённым. Он должен отыскать среди них своего брата. Доставь его ко мне, — распорядился куньбек Янгуй, обратившись к начальнику личной охраны по имени.

— Будет исполнено, правитель, — склонив голову и приложив ладонь к груди, ответил тот и посмотрел на царя Демира.

* * *

Послав вперёд две сотни воинов, дабы они тщательно осмотрели стойбище, Наби-бек приблизился к главным арочным бревенчатым воротам ставки тиграхаудов. Он заметил, что огромного барабана, прежде висевшего над ними, теперь не было, как не было и шатров, заполнявших раньше окраины стойбища. Пройдя под аркой, он неспешно продвигался по главной дороге. Приземистые каменные строения чернели низкими дверными проёмами, словно пустыми бездонными глазницами взирая на проезжавших мимо них чужаков. Кругом стояла тишина. Нигде не было видно ни одного дымка. Всюду царили унылое запустение и безжизненная пустота.

«М-да, от того, что я видел в этой ставке в первый мой приезд, теперь не осталось и следа, словно ничего тут вовсе и не было. Трудно представить, что всего лишь день назад здесь кипела обычная жизнь, жизнь, которая протекала в этом стойбище многие и многие годы. Теперь её нет. Нет той жизни, но будет другая. Так кто же всё-таки оповестил их? Может быть, царь Демир оставил кого-то наблюдать за происходящим в долине и дал особые указания на такой случай? Нет, такого не могло быть, так как он не сомневался в заключении союза с нами, был уверен в объединении сил и не допускал даже мысли о нападении на него. Если уж даже я не догадался о задумке нашего правителя, то царю Демиру и вовсе такое в голову бы не пришло, иначе он бы не привёл войска в долину. Получается, что кому-то всё-таки удалось избежать пленения и добраться до ставки, и этот кто-то не мог быть простым человеком. Разве могли все обитатели ставки сами принять решение об уходе? Или могли бы они подчиниться велению какого-нибудь воина или даже военачальника? Не думаю, что такое возможно. Они могли поверить

в то, что их царь потерпел поражение и вместе с войсками пленён, но быстро собраться и покинуть ставку без веления кого-то из высокопоставленных сановников не посмели бы никогда. Значит, тот, кто сообщил о поражении в сражении и отдал приказ об уходе из ставки, был одним из приближённых к царю людей», — оглядывая опустевшую ставку, размышлял Наби-бек.

Вскоре Наби-бек оказался на главной площади ставки и остановил коня. То, что он увидел, поразило его ещё больше. Трёхглавого царского шатра на месте тоже не было. Большая терраса, на которой располагался шатёр только позавчера, была пуста. Наби-бек спешил, передал коня подбежавшему воину, подошёл к ступеням, ведущим на террасу, ненадолго задержался, осматривая её, затем поднялся, прошёл к самому её центру и встал там, уперев руки в бока и оглядываясь по сторонам. Он посмотрел на два столба, между которыми прежде на верёвках была растянута шкура с изображением оленя. Наби-бек подошёл к этим столбам. Обрывки верёвок свисали с них. Он взялся за один из концов и стал рассматривать. Верёвка явно была перерублена, а не отвязана. «Очень спешили», — подумал Наби-бек.

К террасе стремительно примчался сотник, осадил разгорячённого скакуна, быстро спешил, подбежал к месту, где стоял Наби-бек, и замер в почтительном поклоне.

— Говори, — кивнул Наби-бек, смотря на него с высоты террасы.

— Властитель, в стойбище и вокруг него никого не обнаружено. Осмотрели все жилища и все ближайшие окрестности. Судя по обнаруженным следам на этой дороге, — сотник показал рукой на главную дорогу, — все ушли на север.

— Встаньте дозором вокруг стойбища. Подбери место для размещения пленных и присмотри загоны для лошадей, — повелел Наби-бек.

— Будет исполнено, властитель.

Наби-бек посмотрел на могучего тысячника, что в ожидании стоял невдалеке, и кивнул ему. Тысячник тут же спешил, подошёл и, не поднимаясь на террасу, остановился, склонив голову и приложив ладонь к груди.

— Боранды, скоро сюда прибудет правитель. Уже темнеет. В долине он запретил разбивать лагерь, но здесь надо сделать это. Правителю и войскам нужно как следует отдохнуть. Походную юрту

правителя возведём здесь, на этом настиле. Как только придут обозы, распорядись, — повелел Наби-бек, очень уважительно относясь к тысячнику.

— Будет исполнено, властитель.

* * *

Ночь опустилась на землю без плавного заката, как это бывает в равнинной местности, а почти мгновенно, словно лавина, скатившись на стойбище с горных вершин и погрузив всю округу в непроглядную тьму. Плотный туман, потянувшийся от озера по всему побережью, влажной прохладной массой плавно вползал в каждую щель и в пустых каменных жилищах, и в возведённых юртах, окутывая зажжённые костры и запалённые факелы мутной пеленой, отчего они становились тусклее и, казалось, теряли свой жар.

— Даута, брата царя Демира, среди пленных не оказалось, — возлегая на расстеленных шкурах, тихо произнёс куньбек Янгуй.

Наби-бек сидел рядом, держа в руках чашу с молоком. В походной юрте правителя в очаге под таганом на трёх ножках с треском полыхал огонь, дрожащим пламенем освещая жилище.

— Правитель, а может, он был там, но царь Демир решил почему-то не выдавать его? — предположил Наби-бек. — Ведь, кроме меня, в лицо никто из наших людей его не знает. Даже если царь и увидел брата, то мог не сказать об этом.

— Тогда зачем он вообще сказал мне о нём? Только о нём? — куньбек Янгуй вопрошающе взглянул на собеседника, протянул руку и взял чашу с молоком.

— Видимо, подумал, что ты, правитель, всё равно узнаешь о его брате, и это вызовет подозрения и породит недоверие в будущем, — ответил Наби-бек.

— Может быть и так, но я думаю, что причина кроется в другом. Сдаётся мне, что между ними нет истинных братских отношений. Возможно, Даут всё это время жил надеждой однажды стать царём тиграудов и желал как можно скорее сменить брата на троне. Мне показалось, что царь Демир знает об этом и всегда знал, поэтому и сказал о нём. Вполне может быть, что он нашими руками решил избавиться от Даута, не желая стать братоубийцей. Услышав о том, что кто-то увёл всех людей из главного стойбища, он понял, что это сделал Даут и что отныне именно он стал предводителем

народа. Иначе зачем вот так сразу все подозрения переводить на брата? Он понял, что потерял власть, и теперь у него только один выход — войти в доверие ко мне и постараться сделать так, чтобы я вернул ему власть, покарав брата. Другого выхода у него нет. По этой причине отныне он будет служить мне верой и правдой. И я воспользуюсь этим сполна. Завтра же, Наби-бек, он в полном твоём распоряжении. Узнай у него обо всём, что нас интересует. Ты должен знать всё о количестве их людей и войск, о расположении стойбищ, пастбищ, обо всех их землях, о соседях по всем границам, в каких отношениях они состоят и с его народом, и между собой. Только после этого все наши люди придут сюда, — куньбек Янгуй пригубил чашу.

— Будет исполнено, правитель, — не вставая, но выпрямившись, почтительно ответил Наби-бек.

Г Л А В А   В Т О Р А Я

Как и весь народ, зная уже обо всём, что произошло и в долине, и в ставке тиграхаудов, Иджими с нетерпением ожидал веления правителя выдвигаться в земли, отныне принадлежащие им по праву победителей. Он в числе первых встречал гонцов от правителя, вслушивался в каждое слово и, не услышав приказа о выдвигании, разочарованно возвращался к юрте, не отвечая на приставания младшего брата Илими с просьбой посмотреть, как он метко выпускает стрелы по мишени из своего маленького лука. Илими, видя, что брат не в настроении и чем-то огорчён, умолкал, присаживался рядом, не мешая его думам, но не понимая происходящего, и лишь поглядывал с надеждой на внимание.

* * *

Юрта старика-возничего, с которым Иджими пришлось в одной кибитке проделать весь долгий путь от озера Лобнор до этих мест, располагалась на самой восточной окраине стойбища, возле леса, и представляла собой жалкое жилище, собранное из больших растрёпанных лоскутов грязного войлока, наброшенных на каркас из прутьев и беспорядочно стянутых верёвками. Иджими подъехал к ней, спешил, оглянулся по сторонам и, никого не увидев,

привязал коня к стоящей кибитке. Затем откинул ветхий полог на входе в юрту, наклонился и вошёл.

Внутри всё было так же убого, как и снаружи. Через небольшое верхнее дымоходное отверстие, радуя глаза, в юрту пробивался пучок утреннего света, слегка рассеивая царящий полумрак. Иджими, прищурившись, осмотрел жилище, в котором не было ничего, кроме скудной посуды, очага, тагана на трёх ножках и брошенных вокруг старых войлочных ковриков, нескольких овечьих шкур и потертых кожаных сумок. Иджими подошёл к тагану и протянул над ним ладонь. Убедившись в том, что очаг холодный, он вздохнул, ещё раз огляделся и вышел наружу.

Светило едва взошло над горами и пока не коснулось лучами даже верхушек деревьев, и от этого лесная гуща была наполнена темнотой и казалась зловещей. Иджими подошёл к кибитке, заглянул внутрь, задумчиво постоял и стал отвязывать скакуна, как вдруг услышал какой-то шорох за спиной, со стороны леса, и тут же обернулся, потянувшись к мечу, притороченному ремнями ножен к седлу. Всмотревшись в ближние заросли, он увидел старика-возничего, пробиравшегося среди деревьев и уже почти вышедшего на окраину леса. Иджими, успокаиваясь, убрал руку от меча, глубоко вздохнул и прикрыл было глаза, но тут же открыл, вздрогнув от чьего-то прикосновения к ноге. Огромный лохматый пёс с разодранными короткими ушами обнюхивал его, тяжело и учащённо дыша, часто высовывая длинный язык, лениво мотая слюнявой мордой и оглядываясь на старика.

— Кто это там? Кому это я понадобился? — недовольно бурча, непонимающе поглядывал на Иджими уставший старик. Он остановился в нескольких шагах, щурясь и рассматривая гостя.

— Это я, Иджими. Ты не узнал меня? — вытянув руки в стороны, громко произнёс юноша и улыбнулся.

Пёс тем временем, лениво виляя хвостом, прошёл под кибитку и лёг, поглядывая то на старика, то на юношу.

— А, это ты, старший сын самого Наби-бека! — подойдя ближе и глядя прямо в лицо Иджими, узнал старик. — Не думал, что ты вспомнишь о старике и навестишь.

— Рад видеть тебя, старец, — Иджими приложил руку к груди и слегка наклонил голову. — Я не забывал о тебе.

Старик пристально посмотрел в глаза юноши и ответил на приветствие, почтительно приложив руку к груди и низко склонив голову.

— Ты, наверное, устал, давай присядем, — вежливо предложил Иджими.

Старик кивнул и направился к бревну, что лежало возле юрты, сбоку от входа. Иджими последовал за ним. Они присели и какое-то время молча смотрели на пса, который всё никак не мог найти удобного места под кибиткой, чтобы прилечь. Наконец пёс утомился.

— Что ты делал в лесу в такую рань? — посмотрев на старика, спросил Иджими. — Вижу, не на охоту ходил, — оглядев его с ног до головы, после паузы добавил он.

Старик был очень худ, лицо и руки его покрывали сечки, а одежда была больше похожа на жалкие лохмотья.

— Тут вот какое дело, — как-то нерешительно начал старик, затем взглянул на Иджими, словно пытаясь понять, поймёт тот его или нет, и продолжил: — Вышел-то я несколько дней назад на охоту...

Старик вдруг замолчал и с неподдельной тревогой посмотрел в сторону леса. Только теперь Иджими заметил, что глаза старца совершенно другие, нежели он помнит: вокруг зрачков появились странные белёсые мутноватые круги. От увиденного ему стало не по себе.

— Что случилось, старец? — взволнованно спросил Иджими.

Старик, услышав, вздрогнул и перевёл взор на молодого гостя, словно только что заметил его присутствие.

— Что с тобой? — всматриваясь ему в лицо, ещё более взволнованно спросил Иджими.

— Ты, юноша, зачем приехал? — неожиданно и тихо спросил старик.

— Я... я хотел увидеть тебя... может, тебе что-нибудь нужно... узнать... — растерянно ответил Иджими.

— Поезжай... поезжай... мне ничего не нужно... — старик раздражённо опустил голову, замотал ею, замахал руками, словно пытаясь избавиться от надоедливых мух, и поднялся на ноги.

Иджими тут же вскочил и отступил на шаг в ужасе. Старик обошёл его, нервно откинул полог на входе в юрту и скрылся внутри. Иджими, ничего не понимая, смотрел на полог в полной растерянности от увиденного, от тех разительных перемен, что произошли со стариком на его глазах.

Джуйя, как всегда, была возле своей юрты. Она носила воду из небольшой речки, что журчала невдалеке, подкидывала хворост в огонь, мыла посуду, вытрясала коврики в стороне от жилища, в общем, занималась обычными домашними делами и не сразу заметила подъехавшего к берегу Иджими. Увидев юношу, она оглянулась на вход в юрту, убедилась в том, что никто ещё не вышел наружу, тщательно вытерла лицо и руки, поправила одежду на себе и побежала к нему, слегка подтягивая подол длинного платья.

Иджими спешился. Отпущенный конь подошёл к воде, опустил низко голову, понюхал, широко раздувая ноздри, и начал пить.

— Ты почему так рано? — подбежав к Иджими, спросила Джуйя, радостно рассматривая его лицо.

Иджими задумчиво посмотрел ей в глаза и молча присел на валун. Джуйя перестала улыбаться, подошла и присела перед ним на корточки, взяв его за руки.

— Иджими, что-то случилось? Ты чем-то расстроен? — тихо спросила Джуйя.

— Я навестил старца... — Иджими запнулся и мотнул головой. — Помнишь, я тебе рассказывал?

— Да, помню, конечно, — кивнула Джуйя.

— Станный он какой-то стал... — Иджими вновь ненадолго замолчал, словно подбирал нужные слова, и взволнованно продолжил: — Будто и не он вовсе...

— Что с ним? — ничего не понимая, спросила Джуйя. — Иджими, чем он тебя так расстроил?

— Когда я приехал, то не застал его. Потом он появился и сказал, что несколько дней был на охоте, но при этом с собой у него ничего не было. Понимаешь, совсем ничего. Ни добычи, ни оружия — ничего. Весь ободранный и исхудавший. И пёс его такой же. Но самое главное — он был очень сильно чем-то напуган. Очень сильно! Я заметил, как он смотрел на лес. Он хотел было о чём-то сказать, но взглянул с ужасом на заросли и прогнал меня. Взял и тут же прогнал меня! Представляешь? — на одном дыхании произнёс Иджими.

— Да, странно всё это, — Джуйя задумчиво поднялась, не отпуская рук Иджими, и присела рядом на валун. — Ты же говорил, что он всегда был словоохотливым и спокойным.

— Признаться, он напугал меня, — тихо произнёс Иджими. — Я такого не ожидал. Думал, что он обрадуется, увидев меня. Я же повёз ему еды и ещё кое-что, но... Вон, всё в мешках.

Иджими кивнул в сторону коня — к седлу с обеих сторон были приторочены два больших кожаных мешка.

— В юрте пусто, ничего нет. И волов я не видел. Как он живёт? Чем питается? Где всё?.. Ничего не понимаю... Вот я и приехал к тебе... Кому ещё я скажу о таком?

— Иджими, ты правильно сделал, что приехал, но чем я могу помочь? Скажи, — тихо с сочувствием в голосе произнесла девушка.

— Джуйя, мне кажется, за ним нужно скрытно понаблюдать. Без еды да в таком состоянии он долго не сможет прожить. Думаю, он одинок и его никто не навещает, — поделился мыслями Иджими.

— Наверное, ты прав, — задумчиво произнесла Джуйя и вдруг спросила: — А почему ты не оставил там гостинцы, те, что повёз? Расстроился и забыл о них, да?

— Да, я только теперь вспомнил о них, — кивнул Иджими.

— Отвези, Иджими, и незаметно оставь где-нибудь, но чтобы он нашёл их без труда. Хорошо? — слегка улыбнувшись уголками губ, попросила Джуйя.

— Хорошо, Джуйя, я так и сделаю. А наблюдать буду с верными друзьями. Им тоже придётся всё рассказать. Иначе ничего не получится, — приняв решение, уверенно сказал юноша.

— Это ты правильно придумал, Иджими, с друзьями будет легче.

Джуйя заметно расслабилась и улынулась так, что её красивые глаза заблестели и заискрились, а милое лицо засияло, подобно светилу. Теперь она была такой, какой её привык видеть Иджими. Глядя на неё, он тоже улынулся.

— Поезжай, Иджими, тебе пора, — поднимаясь, ласково попрощалась Джуйя.

— Хорошо, Джуйя, пора, — кивнул Иджими.

Джуйя нехотя выпустила его руки из своих, слегка склонила голову перед ним и направилась в сторону юрты, оглядываясь с улыбкой.

* * *

— Первыми будете вы, братья Айю и Баркут, вас сменят Габи и Кабат, потом Куньми и Акташ, а после них я и Кассак, — завершил разговор Иджими.

Они сидели вокруг костра. Сумерки сгустились, и вместе с ними пришла прохлада.

— Иджими, а, если старец направится в лес, нам что делать? — спросил Айю. Он был высокого роста и очень широк в плечах, мощным телосложением заметно отличаясь от друзей-сверстников.

— Один из вас должен пойти следом и оставлять метки на деревьях, а второй — тут же сообщить мне. Мы все быстро соберёмся и пойдём за старцем. Нам нельзя упустить его. Только так мы сможем узнать, что случилось с ним и что происходит в лесу, — ответил Иджими.

— А если он вообще никуда не пойдёт? Тогда что делать? — задал вопрос Баркут, брат Айю, стройный юноша с маленькой головой, острым взглядом и крючковатым носом.

— Тогда последим несколько дней, а потом сами осмотрим лес, мы же не знаем его. Заодно поохотимся, — пожал плечами Иджими. — Есть ещё вопросы?

Он окинул взором друзей. Они молчали.

— Всё, расходимся. Пора спать.

Иджими поднялся.

* * *

— Иджими, ты с друзьями следишь за старцем уже три дня. Может быть, достаточно? — сидя возле Иджими на валуне возле речки, спросила Джуйя.

— Джуйя, — Иджими взглянул ей в глаза, — ты никому об этом не говорила?

— Нет, а что? — удивилась она.

— Еду, что я тогда оставил старику в кибитке, он, видимо, нашёл и забрал. Но её было не так много, а он с псом больше не выходил из юрты. Вот я и подумал, может, ты кому-то сказала, и ему принесли еды, пока мы не начали следить, — объяснил Иджими свой вопрос.

— Нет, никто не знает о том разговоре. А вдруг он... — Джуйя испуганно прикрыла рот ладонью.

— Ты чего? Думаешь, он умер? — растерянно спросил Иджими.

Джуйя, часто моргая, кивнула и пожала плечами. Иджими молча смотрел на неё, затем опустил голову.

— Надо бы как-то заглянуть к нему в юрту, — почти прошептала Джуйя. — Ты же хочешь помочь ему, а получается что-то не так...

Иджими задумчиво поднялся. Со стороны юрты слышался звук конских копыт: кто-то подъехал. Иджими оглянулся и увидел возле юрты всадника. Джуйя тоже взглянула туда и вскочила на ноги.

— Это мой брат. Мне пора.

Джуйя быстро посмотрела в глаза Иджими, улынулась уголками губ, слегка склонила голову и побежала к жилищу. Иджими видел, как её брат спрыгнул с коня, взглянул в их сторону и быстрым шагом вошёл в юрту.

* * *

Наступили сумерки. Оставив коней в небольшой низине возле стоявших там двух лошадей, Иджими и Кассак стали тихо взбираться по склону.

— Куньми, Акташ, вы где? — добравшись до края, Иджими тихо окликнул друзей. — Это мы, Иджими и Кассак.

— Тише вы, — слышался близкий голос.

— А, вот вы где, — подползая к друзьям, что лежали на земле, прошептал Иджими. — Ну, что там? Старик так и не появился?

— Появился только что. Что-то взял из кибитки и обратно зашёл в юрту, — повернул голову к Иджими Куньми.

— Жив, значит, старик, — прошептал Иджими. — А что взял-то? Кибитка пустая же.

— Выходит, не пустая. Он долго возился там, а потом с какими-то мешками выбрался и занёс их в юрту, — щёлкнув языком, довольно произнёс Куньми. — И на умирающего с голоду он вовсе не похож. Шустрый такой. Мы с Акташем чуть не ахнули от удивления. Да, Акташ? — Куньми повернулся в сторону лежащего рядом Акташа и ткнул его локтем в бок.

— Угу, — ответит тот.

— Ну и дела... — прошептал Кассак.

— А пёс где? — спросил Иджими.

— В юрте, наверное. Наружу при нас не выходил, — ответил Куньми.

— Больше ничего не заметили? В округе никто не появлялся? Со стороны леса ничего не было? — вглядываясь то в сторону юрты старика, то в сторону чернеющего леса, тихо спросил Иджими.

— Я ничего. А ты, Акташ? — Куньми вновь посмотрел на напарника и опять ткнул его локтем в бок.

— Хмм, — прозвучало в ответ.

— Он тоже ничего, — поворачивая голову к Иджими, ответил за Акташа Куньми.

— Ладно, поезжайте отдыхать, — слегка хлопнув Куньми по плечу, сказал Иджими.

Куньми снова ткнул локтем в бок Акташа и пополз вниз по склону. Акташ последовал за ним.

— Ой! Ты чего мне на руку наступил? Вот я тебе... — вдруг тихо вскрикнул Куньми.

— Хе-хе-хе, — слышался смех Акташа.

Вскоре Иджими и Кассак остались одни. Опустилась ночь. На небе появились тусклые звёзды. Стало прохладнее.

— Чего он очаг не топит или костёр возле юрты не зажигает, а? Холодно ночами уже, да и еду надо же как-то готовить, — в который раз удивился Кассак.

— Станный он какой-то стал. Не поймёшь его. Всё у него теперь не как у людей. У кого только я не спрашивал о нём, никто ничего не знает. Очаг он разводил. Это точно. Когда я в тот раз приехал к нему, то видел в остывшем очаге остатки дров, но с тех пор ни разу. Всё это после той охоты и началось, — прошептал Иджими. — Он будто боится чего-то или кого-то и поэтому огнём не хочет выдавать своего присутствия здесь. Даже пса держит в юрте. Думаю, холодными ночами пёс согревает его, иначе замёрз бы уже.

— М-да, дела... А волю где? Нет же их. Куда они-то подевались? Мы всю округу осмотрели, но ни костей, ни шкур не нашли. Вообще ничего. Если бы он отдал их кому-то, то с кибиткой отдал бы. Зачем она ему без волов? — соглашаясь с другом, произнёс Кассак.

Они замолчали, продолжая вглядываться в сгущающуюся тьму.

* * *

Небосвод едва засветлел над горными вершинами, бледным фоном выделив их чёрные величавые силуэты. Иджими и Кассак, позёвывая, борясь со сном, наблюдали за юртой старика.

— Скорей бы Айю и Баркут приехали, — согревая дыханием руки, прошептал Кассак.

— И я озяб, но до смены ещё далеко. Братья побудут здесь весь день — и всё, мы прекращаем наблюдение. Отдохнём, а завтра на рассвете вместе поедem в лес и сами всё там осмотрим. Старик, ви-

димо, не собирается покидать юрту, а мы не можем следить за ним бесконечно, — откидываясь на спину и тоже потирая руки, тихо напомнил Иджими и тут же добавил: — Я уже начинаю жалеть, что всё это затеял и вас втянул.

— Вон он, — чуть громче положенного вдруг сказал Кассак.

Иджими быстро перевернулся на живот. Старик с сумкой на плече вместе с собакой направлялся в сторону леса, растворяясь в утренних сумерках.

— Вот. Дождались всё-таки. Действуем, как договорились. Я за ним, а ты скажи за всеми нашими. Я отпущу его немного вперёд и пойду следом. Пёс может меня учуять, если сильно приближусь. Трудно будет не потерять его из виду, но ничего не поделаешь, будем стараться. Идите за мной по меткам — я буду делать насечки на деревьях и ломать ветки. Всё, пора, — Иджими коснулся рукой плеча Кассака и спросил: — Ты заметил, куда он направился? Где вошёл в лес?

— Да, запомнил. С этого места между юртой и кибиткой. Будь осторожен. Я помчался, — посмотрев в лицо друга, Кассак стал быстро спускаться.

Иджими ещё раз взглянул в сторону леса и последовал за Кассакком к своему скакуну.

* * *

В лесной гуще было совершенно темно. Деревья росли настолько близко друг к другу и так цепко переплетались ветвями, что порой были абсолютно непроходимы, словно живая стена, преграждая путь. Иджими сошёл с коня и вёл его на поводу, держа в руке меч, дабы делать насечки на стволах и срубить ветки. Он часто останавливался и прислушивался, пытаясь уловить малейший шорох впереди, искал проходные места и иногда поглядывал вверх, на звёзды в редких просветах над головой, чтобы не сбиться совсем с пути.

«Эх, надо было собаку с собой взять!» — думал он, очень сожалея о том, что ни ему самому, ни кому-то из друзей в голову не пришла эта мысль.

Небо заметно посветлело, и окутанный туманом лес хоть и очень слабо, но стал проглядываться на несколько шагов вперёд. Иджими удалось обнаружить следы старика, и он, немного успокоившись, уверенно шёл за ним, не забывая при этом оставлять метки и стараясь быть как можно тише.

* * *

Кассак вместе с друзьями быстро вернулся к юрте старика. С места наблюдения они, следуя подсказкам Кассака, определили, где старик вошёл в лес, и направились в гущу. Через какое-то время пришлось спешиться и вести лошадей на поводу.

— Эй, Айю, иди вперёд. Ты среди нас всегда был самым лучшим следопытом, — оглянувшись назад, тихо обратился к другу Кассак.

Тот молча обошёл всех и возглавил группу, внимательно вглядываясь то себе под ноги, то в деревья по сторонам. Из-за высокого роста он часто пригибался под разлапистыми ветвями. Вскоре он увидел первую метку, оставленную Иджими, — срубленную ветку.

* * *

Иджими шёл по следам старика, стараясь не выдать своего присутствия громким звуком: тщательно высматривал сучки и ветки под ногами, следил за тем, чтобы конь тоже не производил лишнего шума, и при этом остерегался приближения к старику, дабы пёс не обнаружил его.

День уже прошёл свою середину. Светило неустанно пробивалось пучками лучей сквозь тесную, дремучую лесную чащу, рассеиваясь среди ветвей и едва достигая земли, покрытой толстым слоем хвои и валежником. От безветрия воздух среди деревьев поначалу казался застоялым, густым и вязким, но, насыщенный смолистым привкусом, он не спирал дыхания, не доводил до душного изнеможения и излишней потери сил, поэтому сильной жажды Иджими не испытывал.

За всё время преследования Иджими ни разу не увидел старика, но изредка слышал впереди звуки: треск веток, шум крыльев внезапно вспорхнувшей потревоженной птицы, редкой в этих местах, и поэтому знал, что идёт верно.

«Странно, на кого он тут охотится? Ни следов зверя какого-нибудь, ни птицы здесь почти нет», — думал Иджими, часто оглядывавший окрестности.

Ближе к вечеру юноша уловил приглушённые звуки за спиной. Остановившись и повернувшись назад, стал прислушиваться и вглядываться в гущу деревьев. Вскоре Иджими увидел Айю, а за ним и всех друзей. В ожидании их приближения он присел на землю.

— Нужно что-то делать с лошадьми, — тихо сказал Иджими друзьям, присевшим кругом. — С ними мы будем сильно отставать и можем потерять старика. К тому же от них много шума. Если старик нас заметит, то мы ничего уже не узнаем и все наши задумки и труды будут напрасными.

— Нужно оставить их здесь под присмотром, — решительно предложил Куньми.

— Да, верно. Решение, думаю, единственное и правильное, — кивнул Иджими. — Кому-то двоим нужно будет быть с ними. Кто устал или не хочет идти дальше? Говорите правду. Мы друзья, не бойтесь осуждения... К тому же ещё неизвестно, кому будет труднее — тем, кто пойдёт дальше, или тем, кто останется здесь.

Все молчали.

— Предлагаю Габи и Кабата, — вновь подал голос Куньми. — Они немного младше, и им будет труднее, чем нам. А ведь мы не знаем, как долго придётся идти за стариком. Хотя Иджими прав, и неизвестно, что может случиться здесь. Однако, если что-то будет не так, они смогут вернуться на лошадях в стойбище.

Худощавые, чем-то похожие друг на друга Габи и Кабат переглянулись и пожали плечами, не возражая Куньми.

— Что скажете, Габи и Кабат? — взглянув на них, прямо спросил Иджими.

— Хорошо. Надо так надо, — быстро кивнул Габи и посмотрел на Кабата.

Тот тоже согласился уверенным кивком.

— Что ж, решено, так и поступим. Габи и Кабат, вы остаётесь здесь с лошадьми. Будьте бдительны. Отдыхайте по очереди. Всех скакунов, кроме ваших, стреножьте. Оружие держите наготове. Костёр постарайтесь не разжигать. Только в крайнем случае, если будет очень холодно, сделайте это. Еда и вода есть у каждого, как мы и договаривались. На несколько дней должно хватить. Всё, друзья, нам пора. Старик только на вид кажется малосильным, а на самом деле, как я убедился, очень выносливый и скорый на ход.

Иджими поднялся, а за ним и все встали с мест. Иджими подошёл к Габи и Кабату и обнял каждого, ободряюще похлопав по плечам. Айю, Баркут, Акташ, Куньми и Кассак тоже попрощались с остающимися. Потом сняли с коней сумки с привязанными к ним

свёрнутыми козыми шкурами, нагроулили их на себя поудобнее и направились на восток, быстро исчезая среди деревьев.

* * *

— Эй, Кабат, не знаю, как ты, а я пойду за всеми и поведу лошадей. Дождаться здесь не буду. Случись что-нибудь, кто им поможет, кроме нас с тобой? — решительно сказал Габи.

— Верно, я согласен. Будем ближе к ним, — согласился Кабат.

* * *

Завершался третий день преследования группой юношей старика охотника. Сумерки сгустились и наполнили лес непроглядной тьмой, принеся с собой прохладу и звенящую тишину.

— Всё, встаём на отдых. Дальше идти уже невозможно, — вытянув руку и коснувшись широкой спины идущего впереди всех Айю, прошептал Иджими. — Старик тоже до утра будет отдыхать.

Друзья собрались возле Иджими, стараясь не шуметь, сняли сумки и опустили на землю. Отвязали лёгкие тёплые шкуры и тихо расстелили их, руками расчистив землю от веток и еловых шишек.

— Поедим и спать. Первым в дозоре буду я, потом Кассак, Куньми, Акташ, Баркут и Айю, — стал шептать Иджими. — Если кто-то что-то услышит или заметит, сразу будите всех. Старик, как мы поняли, костра тоже не разжигает, но поглядывать в его сторону нужно. Всякое может быть.

* * *

— Эй, все просыпайтесь! Быстро, быстро! — Айю тормошил друзей, стараясь как можно тише будить их своим густым низким голосом. — Вставайте же скорее!

Первым вскочил на ноги Иджими.

— Что случилось, Айю? — встревоженно, но тихо спросил он.

— Вон что, — Айю показал рукой.

В стороне, где должен был быть старик, сквозь предутренний туман в темноте виднелся тусклый, далёкий, мерцающий свет от огня.

— Старик что, костёр разжёг? — предположил Куньми.

— Я тоже так подумал, но вы смотрите, смотрите, — шептал Айю.

Все стали всматриваться и скоро увидели, что огней иногда становилось много, и они разлетались в стороны, будто кто-то разбрасывал огромные головёшки.

— Что это? — удивлённо, но излишне громко произнёс Акташ и тут же сам прикрыл ладонью рот.

— Тише ты! — одёрнул его Баркут.

— И давно это? — спросил Иджими.

— Вот только и увидел, — буркнул Айю.

— Что там творится? Это не просто костёр. Огни похожи на факелы. Странно всё это, — прошептал Иджими.

— Я пошёл, — вдруг решительно сказал Айю. — Я один.

Глянув исподлобья на брата, он закинул на спину колчан со стрелами, взял лук и направился в сторону огней. Никто не успел и слова произнести, как он уже бесшумно растворился в сумраке.

* * *

Не по годам мощнотелый и рослый Айю, несмотря на своё телосложение, бесшумно шёл в темноте по совершенно незнакомой ему местности. Прирождённый охотник-одиночка, он, словно матерый хищник, как только нутром ощущал присутствие жертвы, тут же начинал азартно её выслеживать и преследовать и почти всегда ловко настигал. Так случалось во все его выходы на промысел зверя. Вот и сейчас он понял, что начинает большую охоту. На мгновение остановившись, он глубоко вдохнул, закрыл глаза, запрокинул назад голову и сильно сжал кулаки, затем выдохнул, решительно тряхнул головой и двинулся вперёд. Сонливость, расслабленность мгновенно покинули его тело, и теперь он уже был собран и очень сосредоточен.

* * *

— Кто должен был стоять в дозоре? — тихо, но сурово спросил друзей Иджими.

— Я, — прошептал Баркут.

— Ты уснул? — не меняя тона, вновь спросил Иджими.

— Да, — признался тот.

— Ты понимаешь, что ты не только брата, но и всех нас подвёл? Айю поэтому ушёл один. Он знал о твоих слабостях, и ему стало стыдно за тебя, за такого брата. Ты это-то понимаешь? Он своим

поступком приносит нам всем извинение за тебя, — укоризненно произнёс Иджими.

— Простите меня, друзья, — виновато попросил прощения Баркут.

— Ладно, потом разберёмся. Пошли за Айю, — Иджими стал собирать вещи. — Ты, Баркут, возьми мешок брата.

* * *

Айю приближался к месту, где странным образом бесновался огонь. Туман и густые заросли не давали возможности как следует рассмотреть, что там происходит, и поэтому он украдкой подходил всё ближе и ближе. Когда до огня оставалось расстояние одного полёта стрелы, Айю услышал многоголосое звериное рычание, очень похожее на рычание собак или волков. Пробравшись среди деревьев ещё на несколько десятков шагов, он замер и стал всматриваться. То, что он увидел, ужасом поразило его до самой глубины души, словно в одно мгновение острые холодные шипы вонзились в сердце. Он смотрел не отрываясь и чувствовал, как волосы на голове зашевелились, будто кто-то ледяными пальцами взъерошивал их, по спине к макушке пробежал холодок и тело в одно мгновение покрылось липким потом... Зрелище, что предстало перед его взором, было самым жутким из всего, что он видел в жизни.

Возле костра стоял старик охотник со своим ошетилившимся и сипло лающим псом и бросал горящие палки в разные стороны, а вокруг медленно кружили странные на вид люди. Их было не меньше десятка. Почти обнажённые, в набедренных повязках из шкур, они, пританцовывая, продвигались друг за другом то в одну сторону, то, вдруг быстро развернувшись, в другую. Но самое страшное заключалось в том, что у них вместо лиц были волчьи морды. Эти существа злобно рычали и жутко оскаливали клыкастые пасти, высывая длинные языки.

Айю нервно провёл ладонью по лицу, вытирая пот, затем прикрыл на мгновение глаза и коснулся волос на макушке. Немного придя в себя, он оглянулся, выбирая наиболее удобную позицию, дабы было лучше видеть всех возле костра. Осторожно приблизившись ещё на несколько шагов, он присел на одно колено, из колчана за спиной вытянул стрелу, заложил её в тетиву, поднял лук и стал прицеливаться среди ветвей в одного из нападавших на старика.

Он видел, что старик заметно обессилел и уже не кидает горящие палки, выхватывая их из костра, а с огромным усилием машет одной из них перед собой, стоя спиной близко к огню. Айю выбрал цель, натянул тугую тетиву, задержал дыхание и выпустил стрелу, тут же вновь быстро снарядив лук. Один из волчьеголовых замер на полушаге, схватился рукой за стрелу, вонзившуюся ему прямо в сердце, покачнулся и упал на спину. Его собратья не успели ничего понять, как вдруг ещё один из них рухнул на землю. Затем ещё. Остальные в панике окружили поверженных, то склоняясь над ними и рассматривая тела, то вертя мордами в разные стороны, рыча и суетливо оглядывая округу.

Айю собирался было выпустить следующую стрелу, но увидел старика, бежавшего в его сторону и невольно перекрывшего собой сектор обстрела. Айю сокрушённо опустил лук, выжидая пока откроется обзор, и, как только старик исчез, вновь вскинул лук и выстрелил в очередную жертву, метко сразив и её. Тем временем старик, тяжело дыша, едва держась на ногах, цепляясь руками за ветки, проследовал мимо Айю, не заметив его и продолжая отдаляться от зловещего места, и только пёс, бежавший следом, на мгновение замер в нескольких шагах от Айю, злобно зарычал и побежал дальше за хозяином.

Айю перевёл взгляд на костёр и увидел волчьеголовых, преследующих старика. Он понял, что теперь не сможет сразить их из лука, поскольку они отдалились от огня и лишь мелькали в темноте на его фоне. Айю вскочил и побежал обратно, руками раздвигая разлапистые ветви и часто оглядываясь назад. Пробежав несколько сотен шагов, он вдруг налетел на кого-то, сбил с ног и упал сверху.

— Ты чего?! — услышал он под собой голос Иджими.

Айю свалился с него набок, переводя учащённое дыхание. Иджими проворно вскочил на ноги и протянул руку. Рядом уже стояли все друзья.

— Все к бою! — прохрипел Айю и выхватил меч, напряжённо глядя в сторону, откуда сам прибежал.

— Эй, вы кто? — с противоположной стороны раздался чей-то хриплый тихий голос, и тут же все, оглянувшись, заметили человека, что стоял за деревом в нескольких шагах от них.

— Старец, это ты? — Иджими узнал старика по голосу и окликнул его.

— Сын Наби-бека, это ты?

Человек вышел из-за дерева, пошатываясь, подошёл и, придерживаясь за ветвь, стал всматриваться в лица юношей, пытаясь определить, кто из них Иджими. Его огромный пёс, повилая хвостом, подходил к каждому и обнюхивал.

— Да, это я... — Иджими начал было говорить, как вдруг все услышали топот ног.

— О ужас! Это они! Скорее уходим! — вскрикнул старик.

Иджими выхватил меч и бросился к Айю. Друзья поспешили за ним.

— Нет, только не это! Их много! Нужно бежать! — надрывным голосом вновь крикнул старик и замахал руками.

— Старик прав, их много. Я видел, — шепнул Айю стоящему рядом с ним Иджими. — И это не люди.

Иджими взглянул на друга, затем посмотрел вверх, где среди древесных вершин были видны едва посветлевшие клочки неба, и коротко сказал:

— Бежим!

Все помчались в обратную сторону, стараясь на ходу выстроиться друг за другом. Айю был последним. Он остановился возле старика, посмотрел мгновение, схватил его, перекинул через плечо и побежал дальше. Пёс рванул с места и последовал за людьми.

* * *

Габи и Кабат сидели под деревом и смотрели по сторонам. Небо заметно посветлело, предвещая раннее утро. Туман плавно рассеивался, становился более прозрачным и уже начал медленно выпускать дремучие заросли из своих мутных объятий, от чего ближние деревья и лошади обретали более отчётливый вид.

— Есть хочется, — поглаживая живот, прошептал Габи.

— Угу, — поддержал Кабат.

— Как там наши? Долго их нет. Не случилось бы чего, — задумчиво произнёс Габи.

— Угу, — буркнул Кабат.

Габи вдруг вскочил на ноги, прислушиваясь.

— Ты чего? — удивился Кабат.

— Тихо, — приложив палец к губам, прошептал Габи.

Кабат тоже встал, чтобы прислушаться.

— Слышишь? — Габи показал рукой в сторону, куда ушли их друзья. — Кажется, там кто-то есть.

— Угу, — приложив ладонь к уху, согласился Кабат.

— Ты слушай, а я к лошадям.

Габи заспешил к коням и стал быстро развязывать путы на их ногах.

Не видя пока никого, но уже отчётливо слыша приближающийся топот, Габи и Кабат взобрались на своих коней, приготовили луки и встревоженно смотрели оба в лесную гущу, пытаясь среди деревьев увидеть тех, кто бежал в их сторону.

— Габи... Кабат... лошадей!

Юноши увидели выбежавшего из-за деревьев Куньми и услышали его отрывистые, надрывные крики.

Очень скоро появились и все остальные. Последним выбежал Айю. Он остановился и опустил старика с плеча на землю. Прибежавшие тяжело дышали и просто не могли ничего сказать. Габи и Кабат, быстро спешившись, подвели к друзьям их лошадей, и вскоре все юноши были верхом. Иджими протянул руку старику и резким движением затянул его себе за спину. Все во главе с Айю поспешили сквозь лес к становищу.

Через несколько мгновений на это же место выскочили волчье-головые. Они замерли, приняхались, а затем бросились вслед за людьми. Их было гораздо больше, нежели Айю видел возле костра.

* * *

— Как думаешь, мы смогли оторваться от них? — поравнявшись с Айю, громко спросил Иджими.

Старик крепко держался за юношу, обхватив его тонкими, жилистыми руками.

— Нет. Они очень сильные и проворные, — уверенно прогрохотал в ответ Айю. — Это не люди.

Иджими придержал коня, отпустив Айю вперёд, наклонился вбок и оглянулся, стараясь увидеть друзей, — боялся, что кто-то из них отстанет. Он увидел скачущего за ним Куньми, но больше никого не было видно. Иджими остановил скакуна и махнул рукой Куньми. Тот едва сдержал разгорячённого бегом коня. Мимо промчался Акташ. Он резко осадил лошадь, оглянулся и, лишь убедившись, что с друзьями всё в порядке, вновь помчался вслед за Айю.

— Куньми, забери старика, — помогая рукой старику, прокричал Иджими.

Старик сполз на землю. Куньми кивнул, протянув старому охотнику руку, ловко затащил его себе за спину и помчался за Акташем. Внезапно выскочивший из зарослей пёс побежал за ними.

Иджими с тревогой смотрел назад в ожидании остальных друзей. Вскоре они друг за другом промчались мимо него. Последним был Баркут. Он придержал коня и выкрикнул:

— Иджими, чего стоишь? Скорее уходи!

Иджими махнул рукой:

— Скачи! Не останавливайся!

Баркут кивнул и помчался вперёд. Иджими заложил стрелу в лук и стал целиться в сторону, откуда должны были появиться преследователи. Они не заставили долго ждать, и он увидел первого из них. К своему удивлению и ужасу, он увидел не человека, а волка с человеческим телом, бегущего на всех четырёх конечностях! Всего лишь на мгновение растерявшись, Иджими справился с оцепенением и, прицелившись, выпустил стрелу. Остриё вонзилось прямо в правый глаз волчьеголовому, от чего он, словно ударившись о невидимое препятствие, внезапно опустил голову, мордой ткнулся в землю и кубарем полетел под дерево. Иджими, резкими толчками подбивая пятками в бока скакуна, часто нахлёстывая его плетью, с места вскачь пустился за друзьями.

* * *

Свежее утро, родившись над горными вершинами, плавно разливалось по всему небосводу, пока ещё тусклым светом проникая в дремучие заросли безграничного ельника. С высоты птичьего полёта можно было бы разглядеть сквозь дымку лёгкого тумана, как в лесу вереницей, друг за другом, петляя среди деревьев, мчатся восемь всадников, а за ними, рассыпавшись веером, по-звериному, стремительно перебирая руками и ногами, быстро бегут волчьеголовые, постепенно настигая конников и охватывая их с боков.

* * *

Низко припав к гриве скакуна, Иджими гнал его во весь опор, с огромным усилием маневрируя среди деревьев. Приходилось часто уклоняться от ветвей, но он старался не упустить из виду скачущего

впереди Баркута. Изредка он оглядывался и, к своему ужасу, отчётливо видел оскаленные пасти не отстающих волчьеголовых людей. Теперь он замечал их уже недалеко, по обеим сторонам от себя.

* * *

Айю стремительно вылетел на обширную поляну, где было гораздо светлее, и, осадив коня, вертелся на месте, оглядывая округу. Дабы сориентироваться по звёздам, взглянул вверх, но на белёсом небосводе уже не было видно ни одной звезды.

— Не туда мы попали, — прикусив губу, зло прошептал Айю. — Сбились!

Вскоре на поляне оказались все друзья, один за другим быстро выскакивая из леса.

— Это место мне незнакомо! — продолжая вертеться на коне, прогрохотал Айю. — Мы сбились с пути!

Иджими развернулся назад и с тревогой смотрел на гущу деревьев.

— Все за мной! — показав рукой направление, крикнул Айю и тут же сам погнал туда коня. Друзья устремились следом.

Иджими оглянулся на них и вновь посмотрел на лес. Волчьеголовые появились на окраине, но не в одном месте, а по всей ширине поляны. Их было много. Они остановились и, тяжело дыша, смотрели звериными глазами то на Иджими, то в сторону его удаляющихся друзей. Некоторые из них поднялись на ноги. Впервые Иджими удалось рассмотреть преследователей в полный рост: волчьеголовые, словно на подбор, были очень высокими и обладали огромными мускулистыми телами. От увиденного у Иджими внутри всё мгновенно похолодело. Он порывисто развернул скакуна и помчался за друзьями. Волчьеголовые дружно ринулись за ним, и те, кто стоял на ногах, сначала так и побежали, подобно людям, но по мере ускорения переходили на бег на всех четырёх конечностях, заметно прибавляя в скорости.

* * *

Айю первым пересёк поляну, достиг лесной окраины и влетел между двух огромных елей в сумеречную гущу. Вскоре там скрылись и все остальные юноши, и только Иджими находился ещё почти на середине поляны. Он изо всех сил хлестал плетью коня, но,

как ни спешил, волчьеголовые настигали, и он это знал, хотя и не оглядывался: он слышал за спиной нарастающий гул шагов и близкое многоголосое рычание.

До спасительного леса оставалось всего с десяток шагов, когда вдруг конь под Иджими неожиданно и резко сбавил ход, от чего всадник, словно пушинка, перелетел через его голову, рухнул на землю и кубарем покатился по траве. На какое-то мгновение всё вокруг Иджими быстро завертелось и потухло, но вскоре он открыл глаза и понял, что лежит на животе. Слегка приподняв голову над травой, Иджими осмотрелся. Теперь ему стало ясно, отчего конь так странно повёл себя: один из волчьеголовых, злобно рыча, вцепился клыками ему в хвост и тянул назад. Скакун ещё держался на ногах, сопротивлялся, вскидывал голову, бешено сверкая огромными испуганными зрачками, фыркал и лягался. Иджими не знал, как поступить, и оглянулся на лес, но никого там не заметил. Он вновь посмотрел на преследователей и поразился увиденному: волчьеголовые, бывшие уже очень близко к нему, падали один за другим, словно подкошенные, будто на бегу спотыкались обо что-то на земле. Тот из них, что вцепился в коня, тоже вдруг рухнул, разжав пасть и отпустив наконец испуганное и утомлённое животное. Ничего не понимая, Иджими приподнялся на руках и только теперь увидел, что упавшие волчьеголовые сражены стрелами. Иджими оглянулся. По всей окраине леса на поляну выступили всадники. Их было много, не меньше целой сотни. Они шагом ехали на конях и прицельно расстреливали волчьеголовых из огромных боевых луков. Иджими порывисто вскочил на ноги, не сводя глаз с воинов и не веря пока в спасение. Тяжело дыша, юноша посмотрел в сторону волчьеголовых. Неся огромные потери, они убегали обратно, вновь пересекая поляну и исчезая в лесу.

— Иджими, как ты? — кто-то неожиданно громко окликнул Иджими.

Он вздрогнул и оглянулся. Позади были все его друзья. Они смотрели встревоженно, удерживая на месте своих коней. Иджими растерянно кивнул, опустил на землю, поднял дрожащую руку и стал нервно утирать рукавом лицо.

Тем временем воины продолжали медленно продвигаться по поляне. Убрав луки, они добивали поверженных мечами и копьями, склоняясь, чтобы разглядеть волчьеголовых.

Айю первым спешился, подошёл к Иджими и присел рядом. За ним сошли с лошадей и подошли остальные друзья. Они тоже опустились на траву и молча смотрели на Иджими, сидящего с низко опущенной головой. Было заметно, как он учащённо дышит, как подрагивает всё его тело, словно охваченное сильным ознобом.

Кассак протянул Иджими кожаный мешочек с глиняным сосудом внутри, в котором была вода.

— На, попей, — предложил он.

Иджими отказался, мотнув головой.

— Иджими, мы не бросили тебя. Мы уже шли к тебе, — тихо начал Акташ. — Но нас не пустил сотник Ихлас. Это он спас нас всех.

— Мы не знаем, как он оказался здесь. Он забрал старика и приказал нам оставаться в лесу, — дополнил Куньми.

— Да, а Габи и Кабат, оказывается, не остались там, где мы разошлись, а сразу пошли за нами, — продолжил Баркут. — Если бы не они, мы все погибли бы ещё раньше.

Иджими поднял голову, окинул уставшим взором друзей и вытянул в стороны руки. Все тут же, не поднимаясь, собрались в плотный круг. Они посмотрели друг на друга и дружно обнялись, при этом каждый старался коснуться головой головы другого.

* * *

Весь день сотня Ихласа, к которой добавилось девять человек и десять волокуш с телами волчьеголовых людей, прикрытых шкурами, продвигалась по лесу на запад. Иджими с друзьями и старик ехали следом за первым десятком воинов. Так повелел Ихлас, возглавлявший отряд. На небольшом отдалении от них со всех сторон следовали дозорные пары.

Ближе к вечеру встали лагерем на ночлег. Лошадей не рассёдывали и оставили под охраной вблизи от стоянки. Запылали костры — по одному на десять человек, как было заведено в войсках. Выставили усиленные дозоры и приступили к готовке еды.

Иджими с друзьями и старик расположились у костра в самом центре лагеря. Это тоже было велением сотника Ихласа. Вскоре воины принесли им горячую еду. Голодные и уставшие, они тут же приступили к трапезе, после чего молча улеглись на шкурах, заботливо разложенных воинами вокруг костра, и сразу же уснули, впервые за все эти дни.

Ближе к полуночи сотник Ихлас подошёл к их костру, тихим шагом обошёл спящих, останавливаясь возле каждого и всматриваясь в лица. У изголовья Иджими присел, осторожно убрал с его лица соринку, улыбнулся, мотнул головой, поднялся, подкинул хворост в огонь и, аккуратно ступая, направился к другим кострам.

* * *

— Иджими, я вынуждена была обратиться к брату за помощью. У меня был плохой сон. Но дело даже не в нём! Я почувствовала, что ты с друзьями попал в беду... — Джуйя стояла перед сидящим на валуне со склонённой головой Иджими и пыталась объяснить, почему открыла старшему брату тайну, связанную со стариком. — Ты зря злишься... В конце концов, если бы не Ихлас, то вы все погибли бы. Ты же не можешь отрицать этого?.. Почему ты так несправедлив ко мне?

Джуйя была расстроена поведением Иджими, его укоризненным молчанием. Она тоже замолчала и тяжело вздохнула. Не зная, куда девать руки, убрала их за спину. Затем опустилась на землю, сдувая с лица выбившуюся из косы прядь шелковистых волос, и перевела взор с Иджими вдаль, на горные вершины.

Иджими приподнял голову, посмотрел на девушку, сполз с валуна и оказался рядом с ней на земле. Глядя на профиль её красивого лица, он видел, как обиженно надуты у неё губки. Он улыбнулся и протянул руки к Джуйе. Девушка задумчиво посмотрела на них, затем перевела взгляд на лицо Иджими, вынула руки из-за спины, нежно коснулась пальцами его переносицы со сросшимися бровями, облегчённо вздохнула и взяла его руки в свои узкие ладони.

— Ты больше не обижаешься? — тихо спросила она, слегка склонив голову к плечу.

— У тебя хороший брат, — перестав улыбаться, также тихо заговорил Иджими. — Ихлас — надёжный человек, и очень дорожит тобой. Это видно по поступкам. Ты права, если бы не он и не его воины... — Иджими замолчал на полуслове и сокрушённо мотнул головой. — Когда они появились, я ничего не мог понять. Кто? Как? Откуда? Ничего! Понял, что это наши воины, и всё. Больше ничего... Я ведь в том положении, в какое угодил, уже попрощался с жизнью. Это правда...

Иджими замолчал, обхватил ладони Джуйи и часто заморгал.

— Иджими, не стоит об этом вспоминать! Это было ужасно. Я даже представить не могу, что ты пережил тогда... — искренне сочувствуя ему и стараясь успокоить, взволнованно говорила Джуйя. Запнулась и продолжила: — Ты не поверишь, но в том сне я видела волка. Он появился ниоткуда на пороге юрты и угрожающе рычал, но внутрь так и не вошёл, исчезнув тоже в никуда. В ту ночь я не сомкнула глаз до самого утра и почувствовала, что с тобой может случиться беда. Но я верила всей душой, что тебе удастся спастись и вернуться, ведь волк в моём сне не вошёл в жилище и не причинил беды. Вот тогда-то брат заметил мою тревогу и спросил о ее причине. Прости, но твоя жизнь мне дороже, чем наша с тобой тайна.

На глазах Джуйи появились слёзы. Она осторожно освободила свою руку из ладони Иджими и нежно погладила его по щеке.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

— Правитель, нашим лазутчикам удалось обнаружить место нахождения Даута, — почтительно поприветствовав куньбека Янгуя, сообщил Наби-бек, стремительно вошедший в главную юрту.

— Сколько войск ему удалось собрать? — поднявшись со скамьи и заложив руки за спину, спросил куньбек Янгуй.

— Немного, правитель, но, вопреки нелестным отзывам царя Демира об умственных способностях брата, тот оказался весьма неглупым и довольно предприимчивым человеком, — привычно потерев шрам, с лёгким сарказмом в голосе произнёс Наби-бек.

Куньбек Янгуй удивлённо вскинул бровь.

— Дело в том, правитель, что Даут, по известным нам причинам не сумев в своих стойбищах собрать нужное количество воинов, тайно направил посла к правителю соседей канглов. Не знаю наверняка его цели, но думаю, что он попросит военной помощи для войны с нами, — предположил Наби-бек, поясняя свои слова.

— Это важная новость. К тому же очень неожиданная, — куньбек Янгуй на мгновение задумался и продолжил: — По данным, которыми мы теперь располагаем обо всех наших соседях, канглы являются самыми сильными среди них. Они многочисленны и об-

ладают большой и боеспособной армией. Пожалуй, в этом они не уступают нам. Но у них есть неоспоримое преимущество. Канглы на своей земле, и этот факт имеет огромное значение в сложившихся обстоятельствах, не учитывать его мы не можем.

Куньбек Янгуй замолчал, опустил на широкую скамью и жестом предложил садиться Наби-беку. Тот почтительно склонил голову, приложив руку к груди, и, скрестив ноги, опустил на низкое мягкое сиденье.

— Когда он отправил посла? — уточнил куньбек Янгуй.

— Два дня назад, — уверенно ответил Наби-бек.

Куньбек Янгуй отвел взгляд и стал смотреть на очаг, в котором, стгорая, потрескивали дрова. Он долго молчал, обдумывая ситуацию.

В дверь постучали, и её створки распахнулись. Вошёл начальник личной охраны правителя Риза и замер в приветственном поклоне. Стражники снаружи тут же закрыли за ним дверь.

— Говори, — посмотрел на него куньбек Янгуй.

— Правитель, тысячник Бурчук требует срочной встречи с Наби-беком, — сообщил тот.

Куньбек Янгуй едва заметно кивнул. Риза склонил голову, развернулся, стукнул в дверь, которая тут же открылась, и вышел.

— Командующий дозорными войсками не станет беспокоить понапрасну и по пустякам. Иди, Наби-бек, позже договорим. Мне есть над чем подумать, — прикрыв веки, разрешил куньбек Янгуй.

Наби-бек поднялся, почтительно склонил голову и быстрым шагом покинул юрту.

* * *

Тысячник Бурчук не взошёл на террасу, а оставался на земле возле ступеней. Это был мужчина средних лет, огромного роста, с очень широкими плечами и большим животом. Лёгкий ветерок развеивал длинные густые рыжие космы, борода была заплетена в косу. Широко расставив ноги, постукивая свёрнутой плетью по голенищу сапога, он оглядывал окрестности, изредка бросая напряжённый взгляд из-под мохнатых бровей на дверь главной юрты. Когда она открылась и на террасу вышел Наби-бек, Бурчук ловко засунул плеть за голенище и шагнул навстречу, прикладывая руку к груди и неуклюже, по-бычьему, словно готовясь боднуть, склоняя голову.

— Слушаю тебя, доблестный Бурчук, — быстро сбежав по ступеням, произнёс Наби-бек, ответив на приветствие.

— Властитель, утром мой дальний южный дозор захватил одного странного человека. Похоже, он тиграуд и не простолюдин какой-нибудь, а из знатных. Скрытно и спешно он продвигался с запасной лошадью в южную сторону. Это и вызвало подозрения у дозорных. Его срочно доставили ко мне. Очень он похож на важного гонца, но не на лазутчика, поскольку не проявлял интереса к нашим расположениям. Вот я и счёл нужным как можно быстрее сообщить о нём тебе, властитель. Не зря же он появился в тех местах и пытался тайком обойти наши дозоры, — низким, густым, гортанным голосом доложил Бурчук.

— Где он сейчас? — спросил Наби-бек.

— В юрте одного из моих дозорных, — ответил Бурчук. — Там, на самой окраине. — Он показал рукой в сторону главных ворот в стойбище.

Наби-бек поднял руку, и к нему тут же подвели скакуна.

— Поехали, доблестный Бурчук, посмотрим на твоего пленника, — ловко вскочив в седло, кивнул Наби-бек.

Бурчук быстрым шагом подошёл к огромному серому жеребцу, отвязал его от коновязи, грузно взобрался в седло и последовал за Наби-беком.

* * *

— Да, это точно он, правитель, — уверенно кивнул Наби-бек. Он стоял перед куньбеком Янгуйем в главной юрте.

— Царь Демир не должен говорить неправду. Такого до сих пор за ним замечено не было, — задумчиво проговорил куньбек Янгуй.

— Правитель, царь Демир видел его со стороны, тайком, и слышал голос. Он, без сомнений, признал верного помощника своего брата Даута и назвал имя. Его зовут Берджу, — пояснил Наби-бек.

— О чём говорил пленник Берджу, когда его видел и слышал царь Демир? — взглянув в глаза Наби-бека, спросил куньбек Янгуй.

— Правитель, не беспокойся, я всё предусмотрел, и пленник в это время не говорил ничего ни о своей тайной миссии, ни о том, кто и куда его направил, — понимая, к чему задал вопрос куньбек Янгуй, заверил Наби-бек.

— Это правильно. Царю Демиру не следует знать всего.

Куньбек Янгуй сел и жестом предложил сесть Наби-беку.

— У этого пленного Берджу есть семья?

— Да, правитель. Он женат на младшей сестре Даута Галатис, и у них трое детей, — ответил Наби-бек.

— Вот как? Становится понятным, почему Даут так доверяет ему, — довольный услышанным, произнёс куньбек Янгуй.

Поджав губу, он несколько раз слегка кивнул, что-то обдумывая, затем ненадолго закрыл глаза, после чего взглянул на очаг.

— Теперь, Наби-бек, нам нужно подумать над тем, как с наибольшей пользой воспользоваться тем, что мы имеем. Я говорю о Дауте и его посланнике к канглам Берджу, — куньбек Янгуй восторженно посмотрел на Наби-бека. — Что скажешь?

— Правитель, я думаю, что нам нужно напасть на стойбище Даута и захватить его, а вместо Берджу отправить к канглам своего человека, будто он посланник от Даута. Оставшись и без этого предводителя, тиграхауды сами попросятся под твоё правление, а наш лазутчик сообщит канглам об этом, постарается задержаться там под видом пострадавшего от усуней и будет твоими ушами и глазами в их главном стойбище или владениях, — быстро сообразив, предложил Наби-бек.

Куньбек Янгуй задумался. Он долго молчал, глядя на горящий очаг. Наби-бек в ожидании решения то поглаживал шрам на лице, то рассматривал свои ладони.

— Вот как мы поступим, Наби-бек, — наконец прервав раздумья, начал говорить куньбек Янгуй. — Вели своим лазутчикам, тем, кто обнаружил место нахождения Даута, тайно похитить и его, и его семью, доставить к нам и надёжно спрятать. Другие же лазутчики пусть так же, без излишнего шума и тем более без кровопролития, доставят к нам всю семью пленного Берджу. Всё это нужно сделать очень быстро.

Наби-бек поднялся и спешно направился к выходу.

* * *

Сотник Терим с отрядом лазутчиков затаились среди скал над одним из стойбищ тиграхаудов. На землю плавно опускался прохладный вечер, отчего прежде чёткие контуры гор и деревьев размывались и растворялись в сумерках и виды вокруг тускнели, окрашиваясь в однообразные мутно-сероватые цвета.

Предварительно обезвредив, тщательно допросив двоих дозорных тиграхаудов, чей схрон был оборудован на скале, и убедившись в том, что сановник Даут с семьёй и семья его посла к канглам Берджу находятся в этом стойбище, лазутчики оставили лошадей под охраной в предгорном лесу, устроились среди камней и наблюдали за всем, что происходило внизу, терпеливо ожидая наступления ночи, дабы под её покровом совершить то, ради чего они и прибыли сюда.

— Шатёр Даута, как я понял, вон тот, что в середине, — показав рукой на большой новый шатёр из светлой кожи, расположенный почти в самом центре стойбища, прошептал сотник Терим. — А шатёр его посла Берджу — тот, что за ним.

— Да, только перед входом в главный шатёр стоят стражники, — тоже тихо ответил молодой воин крепкого телосложения.

Они лежали на самом краю отвесной скальной стены высотой в десять человеческих ростов прямо над поселением.

— Ближе к полуночи, когда все будут крепко спать, ты, Бабу, со своими людьми спустишься и проберёшься к шатру посла Берджу, а я к шатру Даута. Здесь, прямо под нами, у подножия скалы, загон для овец. Я заметил возле него нескольких собак. Ты знаешь, что с ними нужно сделать, — сотник повернул голову к воину, убеждаясь, правильно ли понял он сказанное. Тот уверенно кивнул. — Обратно уходить будем так же. Поднимем пленников сюда. Это место самое незащищённое вокруг стойбища. Только тут мы сможем пройти с захваченными нами Даутом и женщинами с детьми.

Бабу снова кивнул. Сотник ещё раз внимательно осмотрел стойбище, затем развернулся, опустился ниже, присел и вытянул ноги, приклонясь спиной к камню.

* * *

Наступила полночь. Небольшое стойбище тиграхаудов уже давно погрузилось в безмолвие и в темноту, и только у входа в главный шатёр мерцал огонь, поддерживаемый двумя стражниками.

Вниз по отвесной скале в восточной стороне поселения чёрными тонкими змейками поползли два десятка верёвок, и вскоре по ним, едва выделяясь на фоне тёмной стены чёрными пятнами, стали медленно и бесшумно спускаться люди. Три огромных пса, охранявших загон с овцами у самого подножия скалы, вдруг учуяв за-

пах чужаков, поднялись с мест и зарычали, но подать голос так и не успели, рухнув на землю сражённые стрелами, пущенными сверху.

Терим первым достиг земли, мягко опустился, отвязал верёвку от пояса, сделал пару шагов и сразу присел, вглядываясь в сторону жилищ. К нему приблизился Бабу и присел рядом. Оба повязали головы чёрными платками, прикрыв их концами лица ниже глаз. На ногах у них, как и у всех их лазутчиков во время таких вылазок, были надеты сапоги без подошв, дабы бесшумно ступать и чувствовать землю под ногами. Терим оглянулся и посмотрел вверх. На стене никого уже не было, все спустились и притаились за его спиной.

Убедившись, что на стойбище всё спокойно, Терим вытянул руку со сжатым кулаком в сторону шатра Берджу и разжал кулак, растопырив пальцы. Бабу кивнул, оглянулся, поднял руку, махнул своим людям и, низко пригнувшись, побежал в указанном направлении. Девять воинов, тоже с прикрытыми лицами, тихо последовали за ним. Терим проводил их взглядом и побежал в сторону главного шатра, придерживая меч на боку, часто замирая, прислушиваясь к звукам и оглядываясь вокруг. Следом за ним, не отставая, словно тени, бежали девять его воинов.

Преодолев около сотни шагов, Терим достиг главного шатра с обратной от входа стороны и присел, дожидаясь своих людей. Мягко и тихо развернувшись к ним, он показал два пальца ближнему из них и, сжав кулак, указал большим пальцем себе за спину. Воин понятно кивнул и пальцами и жестами продублировал приказ сотника, обернувшись к товарищам. По два воина тут же метнулись в разные стороны, обходя шатёр по бокам и приближаясь к входу.

Стражники расслабленно стояли перед входом в шатёр. Один из них зевнул, лениво покачиваясь и шаркая тяжёлыми сапогами, подошёл к костру, наклонился, взял двумя руками охапку приготовленного хвороста и бросил в огонь. Костёр сразу же полыхнул ярче, громче затрещал, с жаром разбрасывая искры. Не успел стражник развернуться, как стрела вонзилась ему в грудь. Он схватился за неё, пошатнулся и упал на спину. Второй стражник, увидев это, открыл было рот, но не успел издать и звука, как другая стрела пробила его шею под правым ухом и в одно мгновение окровавленным наконечником выскочила под левым. Стражник зажал руками горло, шагнул в сторону, опустился на колени и рухнул лицом в зем-

лю. С обеих сторон шатра из темноты появились люди в чёрном, лазутчики Терима. Они взяли убитых за руки и за ноги и быстро скрылись с ними за шатром. Двое из лазутчиков вернулись и заняли места стражников. Терим спешно подошёл и оглянулся по сторонам. Два воина, сопровождавшие сотника, подпалили от костра факелы. Терим осторожно сдвинул полог на входе в шатёр и вошёл внутрь. Воины с факелами последовали за ним.

* * *

— Наби-бек, ты дал возможность Берджу увидеть свою семью? — куньбек Янгуй стоял возле горящего очага, протянув ладони, словно ему было холодно и он решил погреть руки.

— Да, правитель, они виделись и недолго пообщались, — ответил Наби-бек, стоявший в шаге от него.

Куньбек Янгуй убрал руки от огня, подошёл к своей скамье, опустился на неё и жестом предложил Наби-беку присаживаться. Тот почтительно занял своё место.

— После давнего ранения иногда в эту пору года мои руки немного теряют чувствительность, и я таким образом всякий раз проверяю их, — разглядывая свои ладони, улыбнувшись, пояснил куньбек Янгуй и посмотрел на Наби-бека.

— Понимаю, правитель, — кашлянув в кулак, отозвался Наби-бек.

— Я заметил, что ты тоже иногда потираешь свой шрам. Беспокоит? — рассматривая след от старой раны на лице Наби-бека, с искренним сочувствием в голосе спросил куньбек Янгуй.

— Иногда, правитель, — смутившись, тихо сказал Наби-бек и по привычке коснулся рукой шрама на левой половине лица.

— Как твои сыновья? — вдруг перестал улыбаться куньбек Янгуй.

— С ними всё в порядке, правитель, благодарю, — слегка склонив голову и приложив ладонь к груди, ответил Наби-бек.

— Потерпи, дуглу Наби-бек. Потерпи. Недолго нам осталось пребывать в разлуке и с нашими семьями, и со всем нашим народом. Близится осень, и нам с тобой здесь, в этих землях, нужно ещё многое успеть сделать для того, чтобы они стали нашими и впредь всегда принадлежали нам, — обращаясь к собеседнику в соответствии с его высоким титулом, что случалось очень редко, задумчиво произнёс куньбек Янгуй.

Наби-бек вздохнул и с пониманием кивнул.

— Мы не должны допускать ошибок... Мы с тобой обязаны сделать так, чтобы тиграхауды не стали нам врагами, вступив в союз с соседями и тем самым усилив их. Малые юэчжи, которых они приняли как равных себе, наверняка не прервали отношений с сородичами, живущими среди канглов, тоже принявших их как равных. Теперь благодаря сведениям, предоставленным нам царём Демиром, мы знаем и об этом. О том, что происходит с тиграхаудами, я уверен, известно и правителю канглов. В связи с этим для нас с тобой становится очень важным понять, как теперь он поступит, и предупредить его возможные действия, направленные и на разобщение нас и тиграхаудов, и на создание всех предпосылок для нашего столкновения в войне... Или же он захочет присоединить тиграхаудов к себе. Вот над чем нам с тобой, Наби-бек, нужно крепко подумать и найти единственное верное решение, дабы не допустить ни того, ни другого варианта развития событий. Родственные между собой юэчжи, несмотря на то что живут среди двух разных народов, сделают всё, чтобы мы, пришлый народ, не навредили тем из них, кто вошёл в состав тиграхаудов. Юэчжи среди канглов постараются повлиять на правителя, дабы он как можно быстрее присоединил к себе тиграхаудов. Тогда юэчжи воссоединятся с братьями, — куньбек Янгуй наконец, после отвлечённого разговора, говорил о главном, о том, что теперь является самым важным и занимает все его мысли. — Даут направил Берджу к правителю канглов с просьбой о военной помощи против нас, ссылаясь на бездарность брата, царя Демира, и на безвыходное положение, в котором оказался он и все тиграхауды. Берджу теперь в наших руках, но это пока ничего не меняет. Правитель канглов и так знает обо всём, что случилось и с царём Демиром, и с Даутом. Он не может не догадываться о скором прошении Даута о помощи. У него наверняка есть планы относительно сложившейся ситуации, и он, я уверен, готовится к их воплощению. К сожалению, мы не знаем о них, но, полагаю, он не пойдёт войной против нас, а постарается присоединить к себе оставшихся без власти тиграхаудов и только после этого станет думать о большой войне с нами. Во всяком случае, я бы на его месте поступил именно так. Дождаться войны между нами и тиграхаудами с его стороны было бы бессмысленно. Мы без особых усилий одолеем их, и он это знает и рассчитывать на наше ослабление от такой войны не будет... Хотя одним только Небесам

известно, кто и как на грешной земле способен поступить. — Куньбек Янгуй замолчал, закрыл глаза и устало провёл ладонью по лицу.

Наби-бек слушал очень внимательно.

— Скажи мне, Наби-бек, как тиграхауды относятся к царю Демиру и к его брату Дауту? — открыв глаза и посмотрев на Наби-бека, вдруг спросил куньбек Янгуй.

— Царя Демира, правитель, как мне стало известно, подданные почитают за миролюбивый нрав, поистине отцовскую заботу и справедливые решения. К Дауту относятся по-разному. Кто-то недоволен вспыльчивым характером и необдуманными скорыми поступками. Кто-то проявляет уважение к нему, как к сановнику предприимчивому и смекалистому. Есть и те, кто попросту боятся его, и их довольно много, — с готовностью ответил Наби-бек.

— Боятся, говоришь? Это плохо для него, — думая о чём-то, рассудил куньбек Янгуй и, взглянув в глаза Наби-беку, продолжил: — В том, что царь Демир дорожит жизнями своих людей, мы убедились. Его брат Даут тоже тогда проявил себя, но совсем иначе. Завистливый и жаждущий власти, он умело воспользовался ситуацией и, бросив в беде брата — царя с войсками, поспешил объявить себя новым правителем. Ни мужской чести, ни верности присяге, ни преданности родству у него, как оказалось, нет и не было. Однако, всегда зная о слабостях и пороках брата, добродушный Демир держал его рядом с собой, заботился, доверял, всячески оберегал и даже возвысил над всеми. Видимо, надеялся на добрые изменения в нём и на благоразумное поведение, но, увы, ничего подобного не произошло. Жаль мне царя Демира. Его надеждам, как теперь выяснилось, не суждено было свершиться. Он испытал на себе предательство со стороны самого близкого человека. Велико его разочарование, но ничего уже не изменишь... — куньбек Янгуй тяжело вздохнул и вновь прикрыл глаза, погрузившись в раздумья.

Наби-бек слегка кивнул несколько раз, соглашаясь с правителем.

— На всё воля Небес, — прервал раздумья куньбек Янгуй и посмотрел на Наби-бека. — Вернёмся к главному. Вели к утру готовить пять тысяч воинов. Царь Демир тоже пусть будет готов к дороге. Вместе с ним я отправляюсь в стойбища тиграхаудов. Всех пленённых тиграхаудов тоже подготовь. Я забираю их с собой. Пусть вернутся к своим семьям. Здесь они не нужны. Содержать

их, равно как и казнить, мы не будем. Пусть сослужат добрую службу за наше милосердие и расскажут по всем стойбищам о дарованной свободе и проявленном нами великодушии. Пользы от этого будет больше, нежели они погибнут тут от голода. Ты же, Наби-бек, остаёшься. Через десять дней отошли Берджу к канглам, куда он и был отправлен Даутом, но теперь его цель будет иной. Скажи, что он по-прежнему является послом сановника Даута. Он ведь знает о его пленении. Так вот, пусть сообщит правителю канглов всё то, что велел Даут. Слово в слово, но добавит, что войск у Даута нет и никто из воинов пока не желает ему подчиняться. После этого он должен сделать всё, чтобы остаться там, у них. Мы поможем в этом. Длительную задержку в пути он должен объяснить ранением, случайно полученным в дороге. Вели нашему палачу повредить ему руку или ногу, но не сильно, так, чтобы за эти десять дней, пока ты его не отправишь к канглам, поправился. О нахождении у нас он должен забыть. С ним направь нашего лазутчика, наиболее смышлёного, на случай, если правитель канглов захочет с ответом вернуть его обратно. Сославшись на недомогание после полученного увечья, Берджу отправит нашего человека вместо себя, а сам останется там. Он должен проявить все свою смекалку, но остаться у них и, как ты сказал, стать моими глазами и ушами. Накажи ему, чтобы он любой ценой вошёл в доверие к кому-либо из ближайшего окружения правителя канглов. Золота на это дело не жалеи, но всё держи под особым контролем. Как, когда, где и с кем из наших людей он будет связываться, обдумай сам. Отныне он будет служить нам, зная и помня о том, что его семья у нас и их судьба теперь всецело зависит от его поведения, — куньбек Янгуй ненадолго замолчал, давая возможность Наби-беку всё подробно запомнить, после чего продолжил: — К Дауту и его семье, так же как и к семье Берджу, вели относиться с уважением, но строго. Никого из них никуда не выпускай. Даже прислугу. Усиль охрану. Кроме назначенных постоянных стражников, никто не должен подходить к ним. Никто. Иначе, Наби-бек, вся эта наша затея окажется бесполезной, — куньбек Янгуй перевёл взгляд на огонь и замолчал.

— Всё будет исполнено, правитель, — Наби-бек понял, что на этом разговор окончен, поднялся, склонил голову, приложив ладонь к груди, развернулся и покинул юрту.

Г Л А В А   Ч Е Т В Ъ Р Т А Я

Иджими был возле своей юрты, когда к ней подъехал сотник Ихлас. Увидев его, Иджими удивился, но виду не показал и подошёл. Ихлас спешился и приложил руку к груди, приветствуя юношу. Иджими ответил также с почтением.

— Что-то случилось, Ихлас? — спросил Иджими.

— Пройдёмся, Иджими, а то я давно не ходил пешком, даже забыл, что это такое, — жестом приглашая юношу к прогулке, улыбнулся Ихлас. Его большие синие глаза, окаймленные длинными пушистыми ресницами, задорно блеснули, а полные губы обнажили ровные ряды белоснежных зубов. Он был высок и статен.

— Может, хочешь жажду утолить? — радушно предложил Иджими.

— Нет, благодарю, Иджими. Пойдём поговорим.

Ихлас спокойным шагом направился вниз по отлогому склону в сторону островерхой скалы, одиноко возвышавшейся над берегом мелкой речки. Иджими сделал несколько быстрых шагов и поравнялся с гостем. Они молча дошли до скалы, у подножия которой лежали большие валуны. Ихлас наклонился, сорвал травинку и присел на один из камней, Иджими опустил на другой напротив него. Ихлас задрал голову, окинул взором яркий синий небосвод, широко развёл в стороны руки и всей грудью глубоко вдохнул тёплый свежий воздух, явно наслаждаясь солнечным днём.

— Эх, красота-то какая! — воскликнул он, игриво взглянув на юношу.

Иджими, глядя на него, улыбнулся.

— А ты чего такой хмурый? — спросил Ихлас, вытянул руки вверх над головой и с хрустом потянулся, разминая спину. — Денёк-то какой, а? Красота! Наслаждайся и ни о чём не думай! В твои-то годы ходить понурым вредно!

— Да я в порядке, — смутившись, пожал плечами Иджими.

— Это хорошо. Это радует, — опустив руки, довольно произнёс Ихлас.

Иджими не мог понять ни цели его приезда, ни его поведения, и от этого сам не знал, как вести себя, и был слегка растерян. Заметив это, Ихлас перестал улыбаться и балагурить и уже серьёзно посмотрел в глаза юноши. Иджими не отводил взгляда, ожидая дальнейших слов.

— Хорошо. Давай поговорим, — словно прочитав его мысли, начал Ихлас. — Скажи, Иджими, ты с друзьями случаем не собираешься в тот лес? Что-то вы все подозрительно притихли. Ничего о вас не слышно, хотя всегда все только и говорили о ваших чудачествах. Сдаётся мне, что вы что-то задумали и к чему-то тайно готовитесь. Или я ошибаюсь? — вертя в руках травинку, напирал Ихлас. — Что-то на вас не похоже, чтобы эти волчьеголовые так сильно вас напугали. Вы же из всех юношей самые сорвиголовы. Так что? Готовитесь, да? Можешь мне честно ответить?

— Кто это сказал? — Иджими прищурился и теперь уже с подозрением смотрел на Ихласа.

— Так, судя по твоему взгляду, мои догадки близки к истине, — Ихлас усмехнулся уголками рта. — И когда вы выдвигаетесь? Чего молчишь? Говори уж, коль вы не смогли сохранить в тайне планы.

— Да куда мы не собираемся, и планов нет у нас никаких, — пожал плечами Иджими. — Кому это в голову пришло, не могу понять.

— Послушай меня, Иджими, я ведь точно знаю, что вы что-то затеяли, и приехал к тебе не уму-разуму учить, а очень серьёзно поговорить. Ты же человек взрослый и умный, всё сам понимаешь. Давай поговорим по душам, честно и откровенно. Скажу больше. От того, как мы с тобой пообщаемся, и от того, поймём мы друг друга или же нет, будет зависеть одно интересное обстоятельство, о котором ты можешь узнать от меня или не узнать в конце нашего разговора. Всё зависит от тебя. Так что подумай, прежде чем что-то сказать.

— Это связано с Джуйей? — осторожно спросил Иджими.

— Нет, Иджими. Поверь на слово. С моей сестрёнкой это не связано. Всё, что происходит между вами, это ваши дела, — уверенно ответил Ихлас.

— Это мой отец велел? — вновь осторожно спросил Иджими.

— Иджими, перестань допытываться. Наби-бек мне ничего такого не велел. Если даже он что-то и знает, то я никаких указаний по этому поводу не получал.

Ихлас терпеливо отвечал на все вопросы, и Иджими, замолчав, опустил голову.

— Так что? Кончились расспросы? Теперь я слушаю тебя, — Ихлас смотрел выжидающе.

— Да, всё верно. Мы решили пойти в тот лес и для этого собираем отряд, — Иджими поднял голову и посмотрел в глаза Ихласа. — Нам стало известно, что волчьеголовые давно наведываются в стойбище, к дальней окраине, туда, где живёт старик охотник. Они похитили много скота, в том числе и волов этого старика. Люди запуганы и поэтому молчат. Они обратились было к своему старейшине с просьбой о помощи, но он только посмеялся над их рассказами и отказал. Без скота им очень трудно, но они терпеливо и молча переживают эти беды, понимая, что всем сложно живётся.

— И ты с друзьями решил помочь им: пойти в лес, найти волчьеголовых и уничтожить их. Так? — наклонившись к Иджими, уточнил Ихлас.

— А что делать, если никто им не верит, не слушает, только смеются и не помогают?! Или это чужие для нас люди? Как им жить дальше? Кто их защитит? А? Ответ теперь ты мне!

Иджими негодовал. Его взгляд сделался очень суровым. Он долго смотрел Ихласу в глаза, потом часто заморгал и отвернулся.

Ихлас не отводил взгляда. Он выпрямился и нервно отбросил травинку. Было видно, как задвигались желваки. Иджими повёл головой, словно разминал шею, и попытался успокоить учащённое дыхание, покашливая в руку.

— Я не знал всего этого, — примирительным тоном произнёс Ихлас и поправил на шее ворот кожаной куртки, словно ему вдруг стало душно.

— Я тоже, пока не выслушал страшные откровения старика и пока мы с друзьями не объехали ту окраину и не узнали от людей обо всём, что с ними происходит... — тихим голосом объяснил Иджими, мельком взглянув на Ихласа.

Ихлас вдруг улыбнулся, будто вспомнил что-то забавное, и уже спокойно спросил:

— А ты не слышал, что в больших отарах стали пропадать овцы, а в крупных табунах уже исчезло несколько десятков голов? Кое-где пропали даже волы с ослами. Знаешь об этом?

Иджими слегка заёрзал, будто ему было не очень удобно сидеть.

— Понятно. Решили сами людям помочь, — по-дружески коснувшись рукой плеча Иджими, Ихлас сам ответил на свой вопрос и утвердительно кивнул.

Иджими слегка отдёргнул плечо, недовольный.

Ихлас поднялся с места, подошёл к берегу речки, присел, опустил руки в прозрачную воду, поводил ими там, затем стал зачерпывать воду горстями и бросать себе в лицо, с наслаждением пофыркивая. Иджими улыбнулся и сделал то же самое, также пофыркивая от удовольствия.

Ихлас вдруг вскочил, забежал в речку, развернулся и стал бросать горстями воду в Иджими, смеясь и выкрикивая:

— Вот тебе! Вот! Упрямец ты этакий! Получай! Вот тебе! Вот!

Иджими уже визжал от нахлынувшего азарта и, тоже войдя в речку, брызгался в ответ:

— А это тебе! Получай! Вот так тебе! А ещё вот так!

Они оба смеялись и бегали по реке, крича и обливая друг друга водой, словно были ровесниками, хотя между ними была разница в десять лет жизни. Изрядно наплескавшись, мокрые с ног до головы, запыхавшись, они вернулись к камням, стянули с себя одежду и сапоги и разложили для просушки на соседних валунах.

— Уф, хорошо-то как! — присев на камень в одних штанах, прошептал Ихлас, растирая крепкую грудь и подставив лицо с прикрытыми глазами под жаркие солнечные лучи.

Иджими упёрся руками за спиной о камень, с улыбкой, прищурив один глаз, взглянул на Ихласа, откинул голову и тоже зажмурился. Они долго так сидели под палящими лучами, обдуваемые лёгкими порывами тёплого ветерка.

— Ихлас, а о чём ты хотел рассказать? Что за обстоятельство? Ты обещал, — прервал молчание Иджими.

— Ну что ты так не вовремя, юноша, у меня было такое красивое видение! — разлепив один глаз и скосив его на Иджими, нарочито укоризненно пробурчал Ихлас и, вновь прикрыв веко, отвернулся. — Ну всё, видение пропало.

Ихлас выпрямился и открыл глаза. Иджими встал, подошёл к одежде, потрогал её и вернулся обратно на место.

— Ещё немного, — кивнул он.

— Что я хотел тебе сообщить, спрашиваешь? — поведа широкими плечами, начал Ихлас, на мгновение замолчал и продолжил: — Скажу, раз обещал. Мне не дают покоя эти волчьеголовые люди. Не выходят из головы. Всё время думаю о них. Сян дуглу Юити-бек запретил показывать их тела народу, приказал тайно сжечь. А тут ещё и слухи пошли о тебе с друзьями. К тому же и этот

скот, что стал пропадать у людей. В общем, всё к одному увязалось в моей голове. Вот я и решил со своими воинами отправиться в тот лес и постараться найти и уничтожить волчьеголовое племя, разом покончить со всеми бедами.

— Нас уже полсотни собралось. Мы готовы. Возьмешь нас с собой? — с готовностью и надеждой спросил Иджими.

— Не могу, Иджими. Вы ещё очень молоды, и, случись что с вами, я никогда себе не прощу, — смотря ему прямо в глаза, ответил Ихлас. — Я такого права не имею.

— Как же так, Ихлас?! Ведь это мы их обнаружили и первыми вступили с ними в схватку. Разве справедливо так поступать с нами? Что я скажу своим друзьям? Они рисковали жизнями ради одного старика. Ты должен взять нас с собой! Пусть не всех, кого мы собрали, но моих верных друзей и меня ты обязан взять! — возмущённо произнёс Иджими.

— Иджими, послушай меня. Мы можем и не вернуться. Ты понимаешь это? Никто из нас ничего не знает о них. Где они обитают и сколько их, никому не ведомо. Я не могу рисковать вашими жизнями. Не могу! Этот враг не обычный, он совсем другой, особенный. Ты же сам видел, какие они! Я даже о своих воинах думаю с тревогой, а они люди бывалые и отважные, — Ихлас с досадой махнул рукой и замолчал.

— Тогда для чего ты приехал ко мне и обо всём этом говоришь? — с укоризной в голосе спросил Иджими.

— Я понимаю тебя, Иджими, ты огорчён. Но ты понял, почему я здесь.

Ихлас поднялся, подошёл к своей одежде и стал облачаться в неё. Иджими тоже оделся. Он обиженно молчал на обратном пути к юрте. На прощание Ихлас похлопал его по плечу, запрыгнул на коня и повёл его лёгкой рысью. Иджими долго стоял и смотрел ему вслед, затем порывисто забежал за свою юрту, упал на землю, обхватив руками голову, и тихо заплакал, содрогаясь всем своим юным телом.

* * *

— Старик, а мы не сбились с пути? По моим данным, мы должны были уже выйти на ту поляну, где столкнулись с ними, — ведя скакуна вровень со стариком, едущим верхом на выделенной ему кобыле, спросил сотник Ихлас.

— Нет, предводитель, здесь не должно быть поляны. Она осталась по левую руку. Я веду тебя по той тропе, по которой сам всегда хожу и вышел на этих чудовищ, — прищурившись и мельком взглянув в лицо воина, спокойно ответил старик. — На ту поляну сын Наби-бека вывел друзей случайно, сбившись с этой тропы и стороной обойдя её. — Старик посмотрел вниз и довольно кивнул, увидев бегущего рядом пса. — А вот как ты, предводитель, оказался на той поляне, я не могу понять, — старик вновь метнул прищуренный взгляд на сотника Ихласа, поджал губу и покачал головой, удивляясь этому факту.

— Да я и сам не знаю, — пожал широкими плечами Ихлас. — Видимо, Небесам было так угодно. От твоей юрты я вошёл в лес, увидел две тропы, уходившие в разные стороны, и повёл людей по той, что привела к поляне. Вот и всё.

— Ну надо же такому случиться... Та тропа старая. Я по ней раньше ходил, пока не понял, что эта покорооче будет. Давненько я ту забросил, даже уже и не помню когда... Пока своими ногами не исходишь этот лес, не разберёшься, что да как в нём... Зверя и птицы не так давно здесь очень много было. А теперь за ними ох как далеко приходится идти. Да и не всегда удаётся выследить и добыть. Пуганые стали. Ушла вся живность из этих мест. Или истребили её под корень. А всё это дело рук волчьеголовых! Или лап их, чтоб их... Больше-то некому... Они всюду вредят... И откуда только взялись на наши головы?! И так жизнь не мёд, а тут ещё и другая беда по лесу подкралась. Это хорошо, что ты, предводитель, проявил понимание и решил истребить их, а иначе всё может кончиться очень плохо для нас. Скота у нас и без того мало было, а теперь из-за этих, чтоб их, и вовсе не стало. И охоты никакой нет. Ох как тяжело жить сейчас... Помереть легче, — старик наклонился вбок и с досадой плюнул.

Ихлас слушал с сочувствием, иногда от волнения слегка отклоняясь назад и глубоко вдыхая свежий, утренний, пропитанный запахом смолы и хвои воздух.

Сотня Ихласа, растянувшись по узкой лесной тропе, ведомая стариком охотником, весь день продвигалась на восток, изредка останавливаясь на непродолжительный отдых. Ближе к вечеру на указанном стариком месте возле родника Ихлас велел разбить лагерь для ночлега. Запалив костры и выставив вокруг усиленные дозоры, воины напоили и покормили коней, поели сами и дружно улеглись на шкуры, погрузившись в долгожданный сон.

* * *

Прошло три дня с того времени, как Ихлас и его сотня, взяв с собой старика в качестве проводника, вступили в дремучий лес и, вереницей петляя среди могучих деревьев, неспешно продвигались на восток.

— Вот то место, где меня и окружили эти, чтоб их, волчьеголовые, — остановив кобылу и показав рукой на кострище, пояснил старик. — Я ведь костров на ночёвку не разжигал, но всё для этого всегда заготавливал заранее. Вот и сгодились мои нехитрые задумки в ту ночь. Как только пёс учуял их среди ночи, я тут же и запалил...

Ихлас глянул на головёшки и осмотрелся. Все десятники были рядом в ожидании приказа. Не заметив ничего необычного, что могло вызвать подозрения, Ихлас посмотрел на одного из десятников и, слегка кивнув, назвал по имени:

— Ортек.

Десятник приложил руку к груди, затем описал ею круг над головой, тут же направляя скакуна через поляну, в дальнюю её сторону. Десять воинов проследовали за ним, на ходу вскидывая луки и снаряжая их стрелами.

Ихлас перевёл взгляд на другого десятника и, тоже назвав его по имени: «Лачин», прикрыв глаза, кивнул.

Лачин приложил руку к груди, поднял её, описал круг и направил коня в левую сторону от поляны. Его воины последовали за ним, также снаряжая луки.

— Хайсам, — Ихлас обратился к третьему десятнику, и тот повёл своих людей в правую от поляны сторону.

— Всем быть наготове. Дозоры усилить, — окинув взглядом остальных, тихо повелел Ихлас.

Все как один, приложив руку к груди, десятники развернули скакунов и направились к своим воинам.

— Будем ждать, — Ихлас посмотрел на старика.

* * *

— Ты это слышишь? — воин приложил ладонь к уху и стал всматриваться сквозь ветви.

— Да, — тоже прошептал второй воин.

— Это же прямо у нас за спиной, — первый воин ловко вскинул лук и заложил в него стрелу.

Второй тоже приготовил свой лук.

— Они идут прямо на нас по нашей тропе, — прошептал первый воин.

— Вышли к нам со спины, — сдерживая одной рукой коня, согласился второй.

— Обошли нас, — зло прошептал первый.

— Угу, — вновь согласился второй.

— Юнус, скажи к сотнику и сообщи об этом! — приказал первый.

— Погоди, Фахад, надо увидеть их, иначе что я скажу сотнику, — резонно подметил Юнус.

— Можешь и не успеть уйти. Они очень быстрые, — не особо настаивая на своём, прошептал Фахад.

— Успею, я же голубь. Не зря же мне это имя дали, — тихо усмехнулся Юнус.

— Пошути, пошути, пока ещё можно, — примирительно произнёс Фахад.

— Эти страшилища не быстрее тебя. Ты же рысь, ловкая и проворная, — вновь усмехнулся Юнус.

— Тихо, они уже близко. Слышишь? Но почему-то идут по тропе, хотя удобнее напасть со всех сторон. Что-то здесь не так, — глядя ещё пристальнее, высказал сомнения Фахад.

Он поднял лук и прицелился в сторону тропы, медленно натягивая тетиву. Юнус тоже изготавился к стрельбе. Они уже были готовы выпустить стрелы, как вдруг увидели на тропе всадника, затем второго и третьего.

Приподнявшись в седле, Фахад ослабил тетиву и удивлённо протянул:

— Так это же сын Наби-бека и его друзья.

Иджими приблизился к дереву, за которым скрывались дозорные Фахад и Юнус, и, заметив их, остановился.

* * *

— Почему вы здесь? — недовольно, но тихо спросил Ихлас Иджими и семерых его друзей.

Юноши виновато смотрели в землю, но молчали.

— Каплан, — Ихлас шёпотом обратился к десятнику, который привёл Иджими к нему. Каплан с готовностью слегка склонил голову и приложил руку к груди. — Каплан, со своими людьми доставь их обратно в стойбище.

Десятник кивнул и посмотрел на Иджими. Тот, едва сдерживая возмущение, взглянул в лицо Ихласу, но промолчал и развернул коня, кивнув друзьям. Десятник повёл жеребца к тропе. Иджими с друзьями направились следом. Не успели они войти в лес, как с другой стороны поляны услышали быстрый топот копыт. Они остановились и оглянулись. Одинокий всадник стремительно пересёк поляну, приблизился к Ихласу, осадил скакуна и стал что-то говорить, часто показывая на лес, откуда прискакал. Дослушав, Ихлас описал рукой круг над головой и, указав направление, с места вскачь повёл туда коня. Все воины, что были в лесу возле тропы, тут же помчались за ним, вырываясь из леса на поляну, мимо десятника Каплана, Иджими и его друзей. Каплан растерянно закрутился на месте, сдерживая коня.

— Каплан, послушай, — заметив его растерянность, обратился Иджими. — Нас восемь человек, ты с десятью воинами. И что, мы все должны уйти? Там что-то случилось. Мы не должны оставить их. Ихлас поймёт тебя и не будет гневаться за послушание. Мы не подведём тебя. Поверь. Давай скорее за ними! Мы все нужны им!

Каплан взглянул на Иджими, затем на своих воинов и решительно повелел:

— Все за мной!

Стеганув плетью коня, он пустился через поляну вслед остальным воинам. Старик по-прежнему стоял возле кострища и растерянно смотрел на происходящее.

— Старик, а ты чего стоишь? За нами! — на скаку крикнул Каплан.

Старик закивал, развернул свою кобылу и, нахлёстывая её, последовал за всеми. Пёс побежал возле него.

* * *

Десятник Ортек с двумя воинами были в дозоре, скрываясь на небольшом скальном выступе на окраине леса. Здесь дремучий ельник заканчивался, начиналась горная скалистая местность. Лесные чащи уходили влево и вправо, огибая ярко освещённые светлом горы.

День приближался к середине. Утирая пот с лица, Ортек и воины вглядывались вдаль, где под широким тенистым скальным козырьком чернел вход в пещеру, а на просторной пологой площадке перед ней были видны волчьеголовые люди. Некоторые из них просто лежали, другие что-то делали, иногда скрываясь в пещере. Справа на площадке, там, куда не доставала тень от скального выступа, на множестве длинных жердей, подвешенных на крестовинах, висели куски мяса, подвываясь под лучами солнца. Чуть в стороне от них виднелось углубление, наполненное белёсыми костями.

— Ортек, кажется, прибыли наши, — оглянувшись на лес, прошептал один из воинов. Ортек тоже оглянулся.

— Следите, а я пошёл, — сползая со скалы, прошептал десятник.

* * *

— Их там много, сотник Ихлас, даже трудно сказать сколько. Это и есть их стойбище. Дозорных, как я понял, они вообще не выставляют, или мы их не смогли заметить.

Десятник Ортек стоял перед спешившимся сотником Ихласом. Было видно, что он сильно взволнован, так как часто вытирал лицо и всё время теребил пальцами короткую бороду. Они находились на окраине леса, скрываясь за деревьями.

— Нашли мы их, наконец, — злобно произнёс Ихлас и яростно сверкнул глазами.

— Они не разжигают костров и едят только вяленое мясо. Его у них много. Видимо, это и наш скот, и лесная живность, — продолжил Ортек, делаясь своими наблюдениями.

— Дозоров у них нет, говоришь, — задумчиво сказал Ихлас. — Это хорошо. Нам будет легче. Продолжай наблюдать, Ортек. Иди, — Ихлас одобрительно похлопал десятника по плечу и направился к воинам, углубляясь в лес.

* * *

— Где же Лачин и Хайсам? — Ихлас оглядывался, нервно сжимая плетё в руках. — Уже давно пора им появиться здесь, даже если они вернулись на ту поляну.

Ихлас стоял между двумя огромными елями в окружении десятников. Взглянув на десятника Каплана, он с укоризной покачал головой, но ничего не сказал и отвёл взгляд.

Со стороны тропы послышался топот копыт. Все повернулись туда. Появившийся всадник осадил скакуна, спрыгнул на землю, порывисто подошёл к Ихласу, приложил руку к груди и склонил голову.

— Говори, — кивнул Ихлас.

— Сотник Ихлас, меня послал десятник Лачин. Мы обнаружили стойбище волчьеголовых, — на одном дыхании сообщил гонец.

— Где? — не поверил своим ушам Ихлас.

— Недалеко отсюда, в горах, вон там, — показал рукой влево гонец. — Они обитают в пещере. Много их. Десятник Лачин просит тебя, сотник Ихлас, о небольшом подкреплении.

— Так. Отдохни немного, попей воды.

Ихлас отослал воина и задумался. Десятники напряжённо переглядывались. Услышанное было неожиданным для всех. Ихлас ещё не успел прийти в себя от такой новости, как появился второй всадник. Он тоже спрыгнул с коня и, подбежав к сотнику Ихласу, замер, склонив голову и приложив руку к груди.

— Говори, — слегка раздражённо кивнул Ихлас.

— Сотник Ихлас, я от десятника Хайсама. Мы нашли стоянку волчьеголовых. Она недалеко отсюда, в горах. Вон в той стороне, — быстро доложил гонец и показал рукой вправо. — Много их там, но сколько в точности, пока нам неизвестно. Десятник Хайсам просит тебя, сотник Ихлас, очень срочно прибыть туда.

— Иди, отдохни, попей воды, — едва сдерживая себя от нахлынувшей ярости, кивнул Ихлас.

Десятники же смотрели с нескрываемой тревогой. Прикрыв рот ладонью, Ихлас присел на корточки, обдумывая сложившуюся ситуацию. Десятники, затаив дыхание, не сводили с него глаз.

Недолго подумав, Ихлас поднялся, обвёл всех злым взглядом и начал отдавать приказы:

— Я, десятники Ортек, Каплан и Барс, а также Иджими с друзьями остаёмся здесь. Десятники Этбай и Хулун отправляются к Лачину. К Хайсаму идут десятники Джейран и Саасхан. Ты, Хозан, будешь нашим единственным резервом и поможешь тем, кому будет тяжелее всего. Всем выжидать, пока волчьеголовые не обнаружат вас, и атаковать на расстоянии из луков. Мечи и копья против них бесполезны. Старайтесь не подпускать их к себе. Ну а если совсем станет невмоготу, отступайте к той поляне, где был старик, и уже

оттуда все вместе уходите дальше. Меня не ждите. Это всё. Вперёд. Да помогут нам всем Небеса, — Ихлас приложил руку к груди и склонил голову. Десятники ответили тем же.

* * *

— Пусть Иджими придёт, — приказал Ихлас.

Воин приложил руку к груди, кивнул и убежал. Вскоре он вернулся с Иджими.

— Иджими, — Ихлас подошёл к юноше, — всё очень плохо. Мои дозоры обнаружили три крупных стойбища волчьеголовых, но их может быть ещё больше. Мне нужна твоя помощь, — Ихлас очень серьёзно смотрел в глаза юноши.

— Я готов, — кивнул Иджими, видя, как сильно встревожен Ихлас.

— Иджими, нас оказалось мало, и нам нужно большое подкрепление. Ты понимаешь меня? Тебе надо срочно вернуться в стойбище и сообщить сян дуглу Юити-беку обо всём, что здесь происходит. Теперь уже ничего не скрывай. Попроси его от моего имени о выделении двух тысяч воинов и о срочном направлении их сюда вместе с тобой.

— Хорошо. Я всё понял, — кивнул Иджими.

— Друзей своих и старика забирай с собой. Дорога долгая и опасная. Вам нужно быть вместе, — дополнил Ихлас. — Всё, спешите. Да сохраняют вас Небеса.

— И вас тоже, — вновь кивнул Иджими и побежал обратно.

* * *

Волчьеголовые вели себя спокойно, ничем не выказывая настороженности или встревоженности. Сотник Ихлас лежал за выступом рядом с десятником Ортеком и наблюдал. Слева и справа от них притаились воины Ортека. В сотне шагов с обеих сторон лежали десятники Каплан и Барс со своими людьми. Все выбрали удобные позиции и тоже внимательно наблюдали за стойбищем, до которого расстояние было чуть больше одного полёта стрелы. Между ними и волчьеголовыми простиралась труднопроходимая полоса с множеством острых скальных выступов в человеческий рост.

День подступал к завершению, ослабляя жар, постепенно забирая с собой все цвета и плавно заменяя их на однообразный серо-

вато-коричневый, приглушая все звуки, наконец выпуская на волю прохладу и тишину.

— Ветерок в нашу сторону. Это хорошо, иначе волчьеголовые учуяли бы нас сразу. Ты выбрал правильное и удобное место, — повернув голову к Ортеку, прошептал Ихлас. — Надеюсь, что и у других стойбищ наши люди расположились так же. Оставь здесь двоих дозорных, и всё, спускаемся вниз. Каждый подобрал себе место и без суеты займёт его. Пошли отсюда.

Ихлас стал тихо сползать вниз. Ортек повернул голову к ближайшему воину, показал ему два пальца, затем ткнул одним пальцем на своё место, после чего указал на себя и вниз. Воин кивнул. Ортек тоже начал сползать вниз.

* * *

Иджими вёл коня настолько быстро, насколько это было возможно в сумерках, да к тому же постоянно петляя среди деревьев. Получалось не так, как он хотел. Он очень спешил, понимая всю сложность положения, в которое угодил сотник Ихлас со своими людьми. Друзья Иджими следовали за ним, не отставая, и только старик не поспевал за отрядом, всё больше и больше теряя юношей из виду.

Вспомнив о старике, Иджими осадил скакуна и крикнул поравнявшемуся с ним Кассаку:

— Пусть Айю с братом останутся со стариком на поляне. Костры пусть жгут и только возле них и находятся. Дальше дорогу я помню! Старик очень задерживает нас! Побольше стрел им дайте.

Кассак кивнул и остановился, а Иджими помчался вперёд.

* * *

— Всё спокойно? — спросил Ихлас Ортека, вернувшегося от дозорных.

— Да, сотник Ихлас, пока без перемен, — слегка запыхавшийся Ортек присел возле Ихласа на землю. — Странно как-то они все разговаривают. Через каждые пару слов лают. Всё время так общаются. Да и слов их не разберёшь... Никогда не доводилось о таких даже слышать. Трудно поверить, что они на самом деле существуют.

— Второй день здесь сидим... Эх, побольше бы нам людей, наверняка уже покончили бы с ними, — с сожалением произнёс

Ихлас. — Гонцы, посланные к Лачину и Хайсаму, вернулись. Там тоже пока всё спокойно. Только это и радует.

— Сотник Ихлас, а если у них ещё есть стойбища, кроме этих? По подсчётам дозорных, здесь их не меньше четырёх десятков будет. Как они их подсчитали, не знаю, они ведь похожи друг на друга как две капли воды! Детей и женщин, или как там их, не заметили. Вот что странным показалось. Похоже, здесь только мужчины, или как там их, — поделился наблюдениями Ортек.

— Я заметил это, Ортек. Почти такое же количество в тех двух стойбищах... Вернее, в лагерях. Получается, что это их отряды, вроде как воины. Выходит, главное стойбище где-то в другом месте. Думаю, что заготовленное мясо они скоро отправят туда. Сможем ли мы проследить за ними и узнать, где их ставка, или как там у них... Тьфу ты, твоими словами уже заговорил!.. В общем, нам нужно установить местонахождение их главного стойбища — вот что для нас важно теперь. Хорошо, что ночи лунные стоят, а то уйдут в темноте, и не заметим... Там, видимо, дети и женщины, а эти поставляют им еду. Они не знают, что такое огонь, но и сырым мясом не едят, только в вяленом виде. Как они так живут, не понимаю... — размышлял вслух Ихлас.

— Сотник Ихлас, хотел сказать насчёт костров. Всё для них приготовлено с запасом и укрыто от возможного дождя, — вспомнил о выполненном поручении Ортек.

— Это правильно. Всякое может случиться. У Лачина и Хайсама тоже всё приготовили... Люди Хозана у родника напоили лошадей и с собой свежей воды привезли. Иди попей и дозорным отправь, — одобрительно сказал Ихлас.

— Хорошо, сотник Ихлас, — приложив руку к груди, Ортек поднялся и тихо отошёл за деревья.

* * *

Наступила лунная ночь. Ихлас и Ортек решили сами побыть в дозоре, понаблюдать за лагерем волчьеголовых и ближе к полночи взобрались на свои места на скале. На площадке перед пещерой было пусто. Тусклый свет ночной хозяйки небес слегка размывал виды, оттеняя каждый выступ и чернотой наполняя каждую ложбинку, превращая её в глубокую расщелину, от чего могло показаться, что местность совершенно не та, что представляла взору при

дневном светиле. Но это была лишь игра света и тени, и при внимательном осмотре пейзаж становился узнаваемым.

— Мясо пока на месте. Не дошло ещё, видимо, но уже скоро заявится, — прошептал Ихлас. — Хорошо, что они хотя бы спят ночами, подобно нам, и прячутся от прохлады внутри пещеры.

— Да, сотник Ихлас, звери тоже должны отдыхать, — согласился Ортек.

— Они не звери, но и не люди. Что-то среднее между человеком и волком. И повадки у них от этого странные, — Ихлас посмотрел на Ортека. — Пошли вниз. Нам тоже надо поспать. За мясом пусть дозорные следят пуще всего.

* * *

— Немного отдохнули, и пора в путь, — вставая, произнёс Иджими. — Уже недолго осталось.

Он подошёл к своему коню, погладил его по морде и запрыгнул в седло. Пятеро его друзей тоже вскочили с мест и сели на лошадей. Отряд продолжил путь, несмотря на глубокую ночь.

* * *

— Мне нужно вернуться к предводителю Ихласу, — старик посмотрел на Айю и Баркута. — Только я знаю о горных тропах. Я там часто бывал и все их много раз проходил. Это может пригодиться ему. Старею уже, вот и не подумал об этом сразу, только теперь и вспомнил.

Юноши и старик сидели возле костра на полянке. Далеко на востоке за горными вершинами забрезжил рассвет. Выслушав старика, братья Айю и Баркут переглянулись и поднялись с мест.

— Поехали, старец, — кивнул старику Айю.

Вскоре они уже быстро продвигались по тропе в сторону лагеря сотника Ихласа.

* * *

— Если не ошибаюсь, они до полудня ничего предпринимать не будут, а может быть, и до конца дня. Мясо должно созреть, вот и ждут, иначе ещё вчера отправили бы его в главное стойбище. Судя по тому, что они не трогают мяса, не берут даже кусочка, точно готовят для кого-то. Вот мы и должны узнать, для кого всё это

делается. Мы, конечно, можем их одолеть, но это будет напрасно. На место этих придут другие, и всё будет повторяться опять, а мы так ничего и не узнаем. Пока не уничтожим главное стойбище, ничего не добьёмся, — поглядывая на десятников Ортека и Хозана, говорил сотник Ихлас. — Только поэтому мы остаёмся здесь так долго и не нападаем на них.

Они втроем сидели на земле и вели тихий разговор. День уже начался, но ещё не пропитал лесной воздух жаром.

— Сотник Ихлас, но нас же мало, — как-то удручённо сказал десятник Ортек.

— Ничего, Ортек, главное, мы здесь, и видим их, и пока не обнаружены. К тому же успели кое-что узнать о них, а это очень нужно, — резонно подметил Ихлас. — Но самое важное, Ортек, это то, что мы, как всегда, вместе и у нас есть уже хоть и небольшой, но опыт борьбы с волчьеголовыми, а это дорогого стоит. Простые люди, на которых они нападали, у кого отбирали скот, не могли противостоять им и от одного только вида нападающих приходили в ужас и оцепенение. Вот от этого волчьеголовые почувствовали своё превосходство над нами, считая, что мы все такие, и стали вести себя ещё более дерзко, оставаясь безнаказанными каждый раз после набега на наших бедняков. Однако при спасении сына Наби-бека и его друзей мы показали, что не все из нас такие безропотные и слабые, что умеем достойно противостоять врагу, каким бы он ни был... И вот что ещё я понял о них. Волчьеголовые не убивают людей, если те отдают то, чего они хотят. В основном, конечно, это любая живность. Это странно, но это так на самом деле. Я объехал ту окраину нашего стойбища, куда они навевались, и поговорил с простолюдинами, и все рассказали одно и то же. Никого волчьеголовые не убили. Бывали случаи, когда они похищали людей, если нечего было взять, а когда другие приводили в лес скотину — в обмен на похищенных, всех пленников отпускали. Вот и пойми их после этого... Вроде и звери, но вроде как и не звери... Но и не люди. Одним словом, волчьеголовые. При всей дикости и звероподобности они всё же бывают как бы благоразумными, и им, кажется, не чужды такие понятия, как долг, терпение и единство... Хотя, возможно, я ошибаюсь, и это может быть не благоразумием, а всего лишь простыми повадками, не долгом, а подчинением слабых более сильным, не терпением, а вынужденностью, не един-

ством, а стадностью. Всё может быть... Мы многого ещё о них не знаем, это понятно, но постараться узнать больше, наверное, обязаны, если получится. Вполне возможно, что эти земли принадлежат им, и они, как умеют и как могут, защищают свою территорию, но это тоже вызывает большие сомнения. Мы ведь не нападали и даже не знали об их существовании. Всё как-то противоречиво. С одной стороны, мы как бы должны разобраться во всём этом и не совершить непоправимого, а с другой — они представляют для нас опасность, и поэтому мы должны не разбираться, что да как, а уничтожить их... Конечно, всё это очень сложно, и мы можем так и не понять ничего. — Ихлас вздохнул и замолчал.

— Сотник Ихлас, а что, если не они направятся с мясом в главное стойбище, а оттуда придут за ним, ну, за мясом этим? — вдруг задал неожиданный вопрос десятник Хозан.

Ихлас и Ортек посмотрели удивлённо.

— Но такое может же случиться? — Хозан пожал плечами. — Только что пришло в голову... Ну раз они бывают благоразумными иногда, то могут же так поступить?

— Ты это чего? — растерянно спросил Ортек.

— Говорю же, в голову пришло, — вновь пожал плечами Хозан.

Ихлас отвёл взгляд от Хозана, опустил голову и медленно вытер ладонью лицо. Ортек нервно заёрзал на месте, хотел было что-то ещё сказать Хозану, но сдержался, отвернулся в сторону и зло сплюнул.

— Сотник Ихлас, что такого я сказал? — виновато спросил Хозан, уставившись на Ихласа широко раскрытыми глазами.

— Ты, Хозан, всё правильно сказал. Где же ты раньше был со своими этими мыслями? — покачив головой, процедил сквозь зубы Ихлас. — Как же я сам не подумал об этом? Ты умница, Хозан, светлая голова, а я тупица.

— Ну, сотник Ихлас, не надо так-то... не нужно так уж совсем-то... — ещё больше растерявшись, запинаясь на полуслове, стал говорить Хозан, прижав ладони к груди. — Я... я виноват, что это самое... ну... как там сказать-то... В общем, прости меня, если что...

— Да тебе, Хозан, не прощения нужно просить у меня, а награду, — Ихлас поднял голову и с благодарностью посмотрел на Хозана. — Ты же, Хозан, сам того не зная, только что уберёт нас всех

от большой беды. Понимаешь? Мы могли бы попасть в западню между теми, кто идёт из главного стойбища, и этими, что в пещере, если бы начали атаковать последних, ну, этих, пещерных. Я ведь уже собрался это сделать. Теперь понимаешь?

— Не очень, — часто заморгав, покачал головой Хозан.

Ихлас вскочил на ноги. Хозан и Ортек тоже спешно поднялись. Ихлас шагнул к Хозану и крепко обнял его, потом порывисто отстранился, вытащил из-за пояса кинжал с инкрустированной драгоценными камнями рукоятью и обеими руками протянул его Хозану:

— На вот, бери, это тебе за наше спасение. Ты, Хозан, достоин большего, но это самое дорогое, что есть у меня с собой. Это подарок самого Наби-бека. Теперь он твой.

— Но... сотник Ихлас... за что... такое... мне? — вновь запинаясь на полуслове, растерянно бормотал Хозан. — Я не могу... принять... это... его...

— Бери, бери и пользуйся с честью.

Ихлас, улыбаясь и глядя прямо в глаза Хозану, взял его за плечи и слегка встряхнул дружельно.

* * *

— Пока ничего, — прошептал Ихлас.

Они с Ортеком вновь находились в дозоре на скале.

— Да, сотник Ихлас, ничего, а уже вечереет, — окинув взглядом небосвод, тихо согласился Ортек.

— Прав Хозан, не готовности мяса они ждут, оно уже давно завялилось, а дожидаются тех, кто придёт за готовым, — соглашаясь с правотой десятника Хозана, прошептал Ихлас.

У подножия скалы послышался лёгкий шорох. Ихлас и Ортек посмотрели вниз: там стоял воин и махал им руками. Подошли двое воинов и полезли вверх — сменить дозор. Ихлас и Ортек стали осторожно спускаться.

— Сотник Ихлас, старик наш, проводник, вернулся. Тебя срочно требует. Говорит, что что-то важное хочет сказать, — дождавшись, пока они спустятся, тихо доложил воин.

— Старик вернулся? — удивился Ихлас и быстрым шагом направился в лес. Ортек поспешил следом.

— Предводитель, я вот что вспомнил-то, глупая моя башка. Тебе же нужен человек, который хорошо знает эти горы. Так это же я, — увидев идущего к нему сотника Ихласа, старик, шаркая тяжёлыми сапогами, неуклюже подбежал и начал говорить скрипучим голосом, тыкая узловатым пальцем себе в грудь. — Я тебе нужен-то.

— Погоди, старец, ты как оказался здесь? Я ведь тебя отправил вместе с Иджими? — Ихлас остановился и посмотрел старику в лицо. — А они где? Тоже вернулись с тобой?

— Нет, нет! — старик замахал руками. — Они там, усаkali в стойбище, как ты им и велел. Что ты! Разве они ослушаются тебя, предводитель. Сын Наби-бека велел мне и ещё этим двоим, — старик показал рукой на стоявших невдалеке Айю и Баркута, — остаться на той полянке. Ну, ты знаешь, на какой. Так вот. Кобыла, ну та, что ты мне дал, прости меня, конечно, но не резвая она какая-то. В общем, я и она мешали сыну Наби-бека, сдерживали его. Вот он и оставил меня, вернее, нас с этой кобылой. Чтоб её. И этих двоих со мной оставил. Ну чтобы, если что, они защитили меня... Хотя кому я нужен-то такой... Так вот. — Старик запнулся и почесал макушку. — Что я сказать-то хотел? Чтоб меня... А, вспомнил! Тропы в этих горах я знаю. Глядишь, и пригожусь тебе, предводитель, а то помеха я какая-то вроде обузы, что ли, какой-то. Чтоб меня... — он замолчал, прищурился и вопросительно посмотрел Ихласу в глаза.

— Пойдём, старец, пойдём, — терпеливо дослушав старика и видя, как он взволнован, Ихлас улыбнулся уголками губ, приобнял его за узкие плечи и повёл к своему месту возле огромной старой раскидистой ели.

Старик сразу как-то сник и послушно шёл рядом. Они подошли к дереву и остановились.

— Присаживайся, старец, отдохни, попей воды и поешь, — заботливо предложил Ихлас. — И вы тоже подходите и присаживайтесь. — Взглянув на Айю и Баркута, подозревал он юношей.

Айю и Баркут оставили лошадей, подошли с почтительным приветствием и опустились на землю возле старика. Ортек взглянул на двоих воинов и кивнул. Вскоре воины принесли воду и еду. Пёс, повилявая хвостом, подошёл к хозяину, тихо ступая мягкими лапами, и присел рядом, вытянув морду и принюхиваясь к запаху еды.

Старик осторожно взял кусочек вяленого мяса и протянул псу. Тот быстро схватил еду и отошёл в сторону. Старик проследил за ним, затем так же осторожно взял другой кусочек, неспешно поднёс его к лицу, понюхал с явным удовольствием, зажмурив глаза, и только после этого стал отщипывать очень маленькие дольки и класть в рот, где виднелись редкие пожелтевшие зубы. Он не сразу жевал, а сперва медленно выдавливал сок из каждого кусочка и покачивал головой, наслаждаясь вкусом. Не в пример ему и даже являя собой полную противоположность, молодые и сильные Айю и Баркут брали доли побольше и спешно, с жадностью вгрызались крепкими зубами, отрывая внушительных размеров куски и быстро прожёвывая их.

Ихлас с интересом наблюдал за вернувшимися, понимая и то, что они очень голодны, и то, что молодёжь и старики по-разному относятся к еде. Если первые зачастую просто насыщаются пищей, то вторые уже всегда наслаждаются ею.

Дождавшись завершения трапезы, Ихлас взглянул на старика и тихо, спокойно обратился к нему:

— Старец, ты хорошо помнишь тропы в этих горах?

— Да, помню ещё, предводитель, — вытирая рот рукой, кивнул тот.

— Если я покажу тебе одно место, сможешь узнать и сказать, куда дальше ведут тропы? — спросил Ихлас, смотря ему в лицо.

— Постараюсь, предводитель, — пожал плечами старик.

— Пойдём со мной, я покажу тебе это место, только ты не спеши и всё хорошенько огляди. Говори там только шёпотом, иначе тебя могут услышать. Помни об этом, — поднимаясь, предупредил Ихлас.

— Понимаю, предводитель, у этих, волчьеголовых, чтоб их, уши-то очень большие, — старик встал с места и с готовностью посмотрел на Ихласа.

* * *

— Как же, предводитель, помню я это место, — прищурившись и тщательно осмотрев местность, где была расположена пещера с волчьеголовыми, кивнул и уверенно прошептал старик. — Вот в этой пещере я даже разок ночевал со своим псом. Пришлось как-то, чтоб её. В дождь мы попали тогда, вот и провели в ней ноч-

ку. Она не очень глубокая, но на её обратной стороне есть узкий вход. В самый раз для меня. Мы с псом были там, когда гроза разыгралась, чтоб её, и оттуда-то и забрались в неё. Это потом мы этот вход-то заметили. Через него и вышли. В обход горы дольше было бы. Так это, гряда ведь эта горная. Она и влево тянется, и вправо тоже. И лес-то наш тоже вдоль неё тянется. Далеко растянулась гряда, но потом она заканчивается мелким плоскогорьем, и этот лес вновь обступает её и закольцовывает.

— Ну а тропы есть вокруг этой горы? — тихо спросил Ихлас.

— А то, как же без них-то! С обеих сторон старые козы тропы там, — кивнул старик.

— А за горой куда они ведут? — Ихлас повернул к нему голову.

— Так это, там ещё одна гора, чтоб её, она пониже этой будет, и уже за ней опять лес с рекой посередине. С горы-то видно всё. В том лесу мне, однако, побывать не довелось. Далековато это для меня, — пояснил старик.

— А вход в пещеру с той стороны можно расширить?

— Что ты, предводитель, там же скальные глыбы, а не россыпь! Как ты их расколешь-то, чтоб их, — цокнув языком, покачал головой старик. — Там всего лишь щель небольшая. Я-то её и не заметил бы. Пёс мой учуял и подвёл.

— Воин мой пролезет в неё? — с надеждой спросил Ихлас.

— Это смотря какой воин, предводитель, — резонно подметил старик. — Если такой здоровяк, как друг сына Наби-бека Айю, то, конечно же, нет. Чуть больше меня должен быть. Тогда вполне проберётся. А ты чего надумал-то, предводитель? Кого-то туда послать хочешь, чтоб его? — Старик метнул на Ихласа прищуренный взгляд.

— Есть такая мыслишка, — задумчиво ответил Ихлас.

— Зря пошлёшь. Чего ему там смотреть-то? Отсюда всё видно и понятно. Спят эти, чтоб их. Сгинет он там. Эти враз его учуют. Нюх-то у них волчий, чтоб их. Погубишь ты его, предводитель, — возразил старик.

— А ты что предлагаешь?

— Предводитель, ты, конечно, человек умный, не чета мне, чтоб меня, но, однако, не слышишь меня. Весь день я тебе о чём говорю-то, а? Я тебе нужен, я. Про пещеру забудь, чтоб её. Вот о чём подумай. Эти волчьеголовые, чтоб их, пришли же сюда откуда-то, так? Так. Но не из нашего леса же? Не из нашего. Это точно. Так вот, сдаётся мне,

что они живут как раз в том самом лесу с рекой, куда я не добрался. Скажу тебе больше. Я туда мог войти, но не стал. Побоялся. Зловещий он какой-то, чтоб его. Пёс мой затрусил на подступах. Упёрся и давай поскуливать, прижав хвост. Я-то хорошо его знаю, чтоб его. Вот и мне от него страх передался. К тому же, как я заметил, над тем лесом даже птицы не летают, сторонятся. И зверь его пугливо обходит, чтоб его. Вот и здесь так стало. И в нашем лесу теперь такое же творится. А всё эти, волчьеголовые, чтоб их, во всём повинны. С их появлением всё это и случаться стало. Поверь мне, предводитель...

— Верю, старец, верю, — видя, что старик начинает волноваться, Ихлас успокаивающе коснулся рукой его плеча.

— Так вот, слушай, что я всё время хочу сказать-то тебе. Обе тропы, что огибают эту гору с пещерой, проложены в узких и глубоких расщелинах, да к тому же довольно длинных. В них можно только одному всаднику проехать. Ну ширина у них такая. Понимаешь теперь меня, предводитель? К чему я клоню-то, чтоб меня. Вижу по глазам, что уже догадываешься. Эти, волчьеголовые, чтоб их, тоже по ним, ну по этим тропам, только друг за другом могут пройти. А стены там отвесные и высокие. Понял, предводитель, на что я намекаю-то? Их там и нужно запереть с двух сторон. Засаду можно им устроить там. Ты, предводитель, видел когда-нибудь, чтобы волки по стенам лазали? Нет? Вот и я не видел, потому как они не способны на такое. Так вот, когда они, чтоб их, все втянутся по тропам в эти расщелины, ты, предводитель, со своими людьми и завалишь камнями оба входа туда. Конечно, нужно подготовиться к этому и сделать это очень быстро. Вот тут-то я уже тебе не советчик. Как ты сможешь справиться, чтобы эти, чтоб их, не учуяли и не заметили вас раньше времени, я не знаю. Крепко подумай над этим, может, чего и надумаешь, — старик притомился и умолк.

— Я всё понял, старец. Смекалистый ты, однако, и опыта тебе не занимать. Дельные советы даёшь, чтоб меня, — глядя ему в лицо, улыбнулся Ихлас. — А теперь нам с тобой пора уходить отсюда. Пошли вниз. Устал ты. Отдохнуть тебе нужно, ну а мне — крепко подумать.

* * *

Три тысячи конных воинов во главе с тремя тысячниками и Иджими продвигались по лесу в восточном направлении. Большое

войско, словно гигантская змея, растянулось на огромное расстояние. Завершался первый день, как они вступили в дремучие лесные дебри.

* * *

Лишь только забрезжил рассвет, старик проснулся, протёр глаза, сдвинул с себя тёплую овечью шкуру и присел, озираясь по сторонам. Впервые за многие дни он спал крепко и безмятежно, чувствуя себя нужным кому-то и защищённым. Пёс, лежавший рядом, тут же поднялся, зевнул несколько раз, высунув длинный язык, потянулся и, повиливая хвостом, подошёл к хозяину и ткнулся мордой ему в щеку. Отстранившись от него рукой, старик встал. Он уже заметил, что все воины Ихласа чем-то дружно заняты. Старик обошёл дерево и увидел, что воины плетут огромные сети из толстых верёвок. Старик смотрел на них, выпятив нижнюю губу и почёсывая макушку. Заметив его, Ихлас тут же подошёл.

— Отдохнул, старец? — приложив руку к груди, спросил Ихлас старика. Тот склонил голову и приложил руку к груди, тоже приветствуя сотника.

— Давненько, предводитель, я не спал так сладко, — по привычке прищурившись, ответил старик.

— Вот, — повернувшись в сторону воинов и кивнув на них, начал Ихлас, — я крепко подумал и надумал, чтоб меня. — Ихлас улыбнулся.

— Вижу, предводитель, ночь была бессонной у вас, — старик подошёл к сети, наклонился и взялся за её край одной рукой, попытался приподнять, но не смог и взялся обеими руками, но вновь не смог и, заложив руку за поясницу, медленно выпрямился. — Тяжёлая, однако, получилась, чтоб её. Думаешь, не разорвут её эти, чтоб их?

— Не знаю, — посерьёзнев, произнёс Ихлас. — Лошадьми тянули в разные стороны. Не порвались.

— Сколько таких приготовили? — спросил старик.

— Две пары. Вот, последнюю довязываем, — взглянув на старика, ответил Ихлас.

— Крепкие. Из конского волоса, — разглядывая верёвки, одобрительно кивнул старик и спросил: — А людей хватит поднять их и затащить на скалы?

— Маловато, конечно, но будем стараться, — Ихлас обвёл взглядом воинов.

— М-да, ещё бы пару десятков рук. Не помешало бы, — согласно закивал старик.

— Я было подумал брёвнами завалы сделать, но валить деревья нельзя — шумно и заметно, — поделился прежним планом Ихлас.

— Это верно, предводитель, грохота много было бы, — согласился старик и спросил: — А откуда столько верёвок взяли?

— Послал людей к десятникам Лачину и Хайсаму. Всё, что было у них, свезли сюда, — ответил Ихлас.

— Людей, говоришь, маловато... М-да... — задумчиво произнёс старик, глядя на воинов, и тут же взглянул на Ихласа. — А у этих, как там, чтоб их, Лачина и Хайсама, чем воины заняты?

— Часть из них в дозорах стоят, ну а остальные так же, как и здесь, в ожидании, — Ихлас с удивлением и озарением посмотрел на старика. — Что ты хочешь сказать, старец? Сюда вызвать их воинов?

— Ты предводитель у них, ты и решай. Моё дело маленькое, — с хитрецей прищурившись, почесал макушку старик.

— Ну и голова у тебя, старец, чтоб тебя! — восхищённо воскликнул вполголоса Ихлас.

Старик развернулся, пошёл обратно, иногда наклоняясь и поглаживая пса по голове.

— Эй, Хозан, ну-ка, иди сюда! — махнув рукой, негромко позвал десятника Ихлас. Тот подбежал. — Слушай меня очень внимательно, — стал тихо говорить сотник. — Пошли гонцов к Лачину и Хайсаму, пусть они срочно пришлют ко мне по десять воинов. Понял?

— Я всё понял, сотник Ихлас, будет исполнено, — с готовностью кивнул Хозан и приложил руку к груди.

* * *

Ближе к полуночи, убедившись, что все волчьеголовые с вечера скрылись в пещере, сотник Ихлас, десятники Ортек, Каплан, Барс и Хозан, ведомые стариком, пробирались среди скал. Старик вёл их налево от горы с пещерой. Вскоре они оказались на едва заметной узкой тропе, ведущей вверх. Часто останавливаясь и приседая, они напряжённо вглядывались в окрестности и, затаив дыхание, вслушивались в ночные звуки. Подойдя к узкой расщелине с высокими отвесными боковыми стенами, старик замер, вытянул к ней руку и

оглянулся. Ихлас и десятники обошли его, вошли в расщелину и, задржав головы, осмотрели её. Ихлас убедился, что всё было в точности, как говорил старик: боковые стены высотой в три, а местами и в четыре человеческих роста ровным коридором тянулись далеко вперёд, сжимая тропу с двух сторон. Хозан подошёл к стене и стал ощупывать её ладонью, высоко вытянув руку и подтягиваясь на носках. Ортек тем временем вышел из расщелины, осторожно взобрался на скалу у входа в неё, осмотрелся, спустился и подошёл к остальным. Ихлас махнул рукой в обратном направлении, и все двинулись к выходу из расщелины.

Вернувшись в лагерь, они присели и перевели дыхание.

— Старец, — Ихлас взглянул на старика, — ты как, не устал? Нам нужно будет осмотреть и вторую расщелину.

— Когда для пользы дела, я готов хоть всю ночь водить вас туда, предводитель, — вытирая лицо, отозвался старик.

— Это хорошо, старец. Потом все отдохнём и выспимся, — одобрительно произнёс Ихлас и вновь спросил: — А как далеко тянутся эти расщелины?

— Если в шагах, то сотен десять будет, но это моими ногами, ну а твоими и того меньше, — ответил старик.

— Вторая расщелина такая же? — продолжал спрашивать Ихлас.

— Та подлиннее этой будет, чтоб её. Но ненамного. Думаю, на полсотни шагов всего. А глубина и ширина такие же. Сам увидишь скоро. Твои сети в самый раз сгодятся, — закивал старик.

— Ну всё, пора, — поднимаясь, сказал Ихлас.

* * *

Благополучно осмотрев и вторую расщелину, Ихлас с десятниками и стариком вернулись в лагерь.

— По десять человек на каждую сеть, думаю, вполне хватит. Остальные будут прикрывать, — рассуждал Ихлас. — Ортек, ты был наверху в обоих местах. Заметил, есть там большие камни? — Он взглянул на Ортека.

— Да, сотник Ихлас, есть. Много. Закрепить сети и подвязать к ним сгодятся, — с готовностью ответил тот.

— Хорошо, Ортек. В следующую ночь будем всё переносить на места и готовиться. Не забудь, перед выходом все сети надо смазать салом подвяленным. И доспехи тоже. Хозан, ты со своими людьми

и с десятком воинов Хайсама останешься здесь, в дозоре, и будешь следить за пещерой. Если вдруг случится что, поможешь. Ну а теперь всем спать, — завершил беседу Ихлас.

* * *

Тысячники, выделяясь среди остальных воинов волчьими хвостами на шлемах, ехали сразу после передовой сотни, во главе которой двигался её предводитель. Рядом с ним следовал Иджими, а за их спинами — его друзья.

Завершался второй день пути по дремучему ельнику.

— Предводитель Хосхар, сян дуглу Юити-бек выделил большое войско на борьбу с волчьеголовым племенем. Думаешь, они действительно так опасны? — повернув голову к тысячнику, что ехал в середине троицы, спросил тысячник слева, грузный мужчина средних лет с чёрной повязкой, закрывавшей его левый глаз.

— Никто и ничего о них толком не знает, предводитель Арачын, но ты же сам видел их тела. Сян дуглу Юити-бек, дабы не будоражить народ, велел их никому не показывать и тайно сжечь. Если бы они не произвели на него такого сильного впечатления и не потрясли своим видом, — а он, как мы все знаем, не из робкого десятка, — то он бы поступил иначе и без раздумий выставил их на всеобщее обозрение, — резонно подметил тысячник Хосхар. Это был мужчина по возрасту немного старше спутников, но, в отличие от тучного собеседника, имел стройное телосложение и очень высокий рост, отчего крупный скаун под ним казался не больше осла.

— К тому же, доблестные предводители, как оказалось, их много, — повернув голову к Хосхару и Арачыну, подметил третий тысячник, что вёл коня по правую руку от Хосхара. Он отличался от первых двоих тем, что был небольшого роста и весьма хрупкого телосложения, но при этом обладал могучим голосом.

— Да, ты прав, доблестный предводитель Хаан, как выяснилось, это так и есть, — согласился Хосхар. — Сын дуглу Наби-бека Иджими — честный и отважный юноша и не способен говорить неправду. К тому же он с друзьями уже побывал в сражении с этими волчьеголовыми и не с чьих-то слов кое-что знает о них. Очень вовремя к ним на помощь подоспел сын цзо дуглу Бэйтими-бека сотник Ихлас. Не случись этого, дуглу Наби-бека постигло бы большое горе.

— Сын цзо дуглу Бэйtimi-бека попросил прислать ему две тысячи воинов, однако же сян дуглу Юити-бек направил к нему нас с нашими тысячами. Выходит, что он очень серьёзно воспринимает волчьеголовых, как силу большую и весьма опасную. К тому же хорошо знает характер сотника Ихласа, человека не по годам дельного, отважного, вдумчивого, но достаточно скромного, — вновь подметил Хаан.

— Да, достойными подрастают наши дети. Будет нам под старость кем гордиться, если даже теперь, в столь юном возрасте, они радуют своими помыслами и поступками. Наш куньбек Янгуй привёл всех нас сюда с надеждой на будущие поколения, на их храбрые сердца и отважный дух, на их единство и сплочённость и правильно сделал. Несмотря на то что Иджими и его друзья совсем ещё юны, они уже ведут себя как истинные воины и очень стараются подражать старшим братьям, как Ихлас и подобные ему, коих у нас много. Куньбек Янгуй смотрит далеко вперёд и делает всё, чтобы наш народ впредь никогда не был зависим от кого-либо и не влачил жалкое существование, а жил так, чтобы никто и никогда не смел посягнуть на его независимость и свободу, — спокойно, но с гордостью произнёс Хосхар.

— Это верно, — посмотрев на него одним глазом, соглашаясь, часто закивал Арачын.

— Нам нужно как можно быстрее покончить с этим волчьеголовым племенем и вернуться назад. Куньбек Янгуй наверняка скоро прикажет всем выдвигаться в новые земли. Осень близка. Дольше мы не сможем оставаться здесь, — прогрохотал Хаан. — Может, мы сократим стоянки и ускорим ход? Что скажете, предводители? Доблестный Хосхар, сян дуглу Юити-бек тебя назначил старшим в этом походе, тебе и решать.

— Пожалуй, ты прав, предводитель Хаан, так мы и поступим теперь. Встанем на отдых до полуночи и двинемся дальше, — очень степенно, слегка склонив голову, произнёс Хосхар.

— Ну раз так, то мне пора к войскам, — взглянув на Хосхара и приложив руку к груди, стал разворачивать скакуна Арачын. Хосхар в ответ тоже приложил руку к груди.

Хаан также почтил Хосхара и молча направился вслед за Арачыном.

* * *

Не дожидаясь середины ночи, как поступили в прошлый раз — при осмотре расщелин, сотник Ихлас велел выдвигаться, как только все волчьеголовые покинули площадку и вошли в пещеру. Сам он вместе с десятником Ортеком возглавил отряд, состоящий из двух десятков воинов, половину которых прислал десятник Лачин. Второй отряд возглавили десятники Каплан и Барс. Они вели своих людей. Десятник Хозан с двадцатью воинами оставался в лагере, но выдвинувшись на дозорные позиции на скалах. Вместе с ними были старик и Айю с Баркутом.

Свернув сети в рулоны и подняв каждую на плечи впятером, отряды вышли из леса и по двум направлениям двинулись к скалам, постоянно сменяясь под тяжёлой ношей. Ночь была лунной, но ветреной, и по небу, часто заслоняя собой бледное ночное светило, к лесу от гор проплывали небольшие облака.

Труднее всего воинам пришлось, когда преодолевали участок со скалами, лежащий между ними и пещерой. И без того тяжёлые сети при обходе частых скал и в теснинах между ними цеплялись за острые выступы, от чего воины то падали на колени, то, пытаясь удержаться на ногах, ослабляли хватку, перегружая остальных. С огромным усилием преодолев наконец это злосчастное место, оба отряда вышли к покатоному предгорью по обе стороны от пещеры. Не задерживаясь ни на миг, сразу стали подниматься вверх по тропам и остановились, только подойдя к входам в расщелины, где тихо опустили сети на землю, тут же упав от усталости рядом.

* * *

Сотник Ихлас видел состояние воинов и не торопил их, хотя понимал, что каждое мгновение, проведённое в бездействии, может стоить им всем жизнью и от этого становится, как никогда, бесценным. Утолив жажду, восстановив силы, воины поднялись на ноги и замерли в ожидании велений сотника Ихласа. Он посмотрел на десятника Ортека и кивнул. Тот подошёл к воинам и тихо что-то сказал, после чего половина из них, закинув связки верёвок за спины, вместе с десятником взобрались на скалу у входа в расщелину и, оказавшись наверху, исчезли ненадолго, а появившись, скинули вниз верёвочные концы. Воины, что были внизу, быстро подтащили к верёвкам один рулон сетей, привязали его и дружно припод-

няли на руках. Тут же туго натянувшиеся верёвки медленно поволокли груз наверх. Вскоре и второй рулон сетей был поднят.

Ихлас с воинами взобрались на скалу. Немного отдохнув, одну из сетей понесли дальше — к дальнему входу в расщелину. Оставшуюся сеть разложили на камнях и подтащили к её краям огромные валуны, привязав к верхнему краю несколько длинных верёвок.

— Ортек, на той стороне тоже приготовьте валуны, — подозвав к себе десятника, на ухо прошептал ему Ихлас. — Когда волчьеголовые войдут в расщелину, перекинем верёвки, привязанные к верху сети, растянем её над расщелиной, прочно закрепим камнями по обоим краям и перекроем вход. Так нужно сделать и на втором входе. Часть валунов сразу же столкнём вниз и подвяжем к нижнему краю сети, привалив сверху камнями. Десятники Каплан и Барс готовятся так же. Ну а теперь проверь подготовку второй сети.

* * *

Возле другой расщелины, где находились десятники Каплан и Барс, происходило то же самое, что и там, где был сотник Ихлас, и они так же готовили сети.

* * *

В полночь первыми в лагерь вернулись сотник Ихлас и его люди. Немного позже появились десятники Каплан и Барс, ведя за собой своих воинов. Десятник Хозан, всё это время следивший за их передвижениями и за пещерой, казалось, был больше всех рад благополучному возвращению. Он лично подносил воинам воду и похлопывал их по плечам.

— Всё подготовлено, теперь лишь один главный вопрос — когда? — посмотрев на десятников и устало проведя ладонью по лицу, тихо сказал Ихлас. — Все валятся с ног. Всем нужно отдыхать... Хозан, теперь вся надежда на твоих дозорных. Пусть они очень внимательно следят за волчьеголовыми. За мясом придут к пещере по одной из расщелин. Мы не знаем по какой, но подготовлены обе. Не думаю, что пришедшие задержатся здесь надолго: заберут мясо и пойдут обратно. Те, что занимались заготовкой, скорее всего, тоже уйдут с ними. Своё дело они сделали и оставаться на этом месте не должны... Вполне возможно, что сюда придёт только кто-то один и сообщит им о возвращении в главное стойбище с этим

мясом. В любом случае они покинут пещеру. Вот тогда мы и должны будем успеть попасть на скалы над ущельем, по которому они пойдут. Наши шансы на успех удваиваются, так как мы всеми силами, что у нас есть, будем действовать только над одной из расщелин... Старика и молодых Айю и Баркута оставим с лошадьми... Ортек и Каплан, вы сразу забираетесь на скалу слева и уходите в дальний конец расщелины. Ортек, ты занимаешься сетью наверху. Каплан, спустишься на ту сторону и будешь сражать волчьеголовых из луков сквозь сеть, чтобы они не прорвались. Закрыв проход сетью, Ортек спустится к тебе и поможет... Барс и Хозан, вы взбираетесь на скалу справа от расщелины. Барс, уходишь в дальний её конец и принимаешь сеть от Ортека,крепишь её и тоже спустишься к Ортеку и Каплану... Хозан, а ты принимаешь сеть от меня. Я буду слева наверху. Оставшиеся десять воинов остановятся перед ближней сетью, тоже сражая сквозь нее волчьеголовых из луков. Установив сеть, мы с Хозаном спустимся к ним... Конечно, удобнее и безопаснее было бы бить сверху, но это, к сожалению, невозможно, так как стены вверху сужаются. Все всё поняли? — Ихлас пристально посмотрел на каждого. Они молча кивали. — Тогда у меня всё. Всем отдыхать.

* * *

— Сотник Ихлас, вставай! — схватив за плечо, тряс Ихласа десятник Хозан. — Скорее же!

— Что случилось?

Ихлас открыл глаза и приподнялся на локте, но ничего не понимал спросонья.

— Сотник Ихлас, там двое волчьеголовых через левую расщелину пришли. Они в пещере, — едва сдерживая голос, прошептал Хозан, склонившись.

— Поднимай всех! — откинув с себя шкуру, вскочил Ихлас.

Вскоре весь лагерь был на ногах. Десятники подбежали к Ихласу.

— В пещеру пришли их гонцы. Всем на позиции к дозорной скале! Быстро! — отдал приказ Ихлас и сам побежал к скале.

Вокруг было темно. Ночь ещё не спешила уступать права рассвету и полновластно хозяйничала над землёй.

* * *

— Ну, что там? — оказавшись возле двоих дозорных на скале, тихо спросил Ихлас, всматриваясь в площадку перед пещерой.

— Сотник Ихлас, их всего двое. Пришли по левой расщелине и сразу вошли в пещеру. Это пока всё. Из пещеры никто не выходил, — шёпотом доложил один из дозорных.

Появился запыхавшийся десятник Ортек.

— Все наготове? — Ихлас не отводил взгляда от пещеры.

— Да, сотник Ихлас, все на местах и ждут приказа, — кивнул Ортек.

— Думаю, уже недолго осталось ждать. Скоро эти должны выдвинуться с мясом в обратный путь, иначе зачем приходиться среди ночи, — резонно заметил Ихлас.

Луна плавно покидала небосвод, скатываясь к горизонту, но продолжала одаривать землю тусклым туманным светом, наполняя её тенями. Время, как это происходит всегда в таких напряжённых ситуациях, тянулось, как никогда, медленно, усиливая тревогу и нагнетая беспокойство. На всех позициях десятники и воины, затаив дыхание, следили за пещерой.

— Вот они, выходят, — почти прошипел Ихлас.

Из пещеры показались волчьеголовые. Двое первых, сделав несколько шагов, остановились и стали медленно поворачивать головы, вытягивая морды и приносясь. За ними один за другим вышли все. Их было четыре десятка, и они заполнили собой почти всю площадку. Первые двое подошли к развешенному на жердях мясу, выборочно коснулись кусков, наклоняясь и приносясь, затем повернулись к остальным, неподвижно стоявшим за их спинами. Один из двоих несколько раз открыл пасть. Послышались пара каких-то странных слов и короткий лай, больше напоминавший рычание. Тут же все волчьеголовые сорвались с мест, подбежали к жердям, быстро распределились, подхватили жерди, устроили их на плечах, придерживая руками, и вновь замерли. Тот, что отдавал команды, махнул рукой в сторону левой расщелины и пошёл первым в указанном направлении. Все волчьеголовые тронулись следом.

— Ортек, срочно всех сюда. Они идут к левой расщелине, — сползая, отдал приказ Ихлас. Ортек кивнул и заспешил вниз, едва не сорвавшись со скалы.

* * *

Ихлас стоял перед скалистой полосой, пока не вступая в неё, и следил за волчьеголовыми. Воины замерли в ожидании за его спи-

ной. Как только последние волчьеголовые с грузом вошли в расщелину, Ихлас поднял руку, резко опустил, вбежал между двух скал и, уверенно огибая каменные выступы, направился к расщелине. Быстро преодолев эту полосу, воины поднялись бегом по покатому склону к подножию горы и группами, каждая на своё место, разбежались по обе стороны от расщелины, ловко взбираясь по стенам. Оказавшись наверху, они так же, без суеты, заняли позиции. Десятники Ортек и Каплан с воинами устремились к дальнему входу в расщелину. Справа от расщелины в том же направлении бежали десятник Барс и его люди.

Сотник Ихлас со своими воинами перекинул верёвки, привязанные к сети, через расщелину — десятнику Хозану и его людям, ожидавшим на самом краю. Перехватив верёвки, они дружно потянули их, растягивая сеть над входом в расщелину. Вскоре вход был перекрыт. Воины с двух сторон закрепили сеть и стали сталкивать вниз огромные валуны, которые с грохотом падали к подножию. Тут же скинув по стенам верёвки, воины ловко и быстро спустились по ним и закрепили нижний край сети камнями, нагромождая их друг на друга. Работа была завершена. Все тяжело дышали.

— Хозан, — махнул рукой Ихлас, — узнай, как там Ортек.

Хозан быстро приложил руку к груди и бросился к стене, в прыжке вцепившись в одну из свисавших верёвок и быстро взобравшись по ней.

— Луки! — скомандовал Ихлас.

Воины вскинули луки, заложили в них стрелы и выстроились в два ряда шагах в десяти перед сетью. Ихлас встал в самом центре. Прошло какое-то время, и на краю скалы появился Хозан.

— Они готовы, — задыхаясь от бега, с трудом сообщил десятник и стал спускаться.

Не успел Хозан коснуться ногой земли, как вдруг тишина разорвалась громкими звуками: прерывистым жутким воем, свирепым рычанием и зловещими криками, вырывавшимися из расщелины.

— Ортек, Каплан и Барс начали сражение, — с напряжением в голосе произнёс Ихлас.

Звуки в расщелине всё нарастали, и уже сквозь них доносился гул от топота ног.

— Всем изготoвиться! Идут! — натянув тетиву и прицеливаясь, скомандовал Ихлас.

Небо заметно посветлело, предвещая раннее утро.

Первый волчьеголовый со всего разбега на четырёх конечностях влетел в сеть и тут же был сражён множеством стрел. Он не успел ещё затихнуть, как следом появился второй, взбежал на спину упавшему — и в одно мгновение опрокинулся навзничь с десятком стрел в голове и в плечах. Третий наскочил на него, поднялся на ноги и сразу же стал хвататься за стрелы, вонзавшиеся ему в грудь, но не успел упасть, как был сбит с ног четвёртым, который в сильном прыжке перелетел вперёд и вцепился руками в сеть, но, сражённый, сполз вниз.

Прошло немного времени, и прямо за сетью выросла целая гора из тел убитых волчьеголовых. Их натиск ослабел.

— Хозан, половина воинов пусть поднимется наверх и сбрасывает камни в расщелину! Пошли воина к Ортеку! Пусть тоже сбрасывают камни на головы этих, — приказал Ихлас.

Хозан бросился исполнять приказ, и вскоре полтора десятка воинов взобрались на стену, стали подтаскивать камни к расщелине и сталкивать их в неё, предварительно заглядывая вниз, дабы попадать в цели.

* * *

— Властитель, там впереди лошади под охраной старика и двоих юношей. Наши люди. Мы дошли до сотника Ихласа, — осадив скакуна перед Хосхаром, склонил голову и приложил руку к груди сотник. Лисий хвост на шлеме качнулся.

— А где сам сотник Ихлас? — спросил Хосхар.

— Он с воинами ведёт в горах сражение с волчьеголовыми, властитель.

Хосхар слегка кивнул, отпуская сотника, который умчался вперёд и скрылся за деревьями. Хосхар приподнял руку, и к нему тут же приблизился всадник с двумя кожаными лентами на шлеме, обозначавшими должность помощника военачальника, и учтиво замер.

— Дагян, срочно направь к сотнику Ихласу пять сотен воинов, — повелел Хосхар.

— Слушаюсь, властитель, — сказал, приложив руку к груди и склонив голову, дагян и направился к войскам.

* * *

Старик подошёл к появившимся сотникам и остановился, почёсывая макушку. Прищурившись, рассмотрел всех пятерых, затем склонил голову и приложил руку к груди.

— Что, старец? — старший по возрасту из прибывших тоже в приветствии приложил руку к груди.

— Предводитель, дальше верхом не проедете, — пожал плечами старик.

— Понятно, — сходя с коня, протянул тот. — А далеко отсюда?

— Вы бы поспешили, а то не поспеете. Тут рядышком уже. Я проведу... чтоб меня, — ответил старик.

— Всем спешиться! — взглянув на сотников, приказал старший.

Сотники умчались в разные стороны и скрылись среди деревьев, громко дублируя приказ старшего сотника.

— Веди, старец, — произнёс сотник.

Грохоча оружием и доспехами, к ним бежали воины.

Вдали за грядой горных вершин уже ярко запылал небосвод, предвещая скорый восход светила.

* * *

Миновав скалистую полосу многочисленными потоками и выйдя на край пологого склона перед расщелиной, сотники, старик и воины замерли, глядя на подножие скалы возле входа в расщелину. Старший сотник поднял руку, и все сразу притихли. У основания скалы на земле были воины: кто-то из них лежал, а кто-то сидел с опущенной головой, прислонившись к скале. Предводитель с тревогой посмотрел на старика. Тот почесал макушку, кивнул и, пошаркивая большими сапогами, стал медленно подниматься по склону. Все смотрели на него. Он на ходу взглянул на сеть на входе в расщелину, покачал головой, подошёл к ближайшему из лежащих воинов и склонился над ним, потом шагнул к другому и тоже склонился, затем выпрямился, обернулся и помахал рукой. Пятеро сотников направились к старику, и он двинулся навстречу. Сойдясь, они остановились.

— Ну что, не успели мы, старец? — взволнованно севшим голосом спросил старший сотник.

— Не успели, предводитель, — отвернулся старик и махнул рукой. Недолго так постояв, он, вновь прищурившись, взглянул на

старшего сотника и расплылся щербатым ртом в широкой улыбке. — Не успели прийти пораньше, предводитель. Они сами всё сделали и теперь спят вместе с предводителем Ихласом. Утомились, чтоб их...

Старший сотник нахмурил брови, не очень понимая сказанное стариком, затем неуверенно кивнул, нервно провёл ладонью по лицу, сделал глубокий вдох, обошёл старика и зашагал к входу в расщелину.

* * *

Расщелина представляла собой жуткое зрелище. Возле сетей на обоих входах в неё грудami лежали бездыханные тела волчьеголовых, утыканные стрелами. Изувеченные тела их собратьев были словно разбросаны по всей длине узкой расщелины. Большинство были убиты сброшенными сверху камнями: невероятно обезображенные, с разmozженными головами. Вся тропа залита кровью, и было её настолько много, что могло показаться, что по дну расщелины пронесла свои воды кровавая река.

Прибывшие сотники, взобравшись на скалу, медленно шли вдоль расщелины, часто останавливались, заглядывали в неё, иногда наклоняясь, а иногда становясь на колени и упираясь руками в самый её край, и подолгу всё рассматривали.

* * *

— Все твои действия, доблестный сотник Ихлас, в сложившейся ситуации весьма решительны и тщательно продуманы. Этого не признать нельзя. Ты, имея такие малые силы, сумел правильно распределить их, организовать подготовку к атаке волчьеголовых и умело провёл её. Мы выслушали тебя, всё поняли и одобряем всё, что ты тут совершил, и у нас нет ни вопросов, ни претензий. Но всё обстоит не так просто, как может показаться. Мы пока говорим лишь о совершённом тобой здесь, а следует обсудить все твои поступки до всего этого, до твоего появления в этих местах. Твоя главная ошибка, сотник Ихлас, заключается в том, что ты ушёл в этот поход, не поставив в известность сян дуглу Юити-бека и, более того, не испросив разрешения на такие действия, — смотря прямо в лицо сотника Ихласа, спокойно говорил старший тысячник Хосхар. — Только попав в сложное положение, ты через посланника к

сян дуглу Юити-беку с просьбой об оказании тебе помощи вынужден был всё объяснить и признаться в своеволии.

Хосхар замолчал и отвёл суровый взгляд от Ихласа. Хосхар вместе с Арачыном и Хааном сидели возле костра, а Ихлас стоял напротив них с виновато опущенной головой и с заведёнными за спину руками. День приближался к середине.

— Сотник Ихлас, сян дуглу Юити-бек, несмотря ни на что, откликнулся на твою просьбу и срочно направил нас со всеми нашими войсками, выделив в этот поход, как ты видишь, больше воинов, чем ты просил. Что из этого следует? А следует то, что он, в отличие от тебя, весьма серьёзно относится к сложившемуся на восточных рубежах положению, — прервав общее молчание, произнёс тысячник Арачын.

Тысячник Хаан изредка поглядывал на Ихласа, вертя в руках длинную веточку и шерудя ею в костре.

— К тому же, сотник Ихлас, ты подверг опасности жизни нескольких юношей, которых ты обязан был не брать с собой ни при каких обстоятельствах. Вот и получается, что если своевольный уход сюда был твоей главной ошибкой, то этот поступок стал уже второй ошибкой, — вновь выказал недовольство старший тысячник Хосхар.

Сотник Ихлас продолжал стоять и слушать их с опущенной головой, переминаясь с ноги на ногу.

— Доблестные предводители, сотник Ихлас будет держать ответ перед сян дуглу Юити-беком, а нам не нужно терять времени — следует подумать о дальнейших наших действиях, — после долгого молчания громовым голосом сказал Хаан.

— Что ж, думаю, что сотник Ихлас всё и без нас понимает и сумеет объясниться перед сян дуглу Юити-беком, — не очень одобрительно взглянув на тысячника Хаана, но соглашаясь с ним, отозвался Хосхар. — Садись, сотник Ихлас, обсудим наши планы. Доблестный предводитель Хаан прав, у нас очень мало времени, — махнул рукой Ихласу Хосхар.

Сотник Ихлас устало опустил на землю и покрасневшими глазами посмотрел на тысячника Хаана. Тот взглянул в ответ, поджал губы, на мгновение прикрыл глаза и слегка кивнул, словно говоря: «Ничего не поделаешь, терпи».

— Все волчьеголовые в двух соседних лагерях тоже уничтожены. Никто не смог сбежать, — начал Хосхар. — Других лагерей пока

поблизости не обнаружено, но лазутчики продолжают поиски. Сотник Ихлас, что ты скажешь? Где, по твоим данным, располагается их главное стойбище?

— За ущельем есть ещё одна гора, а за ней лес, предводитель Хосхар, вот там-то и находится их стойбище. Если даже оно и не главное, то, видимо, крупное, — тихо ответил Ихлас. — Мы туда не ходили. Не успели.

— А лазутчиков туда почему не послал? — спросил Арачын.

Ихлас промолчал и опустил голову.

— У сотника Ихласа нет опытных лазутчиков. Его сотня боевая и не приучена к такого рода делам. Ему нужно было противостоять трём лагерям волчьеголовых, в которых скопилось двенадцать десятков воинов. При таком перевесе и рассредоточении врага распылять силы нельзя, а для дальней разведки двумя или тремя лазутчиками не обойтись, нужно отправлять их с целый десяток. Поэтому действия сотника Ихласа были верны и соответствуют требованиям ведения военных действий такими небольшими силами, как у него, — прогрохотал Хаан.

Теперь уже Арачын недовольно посмотрел на Хаана, но промолчал, понимая его правоту.

— Расщелину очистили от убитых волчьеголовых, и она открыта для продвижения войск. На труднопреодолимой скальной полосе подготовлены проходы для всадников, — стараясь держать нейтралитет между тысячниками Арачыном и Хааном, спокойно, выдержав паузу, продолжил Хосхар. — Утром через обе расщелины выдвинемся к тому лесу всеми силами и будем атаковать стойбище, каким бы оно ни было, главным или нет. Это не имеет никакого значения. Мы сделаем то, ради чего прибыли сюда. Время дорого.

Хосхар замолчал и посмотрел сперва на Арачына, потом на Хаана. Арачын часто закивал. Хаан задумчиво смотрел на огонь в костре и ковырял в нём палочкой.

— Предводитель Хосхар, оттуда, не дождавшись доставки мяса, могут прийти ещё, — тихо произнёс Ихлас.

— А для этого, сотник Ихлас, у обеих расщелин выставлены усиленные дозоры. Они не дадут никому ни пройти на эту сторону, ни уйти обратно, — поднимаясь с места, ответил Хосхар и добавил: — Ступай к своим людям, отдохни.

Лишь забрезжил рассвет, три тысячи усуней под командованием старшего тысячника Хосхара спешно прошли расщелины, обошли невысокую гору за ними и, уже посотенно выстроившись перед лесом, двинулись вперёд, ошестинившись длинными копьями.

Ихлас вёл воинов на правом фланге. Лесные дебри приняли их тёмным безмолвием, затрудняя продвижение почти неприступными зарослями. Петляя среди деревьев, с трудом, они хоть и очень медленно, но продвигались всё дальше и дальше в глубь леса и с первыми лучами светила вышли на берег реки с крутыми высокими берегами и тихим течением воды, где и остановились.

— Никого, — оглядываясь по сторонам, прошептал Ихлас.

— Смотри, сотник Ихлас, — показав рукой на склоны противоположного берега, тихо произнёс десятник Ортек.

Весь дальний обрывистый берег чернел многочисленными углублениями, очень похожими на норы, но с такого расстояния, какое было между берегами, трудно было определить их истинные размеры.

— Что это? — удивился Ихлас.

— Не могу знать, сотник Ихлас, но вроде как норы какие-то. А ещё вон там видны тропы от них наверх. Вон там, — показав рукой, прошептал Ортек.

Ихлас приложил ладонь ко лбу, всмотрелся в указанном направлении и заметил широкую тропу на берегу, похожую на размыв от водного потока при сильном ливне. Он наклонился к гриве своего коня, глядя под его копыта.

— И здесь тоже она есть, — тихо произнёс он, затем спешился и присел, осматривая землю. — Да, земля сильно утоптана. Похоже, тропа.

Он, крадучись, приблизился по тропе к краю берегового обрыва, посмотрел вниз, быстро вернулся обратно и запрыгнул в седло.

— Там тоже норы? — шёпотом спросил Ортек.

— Это не норы, Ортек, это входы в пещеры, — спешно схватив копьё и выставив его в сторону берегового обрыва, взволнованно ответил Ихлас и тут же скомандовал: — Все к бою!

Сотня, исполняя приказ, выступила из леса и замерла в одну линию, направив длинные копья к берегу. Они долго стояли, но никто так и не появился. Всюду царили тишина и спокойствие.

— Нет их здесь, — прошептал Ихлас. — Ушли. Бросили жилища.

— Надо осмотреть, — предложил Ортек и начал осторожно сползать с седла.

— Не спеши, Ортек, подождём. Пусть светлее станет. Ничего ты там пока не увидишь, — остановил его Ихлас и приказал: — Все ждём.

Время тянулось в томительном ожидании. То, что на обоих берегах реки в этом месте никого нет, все уже поняли, но это не убавляло общего напряжения и беспокойства, так как округа таила в себе зловещую угрозу, наполняя тревогой души. Почти каждый из воинов следил за поведением своего коня, зная, что он первым почует врага, особенно такого, как волчьеголовый.

Как только дальний берег реки стал отчётливо проглядываться, Ихлас посмотрел на Ортека и кивнул. Ортек кивком показал своим воинам в сторону реки и прыгнул на землю. Воины тоже спешили и, не выпуская из рук копий, начали осторожно спускаться по тропе, вскоре скрывшись за краем обрыва. Ихлас подвёл коня ближе и вслушивался, повернув голову и приложив ладонь к уху. Ничего, кроме шороха от ног идущих воинов, слышно не было. Иногда доносились тихие всплески от падающих в воду мелких камней.

Прошло какое-то время, и на тропе появился Ортек, а следом и все его воины.

— Нет там никого, сотник Ихлас, — приложив руку к груди и переводя учащённое дыхание, сообщил Ортек. — Но это точно их жилища. Там везде их следы, всюду этот жуткий запах, множество обглоданных костей и обустроенные лежаки. Похоже, это и есть их стойбище. Такие пещеры тянутся по берегам в обе стороны. Их огромное множество.

— Понятно. Ушли они. Теперь-то мы уверены в этом. Отправь гонца к предводителю. Пусть доложит обо всём и узнает, что нам дальше делать.

— Будет исполнено, сотник Ихлас.

* * *

Наступил вечер. По велению старшего тысячника Хосхара огромный лагерь был разбит вдоль леса, в котором так и не удалось обнаружить ни одного волчьеголового. Почти весь день многочисленные лазутчики разыскивали их в чащобе за рекой, но обнару-

жили лишь свежие тропы, уходившие далеко на восток, к горному массиву. Всюду в лагере запылали костры. Отдельно от них на границе между окраиной леса и лагерем по всей его протяжённости одной сплошной линией были запалены гораздо большие по размерам костры, возле которых несли дозор усиленные отряды.

Старший тысячник Хосхар и тысячники Арачын и Хаан сидели возле одного из костров.

— Что будем докладывать сян дуглу Юити-беку, доблестный предводитель Хосхар? — взглянув единственным глазом, спросил Арачын.

— М-да, особыми успехами в этом походе нам отличиться не удалось... Единственное поражение волчьеголовым нанёс сотник Ихлас. Получается, что при всём его своеволии он, тем не менее, оказывается на высоте и достоин похвалы. Ну а мы, приведя сюда большое войско, ничего не добились и ещё поучали его уму-разуму, вместо того чтобы в это самое время действовать — незамедлительно атаковать стойбище волчьеголовых. В результате выходит так, что из-за нашей общей нерасторопности было упущено время, и стойбище опустело незадолго до нашего появления там. Это очевидно и очень плохо. Для нас троих плохо, доблестные предводители... Не сказать обо всём этом, или исказить сведения, или же скрыть невозможно. Сотник Ихлас со своими людьми тому свидетели. Сян дуглу Юити-бек — человек дотошный и щепетильный, он очень тщательно опросит Ихласа, и тот, конечно же, доложит обо всём, что и как здесь было. К тому же, помимо воинов Ихласа, и старик, и сын Наби-бека с друзьями с готовностью подтвердят его слова. После того что смогла совершить эта горстка людей во главе с Ихласом, все наши действия выглядят весьма неприглядными, если не сказать бездарными. При нашем-то опыте ведения всевозможных военных действий такое поведение здесь не поддаётся никакому вразумительному объяснению и тем более хоть сколь-нибудь значимому оправданию. Учитывая все эти обстоятельства, нам придётся признаться перед сян дуглу Юити-беком в своих ошибках и упущениях и рассчитывать только на милость с его стороны... Очень надеюсь, что он, как человек разумный и дальновидный, не сочёл нужным поставить в известность самого куньбека Янгюя о появлении на наших границах столь странного врага и об этом так называемом походе на него.

Хосхар очень доходчиво выразил своё отношение к итогам похода и описал перспективу встречи с властителем сян дуглу Юити-беком.

— А мне кажется, доблестные предводители, что это не мы немного припозднились с нападением на стойбище волчьеголовых, а сотник Ихлас поторопился с атакой на них. И вот почему я так считаю: если бы он не устроил западню в расщелине, и дал бы им спокойно уйти, и послал бы им вслед лазутчиков, то никто из них не покинул бы стойбище. Они, дождавшись возвращения своего отряда и получив мясо, полагаю, не стали бы проявлять беспокойства, и у них не появилось бы причин для ухода из стойбища в такой спешке. Более того, послав прошение сян дуглу Юити-беку о выделении войск, Ихлас не должен был предпринимать каких-либо активных действий, а обязан был дожждаться нас, ведя всего лишь наблюдение и разведку и ни в коем случае не обнаруживая своего присутствия. Таким образом, я считаю, что в наших действиях нет и не было ошибок и тем более грубых просчётов или же недозволительного промедления в действиях, — высказался Арачын с несвойственной для него решительностью.

Хосхар от неожиданности долго смотрел на Арачына, словно впервые видел этого человека, но промолчал и перевёл взгляд на Хаана, по обыкновению спокойно ковырявшего веточкой в костре и, казалось, совершенно не слушавшего.

— Ну а что ты скажешь, предводитель Хаан? — с едва скрываемым раздражением обратился к нему Хосхар.

— Пора нам немного отдохнуть, доблестные предводители. Вот что я скажу, — посмотрев прямо в глаза Хосхару, спокойно произнёс Хаан, затем поднялся, бросил ветку в огонь, приложил руку к груди и покинул их, направляясь в сторону дозорных отрядов.

— Вот всегда он так, — зло процедил Арачын, смотря ему вслед. — Ведёт себя так, как будто его всё это не касается. Как будто нам это нужнее, чем ему. Столько спеси в нём, что даже говорить с ним не хочется.

— Ты говори, да не заговаривайся слишком, — метнув строгий взгляд, тихо одёрнул его Хосхар. — Ты что, совсем забыл о том, кто хочет заполучить его себе в зятя? Или тебе пора напомнить?

— Да помню я. Оттого и терплю его выходки. Не будь он избранником ю дуглу Карами-бека, я бы по-другому разговаривал. Хотя

неизвестно ещё, чем это всё закончится. Поговаривают, что это-то даже и не подозревает о планах ю дуглу Карами-бека, — гневно сверкнув глазом, заёрзал Арачын.

— Прямо-таки по-другому? — усмехнулся Хосхар. — Да и не будь Хаан будущим зятем правителя, ты всё равно боялся бы его и обходил десятой дорогой. И ты сам об этом знаешь. Хосхар перестал улыбаться, вновь с вниманием посмотрел на Арачына и продолжил: — А ты, доблестный Арачын, чего вдруг так распалился? Так много сказал и так красноречиво. Признаться, удивил...

— Вот что я хочу сказать тебе, доблестный Хосхар. Ты мой старинный знакомец и верный собрат по оружию, не то что этот, — Арачын недовольно кивнул в сторону, куда ушёл Хаан, и перевёл взгляд на Хосхара, посмотрев с почтением. — Мы с тобой прошли большой и сложный путь, как родные братья, побывали в таких переделках, что этому и не снилось даже в самом кошмарном сне, и остались живы зачастую благодаря нашей дружбе. Но самое главное, мы всегда возвращались с победой, и нас за это и чтили, и возвышали. А теперь что? Вот так и вернёмся обратно? С позором и с извинениями? Мол, прости нас, властитель, опоздали мы там слегка, каемся и признаём свои ошибки и упущения... Не бывать такому! Какого-то сотника прилюдно наградят, а нас с тобой осмеют, да? Что, не прав я? А если об этом узнает сам куньбек Янгуй, то и совсем нам несдобровать. А такое вполне может случиться.

Арачын от волнения закашлялся и прикрыл рот рукой.

— Всё это так, друг мой Арачын, но я никак не могу понять, к чему ты это говоришь? Предлагаешь пойти нам дальше по следам волчьеголовых, догнать, где бы они ни были, и уничтожить? Предлагаешь продолжить этот поход, дабы любой ценой вернуться с победой? Так, что ли? Объясни мне свои слова, — явно не понимая, куда клонит Арачын, спросил Хосхар.

— Какой ещё поход? О чём ты говоришь, друг Хосхар? Разве я сказал хотя бы одно слово о походе? Ты что? — искренне возмущился Арачын. — М-да, время меняет людей, это точно. Ты уже перестаёшь меня понимать. Дожились, однако. Раньше-то, бывало, с одного взгляда понимали друг друга. Помнишь? А теперь что? Разучились вконец, да? Или ты это нарочно делаешь? Чтобы потом меня во всём обвинить и сказать, что ты, мол, не так меня понял, и всё в таком же духе.

— Погоди, погоди, друг Арачын, я на самом деле не очень понимаю, куда ты клонишь. Поверь мне. Это сушая правда. Объясни, наконец, что ты имеешь в виду. У тебя, вижу, есть какое-то решение, дабы мы не остались крайними, на кого падёт гнев правителя нашего. Но только вот не пойму, что за решение ты предлагаешь. Говори уже толком, что и к чему. Хватит вокруг да около ходить! — теряя терпение, с нескрываемым негодованием произнёс Хосхар.

— Ну хорошо, друг ты мой Хосхар, раз ты такой недогадливый вдруг стал, скажу прямо, как есть. Слушай. Бегать по этим лесам и искать невесту кого лично я не намерен. Думаю, и тебе это глупое занятие не очень по душе. Делать этого нам и не придётся. Всё можно решить гораздо проще и вернуться в стойбище пусть и не совсем победителями, но уж точно без позора и просьб о прощении. А вот для этого нам нужно сделать так, чтобы сотник Ихлас и все его люди, понимаешь, все до единого, исчезли, пропали навсегда. Вот и всё, — вытаращив единственный глаз и хлопнув ладонями себя по коленям, высказался Арачын.

— Ты это серьёзно? — поражённо спросил Хосхар. — Это и есть твоё решение?

— Да, а что, не нравится тебе? Тогда предлагай своё. Ну, давай, я внимательно слушаю. Ты же старший из нас троих в этом походе. С тебя, кстати, и будет главный спрос. Ты же первым будешь держать ответ перед сян дуглу Юити-беком. Или забыл об этом? — разведя руки в стороны, излишне нарочито возмутился Арачын. — Хаан, тот или всю правду скажет, или промолчит, но это в лучшем для тебя и меня случае... Особенно для тебя.

— Ну знаешь ли, ты это, ты не перегибай палку-то. Учинил тут мне, видишь ли, допрос... Помнишь, не помнишь... Всё я помню. С памятью у меня пока всё в порядке. Ишь ты какой умный и смелый выискался вдруг, — нахмутив брови, махнул рукой Хосхар. — А у тебя самого, кстати, память-то, случаем, не отшибло, а? Ты-то сам хоть помнишь, чей сын этот сотник Ихлас? А чей сын Иджими, а? Который очень скоро может стать зятем кого, а? Напомнить тебе или не стоит? И друзья у него не последних людей дети. О них ты тоже подзабыл? А, Хаан? Ты видел, как он ведёт себя? Его-то как ты предлагаешь заставить замолчать? С ним тоже надо сделать так, чтобы исчез или, как ты там сказал, пропал навсегда? Экий ты шу-

стрый, однако. Такое придумал, что волос дыбом встаёт. Всё-то у тебя на словах легко получается, а ты пойди и делом докажи. Небось, моими руками хочешь всё это сотворить, да? Мол, тебе это важнее, поскольку ты тут старший, да? Так ведь думаешь? Знаю я тебя, хитреца, ох как знаю. Свою выгоду никогда не упustiшь. Уверен, и в этом деле всё продумал и просчитал. Чего молчишь-то? Правда неприятна, да? Так на то мы и друзья, чтобы говорить промеж собой честно и открыто. Или уже нет? — более примирительным тоном договорил Хосхар.

— Я-то тебе друг, оттого и поделился от всей души, а ты такого тут наговорил, что теперь впору начать сомневаться, друг ты мне или нет, — обиженно опустив голову, тихо произнёс Арачын. — Как знаешь, Хосхар, я ведь честно тебе о своих планах сказал. Решай сам, как поступить. Как скажешь, так тому и быть.

— Ладно, перестань дуться, а то того и гляди лопнешь, как пузырь, — успокаиваясь, пошутил Хосхар, намекая на тучное телосложение друга. — Не злись и обиды не держи. Чего в сердцах не скажешь! Дело-то не шуточное, беспокойное и хлопотное. Сложности у нас теперь возникли не от волчьеголовых, а от положения, в которое мы угодили из-за них. Ну а если быть откровенными до конца, то вообще не из-за них, конечно, а из-за нашего несерьёзного отношения к ним. За врага достойного не восприняли... Вот из-за чего так опростоволосились! И злимся мы не на них и не на сотника Ихласа, а на себя, но не признаёмся в этом, вернее, не хотим. Мы же такие умные, опытные и всеильные, что ты, куда там им, этим полуживотным до нас! Ведь так мы себя мнили по дороге сюда? Так. Умными словами говорили, чтобы произвести должное впечатление на Хаана. Вот, а теперь из-за этого всего сидим тут, вместо того чтобы спать, и из кожи вон лезем, дабы хоть как-то выкрутиться и сохранить честь и достоинство. А Хаан, в отличие от нас с тобой, отдыхает, потому как ничем подобным себя не утруждает и живёт так, как позволяет совесть.

— Ну да, конечно, поучи меня уму да разуму. Дожились, однако, дальше некуда... Теперь Хаан стал для нас примером, — не поднимая головы, махнул рукой Арачын, помолчал и продолжил, посмотрев на Хосхара: — Он спит не потому, что его совесть чиста, а потому, что знает: с тебя, а не с него будет спрос. Ему-то что? Он исполнял твои веления, и всё. Вот так и скажет он, и будет вроде

как прав. Я, к твоему сведению, тоже мог пойти и лечь спать, но, однако, сижу здесь, рядом с тобой. Не задумывался почему? А следовало бы подумать.

Он опять махнул рукой и опустил голову.

— Ну хватит винить друг друга. Достаточно для одного разговора, — ещё более примирительным тоном произнёс Хосхар, — иначе точно рассоримся. Давай лучше подумаем, как твой план воплотить в дело. Как ни крути, а выхода другого у нас нет. Так что излагай дальше, что ты там придумал.

— Ты опять шутишь или всерьёз? — Арачын выпрямился и посмотрел на Хосхара. — Я уже не понимаю тебя. То одно, то другое на языке. Совсем запутал.

— Выкладывай, что там у тебя в голове. Полночь скоро, — одобрительно кивнул Хосхар.

— Если всё сделаем в точности с моим планом, то Хаан, даже если и догадается обо всём, промолчит перед сян дуглу Юити-беком. Зачем ему наживать врагов в нашем лице? Да к тому же поверят нам с тобой, а не ему, и он это знает. Он кто? Он вчера был сотником. А мы кто? Мы старые, проверенные временем вояки, несчётное количество раз водившие тысячи на врага. Наши заслуги даже сам шаньюй Модэ признавал, считался с нами. К тому же Хаан ничего не узнает о том, что на самом деле случилось с сотником Ихласом и всеми его людьми, и может произойти так, что даже воспримет это как правду и ничего не заподозрит. И такое не исключено. Так вот, слушай, как ты должен поступить на рассвете.

Арачын замолчал, огляделся по сторонам, сел вплотную к Хосхару и начал шептать что-то ему на ухо. Хосхар слушал и иногда кивал.

* * *

Держась за луки сёдел, сотник Ихлас, все его воины, старик и Иджими с друзьями пешком преодолели несильное течение реки, выбрались на другой берег и стали взбираться наверх по многочисленным тропам. Пёс, как только вылез из воды, тут же встряхнулся всем телом, обдав брызгами хозяина. Старик прикрылся рукой, а потом одобрительно потрепал собаку по шее.

Небосвод едва посветлел, в лесу ещё царил густой сумрак.

— Зажигайте факелы, — дождавшись, пока все окажутся наверху, приказал Ихлас.

Десятники негромко повторили веление, и вскоре у каждого в руках был горящий факел. Всадники двинулись по лесным дебрям в восточном направлении, туда, где всегда восходит вечное светило.

— Ихлас, можно тебя спросить? — поравнявшись с Ихласом, тихо обратился Иджими.

— Спрашивай, Иджими, — кивнул Ихлас.

— Почему мы? Почему только ты и твои люди? И почему нас так мало отправили на поиски волчьеголовых? — прошептал Иджими.

Пропитанные маслом факелы пылали и с треском разбрасывали мелкие искры, едва освещая всадников и лошадей и выхватывая из темноты лишь ближние разлапистые ветви деревьев.

— Мы более опытные в этом деле. Уже дважды бились с ними. Кого же ещё посылать на поиски? Думаю, поэтому и отправили нас. Ну а то, что нас мало, так это же как бы дальняя разведка, а большими отрядами на разведку не ходят, — уклоняясь от большой ветви, пояснил Ихлас и спросил: — А тебя что-то беспокоит?

— Нет, я в порядке, но... — Иджими замолчал, что-то обдумывая.

— Что не так, Иджими? — Ихлас мельком взглянул на юношу. — Ты плохо себя чувствуешь?

— Ихлас, я должен тебе кое-что сообщить. Кажется, мы не одни направлены в разведку. Может, я ошибаюсь и нас всего лишь сопровождали до реки, но когда я отстал на дальнем берегу, то заметил, как к реке, левее нас, немного выше по течению, подошёл ещё один отряд. Это мне показалось странным. Почему они вели себя скрытно? Вернее, таились от нас. Если бы не пёс старика, учуявший их, то и я не заметил бы. Если ты не веришь мне, то можешь спросить у него, у старика. Он подтвердит мои слова. Я отстал из-за старика. Помогал ему спуститься к воде, — Иджими старался говорить как можно тише. — Я не видел, чтобы они вступили в реку, но вот что я поймал по течению. — Иджими протянул Ихласу какую-то вещь.

Ихлас взял её и поднёс к лицу, разглядывая.

— Чёрная головная повязка какая-то, с длинными концами, — прошептал Иджими.

— Я знаю, что это, — Ихлас на мгновение задумался и спросил: — Иджими, ты не заметил, большой отряд или нет?

— Не видел, но мне показалось, что их много. Не могу объяснить. Почувствовал, что ли, — ответил Иджими и тоже спросил: — А что это за повязка?

— Такие повязки носят только лазутчики при выполнении очень серьёзных заданий. Они надевают их на головы и длинными концами прикрывают нижнюю часть лиц, чтобы не быть замеченными. У них такие же чёрные одежды и сапоги без подошв, чтобы бесшумно продвигаться и чувствовать всё, что попадает под ноги, — объяснил Ихлас.

— Ничего не понимаю. А здесь-то от кого скрывать лица? И для чего они вообще нужны в этом лесу? Какое особое задание могут выполнять в дикой и безлюдной местности? — удивился Иджими.

— Иджими, я и сам пока ничего не понимаю, но ты прав, здесь только мы и они, а это значит, что их задание связано с нами. От нас они скрываются. Значит, посланы не на разведку, а за нами, но для чего, не могу понять. Если для того, чтобы охранять тебя, как сына самого дуглу Наби-бека, то не проще бы было просто не отправлять тебя со мной? Но ты здесь. Тогда для чего? — размышлял Ихлас. — Мы идём непонятно куда, и, как долго пробудем в пути, никому не известно. К тому же никто не может даже предположить, что ждёт нас в этом лесу и вернёмся ли мы вообще... Или всё-таки это твоя охрана? Тогда в чём смысл? Зачем скрываться-то от нас? Ничего не понимаю...

— Ихлас, нам нужно точно узнать, здесь они или нет, и потом прямо спросить их обо всём, — предложил Иджими.

— Нет, Иджими, нельзя этого делать. Они не должны знать, что обнаружены... Да и выследить их на самом деле будет очень сложно. Я уже сказал, что это не простые воины... — резонно возразил Ихлас. — Появилась у меня одна задумка, чтобы они показались сами, но для этого мы должны подготовиться. Они идут, как я понял, позади нас, но левее. Прямо за нами точно не пойдут. Это с их стороны было бы неправильно. Мало ли почему мы можем вернуться или отправить обратно гонцов. И тогда наткнёмся на них. Они это, конечно же, учитывают. А то, что я задумал, мы осуществим на первой же большой стоянке с ночлегом. Не уверен, что они попадутся на уловку, но попробовать мы должны. А теперь позови всех десятников и старика. Только тихо, — принял решение Ихлас.

* * *

Весь день, лишь изредка останавливаясь на непродолжительный отдых, Ихлас вёл людей по хорошо различимой свежей широкой

тропе, протоптанной волчьеголовыми. Во время стоянок десятичники громко торопили воинов, обещая хороший ночной отдых после сытной трапезы и успокаивая тем, что в эту ночь никому не стоит думать о появлении волчьеголовых, так как те уже очень далеко впереди и спешно уходят ещё дальше.

* * *

Наступил вечер. В лесных дебрях плавно сгущались сумерки. Выбрав небольшую поляну, Ихлас велел готовиться к ночлегу. Лошадей отвели в правую сторону от поляны и, оградив жердями, оставили под усиленной охраной. Развели костры и подкидывали в них свежесломанные еловые лапы, отчего поднимался сильный дым. Приготовили пищу, сытно поели и стали укладываться, разворачивая овечьи шкуры и расстилая их на земле вокруг костров.

Ихлас стоял чуть ближе к загону с лошадьми и наблюдал за действиями воинов. Когда большинство из них улеглись, он кивнул Ортеку, и тот тут же направился к левому краю лагеря, громко выкрикнув:

— Эй, все, кто хочет справить нужду, пошли со мной!

Он махнул рукой и решительно зашагал к зарослям. За ним побежали десятка полтора воинов. На бегу они разошлись в разных направлениях и вскоре скрылись среди деревьев. Костры задымили ещё сильнее. Немного выждав, Ихлас кивнул Хозану, лежавшему возле костра в ожидании знака. Хозан сразу поднял руку и тут же опустил её, затолкал под шкуру мешок и отполз в сторону Ихласа. Все воины так же быстро уложили свои мешки под шкуры и спешно поползли за десятником, поднимаясь на ноги за спиной Ихласа среди деревьев, где снарядили луки стрелами, затем, перемещаясь бесшумно, охватили поляну полукругом. На поляне появились Ортек и все, кто ушёл с ним. Войдя в дымовую завесу, они пригнулись, словно укладывались спать, и сразу же, не поднимаясь, побежали к Ихласу.

— Ничего там не заметил? — шёпотом спросил Ортека Ихлас.

— Нет, сотник Ихлас, ничего, — в самое ухо ему ответил Ортек. — Темень такая, хоть глаз выколи. Но если там кто-то был, мы явно отогнали их, как ты и задумал. А здесь все успели?

— Успели, — прошептал Ихлас. — Если они там и задумали неладное, то выйдут на поляну позже. Подождут, пока дым слегка рассеется и все крепко уснут.

Наступила полночь. Ихлас и его люди оставались среди деревьев, полумесяцем охватив поляну. Дым почти развеялся и лишь от нескольких костров растекался вокруг бугрившихся шкур, под которыми вместо воинов лежали походные мешки.

— Сотник Ихлас, на их месте я бы уже напал на лагерь. Самое время для этого, — прошептал в ухо Ихласа Ортек.

— Ты прав, Ортек, вон они и появились, — как-то очень спокойно произнёс Ихлас, кивнув в сторону поляны.

Ортек взглянул на лагерь и увидел крадущихся с дальней его окраины людей. Их было не меньше полусотни. Они держали в руках мечи и ножи и продвигались настолько тихо, плавно и однообразно, что больше напоминали множество теней от одного человека. Все они были облачены в тёмные одежды, а их головы и лица закрывали чёрные повязки, и только глаза блестели отражёнными огнями. Оказавшись вблизи от костров, они мгновенно ускорились, рассыпались по поляне и тут же стали наносить колющие удары в лежащие на земле шкуры, в мягких прыжках отскакивая от одной к другой, не мешая при этом друг другу и не дублируя цели. Быстрота и ловкость движений, слаженность и расчётливость в единичных ударах поражали Ихласа и его людей, следивших из темноты за происходящим. Зрелище было невероятным и завораживающим. Как только напавшие достигли середины лагеря, Ихлас подал команду резко опущенной рукой. Сотня стрел, в один миг вылетев из леса, вонзилась в тела, головы, руки и ноги лазутчиков, опрокидывая их, валя на костры, на шкуры и друг на друга. Вскоре вторая волна стрел повалила тех, кто ещё держался на ногах. Ихлас вновь поднял руку, указал взмахом на поляну и пошёл к лагерю. Все его люди выступили из леса и, полностью окружив лагерь, быстро замкнули кольцо.

— Ортек, найди мне хоть одного живого, — приказал Ихлас.

Ортек приложил руку к груди и стал обходить костры.

— Хозан, Лачин и Каплан, осмотрите всё там, — Ихлас кивнул в сторону леса, откуда пришли убийцы.

Десятники со своими людьми, быстро подпалив от костров факелы, устремились в лес.

— Вот, сотник Ихлас, нашёл одного. Он ранен, но ещё жив, — подбежал к Ихласу Ортек, оглянувшись на двоих воинов, волочивших раненого.

Ихлас подошёл ближе. Воины приподняли лазутчика, подхватив под руки. Несколько стрел торчали у него из ног и из низа живота. Он дрожал и тихо постанывал. Ихлас сорвал с его головы повязку, открыв лицо. Воин был незнаком ему.

— Как тебя зовут? Кто послал вас убить меня и всех моих людей? — схватив за подбородок, сурово бросал вопросы Ихлас.

— Камил... я... из сотни... лазутчиков... Арачына... — с огромным усилием произнёс тот, дёрнулся всем телом, захрипел и обмяк, уронив голову на грудь. Воины отпустили его, и он упал лицом в землю.

— Всех добить. Никого не оставлять в живых. У всех собрать головные повязки и сапоги, — приказал Ихлас.

Из леса появился десятник Хозан с факелом в руке и подбежал к Ихласу.

— Что там? — спросил Ихлас.

— Сотник Ихлас, там только лошади вот этих, — Хозан кивнул на лежащее тело. — Их ведут сюда. Больше никого.

— Хорошо, Хозан. Пусть уберут из лагеря все тела. Всё оружие соберите, — приказал Ихлас.

— Будет исполнено, сотник Ихлас, — приложив руку к груди, кивнул Хозан.

* * *

Дав хорошенько выспаться и отдохнуть воинам, сытно накормив их, к вечеру Ихлас с отрядом уже стоял на берегу реки, возвращаясь к главному лагерю.

— Это же предательство, Ихлас, — подъехав к нему, злобно сказал Иджими.

— Да, Иджими, это предательство, — устало взглянув и тут же отведя взор на водную гладь, согласился Ихлас.

— Но за что? Почему? Как это возможно? — возмущённо шептал Иджими.

— Иджими, друг мой отважный, тысячник Арачын не захотел возвращаться без победы, а над кем её одерживать, если по его вине и по вине старшего тысячника Хосхара, из-за их надменной медлительности и самоуверенной нерасторопности все волчьеголовые ушли из этих мест, и думаю, что навсегда. Бесславное завершение похода не входило в планы Арачына, вот он и решил присвоить нашу маленькую победу себе, хоть как-то потешить своё уязвлён-

ное самолюбие, да к тому же предстать перед сян дуглу Юити-беком в самом выгодном свете. А кто мог помешать ему сделать всё так, как он задумал? — Ихлас посмотрел на Иджими и вопрошающе поднял брови. — Мы, Иджими, мы все. Я, ты, твои верные друзья, все моидесятники, воины и даже несчастный старик. — Ихлас вздохнул и вновь стал смотреть на реку. — Вот он и решил избавиться от нас, послав в этот поход и пустив следом отборных лазутчиков-убийц.

— А теперь как нам быть? Он увидит нас и всё поймёт. Теперь ему уже нечего терять. Если он решил так поступить, то попытается довести начатое до конца! У него много воинов, а нас так мало, что мы ничего не сможем сделать. Ихлас, мы оказались в безвыходном положении. Так что же делать теперь? — с нарастающей тревогой спросил Иджими.

— Я думаю над этим, Иджими, — устало проведя ладонью по лицу, тихо ответил Ихлас.

Иджими с пониманием и надеждой посмотрел на сотника.

— Ортек, — оглянувшись, позвал Ихлас. Десятник тут же приблизился и почтительно склонил голову.

— Ортек, все переходим реку и на том берегу становимся лагерь на ночёвку, — распорядился Ихлас.

— Слушаюсь, сотник Ихлас, — кивнул Ортек и развернул скакуна.

* * *

Тщательно осмотрев сумки, притороченные к сёдлам лошадей убитых лазутчиков, и не найдя в них ничего особенного, Ихлас вернулся к костру и присел, обдумывая сложившееся положение.

«Что же теперь делать? Как поступить? Арачын явно действовал с согласия Хосхара и в говоре с ним. Хосхара тоже беспокоит безрезультатное возвращение в стойбище. Это всё понятно, но что делать? Вот над чем нужно очень крепко подумать. Конечно, можно послать гонцов к сян дуглу Юити-беку и обо всём, что здесь творится, доложить, но на это уйдёт слишком много времени, а его у меня нет. Эти двое теперь не будут сидеть сложа руки. Нужно отправить обратно Иджими с друзьями и старика. Пусть хоть они выживут... Уйти я сам не могу. Это будет похоже на бегство, а этого я позволить себе не могу. Отец не одобрит столь позорного поведения... Эх, если бы у меня был надёжный и влиятельный союзник

в лагере Хосхара, я бы не сидел здесь в безвыходном положении. К кому я мог бы обратиться? К сотникам, что застали нас спящими после сражения в расщелине? Нет, они не помогут, даже если и поймут. Они в подчинении у Хосхара, и ждать от них содействия и защиты нельзя. Выходит, придётся принять участь, уготованную нам этими двоими... Жаль моих верных воинов. Они ни в чём не повинны. Отослать их обратно в стойбище не получится: они просто не подчинятся и не уйдут, бросив меня здесь. Не такие это люди. Остаётся только один выход. Сражаться до последнего вздоха и достойно принять смерть», — с болью в душе думал Ихлас.

— Сотник Ихлас, — прервал его думы подбежавший десятник Ортек. Он держал в руке факел. — Там это... Тебя зовёт какой-то странный человек. Он ждёт в лесу. Как он прошёл не замеченный дозорами, понять не могу.

— Что за человек? — поднимаясь, удивлённо спросил Ихлас.

— Не знаю, сотник Ихлас, но он сказал, что по очень важному делу прибыл к тебе. Может, схватить его и доставить к тебе? — с готовностью предложил десятник.

— Где он? Проводи меня к нему, — кивнул Ихлас.

Они обошли лагерь и вышли на западную его окраину. Ортек провёл Ихласа между деревьями и остановился. Шагах в десяти от них, прикрывая лицо капюшоном, стоял невысокий человек в чёрном длинном плаще, а возле него в землю был воткнут факел.

— Останься здесь, — велел Ортеку Ихлас и направился к незнакомцу. — Кто ты и зачем меня искал? — не дойдя двух шагов до него, тихо спросил Ихлас.

Человек поднял руку и сдвинул назад капюшон.

— Предводитель Хаан? — увидев его лицо, удивлённо открыл рот Ихлас, но тут же приложил руку к груди и склонил голову.

— Да, доблестный сотник Ихлас, это я, — густым низким голосом ответил Хаан. — Ты, вижу, удивлён моему появлению здесь? И это понятно. Ты не мог такого ожидать. Давай присядем и поговорим.

Хаан опустился на ствол упавшего дерева. Ихлас присел на землю перед ним.

— Как тебе и твоим людям удалось выжить, сотник Ихлас? — с интересом, умными глазами разглядывая собеседника, вновь, но теперь уже своим вопросом, удивил Ихласа Хаан. — Можешь пока не отвечать. Всё это потом выясним. Лучше скажи, что ты теперь

намерен делать? Что собираешься предпринять? Доблестные предводители Хосхар и Арачын не оставят тебя в покое. Ты, думаю, уже понял это. Они не дадут ни тебе, ни твоим людям уйти отсюда и очень постараются избавиться от вас, но на этот раз окончательно. Так что ты придумал? — спросил Хаан так спокойно, будто говорил об очень простых, совершенно пустяковых вещах.

— Я не знаю, предводитель Хаан, ничего в голову не приходит, — пожав плечами, признался Ихлас, смотря ему прямо в глаза. — Знаю только, что юношей и старика нужно срочно отправить обратно, ну а сам я вместе со своими воинами, видимо, приму последнее сражение. Это всё. Жаль только их всех. Они верные и доблестные воины. Все как один. Могли бы ещё послужить на благо нашему народу.

Ихлас опустил голову и замолчал.

— Понятно. Значит, готовишься к смерти... — задумчиво начал Хаан и продолжил: — Что ж, вполне достойный поступок сына могущественного цзо дуглу Бэйтими-бека. И отец будет горд за такое твоё решение, да? Не так ли? Ты ведь больше о нём думал, нежели о себе? Хорошего сына он воспитал. Благородного, мужественного, умного и, конечно же, отважного... Жаль его. Ты же один у него сын. Выдержит ли его сердце такую утрату? Не очень я уверен в этом. Не очень... А ты не думал о том, что начнётся среди нашего народа после того, как ты погибнешь здесь? Твой отец, утеряв смысл жизни, обрушит всю свою мощь на этих двоих, Хосхара и Арачына, пока не вырежет род каждого из них под самый корень. Много, очень много крови прольётся на нашей земле. И станет окроплять она её ещё долгие годы, и вновь возродится кровная месть... Вот какие последствия повлечёт твоя гибель. — Хаан замолчал, давая Ихласу осознать всё сказанное.

— По-твоему, предводитель Хаан, я должен прийти к этим двоим со склонённой головой и попросить принять дар в виде моей победы над волчьеголовыми, дабы они присвоили её себе, а за это сохранили мне и моим людям жизнь? — с металлом в голосе произнёс Ихлас, не отводя взгляда.

— А что, доблестный сотник Ихлас, по-твоему, это не стоит мира в нашем народе? Или ты считаешь, что такая цена слишком велика? А что с тобой случится, если ты поступишь так, как сказал? Насколько я знаю, все твои воины живы и почти здоровы, и в их семьях, хвала Небесам, не держат траур по погибшим в этом

походе. Ты умело руководил ими и заботился о них. Даже спас от рук убийц. Они за это благодарны, а теперь, после всего этого, ещё более почитают тебя. Так что тебе вроде как и сокрушаться особо не о чем. Подаришь этим двоим свою победу, уважишь их, успокоишь самолюбие — и мир в стойбище нашем сохранишь, и друзей в их лице обретёшь, и имя своё поднимешь как человека не по годам разумного. Ну и честь твоя, равно как и твоих воинов, останется непоруганной и непопранной, с ней всё в порядке будет. Смотри, как получается в итоге. Ты и твои люди, все вы, остаётесь живыми. Эти двое тоже довольны. Твой отец спокоен. И главное, мирная жизнь в нашем народе не нарушится, — Хаан продолжал говорить и с интересом очень внимательно следить за Ихласом.

— Прости меня, предводитель Хаан, но всё это как-то неправильно. Против совести. Жить с этим в душе — и не жить-то вовсе. А в глаза своим воинам потом как смотреть? При каждой встрече в землю глядеть, словно вор какой-то? А о чести я вообще молчу. Не станет её потом. Иссякнет она в душе. Не воин я после этого буду, да и не человек. Имя я потеряю своё. Безымянным стану до конца жизни. И отец горько пожалеет о том, что явил меня на этот свет. Всё это рано или поздно, но вскроется. Цена за мир в народе небольшая, это верно, но если так будет поступать каждый человек в этом самом народе, то о каком народе и мире в нём говорить? Разве это народ будет? Это же хуже, чем волчья стая. Нет, предводитель Хаан, не по мне это. Уж лучше смерть принять, но с честью, чем так жить.

Ихлас высказался, опустил голову и замолчал.

— М-да, не простой ты человек, мудрёный очень, — погладив бороду, улыбнулся Хаан. — Ну хорошо. Я понял тебя. Тогда вот что скажи. С чего ты решил, что это Арачын покушался на твою жизнь и на жизни твоих людей? — вновь удивил Ихласа Хаан.

Ихлас уставился на него, но молчал, словно слова застряли в горле.

— Чего молчишь? Давай помогу. Представь, что на моём месте сам сян дуглу Юити-бек, и это он задаёт тебе этот вопрос. Что ты ему скажешь? — Хаан продолжал улыбаться.

— Так ясно же всё. Раненый воин из сотни лазутчиков предводителя Арачына перед смертью признался в этом. Что ещё нужно-то? — продолжая удивляться, растерянно ответил Ихлас.

— А при чём тут сам Арачын? Раненый что сообщил? Сказал, что он из сотни лазутчиков Арачына, так? Так. Говорил ли он о том,

что его послал убивать всех вас сам Арачын? Нет, ни словом не обмолвился. Выходит так, что обвинять Арачына ты не можешь. Или ты не согласен со мной? Вижу, что согласен. Тогда продолжим. Этих убийц мог послать кто-то другой, кроме Арачына? Мог. Есть у Арачына помощники дагяни, есть и сотники, и ещё разные люди. Что ты на это скажешь? А на это сказать тебе нечего. А теперь представь, что сян дуглу Юити-бек спрашивает Арачына: «Это ты послал убийц?» А тот в ответ: «Нет, не я». И что дальше? Какие у тебя есть доказательства для обвинения Арачына? Что ты представишь в подтверждение обвинительных слов?

— Я велел снять со всех убийц головные повязки и сапоги без подошв. Всем же известно, что только лазутчики носят такие. И лошадей их я захватил с собой. Вот, — сообщил Ихлас.

— И что? Что это доказывает? При чём тут сам Арачын? Да, он увидит всё это и подтвердит, что это одеяния лазутчиков. А лошади обычные, как у всех. Даже если на них есть отличительные метки, характерные только для лошадей лазутчиков, то и это ничего не означает. Арачын подтвердит и это — и всё. Так что, доблестный сотник Ихлас, нет у тебя прямых доказательств вины Арачына в покушении на ваши жизни. Нет. Вот если бы ты захватил живыми нескольких этих убийц, и они признались бы в том, что это Арачын приказал убить вас, и признались бы перед сян дуглу Юити-беком, то эти признания были бы настоящими и неопровержимыми доказательствами его виновности. Теперь-то ты согласен со мной? — Хаан смотрел в глаза Ихласа.

— Согласен, предводитель Хаан, — как-то безвольно и тихо ответил Ихлас.

— Что будем делать? — спросил Хаан.

— Я принимаю твоё предложение, предводитель Хаан. Я скажу, что победу над волчьеголовыми в расщелине мы одержали благодаря своевременным и продуманным приказам предводителей Хосхара, Арачына и твоим, предводитель Хаан, — опустив голову, произнёс Ихлас.

— Меня не стоит упоминать, доблестный сотник Ихлас. Я не претендую на это, — улыбнулся Хаан. — Мне важен мир среди нашего народа и чтобы ты и твои люди были живы. А тебя, доблестный сотник Ихлас, я благодарю за понимание.

— Предводитель Хаан, в таком случае у меня есть просьба, — Ихлас вновь посмотрел в глаза Хаана.

— Говори. Я слушаю тебя, — перестав улыбаться, одобрительно кивнул Хаан.

— Не вели поднимать на ночь глядя моих людей. Пусть отдыхают. На рассвете я приведу их в лагерь и сам предстану перед предводителями, — выразил просьбу Ихлас.

— Хорошо, доблестный сотник Ихлас. Так тому и быть, — поднявшись, завершил беседу Хаан.

Г Л А В А П Я Т А Я

— Таким образом, Наби-бек, нам удалось добиться своего, — продолжая начатую беседу, произнёс куньбек Янгуй, восседая на скамье и держа в руке чашу с кобыльим молоком. Наби-бек слушал, сидя на своём месте. — Во всех их стойбищах, куда мы только ни прибывали с царём Демиром, нас дружелюбно встречали все их поселенцы. Они благодарили меня и за сохранение жизни царю и пленённым воинам, и за освобождение и возвращение их к семьям целыми и невредимыми. В последнем стойбище, одном из самых крупных, куда по велению царя Демира вместе с нами прибыли все знатные люди его народа, на главной площади, прилюдно от имени всего народа тиграхаудов царь Демир присягнул мне на верность и вечное служение и там же привёл к присяге всех своих сановников, военачальников и старейшин. Отныне, Наби-бек, хвала Небесам, тиграхауды тоже часть нашего народа, — куньбек Янгуй улыбнулся и пригубил напиток.

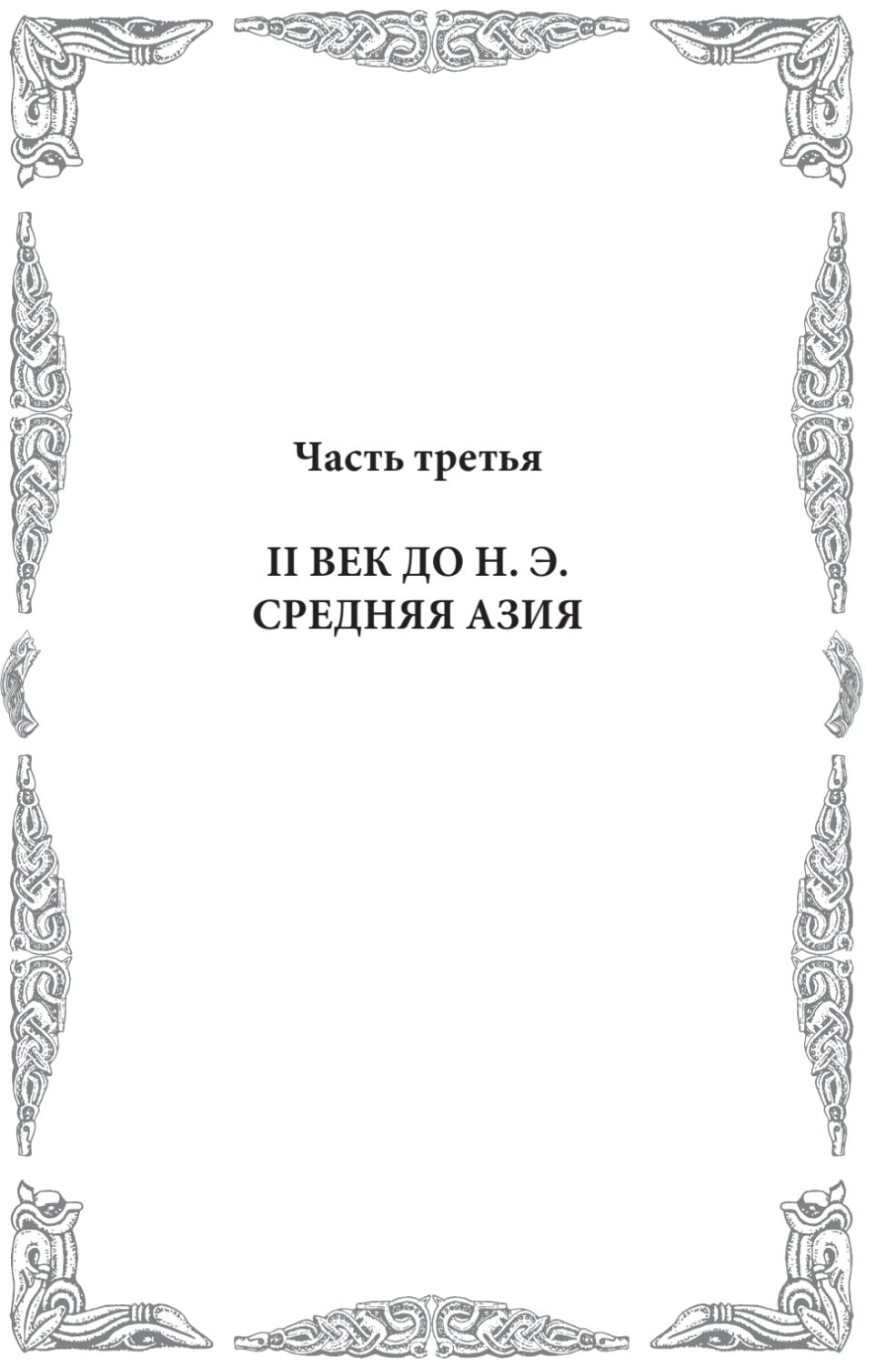
— Правитель, признаюсь, в это сложно поверить. За такой короткий срок тебе без военных действий и без людских потерь удалось добиться невероятных успехов. Воистину, мудрость одного правителя может превзойти силу тысяч воинов, — Наби-бек не скрывал восторга от достижения куньбека Янгуйа.

— Благодарю, Наби-бек, — куньбек Янгуй переложил чашу в левую руку, приложил правую руку к груди и слегка склонил голову. — Теперь, Наби-бек, Демир сменил титул царя на титул бека тиграхаудов и получил от меня наследный титул ю дуглу. Я даровал все это ему после присяги. Отныне он должен именоваться ю дуглу Демир-бек. Вели огласить новости и здесь, и в нашем стойбище. Пошли гонцов к сян дуглу Юити-беку.

— Будет исполнено, куньбек Янгуй, — Наби-бек приложил руку к груди и склонил голову. — На заре отправлю гонцов. Получается, теперь у нас будет два ю дуглу, ю дуглу Карами-бек и ю дуглу Демир-бек...

— Верно. Но это ещё не всё, Наби-бек. Мы разделим весь наш народ на три части, на три крыла, и во главе их станут три сян дуглу. Одно крыло будет на востоке от этого места. Туда войдут и все юэчжи, так как они являются старыми врагами хуннов и это нам на руку. К тому же они будут находиться подальше от границы с канглами, среди которых обитают их собратья. Наше пребывание среди хуннов хоть и было тяжёлым, но всё-таки было для нас не без пользы. Теперь это становится понятным. Мы должны извлекать из этого выгоду для себя. Обустройство их правления, созданное шаньюем Модэ, было очень суровым, но и одновременно особенным и правильным, и по этой причине он сумел вести успешные завоевания и добился невероятной сплочённости в народе. Нечто подобное я хочу создать и у нас. Так вот, второе наше крыло будет на западе. В него войдут все тиграуды. Здесь же будет главная ставка и одновременно центр всех наших народов. Под рукой у каждого сян дуглу отныне будет своя армия. Мы не можем вести дела, как это было прежде. Нужны перемены в правлении. Вот я и решил поступить именно так. На востоке нам будут постоянно угрожать хунны. На западе от нас очень могущественные канглы. При таких обстоятельствах, если мы будем держать все войска в главной ставке, мы не успеем как следует своевременно и надёжно защитить свои рубежи. Ю дуглу Демир-бек в эти дни показал мне все земли, которые мы можем заселить. Это очень обширные территории с хорошим травостоем на пастбищах. Там много лесов и рек. Хвала Небесам, всё это уже принадлежит усуням, и поэтому нам с тобой, Наби-бек, нужно думать о скором переселении народа в эти новые земли. Времени больше нет. Пришла пора для этого, — куньбек Янгуй был очень серьёзен. Он пригубил чашу, отставил её и продолжил: — Тот клочок земли, где расположено наше стойбище, мы оставляем за собой, и он будет входить в состав центра. Теперь мы должны подумать о том, какие рода и семьи в какое крыло войдут и кто возглавит их.

До самого рассвета куньбек Янгуй и дуглу Наби-бек, два самых главных и самых могущественных лица в народе усуней, решали вопросы нового обустройства их жизни и правления над ними.

Часть третья

II ВЕК ДО Н. Э.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Г Л А В А   П Е Р В А Я

— Дедушка, я устал и хочу пить. Скоро мы дойдём? — маленький мальчик, держась грязной ручонкой за рваный подол старого дедовского плаща, уже едва передвигал ножками.

Высокий худой старик с густой седой бородой, облачённый в длиннополый выцветший кожаный плащ, в островерхом головном уборе — треухе из тонко выделанной козьей шкуры, в сапогах на толстой сбитой подошве, тут же замер, взглянул из-под мохнатых бровей на мальчика, молча сдёрнул с плеча верёвочную лямку большого тяжёлого кожаного мешка, скинул его на землю, крепче ухватился руками за черенок длинного посоха и опустил на колени. Мальчик встал перед ним, склонив голову. Старик положил посох, пошарил рукой за спиной, подтянул маленький мешочек, висевший на верёвке на другом плече, длинными узловатыми пальцами развязал его, приоткрыл и обнажил узкое горлышко глиняного сосуда, вынул деревянную пробку и протянул посудину мальчику. Малыш принял её и стал пить мелкими глотками тепловатую воду, стараясь не проронить ни одной капли. Утолив жажду, мальчик вернул сосуд, отступил на шаг и присел, смотря на то, как старик аккуратно закупорил его, завязал мешочек и задвинул его за спину.

— Дедушка, почему ты не попил воды? — тихо спросил мальчик.

Старик молча посмотрел на него, затем перевёл взгляд на горы, что величаво простирались впереди, искрясь серебристыми вершинами, вновь навесил на плечо лямку большого мешка, крепко ухватился за поднятый посох и встал.

Понимая, что пора продолжить путь, мальчик вскочил на ноги.

Неразумное дитя и умудрённый жизнью старец, разница в возрасте между которыми была чуть больше половины целого века, шли третьи сутки по прогретой первыми летними днями долине в сторону гор и, дойдя к полудню до их подножий, углубились в

лесную чащу. По узкой извилистой звериной тропе вошли они в одно из заросших зеленью прохладных ущелий и, несмотря на усталость, долго ещё продвигались по нему, поднимаясь всё выше и выше, пока не добрались до участка, где деревья поредели и расступились, уступив место густому высокому кустарнику.

Оказавшись под ветвями последнего дерева и не выходя из тени под тёплые и яркие лучи светила, старик остановился, поставил ко лбу козырьком широкую ладонь, взглянул наверх, повёл взором по округе, затем посмотрел на мальчика, стоявшего сбоку от него, и опустил большой мешок на землю. Для мальчика это означало только одно: они наконец добрались до нужного места и теперь будут отдыхать. Радостно сдёрнув свой треух, он подкинул и поймал его, заткнул за пазуху и погладил маленькими ладошками бритую головку, потрогав три косички, что свисали от висков и макушки.

Вскоре под сенью низкой пышной кроны старого дерева с толстым витым изогнутым стволом, покрытым растрескавшейся корой, запылал небольшой костёр. Старик снял плащ, под которым была длинная безрукавка из тонко выделанной овчины, снял и её, оставшись в просторной холщовой рубашке, перетянутой на поясе широким кожаным ремнём. Сбоку на поясе висел огромный нож в полуножнах из дерева, старик вытащил его и, отойдя к кустам, стал вырубать длинные прутья, отбрасывая их в сторону. Мальчик подобрал одежду и отнёс её к костру, затем принялся подтаскивать туда же прутья.

Прошло какое-то время, и возле огня был сооружён добротный пирамидальный шалаш: цельный каркас его вместе с низом старик сплёл из гибких прутьев, поверх них плотно уложил ветки и натянул кожаный полог, который всегда и везде носил с собой в большом мешке, где помимо него имелось множество других вещей, нужных в дальней дороге. Набросав в жилище свежесорванной травы и постелив поверх неё свой плащ, старик взял казанок и стал спускаться по склону, пробираясь среди деревьев, придерживаясь за стволы, дабы не поскользнуться и не упасть. По пути он останавливался, осматривал кроны, подтягивал сухие сучья и ветви, ломал и срубал их и оставлял на земле. Мальчик тем временем скинул сапожки и куртку, сшитую мехом внутри из толстой мягкой

овечьей шкуры, забрался в шалаш, скомкал дедушкину безрукавку и, подложив её себе под голову, улёгся, свернувшись клубком.

Прозрачная, как слеза, речушка несла чистейшие воды по мелко-му руслу, что тянулось по самому дну ущелья, часто перекачиваясь тонкой пеленой через небольшие гладкие камни, иногда дробясь о валуны, при этом журчала громче обычного, словно проявляя недовольство возникшими на пути препятствиями.

Выбрав удобное место, старик встал на колени перед водой, засучил рукава по самые локти, наклонился и опустил руки в поток, наслаждаясь мягким движением прохладной влаги, затем набрал её в ладони и надолго приложил к лицу, с удовольствием пофыркивая и кряхтя. Утолив жажду, он сел удобнее и стянул с ног тяжёлые сапоги с длинными, выше колен, голенищами, после чего снял головной убор, обнажив лысую голову, перетянутую холщовой лентой, подвернул повыше кожаные штанины и откинулся на спину, устало прикрыв веки и опустив в воду вытянутые ноги с огромными мозолистыми ступнями.

Недолгий день завершался, как всегда, плавно, мягко и тихо. Светило уже закатилось за горные вершины, оставив на потускневшем небосводе последние обрывки огненных отблесков. По множественным изломам и расщелинам скалистых склонов, словно нити гигантской паутины, поползли тени, подбираясь к заросшему днищу ущелья, наполняя его теменью, свежестью и холодком.

Стянув с себя рубашку, старик вошёл в воду, обмыл жилистый торс, плечи и голову, тщательно расчесал мокрыми пальцами бороду и усы, повязал на голову ленту, сначала сполоснув и выжав её. Затем, напившись с ладоней, старик оделся, наполнил казанок и направился обратно, подбирая на ходу приготовленные сучья и ветки.

Костёр тихо потрескивал, изредка отбрасывая пучки ярких искр. Опустив возле огня казанок и принесённый хворост, старик в несколько приёмов принёс оставленный им валежник, затем взял мешок и присел на камень. Из развязанного мешка он вытащил завернутый в ткань длинный предмет, положил под ноги и размотал его: это была сложенная тренога, изготовленная из железных заострённых штырей, соединённых с одного конца несколькими кольцами. На срединном большом кольце имелся крюк. Установив треногу над костром и подвесив на неё казанок с водой, старик накрыл его тяжё-

лой железной крышкой с двумя удобными ручками-скобами, а после подошёл к дереву, взял посох, вернулся и вновь опустился на место.

Скоро вся округа окончательно наполнилась ночью.

* * *

— Дедушка, я так хорошо выпался. Как вкусно пахнет! А где ты набрал воды? — выбравшись из шалаша, потянувшись и подойдя к сидящему у костра старику, говорил мальчик.

— Доброе утро, мальчик. Я рад, что ты отдохнул. Разденься, спустись вон там к реке, оправься и помойся, — низким, густым, грудным голосом произнёс старик и показал рукой. — Пробегишь туда и обратно.

Мальчик быстро скинул рубашку и в одних штанах помчался в указанном направлении. Проводив его взглядом, старик потянулся к кипящему казанку, сдвинул крышку и помешал содержимое обструганной веточкой, затем подтянул к себе мешок, вытащил из него аккуратно сложенный большой отрез холщовой ткани и положил его на колени.

Вернувшийся мальчик был мокрым и запыхавшимся, но при этом сиял улыбкой.

— А теперь хорошенько оботрись, да не жалей кожу, — старик протянул ткань.

Исполнив всё в точности, раскрасневшийся мальчик оделся и присел к огню, напротив старика, готовясь вкусить еду. Отваренный кусок копчёного мяса и горячий бульон были очень кстати для изрядно проголодавшихся путников.

— Ну как, наелся? — видя, что мальчик уже не проявляет интереса к пище, спросил старик.

— Да, дедушка, я сыт, — вытирая рот, ответил тот.

— Как ты себя ощущаешь? — спокойно посмотрев ему в глаза, задал вопрос старик.

— А что это — ощущать? — мальчик недоумённо пожал плечами.

— Внутри тебя, вот здесь, — старик прижал ладонь к своей груди, — находится сердце. В нём рождаются ощущения. Скажи, почему ты дул на мясо, прежде чем откусить?

— Чтобы не обжечь рот. Оно ведь горячее.

— Что будет, если ты обожжёшься?

— Мне будет больно.

— А если ты порежешь палец, что будет?

— Тоже будет больно!

— Телесная боль и есть одно из твоих ощущений. Она появляется только в сердце. Ты понимаешь, о чём я говорю?

— Не очень, дедушка. Ведь больно во рту или в пальце, а сердце-то в груди.

— Оно главенствует над всем телом, и пока оно живо, живо и тело. Любая боль от раны ещё не боль, пока не дойдёт до сердца. Раны со временем затягиваются и заживают благодаря сердцу. Но случается и так, что либо рана слишком большая, либо очень много ран, и тогда сердце может остановиться, не выдержав столь сильной боли. Воздух, который мы вдыхаем, всё, что мы едим и пьём, растворяется в крови, а кровь питает тело, и именно сердце заставляет её разливаться по всему телу. Сердце трудится всегда.

— Даже когда мы спим?

— Да, даже когда спим. Мы ведь во сне тоже дышим.

— Дедушка, я вижу то, что я ем и пью, но воздух я не вижу. Почему?

— Если бы мы видели его, мы бы не увидели всего остального. Это было бы похоже на ливень или сильный туман, из-за которого ничего невозможно рассмотреть. Поэтому воздух прозрачный, невидимый. А вообще, он, воздух, есть пища от духа небес, еда — это пища от духа земли, а вода — это пища от духа воды.

— Дедушка, если воздух и вода тоже пища, почему у них нет вкуса? Еда ведь вкусная?

— Скажи мне, что из всего этого мы реже всего вкушаем?

— Еду.

— Правильно, еду. Ты только что поел и насытился. Так? Так. Ты уже не голоден. Зная, что еда вкусна, ты всё же её уже не хочешь. То, что имеет вкус, приносит нам наслаждение и быстро насыщает нас, и поэтому мы едим не всё и не всегда. А теперь скажи мне, что было бы, если бы ты насытился воздухом, как едой? Если бы воздух был вкусным, ты бы смог им питаться каждый миг?

— Нет! Он бы мне надоел.

— И что случилось бы тогда?

— Не знаю. Наверное, я перестал бы его вдыхать.

— Да. Я бы тоже.

— Дедушка, а что такое дұхи?

— Это самые главные родители всего, что есть на земле, в воде и на небесах. О том, как говорить с ними, я расскажу тебе чуть позже. Хорошо?

— Хорошо.

— А теперь подумай и скажи об ощущениях что-нибудь своё.

Мальчик задумался, разглядывая свои руки, затем посмотрел на старика и прошептал:

— Дедушка, вчера за весь день ты не обмолвился ни одним словом, и я подумал, что ты устал от меня и я тебе больше не нужен.

Старик долго молчал, не отводя глаз от устремлённого на него тоскливого взора, после чего поднялся, обошёл костёр, протянул руку мальчику и тихо, но проникновенно произнёс:

— Это ты почувствовал душевную боль... Не обижайся. Прости. Вчера у меня был день молчания. Пойдём, я покажу тебе одно удивительное место и расскажу кое-что о душе.

Через какое-то время они уже дружно взбирались по покатому склону горы, залитому ярким светом тёплого солнца.

— С этого дня мы с тобой начнём новую жизнь. Здесь мы пробуем долго. Очень долго... Ты откроешь много интересного для себя. Пройдут годы, и ты будешь знать всю эту окрестность лучше меня. Ты будешь знать всё, что знаю я, но для этого ты должен запоминать всё, что я буду тебе говорить и показывать, — как всегда, опираясь на длинный посох, на ходу объяснял старик.

* * *

Кустарники остались далеко внизу. Закончилась и трава под ногами. Каменистый склон становился всё круче и опаснее, отчего и старику, и мальчику приходилось сильно наклоняться, касаясь выступов руками. Несмотря на то что они сделали всего пару сотен шагов от шалаша, путь оказался долгим и отнял много сил. Наконец они взобрались на небольшую округлую площадку, сужающуюся к каменному козырьку, под которым был виден вход в пещеру. По самому краю вся площадка окаймлялась нагромождением из камней. Кое-где ограждение было обрушено. Тяжело дыша, старик тут же присел на один из валунов, отложил посох и стал утирать ладонями лицо, на котором крупным бисером выступил пот.

— Ого, какая красота! — оглядевшись по сторонам, посмотрев вниз на заросшее зеленью днище ущелья и наверх на почти отвесный склон горы, восхищённо воскликнул мальчик.

— Давненько я тут не был... Здесь всё как бы неизменно, но в то же время ново и по-другому, — отдышавшись и окинув взором площадку, тихо произнёс старик. — Немного отдохнём, и я покажу тебе самое главное. Оно там, внутри. Когда войдём туда, там нужно молчать.

Вход в пещеру и по высоте, и по ширине был точно сделан для старика. Мальчик шёл следом, расставив руки и касаясь пальцами шероховатых стен. Пройдя по узкому проходу с десятков шагов, они оказались в светлом прямом коридоре, простиравшемся далеко вперёд. Солнечные лучи проникали внутрь с левой стороны через множество проёмов в стене, наполняя пространство золотистым светом. Старик остановился. Мальчик вышел из-за его спины и встал рядом, оглядывая пол, стены и своды и вдыхая пахнущий каменной пылью воздух. Старик недолго постоял, затем шагнул вправо, вплотную к стене, и медленно пошёл вдоль неё. Мальчик последовал за ним.

Скоро старик вновь остановился и повернулся к стене. Только теперь мальчик увидел там углубление: его ровная нижняя часть начиналась на уровне пояса старика, а дугообразный верх завершался чуть выше его головы. Шириной оно было в три локтя взрослого человека. Из-за маленького роста мальчик не мог увидеть, каким оно было по длине, к тому же мешало нагромождение камней в самой середине ниши, наполнявшее её почти до половины.

Старик долго смотрел в нишу, склонив голову, затем повернулся и тихим шагом двинулся дальше. Всего таких ниш, расположенных на равном отдалении друг от друга, оказалось пять. Перед каждой из них старик подолгу стоял со склонённой головой. Шестая, последняя, ниша была в самом конце коридора, но в отличие от всех предыдущих она оказалась пустой — в ней не было камней, и мальчику наконец удалось увидеть внутреннюю, дальнюю стенку в глупине, на расстоянии пяти-шести локтей.

Задумчиво постояв здесь и как-то загадочно глянув на мальчика, старик развернулся, подошёл к одному из проёмов и, прищурив глаза, посмотрел наружу, туда, где из-за горы слепило солнце.

Мальчик взглянул на старика и увидел, как в ярком свете на его лице засияла улыбка.

Вскоре они покинули прохладу пещеры и оказались на прогретой площадке, где старик вновь присел на камень.

— Дедушка, почему ты улыбался? Я видел, ты радовался чему-то, — трогая пальцами голенище его сапога, спросил мальчик.

— На душе стало хорошо. Я почувствовал покой, чистоту и огромное удовольствие, — погладив мальчика по голове, ответил старик.

— Как это — почувствовал на душе? — удивлённо посмотрел ему в глаза мальчик.

— Помнишь, там, у нашего жилища, мы говорили об ощущениях? Так вот, они связаны с сердцем, а всё, что связано с душой, это чувства. Душа, она как воздух, её нельзя увидеть, потрогать, взвесить. Она где-то внутри тела, и у каждого она своя. Оттого все люди имеют разные помыслы, совершают разные поступки и живут по-разному. Зло и добро, ненависть и любовь, горе и радость, тоска и умиротворение, разум и безумство — всё это исходит из души. Вот вчера, когда я весь день молчал, тебе было плохо, ты почувствовал какую-то боль. Так? Но ведь боль была не телесной? Тогда какой и где? Душевной она была, мальчик мой, в душе она появилась. Подумав, что вдруг станешь ненужным мне, ты почувствовал душевную боль. Ведь при этой мысли у тебя не заболели ни руки, ни ноги, ни ещё что-то в теле, а стало больно где-то внутри. Это и есть твоя душа. Ей стало больно. Ты понимаешь меня?

— Не совсем, дедушка. Когда я обжёгся горячей едой, то я ощутил боль. Когда ты молчал, то я почувствовал боль. Я не понял, дедушка, боль, она и чувствуется, и ощущается, да? — мальчик, недоумевая, сдвинул брови, не отрывая глаз от лица старика.

— Пожалуй, ты прав, боль — это единственное, что и чувствуется, и ощущается. Разница в том, где она появляется и что оставляет после себя: раны и шрамы или обиду и горечь. Если раны и шрамы, то боль телесная, если обиду и горечь, то боль душевная. Иногда они порождают друг друга и даже сливаются воедино. Всё зависит от обстоятельств, при которых они возникают.

— Как это?

— Вот, к примеру, ты сам обжёгся едой и ощутил боль. Кто-то повинен в этом? Нет. Значит, у тебя нет чувства обиды ни на кого. А если кто-то заставил тебя против твоей воли есть горячую еду

и ты обжёгся, то, помимо ощущения боли телесной, почувствуешь ещё и другую боль, душевную, так как будешь в обиде на этого человека. Ты согласен со мной?

— Да, дедушка, согласен. Теперь я понял. А почему здесь ты почувствовал в душе покой и тебе стало хорошо? — мальчик отошёл и присел на камень.

— Для меня это место святое. Здесь захоронены тела удивительных людей, и от их светлых душ исходит невероятное тепло. Когда-нибудь я расскажу тебе об одном из них, но пока ты ещё мал и многого не поймёшь. Да и время не подошло вести беседы о нём. Главное, я нашёл этот лес и эту пещеру, хотя не был здесь давно. Даже слишком давно. Поэтому я и рад в душе.

Старик с удовольствием погладил лысину, окинул взором нависающий над площадкой склон горы, поднялся и взял посох.

— Нам пора, да, дедушка? — мальчик вскочил на ноги.

— Да, нам пора. Уже жарко становится. Завтра наведём здесь порядок. Нужно сложить камни на места и поправить ограждение. К тому же на сегодня ты познал достаточно много. Пойдём вниз и там отдохнём.

Спускаясь по склону, старик и мальчик желали быстрее оказаться в лесной прохладе, чтобы переждать полуденную жару.

Всё оставшееся дневное время они заготавливали хворост и улучшали своё жилище.

* * *

Прошло три дня. Старик и мальчик поправили ограждение на площадке и обошли всю восточную часть леса, дойдя до дальней его окраины, где ущелье сужалось и уходило вверх, превращаясь в каменистую расщелину, по которой едва заметно сбегала их речушка. Несколько козьих троп с обеих сторон подступали к днищу межгорья и исчезали среди камней, явно свидетельствуя о частом приходе животных на водопой. Дальше горные массивы становились гораздо выше, и ребристые хребты и сверкающие вершины часто терялись в дымке облаков.

Вечерами, уложив мальчика, старик подолгу сидел у костра, предаваясь воспоминаниям о прошедшей жизни, обдумывая настоящее, пытаясь представить будущее.

Весь следующий день старик посвятил работе, казавшейся мальчику довольно странной. Взяв маленькую лопатку он спустился к реке и невдалеке от неё стал копать яму. Мальчик молча сидел на склоне, наблюдая сначала с интересом, а потом со скукой. До полудня старик неустойчиво копал, аккуратно складывая попадавшие во множество камни в одну кучу, часто утирая обильный пот и ни разу не испив даже глотка воды, после чего вернулся к жилищу, где прилег в тень дерева и задремал, не предложив мальчику еды и не притронувшись к ней сам. Так он пролежал, пока жара не начала спадать, не проронив ни слова, будто был один или забыл о присутствии ребёнка, чем и встревожил его. Вернувшись к работе, старик до самого вечера прокладывал небольшой арык от реки, пока не углубился в землю до нужного уровня и вода, сперва грязной извилистой струйкой, а затем тугим ручьём, не побежала в яму. Только теперь он позволил себе присесть и немного отдохнуть, внимательно следя за медленным наполнением ямы водой. Они так и легли спать голодными. Несмотря на то что старик не запрещал мальчику есть и пить, тот сам не решился притронуться к еде и воде.

Назавтра всё повторилось, да настолько точно, будто эти дни были братьями-близнецами. С утра старик выкопал ещё одну яму и теперь прокладывал к ней арык. Утомлённый однообразием его действий, молчанием, а также жаждой и голодом, мальчик после полуденного отдыха не пошёл к реке, а остался в жилище, украдкой, с обидой в душе поглядывая в спину старику. Он не понимал его, но уже догадывался, что и в этот вечер им доведётся лечь спать голодными. Несколько раз он порывался броситься и к казанку, и к реке, но всякий раз, когда выбирался из шалаша, он вспоминал, что и старик не ел и не пил в эти дни, и ему становилось неловко, словно тот смотрел с укоризной. Но больше всё же он сдерживался из-за злости на старика, кипевшей всё сильнее, и он возвращался в шалаш и почти с отчаянием бросался на подстилку. Поздним вечером, так и не дождавшись возвращения старика, он задремал, утомлённый, обиженный и злой. Прохладной ночью, ощутив сквозь тревожную дрему близость тёплого стариковского тела, мальчик, как всегда, прижался к нему и только после этого уснул крепко и безмятежно.

— Пойдём посмотрим, — как-то загадочно посмотрев на мальчика, только что выбравшегося из шалаша и протиравшего глаза кулачками, предложил старик и направился к спуску к реке. Произнёс он это очень обыденно, словно и не молчал два дня подряд, а просто продолжил недавно прерванный разговор. Солнце ещё не появилось из-за гор, но небо было уже ярким и прозрачным.

Мальчик шёл следом, глядя себе под ноги, и, когда старик остановился, едва не наскочил на него, но успел ловко отпрыгнуть и поравняться с ним. Только теперь он увидел то, на что, улыбаясь, смотрел старик. В первой из вырытых ям плескалась рыба. Мальчик тут же бросился к ней и присел у края, в восторге рассматривая небольших рыбок, что резвились в воде, часто появляясь на её поверхности. Вспомнив о второй яме, мальчик кинулся к ней. Там тоже плескалась рыба.

— Ого, сколько! — невольно вырвалось у него.

Старик присел на камень и уже без улыбки, очень серьёзно смотрел в его сторону.

— Дедушка, можно я поймаю одну из них? — оглянувшись, спросил мальчик.

Старик кивнул. Мальчик наклонился к воде, запустил в неё обе руки и стал усердно вылавливать рыбу. Вскоре ему удалось поймать одну из них, маленькую, но вёрткую, и он восторженно вскочил на ноги, держа её над головой.

В этот день старик почти ничего не делал, только готовил пищу, благодаря чему они улеглись спать сытыми и довольными собой. Весь следующий день они также отдыхали и наслаждались вкусной рыбой, которую дружно отлавливали в обеих ямах, а потом варили в казанке и поджаривали на углях.

Утро нового дня началось с неожиданности для мальчика. Старик протянул ему лопатку и без каких-либо объяснений предложил выкопать третью яму, пожелав увидеть её завершённой до вечера, при этом особо указав на размеры, дабы она была не меньше каждой из двух прежних. Мальчик спустился к реке и растерянно подошёл к первой яме, в недоумении рассматривая её. Ему не верилось, что он сможет до вечера исполнить поручение старика. Более того, он был уверен, что вообще не сможет сделать этого не только за один день, но и за всю свою жизнь.

— А где копать мне? — дрожащим голосом, но довольно громко спросил он, с ужасом, не отрывая глаз, глядя на мутноватую воду, в которой, как прежде, плескались рыбки. Не услышав ответа, он оглянулся, но, вопреки ожиданию, старика не увидел. Его на берегу не было.

До полудня мальчик ковырял лопаткой каменистую землю то в одном месте, то в другом, утирая слёзы и пот. С наступлением жары, окончательно выбившись из сил, едва передвигая ноги, он добрался до тенистого склона, где бросил лопатку и рухнул в траву, тут же уснув.

Старик, часто подходивший к склону и с высоты из-за деревьев следивший тайком за работой мальчика, увидев его спящим у самого подножия, улыбнулся в очередной раз, но спускаться не стал. Внимательно осмотрев округу, он вернулся к шалашу и прилёг под дерево, закинув руки за голову и прикрыв веки.

Ближе к вечеру он услышал шорох и, приоткрыв один глаз, увидел мальчика. Тот, пошатываясь, брёл к шалашу, волоча за собой лопатку. Вид у него был жалкий. Старик заметил, как, проходя мимо костра, мальчик метнул голодный взгляд на казанок, но, вопреки ожиданию старика, уверенному в нестерпимом желании мальчика подойти к посудине, он этого не сделал. Добравшись до шалаша, мальчик выронил лопатку, обессиленно опустил на колени и заполз внутрь. Как только сгустились сумерки, старик осторожно забрался в шалаш, стараясь не потревожить сон уставшего мальчика, и прилёг рядом. Мальчик, посапывая, тут же повернулся к нему и прижался всем тельцем. Старик слегка приподнял ему голову, просунул под неё руку, а другой рукой обнял, согревая маленькую спину широкой ладонью.

* * *

Наутро следующего дня мальчик, пробудившись, неуверенно подошёл к сидящему у костра старику и тихо спросил:

— Что мне делать?

Старик, даже не взглянув в его сторону, молча пожал плечами, тем самым предоставляя ему самому возможность ответить на свой вопрос и поступать так, как пожелает. Недолго постояв возле старика и потеряв всякую надежду на то, что он отменит вчераш-

нее поручение, мальчик побрёл к шалашу, взял лопатку и направился к спуску к реке.

К полудню, когда старик снова, прищурившись, взглянул с высоты на берег, то увидел, что мальчик уже выкопал яму наполовину и теперь лежит у подножия спуска и отдыхает. Вокруг ямы, на разном отдалении от неё, валялись камни. Подкинув хворост в костёр, старик прилёт под дерево и задремал. Ближе к вечеру, но задолго до заката мальчик уже поднялся к жилищу. Было заметно, что он сильно устал, но на этот раз жалким не выглядел. Даже мельком не взглянув в сторону костра, он сразу подошёл к шалашу, прислонил лопатку и быстро забрался внутрь. Старик, наблюдая за мальчиком, улыбался, но продолжал делать вид, будто крепко спит. Дождавшись темноты, он тоже залез в шалаш и, как обычно прижав к себе мальчика, уснул, теперь по-настоящему.

* * *

— Пойдём посмотрим, — предложил старик пробудившемуся мальчику.

Они спустились к реке и подошли к яме, выкопанной мальчиком. Так же, как и к первым двум ямам, к ней от реки был подведён арык, и вода уже наполнила яму до краёв. Арык был слишком извилистым и довольно мелким. Старик недолго молча взирал на творение мальчика, затем опустился на колени и стал медленно, но уж очень тщательно, как показалось мальчику, засучивать рукава. Мальчик, видя действия старика и догадываясь о его намерениях, порывисто вытер кулачком под носом и отступил на шаг, не отводя напряжённого взгляда от его рук. Старик подался вперёд, основательно упёрся одной рукой в землю, а вторую сунул в воду. Когда вода дошла ему до локтя, он замер и как-то с досадой опустил голову. Увидев, что старик так легко и быстро достал рукой до дна ямы, мальчик понял, что малая глубина очень сильно расстроила его. К тому же в яме не оказалось рыбы. От огорчения мальчик тут же закрыл глаза и сжал губы.

Он так и стоял с закрытыми глазами, пока не услышал, как мимо прошёл старик, и только после этого разомкнул веки и оглянулся. Старик направлялся к подъёму к шалашу. Мальчик виновато побрёл следом. Поскольку в третьей яме рыбы не было, а старик не подошёл к своим ямам и не намекнул ему сделать это, мальчик не

решился ловить рыбу сам, и в этот вечер они улеглись спать без еды, причём старик первым забрался в шалаш.

* * *

Утром, когда старик проснулся, мальчика, вопреки его ожиданию, рядом не оказалось. Услышав приглушённые звуки, изредка доносившиеся от реки, старик направился к спуску и увидел сверху, как мальчик, блестя мокрым тельцем, в одних штанах, собирает разбросанные им же камни, тяжёлые подтаскивая к своей яме и складывая там, возле заметно подросшего земляного бугра с воткнутой в него лопаткой, а лёгкие бросая туда издали. Старик заметил, что и арык, тянувшийся к яме, стал намного ровнее прежнего, оттого и смотрелся короче, к тому же теперь он явно был значительно глубже. Зевнув, старик удивлённо почесал затылок, провёл ладонями по лицу, растирая кожу на щеках, и протёр глаза, словно убеждаясь, что всё это ему не мерещится, а видится наяву, затем, поёживаясь от утренней прохлады, вернулся к шалашу и принялся разжигать огонь на месте остывшего за ночь кострища. Сняв с треноги казанок, старик приподнял его крышку, недолго постоял, задумчиво разглядывая его пустое нутро, после чего решительно направился к реке.

После полудня в бурлящем казанке, источая ароматные запахи, варилась рыба, впервые выловленная мальчиком в своей яме, над которой он трудился долгих два с половиной дня.

* * *

Прошло ещё два дня, в течение которых старик и мальчик бездельничали и вдоволь наедались рыбой, при этом старик был очень улыбчив, а мальчик часто и звонко смеялся. Если старик так щедро улыбался в первый день отдыха по причине довольства поведением мальчика, не бросившего начатого дела на половине пути и, несмотря ни на что, завершившего всё так, как надо, а во второй день — от окончательно утолённого голода, то мальчик радовался поначалу лишь тому, что наконец-то закончились мытарства, учинённые ему ставшим вдруг странным дедушкой, а потом визжал, пытаясь таким образом наперёд ублажить все возможные его прихоти, понравиться ещё больше, так как начинал действительно бояться дедушку.

Мальчик пробудился легко и спокойно. Старика рядом уже не было. Выбираться из уютного шалаша пока не хотелось, и поэтому он вольготно лежал, закинув руки за голову, ногу на ногу, разглядывая пальцы правой ноги, которыми он ловко цеплялся за свисавшую в проёме витую веточку, то оттягивая её, то плавно отпуская. В какой-то момент ему надоело это скучное занятие, и он наконец выбрался наружу.

Старика мальчик увидел не сразу. Тот появился из-за деревьев, что росли плотной стеной вдоль спуска к реке, шагах в тридцати от шалаша. Перекинув через плечо верёвку, он медленно тащил за собой волоком невероятно толстую связку свежесрубленных длинных прутьев, сначала в густой тени показавшихся мальчику стволом огромного дерева. По мере приближения старика мальчик всё напряжённее всматривался в его лицо, и, когда он в десяти шагах от шалаша сбросил с плеча верёвку, выпрямился и поднял глаза, мальчик понял, что старик вновь задумал делать нечто серьёзное и уже, как стало очевидным, начал усиленно трудиться. По суровому, холодному взгляду, по крепко сжатым губам и нервно раздутым ноздрям, по чётко выверенным решительным движениям мальчик, уже неплохо зная суть таких перемен, безошибочно догадался, что старик несколько дней будет что-то творить, и это что-то будет обязательно полезным, но полезным оно будет потом, в конце работы, а в эти дни, с досадой подумалось мальчику, они опять будут голодать. Последняя мысль была самой огорчительной, и от благодушного настроения в один миг ничего не осталось. Он обречённо склонил голову, пошатнувшись, развернулся и побрёл к шалашу. «Почему нельзя и работать, и есть одновременно?» — недоумевал мальчик. Он не мог понять столь странного отношения старика к решению такого, казалось бы, простого вопроса.

Мальчик уже полез было внутрь шалаша, как вдруг его осенила куда более важная мысль. Он замер, а потом подался назад и вновь выпрямился. Он понял, что всё, что будет делать в эти дни старик, придётся потом повторять и ему самому, как это было с копанием ямы у реки, и решил наблюдать за работой, дабы потом не мучиться от незнания дела и не уставать от исправления допущенных ошибок.

* * *

Притащив до полудня ещё очень много связок из прутьев и оставив их на равном отдалении вокруг шалаша, старик, отдохнув, до вечера выкопал множество глубоких, но узких ямок, также вокруг шалаша, на расстоянии десяти шагов от него, и на этом завершил дневную работу.

На следующее утро он нарубил в лесу толстые колья высотой с себя, приволок их в связках и разложил по одному возле приготовленных ямок. Затем перетаскал в мешке камни, те, что они с мальчиком складывали на берегу, и оставил по несколько штук у каждой ямки. После старик начал устанавливать колья. Только в одном месте, заметил мальчик, старик не выкопал ям, и это место теперь бросалось в глаза, отчего он несколько раз хотел сказать старику о допущенной ошибке, но так и не решился. Когда колья заняли свои места в ямках, торча из них в разные стороны, старик стал выравнивать каждый, придерживая одной рукой, а другой забрасывая к основанию камни.

Ближе к вечеру все колья были ровно выставлены. Теперь же, спеша до темноты завершить работу, старик, взяв в руки толстую палку, начал ею плотнее вбивать камни, вкруговую обходя каждый кол, после чего засыпал ямки до самого верха землёй, крепко вдавливая её каблуком сапога.

Ночь опустилась в ущелье, когда старик потрогал последний кол и, довольный его упругой устойчивостью, направился к шалашу, куда перед его приходом быстро забрался мальчик.

* * *

Весь следующий день старик и мальчик отдыхали, утоляя голод наваристым рыбным супом. В полдень старик прилёг и задремал под деревом, оставшимся внутри кольца из вкопанных кольев. Мальчик тем временем прошёлся вдоль кольев, потрогал каждый, замерил шагами расстояние между ними, подошёл к тому месту, где старик оставил слишком большой промежуток между кольями, также замерил его шагами, затем спустился к реке и стал бросать камни от ям ближе к тропе, ведущей наверх. Когда камней набралось довольно много, он, поглядывая на старика, тихо подошёл к шалашу и взял мешок. Стараясь не шуметь, он складывал в мешок камни и волоком затаскивал наверх. Так он проделал несколько

подъёмов, высыпая камни под кустом. Сочтя достаточным их количество, мальчик положил мешок на место и улёгся в прохладную тень дерева, недалеко от старика, пытаясь дышать как можно тише, дабы старик не услышал его и ни о чём не догадался.

* * *

На заре старик пробудился и обнаружил, что мальчика рядом нет. Он выбрался наружу и увидел его спящим у кострища, а перед входом в шалаш, на том месте, где оставался свободный промежуток, уже были вкопаны два кола, угаданные мальчиком как вход на внутреннюю территорию вокруг шалаша. Старик сразу всё понял, тихо подошёл к этим кольям, потрогал их на прочность и, довольный результатом, улыбнулся, вновь посмотрев на мальчика.

* * *

Следующие дни старик и мальчик, пропуская гибкие длинные прутья между вкопанными кольями, сооружали плетень вокруг жилища и к концу третьего дня полностью, вместе с калиткой, завершили работу, после чего сытно поели и улеглись в шалаше, сразу же погрузившись в сон.

* * *

— Дедушка, а скажи мне, вот ты всегда называешь меня «мальчик». Это что? — сидя возле реки и глядя на то, как старик умывается, спросил мальчик. — Я называю тебя «дедушка». А это что?

Старик вышел из воды, вытер руки и лицо, затем подошёл к мальчику и присел рядом. Мальчик всё это время терпеливо ожидал ответа.

— Это, мальчик, обращение наше с тобой в соответствии с нашим возрастом в зависимости от того, кто из нас с тобой сколько прожил. «Мальчик» значит, что ты прожил пока ещё очень мало. Вот ты же многого не знаешь, что окружает нас, и как это всё называется, и для чего нужно. А почему ты этого всего не знаешь? Потому что прожил очень мало. А почему я знаю много и объясняю всё тебе и показываю? Потому, что я прожил уже много и всё это успел узнать. Когда я был таким, как ты, мне тоже всё объясняли и показывали, как теперь я это делаю с тобой. Потом я стал подрастать и

узнавать сам. Так происходит всегда. Ты понимаешь меня? — спокойно говорил старик, изредка поглядывая на мальчика.

— Да, дедушка, понимаю. Это по возрасту, — кивнул мальчик. — А меня ты всегда будешь называть мальчиком?

— Нет, мальчик, так я буду называть тебя, пока ты немного не подрастёшь. Пройдёт ещё пять зим, и я буду звать тебя юношей. Ты ведь знаешь, что такое зима? Это когда холодно и идёт снег. Потом, когда пройдёт ещё пять зим, я буду звать тебя мужчиной, и ты будешь так называться очень долго. И только после этого тебя тоже будут называть дедушкой, как ты теперь зовёшь меня. Вот как будет, — старик посмотрел в глаза мальчика, улыбнулся и кивнул.

— А, вот так, да? Понимаю. Потом юноша, мужчина и дедушка. Нужно считать зимы. Запомнил... Дедушка, а если бы ты был не один и я не один, тогда как? Ты бы окликнул меня, а такие, как я, мальчики тут же прибежали бы к тебе. И ты бы запутался, и мы бы тоже. Как тогда было бы? — почёсывая голову, спросил мальчик.

— Вот об этом я тоже хотел поговорить, правда, чуть позже. Но раз ты сам спросил, то объясню, как люди различаются при обращении друг к другу. Слушай. У каждого человека есть имя, и они, эти имена, все разные, чтобы отличать всех друг от друга. Это похоже на то, как мы называем ту или иную гору, или речку, или долину. Вот, к примеру, мы с тобой ходили по лесу и собирали разные ягоды, грибы, коренья, травы, видели много разных птиц и зверей. Помнишь? Когда я показывал их тебе, то называл по-разному. Каждое по-своему. Вот как я называл их, это и есть имя каждого из них. А для чего это всё? А для того, чтобы мы отличали их между собой и могли объяснить всё о них кому-то, ну конечно же, и запомнить. У людей почти так же, все имеют имена. Понимаешь меня? — спокойно объяснял старик.

— Не очень, дедушка. Вот я называю тебя дедушкой, но это же твой возраст. А ты меня называешь мальчиком, но и это тоже возраст. Тогда что такое имя? — продолжал увлечённо расспрашивать мальчик. — Вот у тебя, дедушка, есть имя?

— Ты очень внимательно слушаешь меня, мальчик, и многое понимаешь, — старик, улыбаясь, погладил его по голове. — Это меня очень радует. Ты прав, у меня есть имя.

— А как твоё имя, дедушка? Ты никогда мне об этом не говорил. Выходит, что и у меня есть имя? И о нём ты тоже не говорил. По-

чему, дедушка? Потому, что мы только вдвоём? — вполне резонно заметил мальчик.

— И не только поэтому, мальчик, — соглашаясь с его доводом, произнёс старик. — У меня есть имя, но у тебя его пока нет. Я дам тебе его позже, когда ты станешь юношей.

— Дедушка, а тебе имя дали тоже тогда, когда ты стал юношей?

— Нет, мне дали имя при рождении, — задумчиво ответил старик.

— А мне почему не дали, дедушка? — удивился мальчик.

— Это сложно пока объяснить, мальчик. Видишь ли, ты не такой, как я. Ты другой и особенный. Об этом я пока не могу тебе сказать. Это не моя тайна, но её я смогу раскрыть тебе в день нашего с тобой расставания, — вздохнув, проговорил старик и поднялся, давая понять мальчику, что на этом разговор завершился.

— Дедушка, а как твоё имя? — мальчик тоже поднялся, не сводя глаз со старика.

— Я открою его тебе в тот же день, — погладив мальчика по голове, ответил старик и хотел было уже идти.

— Какого нашего расставания?! — напугался мальчик. — Ты бросишь меня здесь одного? Не надо этого делать, дедушка! Я прошу тебя! Не оставляй меня одного! Я боюсь, — мальчик вдруг опустил голову и заплакал, сотрясаясь всем хрупким телом.

— Ну что ты, что ты... — старик подошёл и прижал его к себе, поглаживая широкой ладонью по маленькой головке. — Не плачь, мой мальчик, это случится не скоро. Это будет потом. Пройдёт ещё очень много времени, и ты уже вырастешь, и будешь очень сильным и храбрым, и многое уже познаешь и будешь уметь. Не бойся, мой славный мальчик, и не плачь.

* * *

...Прошло десять лет с той поры, как старик привёл в горы мальчика. Они обитали в этих уединённых местах тихо и дружно, не спускаясь к людям и всячески избегая встреч с ними. Старик всё это время учил его премудростям жизни, терпеливо рассказывая обо всём, о чём знал, и обучая всему, что умел сам. Мальчик, становясь юношей, с огромным интересом и желанием впитывал знания и умения, которыми щедро делился наставник, и наливался силой и ловкостью, обретая крепкое и стройное тело. Старик по-

степенно угасал, иссыхая плотью, становясь медлительным и быстро утомляющимся, и лишь умные глаза с тёплым понимающим взором оставались неизменными, радуя юношу и всячески поддерживая в нём силу духа, не давая ни на миг ощутить всю тяжесть их существования или же почувствовать предстоящую разлуку и последующее одиночество.

Все эти годы старик подвергал воспитанника всевозможным испытаниям. Он устраивал дни голодания и дни насыщения, дни жажды и дни её утоления, дни полного молчания и дни нескончаемых разговоров на разные темы, дни абсолютного безделья и дни изнуряющего труда, дни высказывания огорчительных недовольств и дни добрых откровений, дни вопросов и дни ответов, и всё это неустанно чередовал, постоянно придумывая что-то новое. Он не возлагал это только на своего подопечного, а переживал и преодолевал всё вместе с ним, разделяя на двоих. Всякий раз после очередного испытания старик спрашивал о том, какой из дней понравился или не понравился ему и почему, и слушал ответы очень внимательно, пытаясь понять, каким человеком растёт юноша.

* * *

В один из дней юноша пробудился и увидел, что старика рядом нет. Было ещё темно, но уже скоро должен был наступить рассвет. Юноша вышел из жилища, построенного когда-то давно из камня и дерева, и обошёл всю округу, однако так и не нашёл старика. Присев возле стены на бревно, он стал было ждать, но скоро встал и направился к тропе, ведущей вверх, к пещере, в которой когда-то, очень давно, они побывали вместе и которую после этого больше никогда не посещали. С первыми лучами светила, ярко мазнувшими по горным вершинам, юноша взошёл на площадку перед пещерой и сразу увидел посох старика, прислонённый к каменному ограждению площадки, возле которого на земле лежала кривая палка. Не решаясь войти внутрь пещеры, он подошёл к посоху, осторожно коснулся его рукой и присел на камни рядом.

Спустя некоторое время из пещеры послышались шаркающие шаги, и из проёма, держась рукой о стену, появился старик. Увидев его, юноша поднялся. Он впервые видел старика вне жилища без головного убора, с одной лишь лентой на голове, перетягиваю-

щей длинные седые волосы. Лёгкий порыв горного свежего ветра тут же подхватил пряди. Старик остановился, прищурился, подставив лицо первым солнечным лучам, затем посмотрел на юношу и протянул к нему полусогнутую руку. Юноша тут же подбежал и очень аккуратно взял его под локоть. Старик кивнул в сторону посоха, и юноша медленно и заботливо проводил старика до места, где он, не отпуская подставленной руки, опустился на камень и тяжело вздохнул. Юноша сел перед наставником на землю, не сводя глаз с его лица.

Старик словно не замечал присутствия юноши. Слегка запрокинув голову, он посмотрел на вершину горы, улыбнулся каким-то своим мыслям, затем, перестав улыбаться, заскользил взглядом по склону, будто оценивал крутизну, задумчиво осмотрел вход в пещеру и только после этого взглянул на юношу, внимательно всматриваясь ему в глаза, словно проникая в самую душу. Юноша под этим пронизательным взглядом почувствовал себя не очень уверенно и неловко заёрзал. Заметив это, старик, подняв посох, вытянул руку с ним и посмотрел на тень. Юноша тоже стал смотреть на неё.

— Что ты видишь? — уставшим и обессиленным голосом спросил старик.

— Тень от посоха, дедушка, — пожав плечами, ответил юноша.

— А какая она, тень?

— Такая же, как и сам посох, прямая.

— Верно, юноша, — слегка кивнул старик. Затем, опираясь на посох, поднял лежащую под ногами кривую палку и поставил её возле посоха. Юноша следил за всеми действиями.

— А у этой палки какая тень? — снова спросил старик.

— Такая же, как и сама палка, кривая, — вновь пожав плечами, ответил юноша.

— А теперь скажи мне, юноша, у прямого посоха может быть кривая тень? А у кривой палки прямая тень бывает?

Старик смотрел прямо в глаза воспитанника.

— Нет, дедушка, ничего такого не может быть, — улыбнулся юноша.

— Верно, юноша. А теперь запомни то, что я тебе скажу. У кривой палки никогда не может быть прямой тени, равно как и у прямой не может быть кривой тени. Помни о моём посохе всегда. Однажды ты поймёшь, что это всё означает. Заодно и узнаешь, важно

ли это помнить при жизни среди людей, — старик замолчал, убрал палку и посох и устало вытер пот с лица. Юноша смотрел на него.

— Теперь, юноша, слушай меня ещё внимательней, — старик вздохнул. — Мы с тобой прожили здесь долгое время. Настолько долгое, что ты из маленького, слабого и несмышлёного мальчика превратился во взрослого, сильного и умного юношу. Я уже очень стар. Мои силы истощены. Мои знания и умения достигли своего предела. Больше, чем я тебе уже дал, дать не могу. Всё, что я скажу теперь, очень важно для тебя и для твоего будущего. Прими это всё спокойно и постарайся быть мужественным. В этот зарождающийся день мы с тобой расстанемся навсегда. Прежде чем я открою тебе все тайны, связанные с тобой и с нашим пребыванием здесь, выслушай мою последнюю просьбу, — старик ненадолго замолчал, что-то обдумывая, затем продолжил: — В этой пещере, если ты помнишь, есть шесть ниш. Пять из них заполнены, а шестая пуста. Так вот, в этих пяти нишах покоятся тела очень значимых для меня людей. Когда-то давно, когда мы с тобой впервые посетили эту пещеру, я обещал тебе рассказать об одном из них. Его тело в пятой нише. Это был мой наставник. Он научил меня всему, что помогло мне жить и достичь определённых высот среди людей, и показал мне это место. Здесь же мы и расстались с ним, как теперь я расстаюсь с тобой. Его тело я поместил в ту нишу. Ты, юноша, разместишь моё тело в последнюю нишу. Это и есть моя последняя просьба к тебе, — старик поджал губы и задумчиво кивнул.

Юноша отвёл взгляд и низко опустил голову.

— Я благодарен тебе, Яншенук. Ты всё понял правильно и воспринял мою просьбу так, как я и ожидал, — спокойно произнёс старик.

Юноша вздрогнул, поднял голову и напряжённо посмотрел старику в глаза.

— Да, ты не ослышался, твоё имя Яншенук. Пришло то время, когда ты должен узнать о том, кто ты, откуда ты и почему оказался здесь со мной... Ты сын человека по имени Силкер, брата Фатих-шаха, светлейшего шаха канглов. Я его визирь. Моё имя Каплан. Твой отец, будучи на охоте с одним из высокопоставленных военачальников, повздорил с ним и убил и его, и его юношу-сына за нанесённое оскорбление, тем самым начав кровную вражду между вашей семьёй и семьёй убиенных твоим отцом. Тогда про-

лилось очень много крови с обеих сторон. Всюду начались бунты и столкновения между сторонниками твоего отца и того военачальника. Твой дядя Фатих-шах всячески пытался успокоить народ и призвать его к порядку, но старания не приводили к должному результату. На сторону убитого встали преданные ему войска. Они требовали казни твоего отца и тебя, поскольку ты был его единственным сыном. Кровь за кровь требовали они. Фатих-шах был вынужден казнить брата, твоего отца, и казнить тебя, — старик замолчал, глубоко вздохнул и продолжил: — В назначенный день на главной площади палачи прилюдно обезглавили твоего отца и мальчика твоего возраста, объявленного для всех сыном Силкера, брата Фатих-шаха. Как ты понимаешь, того мальчика казнили вместо тебя. Он был единственным сыном бедняка в одном из дальних стойбищ. Фатих-шах поручил мне, своему визирю, найти подходящую семью и любой ценой привезти к нему мальчика, похожего на тебя и по возрасту, и по внешности. Он дал мне много золота для выкупа этого мальчика. Я нашёл такую семью и предложил им выкуп за сына, но родители отказались продавать его, и тогда я их убил, а сына привёз на казнь вместо тебя. Узнав о том, что я не сумел договориться с его родителями и лишил их жизни, Фатих-шах вверил мне тебя на воспитание и удалил нас с тобой из своих земель, дабы никто не узнал о его тайне, ставшей таковой и для нас с тобой. Моё исчезновение он объяснил и моей семье, и всему народу как мою случайную гибель, произошедшую со мной на реке Яксарт. В общем, Яншенук, меня для всех нет в живых. Я утонул в речных потоках, — старик тяжело вздохнул, замолчал и опустил голову.

Яншенук тоже сидел с низко опущенной головой и часто вытирал глаза.

— Своих родителей я не видел и ничего ни о них, ни о своей семье не знал. Я был круглым сиротой. Ходил по стойбищам, ночевал со скотом и ел вместе с ним, пока однажды меня не увидел этот человек, что покоится в пятой нише в пещере. Он забрал меня в эти места и научил всему, что знал и умел сам. Потом он состарился и умер, оставив меня одного. Я исполнил его последнюю волю и покинул эти места, думая, что навсегда. Всем, чего я достиг в своей жизни, став визирем могущественного правителя канглов Фатих-шаха, я обязан этому человеку... Теперь ты знаешь всё и даже своё

имя. Я исполнил обещанное и Фатих-шаху, и тебе. Как жить дальше, решай сам, Яншенук, но здесь тебе не нужно оставаться. И возвращаться сюда тоже. А теперь иди к жилищу. Я остаюсь здесь. Утром вернись сюда в последний раз и исполни мою просьбу. Прощай. Пусть Небеса определяют тебе достойную судьбу, — старик поднялся.

Яншенук тоже встал на ноги. Старик протянул к нему руки, и Яншенук в последний раз шагнул в объятия единственного близкого человека.

Часть четвёртая

**II ВЕК ДО Н. Э.
СРЕДНЯЯ АЗИЯ**

Г Л А В А П Е Р В А Я

— Главный визирь Джарбаш, что ты скажешь? — сидя на широком троне с низкой спинкой, полностью обитой белыми козьими шкурами, весь, вплоть до сапог, облаченный в светлые кожаные одеяния тонкой выделки, подпоясанный по талии таким же широким поясом седобородый и седовласый Фатих-шах взглянул на сидящего по правую руку от него широкоплечего мужчину среднего возраста с чёрной густой бородой и очень большими глазами, наполовину прикрытыми тяжёлыми верхними веками.

— Светлейший шах, как стало известно, усуни заняли все земли тиграхаудов и уже обосновались на них. Куньбек Янгуй сумел расположить к себе и царя Демира, и его народ, а наш союзник Даут ничего не смог противопоставить ему. О нём можно забыть. Теперь же, я полагаю, куньбек Янгуй направит к тебе, светлейший шах, своих послов, дабы установить добрососедские отношения, тем самым утверждаясь на новых землях как полновластный их правитель, — приложив руку к груди, произнёс главный визирь Джарбаш. — Прости меня, светлейший шах, но я настаивал на нападении на усуней сразу же по их прибытии в пограничные с нами земли, не дав им укрепиться и прийти в себя после дальней дороги. Теперь всё будет гораздо сложнее для нас. К тому же скоро наступит зима, и каких-либо военных действий против них мы вести не сможем.

— Да, главный визирь Джарбаш, куньбек Янгуй оказался умным, решительным и дальновидным правителем и весьма преуспел в делах за столь короткий срок. Не согласиться с этим нельзя. Что есть, то есть. Признаться, я не ожидал от него такой расторопности и предусмотрительности. Его действия достойны уважения. Однако мы должны понимать, что отныне соседствуем не со слабыми и малочисленными тиграхаудами, а с сильным, многочисленным и очень воинственным народом, во главе которого стоит довольно умный и опытный правитель. До весны у нас есть время подгото-

виться к войне, в этом ты прав, но нам стоит подумать над тем, как одолеть их с наименьшими потерями. А вот для этого, главный визирь Джарбаш, мы должны подумать, кого ещё мы можем привлечь на свою сторону в предстоящей войне. Нам известно о том, что усунь покинули шаньюя хуннов Модэ по своей воле и, более того, не только без его согласия, но и оказав сопротивление посланным за ними войскам, и вот это их противостояние мы должны теперь использовать. Шаньюй Модэ наверняка жаждет отмщения за проявленное усунями своеволие. При таких обстоятельствах нам следует начать переговоры с ним о создании военного союза против куньбека Янгуя. — Фатих-шах замолчал, что-то обдумывая, затем продолжил: — Хунны никогда и ни с кем в подобного рода союзы не вступали. Они всегда действовали сами и не нуждались в чьей-либо помощи. Поэтому нам будет сложно склонить их на совместный поход. Мы должны очень постараться, чтобы сделать это. Впереди целая зима, и у нас достаточно времени для этого. Когда-то давно, когда наши предки обитали далеко на севере совместно с сяньбийцами и даже являлись их частью, хунны были разрозненными небольшими племенами и угрозой, как это случилось теперь, ни для кого не представляли. Шаньюй Модэ сумел объединить их всех под своей рукой и создать мощную военную силу, единую и боеспособную. Он завоевал все земли вокруг себя, покорил множество народов, и никто ещё не смог противостоять ему. Даже могущественных тохар, называемых хуннами юэчжи, они сумели разгромить и выгнать на запад, в сторону наших земель. Мы, тиграхауды и огузы приняли их разрозненные остатки, но хунны помнят об этом, и это может послужить одним из препятствий в наших переговорах, поскольку тохары их враги. Одно успокаивает и вселяет надежду на понимание. Шаньюй Модэ одержал победу над тохарами, а установить и вернуть усуней не смог. Значит, его гнев больше направлен на усуней, нежели на тохар. Вот это-то нам на руку во время переговоров, — Фатих-шах посмотрел в глаза главному визирю Джарбашу, недолго помолчал и продолжил: — Куньбек Янгуй тоже может учесть это обстоятельство, и в таком положении ему очень выгодно как можно быстрее установить с нами добрые отношения, но нам не нужен сильный да к тому же непредсказуемый сосед, который со временем может стать нам соперником в деле контроля над караванными путями, который сейчас всецело принадлежит

нам. Он пока ещё не знает всей выгоды от этого, но с его способностями не за горами тот день, когда он всё поймёт, и вот тогда нам придётся встать на защиту интересов ценою множества жизней наших воинов. Так для чего нам ждать, пока такое случится, если мы можем всё это предотвратить уже следующей весной? Вот мы и не допустим этого, вступив в военный союз с хуннами против него. — И Фатих-шах вновь замолчал.

Правитель канглов шах Фатих и его главный визирь Джарбаш беседовали в главной юрте, в самом центре главного зимнего стойбища канглов Битяне, расположенного невдалеке от берега реки Яксарт, в срединном её течении. За прошедшее жаркое лето воды в реке заметно поубавилось, оголились берега, но по-прежнему поток был могучим и неиссякаемым. Перед главной юртой раскинулась огромная площадь с множеством коновязей вокруг. Само стойбище было очень большим. Весь центр его занимали тесно стоящие одноэтажные дома, выстроенные из сырцового глиняного кирпича, а окраина состояла из нескольких сотен юрт, установленных десятью кольцами, за которыми размещались бесчисленные загоны для скота.

— Светлейший шах, человек Даута, которого он когда-то прислал к тебе, прося о военной помощи, остался у нас и по моему поручению часто бывает в землях усуней, где у него есть верные люди. Так вот, он приносит много полезных сведений о том, что там происходит, — почтительно сообщил главный визирь Джарбаш.

— Насколько я помню, его имя Берджу. Он покалечился в дороге и из-за этого припозднился к нам вместе со своим помощником, — проявляя уникальную способность запоминать много информации до мельчайших подробностей, произнёс Фатих-шах.

— Да, светлейший шах, ты, как всегда, прав, это он, — приложив руку к груди и в почтении склонив голову, согласился главный визирь Джарбаш.

— Продолжай, главный визирь Джарбаш. Что на этот раз он сообщил тебе? — поинтересовался Фатих-шах.

— Светлейший шах, куньбек Янгуй вводит много новшеств в управление своим народом, в размещение его по новым территориям, в расположение войск. Он действует, явно подражая хуннам. Это очевидно. Теперь весь его народ разделён на три крыла: центр, где главная ставка, западное крыло, граничащее с нами, и восточное крыло, причём под рукой у каждого властителя этих зе-

мель, назначенного им, отныне есть своё войско. Такого никогда ещё не было в землях, окружающих нас. Таким образом, куньбек Янгуй рассредоточил силы в трёх местах и в случае необходимости способен в очень короткие сроки перебрасывать их в нужном направлении. Это очень усиливает его позиции, так как он становится неуязвимым перед чьим бы то ни было нападением на него всеми силами сразу. К тому же, если учесть особенности его приграничных земель как на западе, так и на востоке, одержать победу над ним одним ударом не представляется возможным, — очень серьёзно и резонно высказался главный визирь Джарбаш. — Все эти сведения, светлейший шах, сообщил наш лазутчик Берджу.

— Вот поэтому я и решил начать переговоры с хуннами. Не прост этот куньбек Янгуй, ох как не прост... Все его действия подтверждают это. При таких обстоятельствах, — если, конечно, сведения о нём достоверны, — начав с ним войну без союзников, мы можем втянуться в затяжные военные действия, и ещё неизвестно, к чему в итоге они приведут, — задумчиво произнёс Фатих-шах.

— Светлейший шах, а что, если склонить на нашу сторону ещё и огузов? — понизив голос, спросил главный визирь Джарбаш и тоже задумчиво продолжил: — Прости меня, светлейший шах, но хунны нам неведомы, и поэтому рассчитывать только на них было бы недостаточно. Огузов мы знаем как наших давних соседей. Отношения с ними всегда были на уровне взаимопонимания, и вражды между нами нет. К тому же огузы должны понимать, что в случае нашего поражения, да сохранят нас Небеса от этого, усунь придут и в их земли, поскольку между ними и усунями находимся только мы.

— У огузов беспокойно сейчас... Между огузами и аланами с недавних пор возникли весьма непростые отношения. Аланы, воинственные и неспособные идти на уступки, даже необходимые и не столь значительные, сумели вызвать гнев спокойных и уравновешенных огузов. Чего они добиваются, ведя себя так вызывающе, не понимаю. Огузы значительно сильнее и могущественнее их и никогда не позволяют им поступать так опрометчиво и грубо по отношению к себе. Пастбища, из-за которых начались споры со стороны аланов, всегда принадлежали огузам, и они по праву отстаивают их, но аланы решили, что у огузов и так хватает земель и они должны уступить излишки. Чем закончится этот спор, никому не известно, но огузы настроены решительно, и это очень серьёз-

но. Похоже, их терпению наступает конец, и довольно скоро они перейдут к активным действиям. Поэтому рассчитывать на их содействие в предстоящем весеннем походе на усуней, я полагаю, не стоит. Хотя отправить послов к ним мы можем, и даже следует это сделать. Во всяком случае, будем точно знать, как они воспримут наше предложение... Ты, главный визирь Джарбаш, готовь послов и к хуннам, и к огузам. Держи всю подготовку в строжайшей секретности. Никто не должен знать об этом у нас и, тем более, за пределами наших земель. Это очень важные и секретные миссии. Даже послы, которых ты будешь готовить, не должны знать друг о друге. Берджу пусть ещё более усилит работу среди усуней. Нам необходимо знать как можно больше обо всём, что у них творится. Не скупись на награды ему и его людям среди усуней, — Фатих-шах посмотрел в глаза главного визиря.

— Я всё понял, светлейший шах, и всё исполню в точности с твоим велением, — приложил руку к груди и склонил голову главный визирь. — Что касается отношений между огузами и аланами, мне стало известно о том, что уже пролилась первая кровь. Отряд аланов напал на отдалённые табуны огузов, перебил пастухов и увёл лошадей. Это неслыханная дерзость не сойдёт им с рук. Шах огузов Хан-суна уже отправил посла к аланам с требованием вернуть всех украденных ими лошадей, выдать ему всех зачинщиков этого безобразия и отдал приказ своему сюбаши держать войска в полной боевой готовности.

— Это очень плохо, главный визирь Джарбаш... Нам на наших западных границах нужен мир, поскольку на восточных рубежах, где осели усунь, уже не будет спокойствия. Аланы ошибочно воспринимают спокойствие огузов за трусость либо нерешительность, и теперь, как мне кажется, это обернётся для них большой бедой. Огузы никогда не нарушали взятых на себя обязательств и всегда были верны договорённостям с соседями. Даже в худые годы, когда в их землях были мор и голод, они терпеливо сносили невзгоды, но не допускали своеволия. Если аланы не исполняют требований Хан-суна-шаха, он пойдёт на них войной и очень жестоко накажет. И он не остановится на простом наказании. Он поступит так, чтобы не только нынешние аланы, но и их потомки навсегда забыли о мысли посягать на земли огузов либо на их собственность. А потому я думаю вот над чем, главный визирь Джарбаш...

Аланы могут обратиться ко мне за военной помощью, как только войска огузов вступят на их территорию. — Фатих-шах замолчал, задумавшись, посмотрел на огонь в очаге, затем провёл рукой по бороде, аккуратно поглаживая её, вновь взглянул на собеседника и продолжил: — Я откажу в этой просьбе. И сделаю это по двум причинам. Во-первых, аланы сами повинны в том, что нарушили спокойствие с огузами, и отвечать за это должны только сами. А во-вторых, мне не нужны такие союзники, как аланы, которые не чтут ни традиций, ни договорённостей и, следовательно, не обладают надёжностью и верностью в отношениях. Справедливость огузов должна быть правильно воспринята всеми их соседями и в первую очередь нами. Они должны быть уверены в нашем понимании и впредь учитывать это во взаимоотношениях с нами. Только таким образом мы сможем вступать в военные союзы с ними и рассчитывать на их помощь, равно как и они на нашу. Может быть, то, что случилось теперь между аланами и огузами, не случайно и послано нам Небесами. Нам нужны верные союзники в предстоящей войне с усунями, и если я прав, то, отказав в военной помощи аланам, мы ускорим создание союза с огузами и сумеем привлечь их на свою сторону. Но если аланы не обратятся к нам, то мы должны сами предложить огузам помощь в наказании аланов и тем самым, оказав им услугу, заполучим их в союзники. Хан-суна-шах и без нас способен одолеть аланов, но то, что мы выражаем ему поддержку и готовы выступить вместе с ним, он, конечно же, запомнит и оценит по достоинству. Это то, чего мы и добиваемся, — в глазах Фатих-шаха засверкали азартные искорки.

— Светлейший шах, а что, если не дать возможности аланам исправить это сложное положение мирным путём? — прищурившись, тихо спросил главный визирь и быстро пояснил: — Светлейший шах, Хан-суна-шах слывёт правителем весьма великодушным и милосердным, и может так случиться, что он простит аланов, коль они постараются угодить ему, возместят весь ущерб и выдадут виновных в содеянном.

— Что ты предлагаешь, главный визирь Джарбаш? — заинтересовался Фатих-шах.

— Светлейший шах, прости меня, может показаться, что я прошу тебя согласиться на неблагопристойный поступок, но это не так — всю ответственность я беру всецело на себя. Так вот, моё

предложение заключается в следующем. Для того чтобы Хан-суна-шах не простил аланов и пошёл на них войной, нужно срочно ухудшить сложившуюся ситуацию, а для этого я предлагаю совершить ещё несколько нападений на табуны огузов со стороны аланов. Нападения совершат наши люди, переодетые в одеяния аланов, и весь скот перегонят на их земли. Таким образом, огузы вновь пострадают от рук аланов, и уже ни о каком прощении даже речи не будет. После этого, на мой взгляд, Хан-суна-шах точно направит войска на аланов, и твоё, светлейший шах, предложение об оказании содействия будет своевременным и воспримется как понимание его справедливости, что в свою очередь подвигнет Хан-суна-шаха на принятие и главного твоего предложения о создании военного союза против усуней, — видя во взгляде шаха явный интерес, довольно уверенно выразил своё мнение главный визирь.

— М-да, главный визирь Джарбаш, признаться, удивил ты меня своей задумкой. При других обстоятельствах я бы воспринял её весьма странной и недостойной одобрения. Но признаю твою правоту, в возникшей ситуации ради достижения нашей главной цели мы вынуждены пойти и на такую меру. Более подходящего решения я тоже не вижу. Полагаю даже, что оно единственно верное, хотя и не очень мне по душе, так как пропитано коварством и подлостью, — покачивая с сомнением головой, часто поглядывая на главного визиря, произнёс Фатих-шах. — Однако, — Фатих-шах посмотрел прямо в глаза собеседнику, — я не могу не согласиться с тобой, главный визирь Джарбаш, по одной и самой важной причине. Мы не можем упустить такой возможности во благо нашего народа и его спокойного будущего. Заручиться военной поддержкой сильного соседа мы просто обязаны, и для достижения этой цели твоё предложение является подходящим и, конечно же, своевременным. Я одобряю его. Немедленно приступай к действиям, иначе мы упустим время, — Фатих-шах утвердительно кивнул главному визирю.

— Повинуюсь, светлейший шах.

И главный визирь удалился с почтительным поклоном.

* * *

— Повелитель, на наших дальних стойбищах вновь произошли нападения на пастухов. Угнаны большие табуны лошадей. По сведениям лазутчиков, все следы ведут в земли аланов, — прибли-

жившись к восседавшему на белом скакуне шаху огузов, высокому, стройному мужчине с короткой седой бородой, облачённому в богатый долгополый халат поверх обычных кожаных доспехов из толстой воловьей кожи, произнёс мужчина средних лет, крепкого телосложения, с чёрной густой бородой и синими, как небо, глазами, приложив руку к груди и низко склонив голову.

— Ты, Тычахтай-ага, не только предводитель части моего народа тохаров, но и сюбаши, командующий всей армией огузов. Тебе и решать, как поступить теперь. Моё одобрение дано ещё десять дней назад. Мы сдерживались лишь потому, что ждали возвращения послов от аланов, но они не признали своей вины и, более того, вновь совершили набеги в наши земли. Так действуй же теперь без промедления. Тридцать тысяч войск ждут тебя. Завтра же и выступай в поход, — повернув голову к сюбаши Тычахтаю, спокойно ответил Хан-суна-шах.

— Будет исполнено, повелитель, — сюбаши Тычахтай почтительно приложил руку к груди и склонил голову.

* * *

— Мои визирь и ага, мы никогда не вели войн против соседей, и, хвала Небесам, они не нарушали договорённостей о мире и добрососедстве, но, к сожалению, пришло время перемен. Нарушителями спокойствия стали аланы, не признавшие своей вины в совершении уже нескольких набегов в наши земли, в убийстве наших рабов-пастухов и угоне наших табунов. Всё это подтверждено и показаниями послов, и донесениями лазутчиков. Я предупреждал их правителя о недопущении подобных действий и готов был принять его извинения в случае исполнения всех моих требований, но он не счёл нужным поступить благородно и миром разрешить создавшуюся ситуацию. На заре войска под предводительством сюбаши Тычахтая выдвинулись к нашим рубежам с аланами. Аланы будут наказаны за содеянное и впредь никогда не посмеют смотреть в нашу сторону с дурными помыслами, — восседая на широком троне, устланном белыми овечьими шкурами и установленном на расстеленных коврах в главной юрте, начал совет Хан-суна-шах, правитель огузов. — Великий визирь Майсур, — шах обратился к сидящему по правую руку от него седовласому старцу, и тот приложил руку к груди и склонил голову, почтительно выказывая полное

своё внимание. — Пусть все наши воины будут приведены в готовность. — Хан-суна-шах отвёл взор от визиря, обращаясь теперь ко всем визирям и военачальникам: — Фатих-шах, правитель канглов прислал гонца. Он искренне возмущён поведением аланов и готов оказать нам военную помощь по первому моему требованию, за что я выразил ему огромную благодарность и наше глубочайшее почтение.

Хан-суна-шах замолчал и окинул взором своих главных сановников. Они одобрительно закивали, поглядывая друг на друга, и вновь обратили взгляды на повелителя.

— Повелитель, — нарушив тишину, обратился тихим скрипучим старческим голосом к Хан-суна-шаху великий визирь Майсур. — Позволь узнать о твоём решении относительно помощи, предложенной Фатих-шахом.

— Великий визирь, у нас достаточно собственных сил, чтобы разобраться с аланами и призвать их к порядку. Почему ты спросил об этом? Слушаю тебя.

Хан-суна-шах взглянул на визиря, проявляя искренний интерес к его мнению.

— Повелитель, Фатих-шах никогда не делает ничего просто так, и его предложение об оказании военной помощи нам, как мне кажется, имеет иной, потаённый смысл. Ему известно о том, что мы обладаем достаточными силами и в состоянии сами справиться с аланами, и, несмотря на это, он вдруг предлагает свою помощь. Это, на мой взгляд, очень странно. Возникает вопрос: что ему нужно на самом деле? Повелитель, мы должны понять это, иначе, прости меня, мы можем быть введены в заблуждение и оказаться в весьма непонятном положении. Я, конечно, могу и ошибаться, но такое повышенное внимание к нам со стороны Фатих-шаха вызывает много вопросов, на которые мы должны найти верные ответы, — великий визирь говорил тихо и очень медленно, часто переводя дыхание и покашливая в кулак.

— Великий визирь, если я тебя правильно понимаю, мне следовало принять военную помощь от Фатих-шаха, дабы убедиться в искренности его намерений, либо задать ему прямой вопрос о причинах внимания к нам. Ни того ни другого я делать не стал, поскольку не счёл необходимым. Более того, посчитал, что это было бы оскорбительным для Фатих-шаха в такой ситуации. Но твои

сомнения, великий визирь Майсур, относительно добрососедской помощи канглов без далеко идущих замыслов, признаться, не удивили меня, совпав с моими размышлениями. Полагаю, в твоих словах есть определённый смысл, и поручаю тебе разобраться в этом вопросе...

На этом совет завершился.

Хан-суна-шах поднялся. Все тут же почтительно встали с мест, поклонились повелителю, приложив руку к груди, отступили на несколько шагов и тихо удалились.

* * *

Сюбаши Тычахтай подвёл тридцать тысяч воинов к северо-западному рубежу огузских земель, обозначенному пересохшим извилистым руслом небольшой реки, за которым лежала территория аланов. Выслав вперёд лазутчиков, он остановил армию и стал дожидаться их возвращения. День приближался к завершению, и входить в наступающей ночи в чужие земли без предварительной разведки сюбаши Тычахтай не планировал, но и разбивать лагерь на ночлег не спешил. Сойдя с коня на землю, он заложил руки за спину и обратил взор на запад, где последние красные отблески светила плавно гасли над линией горизонта, погружая в темноту небосвод, на котором далеко на востоке робко зарождались первые, ещё очень тусклые звёзды.

— Сюбаши, прибыл дозорный с восточного дальнего дозора. Он хочет сообщить тебе что-то важное, — подойдя к сюбаши со спины, с почтительным поклоном сообщил военачальник.

— От дальнего восточного дозора? — удивлённо обернулся сюбаши.

— Да, сюбаши, оттуда, — не поднимая головы, уверенно ответил тот.

— Зови.

Военачальник развернулся и махнул кому-то рукой. Подбежал воин, замер в нескольких шагах от сюбаши, почтительно склонил голову и приложил руку к груди.

— Говори, — спокойно повелел сюбаши.

— Сюбаши, я из дальнего восточного дозора. К нам подошли войска канглов во главе с военачальником Ельбузом. Он требует встечи с тобой, сюбаши, — быстро доложил воин.

— Войска канглов? — удивился сюбаши. — Что они здесь делают?
— Не могу знать, сюбаши. Их много, — ответил воин.
— Где их военачальник? — вновь спросил сюбаши.
— Он здесь, недалеко, сюбаши. Ожидает твоего решения.
— Хорошо. Показывай дорогу, — взбираясь на скакуна, повелел сюбаши.

Воин побежал к своему коню. Вскоре сюбаши в сопровождении дозорного и десяти воинов с факелами отделился от войск в восточном направлении.

* * *

— Сюбаши Тыцахтай, я старший тысячник Ельбуз, направлен светлейшим шахом канглов Фатихом для наказания аланов и, раз так получилось, участвовать с тобой в войне против них. Я привёл с собой двадцать тысяч воинов, и поскольку противник у нас один и тот же, но ты сюбаши армии огузов, а я всего лишь старший тысячник армии канглов, то я вступаю в полное твоё подчинение, — слегка склонив голову и приложив руку к груди, произнёс старший тысячник Ельбуз, молодой крепкий мужчина с пронзительным взглядом.

— Старший тысячник Ельбуз, всё это для меня неожиданно. Мой повелитель Хан-суна-шах такого веления мне не давал, и я не был заранее осведомлён о совместном нашем походе. Поэтому я обязан отправить гонцов, чтобы поставить его в известность и узнать о его велении на этот счёт. Не сделать этого будет опрометчиво, и я могу впасть в немилость, — стараясь быть вежливым, но в то же время явно растерянно ответил сюбаши Тыцахтай. — Пойми меня правильно и не сочти неблагодарным. Несмотря на различие в положении, ты такой же военачальник, как и я, и поэтому должен меня понимать, как никто другой. Предлагаю встать на ночлег на местах, где мы находимся. Я немедленно отправлю гонца, а после его возвращения поступим так, как решит и велит повелитель.

— Сюбаши Тыцахтай, я осведомлён об ответе твоего повелителя послам моего светлейшего шаха, и то, что я нахожусь здесь, не является непониманием со стороны моего правителя и не противоречит договорённостям между нашими правителями. Дело в том, что аланы совершили набеги и на наши земли и угнали несколько наших табунов, поэтому я был послан сюда, — пояснил своё появ-

ление старший тысячник Ельбуз. — Узнав о том, что ты, сюбаши Тычахтай, уже здесь, я решил встретиться с тобой и предложить совместно вступить в земли аланов, которые нарушили покой и ваш, и наш и противопоставили себя нашим правителям. Вместе мы и накажем их за проявленное своеволие. Полагаю, что при таких обстоятельствах нужды в гонцах к повелителю нет, и к тому же мы из-за этого можем потерять много драгоценного времени.

— Старший тысячник Ельбуз, сказанное тобой в корне меняет всё, и я теперь понимаю твои действия. Ты прав, отправлять гонцов к повелителю необходимости теперь нет. Но я вынужден отказаться от предложения о твоём вступлении в моё полное распоряжение. Таких полномочий я не имею. Ты будешь действовать самостоятельно, и мы можем лишь согласовывать действия, и не более этого. Думаю, ты согласишься на такие условия и не сочтёшь их несправедливыми, — резонно подметил сюбаши Тычахтай.

— Ты прав, сюбаши Тычахтай, и я полностью согласен с тобой, — почтительно склонив голову, согласился старший тысячник Ельбуз.

— Я жду возвращения своих лазутчиков и после этого двинусь в земли аланов, — произнёс сюбаши Тычахтай. — Там, впереди, несколько их небольших стойбищ. Все следы угнанных лошадей ведут туда. Есть ли там их войска, пока неизвестно. Как только я получу сведения, сообщу тебе. Стойбища мы с тобой разделим поровну и будем атаковать. Твои будут те, что с восточной стороны, а мои с западной. Так будет удобнее, и мы не будем мешать друг другу. Если ты согласен, то я отправляюсь к своим войскам.

— Хорошо, сюбаши Тычахтай, я всё понял. Жду от тебя гонца, — принял его предложение старший тысячник Ельбуз.

* * *

Войск аланов, равно как и обитателей, на пяти небольших стойбищах, что лежали на пути армий огузов и канглов под командованием сюбаши Тычахтая и старшего тысячника Ельбуза, не оказалось, и лишь несколько тысяч лошадей в загонах встретили их в опустевших селениях. Аланы отступили, не ожидая сражения. Приграничные властители аланов поняли причины появления Тычахтая и Ельбуза и увели людей в глубь своих земель. Они оставили лошадей в количестве, явно превышающем число угнанных, желая скорейшего ухода огузов и канглов и рассчитывая на то, что

вошедшие на их территорию военачальники соседних правителей будут довольны выкупом. Но, к их огромному сожалению, этого не произошло, и армии огузов и канглов прошлись по половине их земель огнём и мечом, уничтожая всех на своём пути, угоняя весь скот, загружая в многочисленные обозы брошенное добро и пленяя тех, кто не сумел или не успел уйти от стремительных и сокрушительных атак.

Карательная экспедиция объединённой армии огузов и канглов завершилась через десять дней. Они уходили, оставляя за собой пепелища на местах стойбищ и бездыханные тела тех, кто хоть как-то пытался противостоять им.

Аланы были жестоко наказаны за вину небольшой группы отчаянных сородичей — конокрадов, покусившихся всего лишь раз на несколько табунов соседей. Других нападений не было, больше они не пересекали рубежей огузов и тем более никогда не делали этого по отношению к канглам. Главный визирь канглов Джарбаш сумел ловко воплотить в жизнь коварный план, дабы помочь своему правителю Фатих-шаху попытаться склонить на свою сторону повелителя огузов Хан-суна-шаха в предстоящей войне с усунями. Помимо нападений на табуны огузов под видом алан, он направил старшего тысячника Ельбуза во главе с войсками якобы отомстить аланам за угнанные табуны канглов, хотя на самом деле такого факта не было, и цель, которую он преследовал при этом, была та же. Ельбуз сумел добиться не только военного взаимодействия с огузами в этом походе на аланов, но и, не потеряв ни одного воина, приумножить богатства своего светлейшего шаха, разделив поровну с огузами весь добытый трофей.

Г Л А В А   В Т О Р А Я

— Правитель, канглы готовятся к войне с нами. Они задумали начать военные действия сразу по окончании зимы, — сообщил куньбеку Янгю Наби-бек.

Они стояли на берегу озера, невдалеке от главной юрты. Холодный осенний день был ветреным, поэтому они облачились в тёплые шубы из соболиного меха, на их головах были треухи из лисьего меха, а на ногах — большие сапоги из овечьих шкур мехом внутрь.

— Наби-бек, скажи мне, ты по-прежнему доверяешь своему лазутчику Берджу? — не сводя глаз с озёрной глади, спросил куньбек Янгуй.

— Правитель, его обожаемая жена Галатис содержится у нас в очень достойных условиях. Он видит это, встречаясь с ней в каждый свой приезд. К тому же у них родился ещё один ребёнок. Сведения, которые он доставляет нам, до сих пор всегда подтверждались. Он, конечно же, пытается иметь выгоду с обеих сторон, но в том, что он честен перед нами, я лично убеждён, — взглянув на куньбека Янгуй, уверенно ответил Наби-бек и спросил: — Правитель, тебя терзают какие-то сомнения?

— Что ещё сообщил он? — после недолгого раздумья задал вопрос куньбек Янгуй.

— В предстоящую зиму Фатих-шах собирается направить послов с дарами к самому шаньюю хуннов Модэ. Он хочет заключить с ним военный союз против нас. Когда точно будут направлены послы, Берджу пока не знает. К тому же, правитель, за эти сведения Берджу попросил выделить ему много золота, пояснив, что человек, который может дать точную информацию, приближён к очень высокому сановнику в их ставке. О ком идёт речь, он пока не сказал. Но как только Берджу будет обладать более точными сведениями, сразу же сообщит об этом нам, — сообщил Наби-бек.

— Что ещё? — продолжал спрашивать куньбек Янгуй. Он задавал вопросы, но делал это так, словно ответы не очень-то интересовали его.

— Правитель, Хан-суна-шах не идёт на сближение с Фатих-шахом, хотя Фатих-шаху удалось совершить с ним совместный поход на аланов. Причины такого поведения Хан-суна-шаха мне пока неизвестны, — ответил Наби-бек, затем более внимательно всмотрелся в лицо куньбека Янгуй и тихо, проникновенно спросил: — Правитель, прости за вопрос. Ты себя хорошо чувствуешь?

— Да, благодарю тебя, Наби-бек, со мной всё хорошо, — взглянув в глаза Наби-беку, спокойно ответил куньбек Янгуй.

Правитель усуней повернулся к главной юрте, посмотрел на неё, затем окинул взором горную корону, и мысли, не дававшие ему покоя всё последнее время, потекли сами собой, будто он обращался с ними к одной из заснеженных вершин: «Я много думаю о том, как нам быть дальше, думаю над тем, как нам жить. Фатих-шах готовит-

ся к войне с нами, а мы нет. Это неправильно. Да, мы сильны, но и мы должны искать союзников в предстоящей войне. И не только для этого. Мы должны обрести союзников для уверенной и спокойной жизни, если, конечно, она существует, такая жизнь. Общепринято считать, что войны — это всего лишь часть существования всех народов. Вот при этих мыслях у меня возникают странные и пока необъяснимые противоречия. Конечно, от них, от войн, многое зависит в судьбах народов, но не всё... Сражения либо возносят кого-то над кем-то, либо принижают, но в любом случае между ними тоже есть жизнь, разная, но есть, и она обязательно беспокойная, и довольно сложная, и тяжёлая, да настолько, что и жизнью-то её порой назвать невозможно. Я уверен в том, что нет такого народа, кто хотел бы жить хуже, чем живёт. Все желают для себя лучшей участи. Войны, на мой взгляд, не ведутся ради справедливости, заступничества за кого-то или же ради отмщения, как зачастую громогласно заявляют некоторые правители, выдвигаясь в походы, но к их окончанию думая и вождедая уже о другом. Они ведутся ради увеличения благ для себя, и только это всегда является главной и единственной целью, о которой стараются не говорить и уж точно не провозглашать принародно. В конечном счёте, как я думаю, всем нужна выгода. И не важно, для народов ли она нужна или же больше для их правителей. Она нужна всем, так как без неё и народы будут нищими и обездоленными, и правители будут слабыми и безвольными. Странно, но мне порой кажется, что все и всегда с кем-то воюют. Даже теперь, в это время, пока я стою здесь и взираю на тебя, великая гора, кто-то где-то обязательно погибает в сражении. Вот и задумываешься над тем, что такое на самом деле эти войны и что такое жизнь без них. Может быть, полноценная жизнь и есть постоянные войны, а перерывы между ними всего лишь небольшой отдых и накопление сил. Как бы там ни было, но, судя по своей жизни, я могу сказать, что ещё ни одного дня не было в ней, чтобы я мог понять, почувствовать то, что называется жить в мире, я не познал, что такое вообще этот так называемый мир. Мы постоянно боремся и воюем ради него, но, как ни странно, в нём не живём ни мгновения...»

— Правитель, что с тобой, правитель?! Ты действительно чувствуешь себя хорошо? — вдруг сквозь охватившие мысли куньбек Янгуй услышал голос Наби-бека и посмотрел на него. Тот обеспокоенно заглядывал ему в лицо.

— Наби-бек, готовь послов к ханьцам. Я хочу заключить военный союз с императором Вэнь-ди, — неожиданно для Наби-бека вдруг повелел куньбек Янгуй.

— Повинуюсь, правитель, — приложив ладонь к груди и склонив голову, почтительно произнёс Наби-бек.

* * *

— Дильбар, ты где? — девушка ехала шагом на лошади по берегу озера, оглядывая высокий, протяжённый лесистый яр, и звала свою подругу. — Ну, Дильбар, не пугай меня, спускайся оттуда!

— Фируза, прекрати кричать, а то всех зверей здесь распугаешь, — на вершине крутого склона среди деревьев появилась, задорно смеясь, девушка верхом на белом коне и стала осторожно спускаться по тропе.

Наступила зима. Ночью выпал первый снег, изменив всё вокруг до неузнаваемости. Обширная озёрная гладь поменяла цвет, слегка потемнев, но по-прежнему была притягательна для взора и будоражила сознание молчаливым величием.

— Дильбар, прошу тебя, не делай так больше. Мы и так уехали слишком далеко. К тому же из-за тебя без охраны, — надув пухлые губки, тонким голоском возмущённо произнесла Фируза и ещё плотнее запахла на груди красивую лисью шубку.

Дильбар уже вела своего скакуна рядом с ней. Долгополая шуба из серебристого каракуля была расстёгнута на ней, открывая взору ярко-красную рубаху и штаны, заправленные в красные сапоги с белым меховым отворотом на голенищах.

— Прекрати, Фируза, лучше посмотри какая вокруг красота! А какой воздух! Надышаться невозможно! Это просто чудо какое-то! — не обращая внимания на недовольство подруги, восхищённо говорила Дильбар. Она раскинула руки во всю ширь, затем запрокинула голову, придерживая островерхий головной убор с меховой оторочкой, и зажмурила от удовольствия глаза.

— Ничего особенного я не вижу. Холодно, и всё, — пробурчала Фируза и, словно озябла, повела узкими плечами. — И вообще, нам пора возвращаться.

— Эх ты, мерзлячка, не успели выехать на прогулку, а ты уже обратно собралась, — задорно взглянув на неё большими сине-зелёными глазами с длинными и пушистыми ресницами, засмеялась

Дильбар и, потянувшись к подруге рукой, слегка коснулась её плеча. — А что будет с тобой, когда наступят настоящие холода? Видимо, мне придётся одной наслаждаться всей этой красотой!

— Вот и наслаждайся, а я поехала обратно, — Фируза начала разворачивать свою лошадь.

— Ну хорошо, хорошо, возвращаемся, только давай вон до того валуна доедем и потом обратно, — продолжая улыбаться, предложила Дильбар и, тут же ударив пятками скакуна по бокам, с места вскачь помчалась дальше по заснеженному берегу. Фируза недовольно посмотрела ей в спину, но последовала за ней, ускоряя бег своей лошади.

* * *

— Правитель, люди посланы во все стороны. Они тщательно осматривают побережье и всю округу. Возле чёрного камня обнаружены следы лошадей. Свежий снегопад затруднил немного поиски, но для опытных следопытов это не помеха.

Наби-бек стоял перед главной юртой и докладывал куньбеку Янгую о последних новостях. Куньбек Янгуй, с непокрытой головой, в расстёгнутой шубе, нервно ходил по террасе, заложив руки за спину, затем порывисто подошёл вплотную к Наби-беку, замер и пристально посмотрел ему в глаза.

— Правитель, прости, — Наби-бек не выдержал взгляда и опустил голову, перебирая пальцами плётку, что держал в руках. Шрам на его лице побагровел.

— Как такое могло произойти? Как? — сурово и с трудом пытаюсь сохранять спокойствие, спросил куньбек Янгуй.

— Правитель, ты же знаешь характер своей дочери. Она опять отослала охрану. Не хочет она сопровождения. Ну не терпит она её даже на отдалении, — Наби-бек взглянул в лицо куньбеку Янгую, понимая его негодование, и попытался объяснить. — Дочь тысячника Бурчука Фируза, как всегда, была с ней. Он тоже ищет их. Все лазутчики отправлены по окрестностям. Надеюсь, скоро мы получим хорошие сведения.

— Найди её, Наби-бек, найди. Я очень прошу тебя, — дрогнувшим голосом, едва сдерживая чувства, тихо попросил куньбек Янгуй и отошёл, повернувшись к нему спиной и низко опустив голову.

— Правитель, я... — растерянно начал Наби-бек, но запнулся на полуслове, с сожалением махнул рукой и, быстрым шагом пройдя по террасе, сбежал по ступеням. Ловко запрыгнув в седло, он сочувственно взглянул на правителя и погнал скакуна к главным воротам.

* * *

— Эй, где предводитель? — спрыгнув с лошади, громогласно спросил здоровяк, обращаясь к мужчинам, сидящим возле костра.

— Там, — показал один из них на вход в пещеру.

Здоровяк зашагал к пещере.

— Чего опять с ним случилось? — мотнув головой, но не сводя глаз с огня, проговорил один из мужчин.

— О Небеса, как он надоед своими выходками... Покоя от него нет, — смотря в спину здоровяку, зло прошептал другой.

— Хоть бы медведь заломал его, что ли. Или волки бы где-нибудь загрызли, — сплюнув в сторону, процедил сквозь зубы третий.

— И откуда он только взялся на наши бедные головы? И так жизнь хоть вешайся, а тут ещё он, — поддержал остальных четвёртый мужчина.

— И эти с ним такие же, — кивнув в сторону, произнёс пятый.

Все повернули головы туда, куда он кивнул, и увидели в отдалении под нависающей скалой группу людей с лошадьми, но разглядеть ничего больше не смогли из-за снегопада.

— Чего они там застряли? — спросил первый.

— Иди узнай, — зевая, предложил второй.

— Сам сходи, — пробурчал первый.

— Что-то давненько их не было. Я уже было обрадовался, что сгинули они навсегда, но нет, вернулись, — недовольно мотнув головой пятый мужчина.

— Скорее мы сгинем, чем они, — усмехнулся четвёртый.

— Это точно, — согласился третий.

— Видать, не с пустыми руками появились, — вновь оглянувшись, выразил догадку первый.

— Ещё бы. Вон как помчался к предводителю, — взглянув на вход в пещеру, согласился с ним второй мужчина.

— Чего гадать-то, скоро узнаем, — резонно подметил пятый.

— Не еда это вовсе. Это точно. Иначе чего бежать к предводителю. И на отдалении от нас стоят. Не хотят, чтобы мы видели, — вновь выразил догадку первый.

— Даже если золото добыли, что толку от него, когда жрать нечего, — пробурчал четвёртый.

— Вон, появился этот, — взглянув на вход в пещеру и кивнув, произнёс первый.

Все замолчали и обратили взоры на вышедшего из пещеры здоровяка. Он взглянул на своих людей и махнул им рукой. Мужчины у костра молча наблюдали. Вскоре мимо них один из людей здоровяка провёл двух молодых женщин с мешками на головах и связанными спереди руками. Вместе со здоровяком все они вошли в пещеру.

— Вы видели это? — удивлённо спросил первый мужчина, продолжая смотреть на пещеру.

— Кого это они притащили? — прошептал второй.

— Новые беды на наши головы они приволокли. Вот кого, — сплюнув, как всегда, процедил сквозь зубы третий. — Что, не видишь, как одеты эти пленницы? Да за них с нас три шкуры сдерут! Теперь-то понятно тебе? — он со злобой во взгляде посмотрел на второго.

— Ну дела... — мотнув головой, протянул четвёртый.

— Вот теперь-то нам точно конец, — уверенно произнёс третий и вновь сплюнул в сторону.

* * *

— Сними с них мешки и развяжи им руки, — слышался сильный и спокойный голос.

Говоривший находился в небольшой затемнённой нише дальней от входа стены, куда из-за полузадёрнутого полога не доставал свет от огня, полыхавшего в середине округлой пещеры, возле которого стоял здоровяк. Пленницы и приведший их мужчина оставались у самого входа между раздвинутыми пологам. Здоровяк кивнул, и мужчина, стоявший за спинами девушек, исполнил веление предводителя. Пленницы, едва видные в дрожащем свете и больше походившие на две ожившие тени, сразу стали разминать затёкшие запястья и озираясь по сторонам.

— Кто вы такие и как смее с нами так поступать? — взглянув на нишу и переведя дерзкий взгляд на здоровяка, почти срываю-

щимся голосом вскрикнула та из девушек, что была выше ростом, облачённая в долгополую овечью шубку. — Вы знаете, кто мы такие? А?

— И кто вы? — спросил тот же спокойный голос из ниши.

— А ты выйди на свет, покажись нам, назови себя, тогда и мы назовёмся, — вновь вскрикнула та же девушка.

— Может, не стоит говорить им всю правду? Вдруг они пострадали от нас. Видишь, где прячутся? Они убьют нас за это, — прошептала на ухо высокой девушке вторая, что была ниже ростом и полнее. — Давай скажем, что мы дочери десятников или даже простых воинов. Они пожалеют нас и отпустят. А так мы разозлим их местью наших отцов и высоким происхождением и вызовем в них ещё большую злобу. Тогда они уж точно не выпустят нас отсюда живыми.

— Нет уж, пусть лучше сразу трепещут. Ты же видишь, что они разбойники и поэтому затаились в таком месте. Они сами боятся всех и всего. К тому же они поняли уже, что мы не из простых семей. Ты посмотри на наших скакунов, на нас, на наши одежды. Они же не слепые и тоже видят это. Так что нам нечего изворачиваться и пытаться вызвать жалость. Они хотят поторговаться. Выкуп за нас хотят получить, — склонив голову к ней, тихо ответила высокая девушка и тут же громко крикнула: — Так ты выходишь или так и будешь прятаться там?

— А ты, как я вижу, с характером, — из ниши спокойным шагом вышел высокий стройный мужчина с широченными плечами, с чёрной повязкой на голове и с полузакрытым тканью лицом. Его большие глаза сверкнули в отблесках огня.

— Так вот ты какой, пленитель наш! — стараясь быть как можно спокойнее, сдерживая голос, воскликнула высокая девушка и тут же уверенно зашагала к очагу, остановившись в нескольких шагах от него.

Теперь она оказалась на свету. Это была Дильбар. Фируза последовала за ней и замерла за спиной подруги, с опаской выглядывая, чтобы рассмотреть таинственного главаря разбойников.

— Прошу, присаживайтесь к огню, грейтесь, — показав рукой на расстеленные возле очага шкуры, предложил мужчина и опустился на одну из них.

Дильбар шагнула к очагу, вытянула над огнём руки, погрела их, затем подошла к мужчине и присела на шкуру, глядя на него. Фируза суетливо заспешила за ней и опустилась рядом.

— Что? — взглянув на не отрывающую от него глаз Дильбар, спокойно спросил предводитель.

— Ничего, — пожав плечами, как-то смущённо и тихо ответила Дильбар.

Фируза стреляла быстрыми глазками то на подругу, то на главаря разбойников, в недоумении поджав пухлые губки. Она явно не понимала, из-за чего вдруг произошли такие разительные перемены в поведении её подруги.

— Ты чего? — потянувшись к уху Дильбар, прошептала Фируза. — Что с тобой?

— Отстань. Сиди тихо, — дёрнула плечом Дильбар.

— Хотите есть? — наблюдая за девушками, как-то обыденно и просто предложил предводитель и взглянул на здоровяка — тот пожал плечами и развёл руками, давая понять, что ничего съестного нет.

— Да, хотим. Мы очень голодны, — ответила Дильбар, пристально смотря ему в лицо.

— Видите ли, а у нас так оказалось, что ничего нет и угостить вас нечем, — с лёгким сожалением в голосе произнёс предводитель. — Но вы не расстраивайтесь, я что-нибудь придумаю и накормлю вас. Потерпите немного, я скоро вернусь.

Он поднялся, направился к нише, взял там волчью шубу и покинул пещеру. Здоровяк вышел следом. Мужчина, что привёл девушек, остался у входа.

— Дильбар, я ничего не понимаю! Почему ты не потребовала отпустить нас и мне не дала даже слова сказать? Почему вдруг перестала возмущаться и даже, наоборот, стала кроткой и почти послушной? Что ты задумала? Я ведь знаю тебя и твой характер, но к чему такие перемены, понять не могу, — проводив взглядом здоровяка, Фируза под села ближе к Дильбар и начала горячо шептать. — Ты что, действительно хочешь отведать их ужасной еды? Никогда не поверю в это! Эй, ты слышишь меня?

Фируза заглянула подруге в лицо. Дильбар отрешённо смотрела на шкуру, на которой несколько мгновений назад сидел предводитель, затем загадочно улыбнулась.

— Дильбар, да что с тобой? Ты же совсем не слушаешь меня! — слегка дёрнула её за руку Фируза.

Дильбар очнулась и посмотрела удивлённо. Фируза стала пристально всматриваться ей в глаза, затем осторожно коснулась ладонью её лба и сразу же отдернула руку со словами:

— Да у тебя жар, Дильбар! Какой ужас! Что делать? Что же делать? — она вскочила на ноги и посмотрела на мужчину у входа. — А ты чего стоишь как вкопанный? Видишь, ей плохо? Быстро позови лекаря!

Мужчина кивнул, засуетился на месте, хотел было бежать наружу, но опомнился и развёл руками:

— А у нас нет лекаря.

— Как нет лекаря? Живо зови его! Кому сказала! — топнув ногой, закричала Фируза.

— Так это... как там его... он же ушёл, — показывая руками на вход пещеры, растерянно произнёс мужчина.

Тем временем Дильбар низко опустила голову, прикрыла глаза, слегка покачнувшись, приложила ладонь ко лбу, затем неуверенно повела рукой сбоку от себя, пытаясь упереться в шкуру, но не смогла и повалилась на бок, раскинув в стороны руки. Фируза обернулась, увидела это и тут же бросилась к ней с криком:

— Дильбар, Дильбар, что с тобой, дорогая! Не умирай, прошу тебя!

* * *

— Прошло столько времени, а моя дочь не найдена, Наби-бек, — развернувшись к Наби-беку от очага, едва сдерживаясь, произнёс куньбек Янгуй. — Как это возможно? Где все люди, посланные тобой на её поиски? Чем заняты все мои лучшие лазутчики и следопыты? Если они бессильны, то зачем они нужны мне?!

— Правитель, прости, все с ног валятся, но продолжают неустанно поиски Дильбар. Прошу тебя, не гневайся на них. Они делают всё, что могут. Я уверен в том, что очень скоро твоя дочь будет найдена, — приложив ладонь к груди и низко склонив голову, тихо ответил Наби-бек.

— Три дня, Наби-бек, даю ещё три дня всем лазутчикам и следопытам, после чего я заменю их и решу судьбу их военачальников. Это всё. А теперь оставь меня одного, — подойдя вплотную к Наби-беку и смотря прямо ему в лицо воспалёнными от бессонницы глазами, как никогда, решительно и сурово велел куньбек Янгуй.

— Повинуюсь, правитель, — Наби-бек ещё ниже склонил голову.

* * *

— Как ты себя чувствуешь? — услышала Дильбар чей-то голос, приоткрыла глаза и в полумраке увидела склонившегося над ней человека.

— Фируза, где ты? — прошептала Дильбар.

— Здесь она, не тревожься. Она не спала несколько дней и теперь отдыхает. Ты тоже поспи. Тебе нужно набираться сил. С тобой теперь всё будет хорошо, — вновь услышала Дильбар тот же голос. Человек отстранился и заботливо поправил на ней мягкие и тёплые шкуры.

— Я узнала тебя. Ты предводитель разбойников, — пересохшими от жара губами очень слабым голосом прошептала Дильбар.

— Да, это я, — спокойно признался человек. — Не беспокойся, спи, — он аккуратно сухой тряпочкой вытер ей пот со лба.

— Хорошо, — прошептала Дильбар, закрывая глаза. — Только не уходи. Прошу тебя.

— Спи, спи. Я буду рядом. Обещаю, — тихо и убедительно проговорил предводитель и осторожно опустил на шкуры возле Дильбар, тем самым давая ей понять, что не обманывает её. Его лицо, как и прежде, было полузакрыто. Они находились в нише за полностью задёрнутым пологом, где на небольшом возвышении были расстелены шкуры и куда едва проникал свет от полыхавшего очага, возле которого, укрывшись шубкой, крепко спала Фируза.

* * *

— Я, конечно же, очень благодарна тебе за излечение моей подруги и за заботу о нас, но как ты дальше поступишь с нами? — спросила Фируза, откусывая понемногу от кусочка мяса, и посмотрела на сидевшего у очага напротив неё предводителя разбойников.

— Фируза, ты ешь, отдыхай и ни о чём меня не спрашивай, — как всегда, спокойно произнёс предводитель.

— Почему ты никогда не открываешь лицо и не называешь своего имени? — Фируза продолжала задавать вопросы. — Твои люди тоже не знают, как тебя зовут, и не видели твоего лица?

Предводитель пристально посмотрел на Фирузу, затем поднялся на ноги, взял посуду с едой и спокойным шагом прошёл за полог в нишу.

— Что такого ужасного я спросила? — перестав жевать и проводив взглядом предводителя, недоумённо пожала плечами Фируза и по привычке надула губки.

— Дильбар, как ты себя чувствуешь? — спросил предводитель.

Они стояли недалеко от пещеры и смотрели на заснеженный лес, простиравшийся перед ними вокруг подножия горы.

— За столько дней ты впервые поднялась на ноги и покинула пещеру, — произнёс мужчина. — Подыши целебным и чистым воздухом. Это для тебя очень полезно.

— Да, мне хорошо. Здесь, оказывается, очень красиво. Только немного кружится голова, — прикрыв веки, тихо сказала Дильбар.

Предводитель, взглянул на неё, развернулся, быстрым шагом сходил к кострищу, принёс шкуру и расстелил её возле девушки.

— Присядь, так будет лучше, — предложил он Дильбар.

Она тут же опустилась на шкуру и посмотрела на предводителя.

— Присядь и ты, — попросила она.

Мужчина посмотрел по сторонам и опустился на край шкуры.

— Скажи, зачем ты заботаешься обо мне, помог преодолеть недуг, а теперь терпеливо ожидаешь моего полного выздоровления? Что потом? Не хочу думать, что всё это ты делаешь всего лишь из-за выкупа за нас. Прости, но ты всё время молчишь, и я ничего не могу понять, — тревожно всматриваясь в глаза предводителя, тихо, но очень проникновенно произнесла Дильбар. — Одно мне видно очень отчётливо. Ты не похож на разбойника и тем более на их главаря. Ты другой. Я, конечно, никогда не встречалась с подобными людьми, но мне кажется, что разбойники не стали бы так относиться к своим жертвам, поскольку они жестокие и грубые убийцы и цель у них одна — нажива. Ты же совершенно иной, добрый и внимательный, да к тому же обладаешь многими способностями, в том числе и лекарским делом. Я, признаться, всё время думаю: кто ты? откуда здесь появился? почему живёшь среди этих явно падших людей? что тебя с ними связывает? Но сколько бы я ни задавала себе этих вопросов, ответов, к сожалению, не нахожу... Одно понятно — ты не такой, как они... Из-за моего недомогания ты узнал наши с подругой имена, но твоего имени мы так и не услышали. Неужели для тебя так важно скрывать его ото всех? — Дильбар ненадолго замолчала и продолжала вопрошающе смотреть ему в глаза, затем, не дождавшись ответов, вновь заговорила: — Я вижу только твои глаза, твой умный, добрый и понимающий взгляд и

не вижу всего твоего лица. Почему так? Ты никогда его не открываешь. Прости меня, но если вдруг оно чем-то обезображено и ты вынужден скрывать его по этой причине, то это для меня уже не помеха. Не стесняйся этого передо мной. Я уже поняла, какой ты человек, и ничто не сможет повлиять на моё мнение о тебе. Поверь, — Дильбар долго смотрела ему в глаза, но, вновь не получив ответа, вздохнула и перевела взгляд вдаль, туда, где серое небо сливалось с заснеженной землёй и не было возможности увидеть горизонт, всегда означающий границу между ними.

— Дильбар, через день я сопровожу тебя с Фирузой туда, куда скажешь, и отпущу вас. Ты поправилась, и это меня радует. К тому же вас наверняка ищут всё это время и очень волнуются, — как всегда, спокойно проговорил предводитель.

— Ты не хочешь узнать, кто я? — взглянув ему в глаза, каким-то поникшим голосом спросила Дильбар.

Предводитель молча отвёл взор. Дильбар часто заморгала, нервно перебирая пальцами шнурок на шубке, хотела что-то сказать, но передумала и обиженно отвернулась.

— Пойдём внутрь, к огню. Становится холодно, — предводитель поднялся на ноги и в ожидании спокойно посмотрел на неё. Дильбар тоже поднялась.

* * *

— Кто это там? — приставив ладонь козырьком ко лбу и приподнявшись в седле, громко произнёс сотник лазутчиков Терим. — Все за мной!

Он ударил пятками скакуна и пустил его вскачь, махнув рукой вперёд. Воины устремились за ним. Сотня вереницей петляла между деревьями, прокладывая путь по свежим сугробам и продвигаясь вверх по заснеженному лесу, над которым вдали виднелись светлые горные вершины. Вскоре они уже приблизились к двум всадникам на расстояние одного полёта стрелы и остановились по сигналу сотника, поднявшего руку. Сам же сотник, выхватив меч, направился к всадникам, то наклоняясь под тяжёлыми ветвями, то отводя их от лица и сбрасывая с них обильный и пушистый снег. Он ещё не успел как следует рассмотреть всадников, как вдруг услышал возглас:

— Сотник Терим, это мы, Дильбар и Фируза!

* * *

Куньбек Янгуй долго стоял, прижав к себе Дильбар. У него не было слов, и он молча гладил её по голове, иногда отстраняясь и всматриваясь в глаза, затем вновь прижимал дочь к себе. Наби-бек, стоя у входа в юрту, некоторое время смотрел с волнением на эту встречу, потом коснулся пальцами шрама на лице, глубоко вздохнул, приложил руку к груди, склонил голову и тихо вышел, оставляя отца и дочь наедине. Наконец куньбек Янгуй выпустил Дильбар из объятий, взял за руку и повёл к своему широкому трону, усадил на него и сам присел рядом.

— Хвала Небесам, дочь моя со мной, — с большим волнением в голосе сказал он, разглядывая Дильбар с ног до головы. — Какие тяжёлые дни пережила ты, дочь моя... Прости меня за это, я недоглядел, и ты оказалась в беде. Столько долгих, холодных и голодных дней ты провела в диком лесу среди свирепых хищников. Как же ты исхудала!

— Всё хорошо, отец, успокойся, не волнуйся так. Ты ни в чём не виноват. Я уже здесь, жива и здорова. Я сама виновата во всём, что со мной случилось, — держа его руки в своих ладонях, пыталась успокоить отца Дильбар.

— Как же так всё это произошло, дочь моя? — не сводя глаз с неё, спросил куньбек Янгуй. — Как же тебе удалось выжить в таких ужасных условиях, в которых ты оказалась?

— Отец, прости меня, можно я приведу себя в порядок и потом обо всём расскажу? — улыбаясь, попросила Дильбар.

— Да, дочь моя, конечно. Как же я не подумал об этом! Ты устала и голодна. Конечно же, отдохни, поешь, переоденься. Прости, я от радости не знаю, что и говорю, — куньбек Янгуй и Дильбар поднялись. Он вновь прижал её к себе, понюхал её макушку и ласково отпустил. — Иди, дочь моя, всё потом. Позже расскажешь.

* * *

— Ну почему, Дильбар? Зачем тебе скрывать всё? — возмущалась Фируза. — Пусть войска найдут этих разбойников и накажут их за всё. Они же могли убить нас с тобой! Ты что, так ничего и не поняла?

— Фируза, я позвала тебя к себе не для того, чтобы ты учила, как мне теперь поступить. Так что прекрати. Я тебе уже говори-

ла, что если бы они захотели лишить нас жизни, то сделали бы это без особых усилий. Это ты не понимаешь ничего. Их предводитель спас меня от смерти и отпустил нас с тобой, сам пожелав этого. При этом он даже слова не сказал о выкупе. К тому же, если ты поняла, нас захватили не по его велению. Он даже не знал об этом. За что его наказывать, скажи мне? За то, что он кормил нас, лечил меня, заботился о нас? За это? Со своими людьми он сам разберётся. Кстати, никто из них даже пальцем не коснулся нас. И за это его наказывать, да? — Дильбар с негодованием смотрела в глаза подруги, затем отвернулась и отошла к очагу.

— Ну ладно, Дильбар, не обижайся. Я не со зла всё это сказала. Не так просто успокоиться и постараться забыть обо всём, что мы пережили. Пойми меня. Я не осуждаю тебя за то, что ты предлагаешь сказать неправду нашим родителям. Хотя это нехорошо, но я готова выслушать тебя. Говори, как мы с тобой будем всё объяснять нашим отцам. Я согласна, — подойдя к подруге со спины и коснувшись руками её плеч, как можно спокойнее произнесла Фируза. Дильбар повернулась и обняла её.

* * *

— Наби-бек, нужно щедро наградить сотника Терима. Он заслужил, — куньбек Янгуй восседал на тронной скамье. Наби-бек сидел на своём месте.

— Всё уже исполнено, правитель, — приложив ладонь к груди, Наби-бек слегка склонил голову.

— Знаешь, над чем я думаю всё это время? — куньбек Янгуй улыбнулся. — Ты не поверишь, но я впервые рад тому, что моя дочь имеет такой своеобразный, можно сказать, почти мужской характер. Она, словно воин, умеет выжить в самой сложной ситуации. Несмотря на мои запреты, с самого детства она стремилась вести походный образ жизни, лишённый удобств, полный невзгод и трудностей. Я часто и наказывал её за это, и просил, уговаривал жить как все девушки, перестать вести себя подобно юношам и мужчинам, но она от этого проявляла ещё большее упорство и несговорчивость и всякий раз, при каждом удобном случае находилась с войсками, изучая и перенимая опыт жизни простых воинов. И вот пришло то время, когда все эти навыкигодились ей, чтобы выжить в очень сложной ситуации, в которой она оказалась. Не

обладай она всеми этими способностями, я не увидел бы её больше никогда. Вот, оказывается, как бывает в жизни. Вернувшись домой живой и почти здоровой после стольких дней в дикой и суровой местности, она доказала мне, что не зря все эти годы приучала себя надеяться только на себя, обходиться малым и не поддаваться панике. Она сумела взять на себя ответственность и за себя, и за свою подругу и сделать то, что помогло им выжить.

— Да, правитель, Небесам было угодно наделить твою дочь таким сильным характером, — задумчиво произнёс Наби-бек.

— Хвала Небесам, — постепенно отходя от нахлынувших чувств, согласился куньбек Янгуй. — Дильбар сумела отыскать схрон, добыть огонь и даже найти пропитание. Это всё и спасло их с Фирузой от неминуемой гибели, — куньбек Янгуй замолчал и стал смотреть на огонь.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

— Повелитель, в связи с данным тобой указанием довожу до твоего сведения, что я завершил расследование. Итак, мой человек в окружении главного визиря канглов Джарбаша вновь подтверждает, что старший тысячник канглов Ельбуз был направлен в земли аланов по приказу главного визиря Джарбаша, исполнявшего веление самого Фатих-шаха. Также подтвердилась информация об угоне лошадей канглов аланами. Подводя итог, могу сказать, что мои подозрения относительно иных целей правителя канглов, кроме оказания нам содействия, не нашли подтверждения, и я прошу простить меня за них, а также за то, что расследование слишком затянулось, — великий визирь Майсур приложил ладонь к груди и низко поклонился Хан-суна-шаху.

— Что ж, я прощаю тебя, великий визирь Майсур. Ты проделал большую работу, и я доволен её результатом. Ясность во всём превыше всего. Любое подозрение вызывает сомнение, что, в свою очередь, влечёт за собой настороженность и неприязнь, которые рано или поздно, но непременно ведут к противостоянию, а это уже большая беда.

Хан-суна-шах многозначительно посмотрел на великого визиря Майсура. Тот, соглашаясь с правотой его слов, вновь, поклонился.

— Что ещё, великий визирь? — опускаясь на трон и жестом приглашая присаживаться, спросил Хан-суна-шах.

Великий визирь присел на своё место по правую руку от повелителя.

— Повелитель, мне стало известно о том, что правитель канглов Фатих-шах направил послов к правителю хуннов шаньюю Модэ. Об их цели мне неизвестно, — скрипучим старческим голосом сообщил великий визирь.

— Да-а, вот это новость так новость, великий визирь. Насколько я помню, шаньюй хуннов никогда и ни с кем никаких переговоров не ведёт. Он либо идёт войной на кого-то, либо проводит время в замкнутом уединении. Так почему Фатих-шах, кому всё это известно не меньше, чем мне, направляет к нему послов? Что стоит за таким странным решением? Почему он поступает так? Никто из наших соседей, да и он до этого времени тоже, никогда не направлял послов в ставку хуннов. Чего в таком случае пытается добиться Фатих-шах? Не думаю, что этот визит связан с вопросами торговли. Здесь что-то другое кроется... — очень серьёзно произнёс Хан-суна-шах и, задумавшись, замолчал.

— Повелитель, прости, что прерываю твои думы, но и это ещё не всё, — как можно деликатнее продолжил великий визирь.

— Слушаю тебя, великий визирь, — кивнул Хан-суна-шах, давно привыкший к такому неторопливому и взвешенному изложению известий визирем.

— Повелитель, мне также стало известно, что правитель усуней куньбек Янгуй направил послов к императору ханьцев Вэнь-ди. Об их цели мне тоже неизвестно, — вновь склонив голову, сообщил великий визирь.

— Как, и он тоже? — вскинул бровь Хан-суна-шах.

— Да, повелитель, всё случилось почти одновременно, — уверенно ответил великий визирь.

— Два правителя двух соседствующих народов посылают своих послов к двум также соседствующим правителям, постоянно находящимся между собой в состоянии войны. Что это означает, великий визирь? — глядя прямо в глаза великому визирю, не скрывая удивления, спросил Хан-суна-шах.

— Повелитель, как тебе известно, усунь и канглы имеют почти равные силы, и, случись между ними военное противостояние,

вероятность победы кого-то из них в такой войне очень мала, а возможные потери могут быть очень велики. Следовательно, этот исход ни для кого из них не приемлем. При таком равенстве сил и возможностей для победы есть только один выход, повелитель, — рассудительно продолжил великий визирь.

— Я понимаю, о чём ты хочешь сказать, великий визирь. Они оба, и Фатих-шах, и куньбек Янгуй, ищут союзников в предстоящей войне между собой. Вот что ты имеешь в виду, — откинувшись на спинку трона, осенённый догадкой, уверенно произнёс Хан-суна-шах.

— Повелитель, полагаю, ты прав, они намереваются создать союзы. Куньбек Янгуй с императором Вэнь-ди, а Фатих-шах с шаньюем Модэ. Что из этого всего получится, известно только Вечным Небесам, — слегка кивая, в своей манере протянул великий визирь.

— Теперь становятся понятными действия Фатих-шаха по отношению ко мне, когда он прислал послов и предложил оказание военного содействия при походе на аланов. Его вовсе не интересовали аланы, но он нашёл предлог для вторжения на их территорию вместе с нами. При этом он желал лишь одного: в ближайшее время заручиться моей поддержкой в предстоящей войне с усунями. Так он сделал первую попытку к созданию военного союза со мной. Следовательно, он продолжит действовать в этом направлении, и от него придут ещё послы, — резонно рассудил Хан-суна-шах.

— Да, повелитель, ты, как всегда, прав. Теперь я понимаю, что моё расследование было проведено поверхностно и совершенно не в том направлении. Прости, повелитель, видимо, я старею, — удручённо вздохнул великий визирь.

— Прощаю, великий визирь, однако все сведения, приведшие нас с тобой к истинному пониманию ситуации, добыты тобой и твоими людьми, и поэтому тебе не следует так говорить о своем возрасте, — слегка подавшись вперед, поддержал его Хан-суна-шах.

— Благодарю, повелитель, ты оказываешь мне великую милость, — приложив ладонь к груди, склонил голову великий визирь Майсур.

— Теперь, великий визирь, нам следует подумать над тем, как вести себя в столь непростом для нас положении, — перебирая пальцами бороду, задумчиво проговорил Хан-суна-шах. — Мы уже знаем о намерениях Фатих-шаха, и он давно знаком нам как сосед,

но нам совершенно неизвестен куньбек Янгуй. И это затрудняет выбор. Одно понятно, Фатих-шах не оставит меня в покое, пока я не дам ответа.

— Повелитель, а что мешает тебе узнать куньбека Янгуя поближе? Может быть, стоит установить с ним связь посредством послов? Как я понимаю, никому хуже от этого не будет, а вот польза явная для обеих сторон. У Фатих-шаха наверняка есть причины для войны с усунями, но у нас таковых пока нет. Пытаясь создать военный союз с тобой против усуней, повелитель, он даёт понять, что в случае его поражения усунь беспрепятственно войдут в твои земли. Видимо, по этой причине он уверен в твоём положительном решении относительно союза с ним, — поделился мыслями великий визирь.

— Верно рассуждаешь, великий визирь. На это и поставлен весь его расчёт. По-своему он прав. Мы с ним давние соседи и не враждуем. Его ошибка состоит лишь в том, что он пока не объяснил мне причин, побудивших его на войну с усунями. Думаю, в ближайшее время он исправит её и даст мне знать обо всём, но послужат ли его причины и для меня весомым поводом к военным действиям против усуней, вот в чём вопрос, — резонно подметил Хан-суна-шах. — Ты прав, великий визирь, необходимость в направлении послов к куньбеку Янгую назрела. Готовь их к дороге. Ты знаешь, о чём они должны вести переговоры. Только лишь о добрососедских отношениях и о начале взаимовыгодной торговли.

— Повинуюсь, повелитель, и всё в точности исполню, — великий визирь поднялся с места, приложил ладонь к груди и низко поклонился Хан-суна-шаху.

* * *

— Предводитель, они уже очень близко и идут прямо сюда! Их много. Что делать? — сообщал здоровяк, стоя перед предводителем.

— Кто они? — спросил предводитель. Он, как всегда, был в полумаске.

— Я не знаю, кто они, но это войска, — здоровяк был сильно взволнован. — Нужно срочно уходить, иначе они нас перебьют здесь.

— Собирай людей. Уходим вверх, в горы. Жаль, но лошадей придётся оставить, — отдал приказ предводитель и быстрым шагом

ушёл за полог в нишу. Здоровяк кивнул и побежал к выходу из пещеры.

Сотня конных усуней, подойдя вереницей среди деревьев к подножию горы с пещерой, остановилась. Воины спешили и разошлись по сторонам, охватывая гору полумесяцем. На фоне белого снега с высоты пещеры воины были отчётливо видны. Предводитель стоял на краю скального выступа и наблюдал за ними, затем повернулся к здоровяку и кивнул. Тот махнул рукой ожидавшим его команды людям, и те тут же начали взбираться по камням вверх по склону горы, где уже заранее были привязаны крепкие верёвки. За ними последовали здоровяк и предводитель. Погрузив только самое необходимое в мешки и закинув их за спины, десять человек друг за другом медленно, но уверенно уходили из западни, поднимаясь всё выше и выше по крутому скалистому склону.

* * *

— Властитель, им удалось уйти. Это были разбойники. Они оставили лошадей и всё ненужное им и поднялись высоко в горы, — докладывал сотник лазутчиков Терим в юрте Наби-бека.

— Сколько их было? — спросил Наби-бек.

— Немного, властитель, с десятков, не больше, — отвечал Терим. — Из луков достать их было невозможно. Видимо, их дозор обнаружил нас на подступах к горе. Они уходили по подготовленной тропе, по верёвкам, которые забирали с собой по мере подъёма. Преследовать их мы не смогли.

— Что удалось обнаружить в их логове?

— Ничего особенного, властитель, только вот это заинтересовало меня.

Терим вытащил что-то из-за пазухи, шагнул к Наби-беку, поклонился и протянул ему клочок ткани. Тот взял лоскут в руки, глянул на него, затем удивлённо посмотрел на Терима:

— Что это?

— Властитель, это платочек из очень дорогой ткани, и он, по-моему, должен принадлежать знатной женщине, — отступив, ответил Терим.

Наби-бек более внимательно рассмотрел находку.

— Пожалуй, ты прав, сотник Терим, — задумчиво произнёс Наби-бек. — Выходит, я не зря послал тебя в те места. Ступай. Об этой находке никому не говори. Я сам разберусь.

— Слушаюсь, властитель, — сотник Терим с почтительным поклоном отступил, развернулся и направился к выходу.

«Неужели Дильбар была там, в этом логове разбойников? А может быть, я ошибаюсь? Они ведь грабители и могли пленить кого угодно, в том числе и знатных женщин. Следует срочно узнать, были ли такие случаи. Такая вещь не может случайно попасть им в руки. Принадлежит ли этот платочек Дильбар, нужно ещё установить, и это тоже нужно сделать как можно быстрее. Если всё-таки Дильбар была там, то почему она не призналась в этом своему отцу? Что помешало ей сделать это? Она скрыла случившееся ото всех по какой-то очень значимой причине. С её характером запугать её никто бы не смог. Но если всё-таки это была она, то почему у неё не отняли ни великолепного редкостного скакуна, ни вообще ничего не отняли у них у обеих, ни у неё, ни у Фирузы? Кроме того, получается, что их просто отпустили. На сбежавших из плена они не были похожи. В таком случае, получается, что это были не разбойники и что она согласилась на какие-то их требования, и по этой причине благополучно избавилась от плена, а может быть, даже и от смерти. Если они не простые грабители, то кто? Какую цель преследовали, захватив Дильбар? Возможно, они чьи-то лазутчики и выжидали удобного случая. Но тогда чьи? Канглов или хуннов? Допустим, что кого-то из них, тогда на что она согласилась? Обычно злодеи либо довольствуются тем, чем сумели завладеть, либо требуют выкупа. Ни того ни другого не случилось. И эти факты тоже свидетельствуют о том, что Дильбар приняла какие-то их условия или требования. Других причин её освобождения нет. Что потребовали от неё? И что сдерживает её от огласки этих требований перед всемогущим отцом? Почему она не говорит о них? Она здесь, и уже ничто и никто ей не угрожает. Такое поведение может быть только в одном случае: если кто-то, кто служит этим лазутчикам, следит за ней здесь, находясь постоянно рядом и держа её в страхе. В таком случае нужно срочно установить всех приближённых к ней людей и выявить среди них этого человека. А начать нужно с Фирузы, дочери командующего дозорными войсками тысячника Бурчука. Но если поручить ему опрос, то он, как любящий своё дитя отец, не сможет должным образом справиться с таким поручением, а это означает, что следует поступить иначе. И если Фируза опознает платочек как принадлежащий Дильбар, то необходимости в уста-

новлении пропажи знатных женщин уже не будет», — проанализировал ситуацию Наби-бек, убрал платочек в небольшой сундучок и хлопнул в ладони. В дверях тут же появился стражник.

— Сотника Терима ко мне, — повелел Наби-бек.

* * *

— Я сказала вам всю правду! Что вы ещё хотите от меня услышать? — вертя головой с завязанными глазами, дрожащим голосом торопливо говорила Фируза. — За что вы так со мной обходитесь? Что такого я сделала?

Она стояла на коленях в юрте со связанными спереди руками. Перед ней в полумаске стоял сотник Терим, а за её спиной, также скрывая лицо, был воин.

— Ты не сказала правды. Я жду, но моё терпение имеет предел, — тихо, но сурово произнёс Терим. — Говори или же больше никогда не увидишь своей семьи.

— Что? Что говорить? Я ничего не знаю! — взмолилась Фируза и заплакала. — Отпустите меня, прошу вас!

— Так ты ничего не хочешь сказать? Я правильно понял тебя? — цедя слова, очень пугающим тоном, так, как говорят напоследок, спросил Терим.

— Я... я... всё скажу, только отпустите меня потом... прошу вас! — уловив тон его голоса, взмолилась Фируза.

Терим взглянул на воина и кивнул. Тот взял девушку под локти и рывком поднял на ноги.

— Её имени не называй, — оглянувшись по сторонам, приказал Терим.

— Хорошо... Я просила её рассказать обо всём отцу, но она не хотела меня слушать. Он вылечил её, и она за это решила ничего не говорить о том, что с нами случилось. И меня она заставила обмануть отца. Эти разбойники захватили нас возле чёрного камня, связали, закрыли нам глаза и привезли в пещеру. Там мы и были всё это время. Потом нас отпустили. Это всё... — Фируза, плача, рассказывала о случившемся. — Отпустите теперь меня, прошу вас.

— Кто они? Кто её излечил? Сколько их? Как они называли друг друга? Кто у них главный и как они обращались к нему? — задавал вопросы Терим.

— Я не знаю, кто они. Разбойники, наверное. Сколько их, я тоже не знаю. Их было четверо, когда они напали на нас, а потом они доставили нас к главарю. Других людей я не видела, но они были. Их главарь вылечил её, когда она заболела. Он у них и главарь, и лекарь. Они его называли предводитель. Это всё, — Фируза отвечала на вопросы на одном дыхании, и когда закончила, то закашлялась.

— Чего они хотели от вас? Для чего они захватили вас? — спросил Терим.

— Я не знаю. Ничего при мне не требовали. Вернее, с нами разговаривал только их главарь. Да и он больше молчал и даже ни о чём не спрашивал. Может, он с ней разговаривал, но я ничего не слышала. Она ведь за пологом в нише лежала, а я была возле очага. После того как она поправилась, он сопровождал нас до места, где нас и нашли. Это всё, — постепенно успокаиваясь, завершила рассказ Фируза.

— Тогда почему она не сказала всей этой правды отцу и тебе запретила говорить? — спросил Терим.

— Она сказала, что их предводитель ничего плохого нам не сделал, что он вылечил её, хотя мог этого не делать, кормил, лично охотясь, что он не знал о том, что его люди сами решили захватить нас, что он ничего не требовал, и сам, по своей воле, отпустил нас. Вот поэтому-то она и решила не выдавать его. Она сказала, что со своими людьми, теми, кто осмелился нас захватить, он разберётся сам. Вот так она убедила меня тоже не говорить всей правды. Она сказала, что будет несправедливо, если его убьют наши воины. Больше сказать мне нечего. Теперь вы знаете всё. Отпустите меня, прошу вас, — утомлённо осевшим голосом попросила Фируза.

— Здесь, у нас, ты видела кого-нибудь из разбойников? — спросил Терим.

— Нет, никого из тех, кого видела там, здесь я не заметила, — уверенно замотала головой Фируза.

— Посмотри на это, но головы не поднимай.

Терим подошёл к девушке вплотную, вытащил из-за пазухи платочек, развернул его и опустил до уровня пояса, а другой рукой слегка приподнял повязку на её глазах.

— Он знаком тебе?

Фируза послушно опустила голову и посмотрела на платочек.

— Да, знаком. Это её платочек, — без сомнений ответила она.

Терим поправил повязку на её глазах, вновь закрыв их, убрал платочек и отступил от неё.

— Хорошо. Я верю тебе. Но ты должна понимать, что никто, в том числе и твой отец, не должен знать об этом нашем разговоре. Это не в твоих интересах, иначе, поверь мне, пострадает и твой отец. Ты меня поняла? — спокойно спросил Терим.

— Да, поняла. Конечно. Я всё поняла, — торопливо проговорила Фируза.

— Если вдруг тебя ищут, скажи, что заблудилась в ближнем лесу. Тебя отвезут туда и оставят там, но ты не бойся, за тобой будут присматривать. Тебе всё понятно? — напоследок спросил Терим.

— Да, я всё поняла, — закивала Фируза.

Терим кивнул воину, и тот, взяв Фирузу под руку, повёл её к выходу из юрты.

* * *

— Властитель, это всё, что она сказала, — завершив доклад, сотник Темир замолчал в ожидании.

Наби-бек слушал, сидя на своей скамье на главном месте в юрте.

— С ней всё в порядке?

Наби-бек посмотрел Териму в глаза.

— Да, властитель, прибегать к пыткам не пришлось. Она уже у себя, — склонив голову, ответил сотник Терим.

— Хорошо, сотник Терим. Иди, — завершил беседу Наби-бек.

Терим приложил ладонь к груди, поклонился и покинул юрту.

«Значит, Дильбар промолчала об истинных событиях тех дней и не сказала всей правды из благодарности к предводителю грабителей. Если это так, то все мои подозрения напрасны. Это хорошо. Но всё же следует предпринять меры и на некоторое время поставить слежку за ней. Её подруга, как выяснилось, не всё могла слышать и видеть. Всякое может быть. Не нужно спешить с выводами. Главное, чтобы правитель не узнал об этом, иначе мои подозрения относительно его дочери могут навести на меня его гнев и, что самое худшее, помешать установлению истины», — решил Наби-бек.

— Правитель, прибыли послы от повелителя огузов Хан-суна-шаха во главе с его визирем Каримом. Они ожидают твоего приёма, — сообщил Наби-бек.

Куньбек Янгуй восседал на своей тронной скамье.

— Проси, Наби-бек, — разрешил куньбек Янгуй.

Наби-бек почтительно поклонился, отошел к двери и громко приказал:

— Пусть входят.

Вскоре в дверном проёме появился очень высокого роста с курчавой длинной бородой мужчина средних лет. За ним проследовали в главную юрту ещё двое мужчин старше его возрастом с убелёнными сединами бородами, и уже вслед за ними вошли два их воина, несшие большой и тяжёлый сундук, искусно инкрустированный золотыми и серебряными орнаментами. Все они замерли у входа и низко поклонились куньбеку Янгую, приветствуя его. Он слегка склонил голову и уважительным жестом пригласил их подойти. Послы приблизились и встали перед ним, вновь приложив ладони к груди и склонив головы.

— Правитель усуней куньбек Янгуй, я, визирь огузов Карим, приветствую тебя от лица нашего повелителя Хан-суна-шаха и благодарю тебя за возможность предстать перед тобой, — произнёс визирь Карим и вновь вместе со своими спутниками поклонился куньбеку Янгую.

— Я тоже приветствую вас, досточтимые посланники Хан-суна-шаха, — приложив ладонь к груди, слегка склонил голову куньбек Янгуй.

— Правитель, прежде чем мы перейдём к переговорам, позволь передать тебе дары от нашего повелителя, — испросил разрешения визирь Карим.

Куньбек Янгуй прикрыл веки и одобрительно кивнул. Визирь Карим повернул голову и посмотрел на воинов. Они тут же поднесли тяжёлый сундук, поставили его перед куньбеком Янгуем, открыли крышку, поклонились, отступили и покинули юрту. В дверях появился сотник стражников и замер в ожидании велений. Куньбек Янгуй слегка подался вперёд и посмотрел на содержимое сундука: он был доверху наполнен всевозможными кубками, чашами и сосудами из золота и серебра. Куньбек Янгуй выпрямился и слегка

склонил голову. К сундуку из-за спины куньбека шагнули два воина, закрыли его и унесли.

— Прошу, присаживайтесь, — куньбек Янгуй вежливо жестом пригласил послов сесть на мягкие сиденья, расположенные вокруг большого низкого круглого стола.

Наби-бек сел по правую руку от правителя. Послы заняли места, приготовленные для них. Наби-бек взглянул на куньбека Янгую, прикрывшего в ответ глаза. Наби-бек повернул голову и кивнул сотнику, ожидавшему у двери. Сотник поклонился и вышел. Вскоре в юрту вошли воины с посудой для омовения рук. Затем внесли еду на больших подносах, на дорогих блюдах, в дорогой посуде и стали расставлять её на столе. Были поданы: и целая баранья туша, приготовленная на вертеле, и копчёная рыба, и всевозможная дичь, запечённая на углях, и мясо ягнёнка, и разные сорта масла, сыра и творога, и пшеничные и ржаные лепёшки, и свежее молоко с простоквашей.

— Прошу вас, угощайтесь, — пригласил к трапезе куньбек Янгуй.

* * *

— Правитель, послы огузов отбыли в свои земли. Как ты и велел, их одарили дорогими шубами из собольего меха и отборными скакунами, а Хан-суна-шаху были переданы дары, отобранные лично тобой. Мы пришли к соглашению о добрососедских отношениях с ними и утвердили перечень товаров для взаимовыгодной торговли, — доложил куньбеку Янгую Наби-бек.

Они стояли на заснеженном берегу и смотрели на водную гладь.

— Наби-бек, смотри, вода так и не замёрзла, — задумчиво произнёс куньбек Янгуй. — Стоят такие холода, а льда нет. Это действительно тёплое море. Здесь удивительная, богатая природа. Есть и красного цвета долина, и незамерзающее море с обилием рыбы, в которое впадает больше сотни рек, и величавые горы, и густые безграничные ельники, полные зверья и птицы. Здесь есть всё, чтобы благодатно жить. И только покоя не хватает для этого. — Куньбек Янгуй замолчал, заложил руки за спину, затем повернулся к Наби-беку. — Ты думаешь, Хан-суна-шах только для этого прислал своих послов? Нет, Наби-бек, не для этого, хотя это всё тоже имеет

значение. Он пытается узнать, кто мы такие, на что мы способны, какими силами и возможностями обладаем и стоит ли иметь с нами серьёзные и долгосрочные отношения. Вот почему он так поступил. Кроме этого, я полагаю, он пока выбирает между нами и канглами в предстоящей войне. Он пребывает в сомнении относительно создания военного союза с канглами против нас.

Куньбек Янгуй вновь повернулся к воде и замолчал, оглядывая просторы.

— Правитель, мне удалось поговорить наедине с визирем Каримом, — произнёс Наби-бек.

Куньбек Янгуй удивлённо посмотрел ему в глаза.

— Правитель, он оказался весьма интересным собеседником и довольно откровенным человеком. Неожиданно для меня он признался в истинной цели их прибытия к нам. Почти слово в слово он сказал о том, о чём только что поведал ты, правитель. Этим он действительно изумил меня, поскольку я лишь размышлял о том, как бы вызвать его на откровение, — рассказал Наби-бек. — Мне не удалось узнать о причинах, побудивших его на это, но мы договорились с ним тайно обмениваться посланниками. Прости, правитель, за моё своеволие, но в той ситуации я вынужден был так поступить. Я понимаю, что это довольно странно с его стороны, но для выяснения истины, мне кажется, следует поддерживать отношения с ним.

— Это интересно, Наби-бек. Может быть, это часть задуманного Хан-суна-шахом плана? Возможно, он поручил визирю найти в моём близком окружении человека, с кем можно наладить такую тайную связь и иметь в его лице бесценного осведомителя о моих намерениях и делах. Иначе зачем ему с такой готовностью принимать твоё предложение о разговоре наедине и так откровенно беседовать? Полагаю, я прав. Но это выгодно и для нас. Мы воспользуемся этой возможностью и используем её в наших целях, Наби-бек. Тебе нужно подобрать очень надёжных людей для связи с визирем Каримом. Они должны обладать особыми качествами, дабы не только уметь слушать, но и уметь слышать, не только уметь говорить, но и уметь сказать, не только уметь видеть, но также уметь подмечать всё, что может быть полезным для нас.

— Я всё понял, правитель, и всё исполню, — Наби-бек приложил ладонь к груди и поклонился.

— Властитель, прошло много дней, но мои люди ничего подозрительного за тем человеком не заметили. Никого, кто бы вызвал наше подозрение, возле него установлено не было. Его поведение обыденное и не вызывает каких-либо сомнений и вопросов, — доложил сотник Терим.

— Хорошо, сотник Терим, можешь снять слежку с этого человека и заниматься своими делами. Иди, — распорядился Наби-бек, выслушав. Сотник Терим удалился.

«Значит, Дильбар всё-таки из благородных побуждений скрыла всю правду о её похищении разбойниками и других причин нет. Принесло ли мне это облегчение? Нет, не до конца. Вопросов теперь ещё больше. И главный из них — о главаре этих разбойников. Странный человек этот предводитель. Даже если без его ведома его люди захватили столь знатных особ, то он, имея возможность нажиться на них, потребовав большой выкуп, тем не менее, не стал этого делать, более того, заботился о них и в итоге отпустил. Разве так ведут себя люди, чьим единственным промыслом является грабёж? Всё его поведение весьма странное. Если поступок Дильбар хоть как-то объясним, то его поступки совершенно непонятны и нехарактерны для таких людей, как он. Так почему же он отпустил их? Почему даже не попытался обогатиться, имея такую возможность? Неужели испугался за свою жизнь, поняв, что за такое похищение будет только одно наказание — смерть? Нет, не думаю, что им овладел страх, так как в этом случае он мог просто убить их и тем самым избавиться от большой проблемы. Есть какая-то другая причина... Где, в чём она кроется? Из всего, что приходит в голову, остаётся только одно — у него появились чувства к Дильбар. И кажется, я на верном пути. А что, если и у неё появились такие же чувства к нему? Вполне возможно, что они взаимны, ведь, как я понял, они имели возможность оставаться наедине, и о чём они говорили, Фирузе неизвестно. В таком случае становится понятным поведение и её, и его. Вот они, истинные причины. Я нашёл их, уверен в этом. Но теперь встаёт главный вопрос. Что будет дальше? Похоже, я поторопился, сняв слежку за Дильбар. Она и предводитель могли договориться о поддержании тайной связи. А для этого они могли либо назначить место для личных встреч, скрытое от посторонних глаз, либо иметь человека, посредством

которого могли бы без боязни быть обнаруженными общаться друг с другом», — Наби-бек решительно хлопнул в ладони и приказал вошедшему стражнику снова срочно вызвать сотника Терима.

* * *

— Повелитель, визирь Карим при разговоре со мной ни словом не обмолвился о встрече наедине с дуглу Наби-беком, о которой мне стало известно. Я не стал спрашивать его, чтобы тем самым не выказать мою осведомлённость, прежде чем поставлю тебя в известность, повелитель. Прости, повелитель, я подумал, что это могло быть твоим личным поручением, — великий визирь Майсур склонил голову и замолчал.

Одетые в тёплые шубы из дорогого меха, Хан-суна-шах и великий визирь Майсур стояли перед главной юртой.

— Великий визирь, я должен давать тебе объяснения? — вскинув бровь, с лёгкой укоризной в голосе спросил Хан-суна-шах.

— Нет, что ты, повелитель, я имел в виду совсем другое. Прости меня, повелитель, — склонившись, тихо произнёс великий визирь Майсур. — Я не смею проявлять излишний интерес, когда это касается тебя и твоих велений, повелитель, как, впрочем, любой из нас, твоих подданных.

— В таком случае, великий визирь, слушай моё веление, — Хан-суна-шах повернулся к нему: — Если придут послы от Фатих-шаха, то их примешь ты, сославшись на моё недомогание. О чём бы они ни просили, никаких обещаний не давай и не заручайся их предложениями в отношении чего бы то ни было. В ответ на все увещевания лишь благодари и не больше того. Ты знаешь, о чём я говорю. Встреть подобающе их положению и щедро одари. Для самого Фатих-шаха подбери дары сам. Не скупись.

Хан-суна-шах коснулся плеча великого визиря и решительно вошёл в юрту.

— Слушаюсь, повелитель, — прошептал великий визирь Майсур, смотря на дверь, за которой скрылся Хан-суна-шах.

* * *

— Повелитель, дуглу Наби-бек действительно настоял на встрече со мной наедине, но то, о чём мы говорили, не имело прямого отношения к цели нашей поездки, так как разговор шёл о твоих,

повелитель, предпочтениях относительно лошадей и оружия. Он сослался на то, что ему было не очень удобно расспрашивать меня об этом при моих людях. Я воспринял проявленный им интерес лишь как желание угодить тебе, повелитель, при выборе подарков. Кроме того, в той ситуации я счёл его действия как исполнение веления их правителя. Это всё, повелитель. Именно поэтому я не стал ставить в известность великого визиря Майсура о случившемся, — спокойно и уверенно обосновал свои действия визирь Карим, отвечая на вопросы Хан-суна-шаха.

— Визирь Карим, тогда почему ты не поставил в известность великого визиря Майсура о самом факте твоего разговора с дуглу Наби-беком, не посвящая его в подробности? — спросил Хан-суна-шах, пристально смотря на сановника.

— Повелитель, прости, я не делал из этого какой-то тайны, но и распространяться об этом не стал. Кроме того, повелитель, я рассчитывал на то, что при виде даров от куньбека Янгуя ты сразу догадаешься, что они подобраны в соответствии с твоими предпочтениями, и поймёшь, что сделано это было по явному согласованию кем-то из ближнего окружения правителя усуней со мной, так как я, по твоему велению, возглавлял твоё посольское представительство. А наиболее близким к куньбеку Янгую является дуглу Наби-бек. Только это обстоятельство, повелитель, и послужило основанием для умолчания о данном факте при беседе с великим визирем Майсуром, — резонно ответил визирь Карим и, на мгновение замолчав, спросил: — Повелитель, прости, я сделал что-то не так?

— Визирь Карим, я услышал тебя. Можешь идти, — Хан-суна-шах слегка кивнул, и визирь Карим, почтительно приложив ладонь к груди и поклонившись, покинул главную юрту.

«Карим явно чего-то не договаривает. Вернее, что-то умышленно скрывает от меня. Встреча между ним и дуглу Наби-беком была, он не скрывает этого, и об этом стало известно великому визирю, но разговор между ними отнюдь не был только о моих предпочтениях, как он старается убедить меня. Они говорили о чём-то другом, более важном, нежели о подарках. Так что он скрывает? Что он задумал, пойдя на сговор со вторым лицом во власти усуней? Возможно, пытается заручиться поддержкой куньбека Янгуя в борьбе за трон огузов, дабы занять моё место. Его род древний и могуще-

ственный, среди моего народа не менее значимый, нежели мой, поскольку представляет собой одну из ветвей прямых потомков самого великого Огуз-хана, прародителя всех огузов. Он, так же как и я, выходец из великих племён бозуков, основанных старшими сыновьями Огуз-хана, а наряду с ними были и племена учуков, основателями которых были его младшие сыновья — потомки их и ныне верно служат мне. Поэтому Карим имеет огромное влияние на народ. Нужно признать, что он, обладая многими достоинствами, без сомнений, способен повести людей за собой. Он единственный среди всех моих сановников является реальным соперником для меня. Он вечная моя тень, вечный мой внутренний противник и вечное моё беспокойство. Великий визирь Майсур лишь служит мне, а визирь Карим ведёт постоянную борьбу за трон и не успокоится никогда. Если бы он имел чуть больше сил, чем имеет, то уже давно совершил бы попытку свергнуть меня и занять моё место, но, хвала Небесам, я превосхожу его и не даю ему такой возможности. Вот почему он и ищет себе союзника на стороне. Правитель канглов Фатих-шах, будучи приверженцем исполнения наших с ним договорённостей о невмешательстве во внутренние дела друг друга и порядочных и справедливых отношений между нами, не пошёл на сделку. Он жестоко наказал своего брата Силкера за попытку вступить в сговор с визирем Каримом, хотя для всего народа представил его казнь как наказание за кровную месть, вспыхнувшую по вине Силкера в результате убийства им военачальника и его сына. Не получив поддержки у канглов, Карим теперь ищет её у нового нашего соседа, у усуней. Другой причины для его разговора наедине с дуглу Наби-беком нет. Всё, что он сказал мне, является ложью и прикрытием для основной темы их беседы. Ах, Карим, Карим, когда же ты наконец успокоишься? Когда смиришься со своей участью? Видимо, никогда. Что ж, мне жаль тебя», — размышлял Хан-суна-шах.

* * *

— Главный визирь Джарбаш, о чём ты хотел мне срочно доложить?

Ведя коня тихим шагом, вдыхая всей грудью свежий зимний воздух, Фатих-шах посмотрел на едущего рядом визиря. Одетые в тёплые шубы из дорогого меха, они совершали привычную верховую

прогулку между невысокими, слегка присыпанными снегом холмами, следуя давно установленному маршруту. Впереди них и следом за ними продвигались воины из сотни личной охраны правителя.

— Светлейший шах, прошлым вечером из ставки усуней прибыл Берджу. Он сообщил, что от правителя огузов Хан-суна-шаха прибыли послы к куньбеку Янгую. Пробыв там три дня, они уже вернулись обратно. Старшим послом был визирь Карим, — сообщил новость главный визирь Джарбаш.

— Это точные сведения? — остановив скакуна, удивлённо спросил Фатих-шах.

— Да, светлейший шах, — слегка склонив голову, уверенно ответил Джарбаш.

— Тебе известно, о чём они вели переговоры? — совладав с собой, уже более спокойно проговорил Фатих-шах и тронулся с места.

— Берджу удалось узнать о том, что их принял сам куньбек Янгуй. Но он дал лишь обед в их честь, а все беседы проводил дуглу Наби-бек. Основной темой переговоров, светлейший шах, были вопросы об установлении торговых отношений. Как утверждает Берджу, иных тем они не касались, — пояснил Джарбаш.

— Странно всё это выглядит. Почему так вдруг Хан-суна-шах решил направить к усуням послов? Вопросы торговли, конечно, всегда занимают важное место в отношениях между народами, но то, как он сделал это, вызывает много вопросов. Казалось бы, на первый взгляд, ничего странного в этом нет, но всё же складывается впечатление, что он сделал это с какой-то поспешностью или даже со срочно возникшей необходимостью. Предположим, что у него возникла в чём-то нужда, но в таком случае он мог бы обратиться ко мне как к давнему и надёжному соседу. Однако он не сделал этого и пошёл на установление отношений с совершенно не известными ему усунями. Я понимаю, что рано или поздно, но знакомиться с новыми соседями нам приходится, и это вполне обычное поведение, и всё же почему-то этот его поступок вызывает тревогу и беспокойство. То, что ты, главный визирь Джарбаш, сообщил мне, имеет большое значение, и над этим следует серьёзно подумать, — прекратив прогулку, задумчиво произнёс Фатих-шах и направился в сторону ставки.

Г Л А В А   Ч Е Т В Ъ Р Т А Я

Город Чанъань, расположенный почти в самом центре Китая в долине реки Вэйхэ, притока реки Хуанхэ, был столицей империи, где правил император Сяовэнь-ди из династии Хань, известный всем соседним народам как император Вэнь-ди, у себя же до восхождения на трон именовавшийся Лю Хэном. Он получил титул дай-вана в княжестве Дай от своего отца, императора Лю Бана, выходца из простых крестьян, поднявшего восстание и свергнувшего предшествовавшего ему императора из династии Цинь, и поначалу был правителем этого княжества. После прихода к власти император Вэнь-ди перенёс столицу в Чанъань.

Город был большим и густонаселённым. Окружавшая его стена из обожжённого кирпича имела двенадцать ворот. По всему городу стояли императорские дворцы — самые высокие сооружения в городе, окрашенные в красные цвета и соединённые между собой крытыми переходами либо подвесными галереями, дабы при перемещении из одного в другой император и его свита оставались невидимыми для многочисленных горожан. Вблизи от этих дворцов находились здания жёлтого цвета, который означал размещение в них административных учреждений. Все они были двухэтажными, как и дома богатых горожан.

* * *

Послы правителя усуней куньбека Янгуя во главе с сян дуглу Юити-беком были встречены перед западными городскими воротами Чанъаня высоким сановником императора Вэнь-ди Дзяо Мином, который приветствовал их как представителей повелителя народа канцзюй и сопровождал в посольский дворец, где, прощаясь с ними до следующего дня, заверил в том, что император дал своё высочайшее согласие на их приём у себя в самое ближайшее время.

* * *

Прошло три дня, и послы куньбека Янгуя предстали перед императором Вэнь-ди в его главном дворце.

В огромной приёмной зале император величественно восседал на золотом троне, установленном на подиуме, к которому вело множество ступеней, а от их подножия к входу тянулась широкая

ковровая дорожка красного цвета. Одет он был в ханьфу, традиционное одеяние династии Хань, представлявшее собой сплошное платье с перекрёстным воротником с правым отворотом и запахнутой направо полрой. В подобные одежды облачались и все его подданные, но платье императора имело золотистый цвет, на который имел право только правитель, было украшено изображением драконов — символа императорской власти и носило название лунпао. Поверх ханьфу был надет шаньи чжицзюй — длинный мужской халат, тоже жёлтого цвета. Голову императора с традиционной причёской цзы, тугим узлом нестриженных волос на темени и тщательно приглаженными волосами на лбу и висках, покрывал мянь — головной убор очень сложной конструкции, в котором каждая деталь обладала символическим значением: он представлял собой шляпу с прямоугольным плоским верхом, выступающим большими козырьками спереди и сзади, по краям которых свисало по двенадцать серебряных нитей с бисером из камней белого, чёрного и красного цветов, и с красного цвета парными длинными плетёными шнурками с узелками и кисточками на концах, изящно прикрепленными с боков к верху и к низу цилиндра шляпы.

За спиной императора, ближе к левому плечу, замер один из его многочисленных помощников.

По бокам от дорожки в соответствии с иерархическим положением располагались высокие сановники, обладавшие титулами ван и хоу, облачённые в ханьфу красного и чёрного цвета, поверх которых были надеты шэньи таких же расцветок, строго регламентированные для очень важных мероприятий. Их головы покрывали специальные шляпы. Все присутствующие выражали покорность и почтительность.

Дзяо Мин вместе с сян дуглу Юити-беком и его посольской группой остановились прямо на входе в залу, поклонились в сторону императора, причём Дзяо Мин при этом молитвенно сложил ладони перед грудью, а Юити-бек и его люди приложили ладони к груди. После приветственного жеста императора Дзяо Мин и сян дуглу Юити-бек вдвоём медленно прошли по дорожке к подножию подиума и, вновь поклонившись, замерли в ожидании разрешения говорить. Дзяо Мин, как того требовал дворцовый этикет, продолжал стоять в поклоне со сложенными ладонями и исподлобья следил за руками правителя. Сян дуглу Юити-бек стоял прямо и спо-

койно смотрел на императора. В какой-то момент Дзяо Мин тоже выпрямился и слегка повернул голову к Юити-беку, что означало, что он уже может произнести слова приветствия.

— Великий император, я приветствую тебя от имени куньбека усуней Янгуя, — сян дуглу Юити-бек приложил ладонь к груди и склонил голову. — Он передает тебе своё глубочайшее почтение и желает тебе долгого и спокойного правления над своими подданными. Кроме того, великий император, он шлёт тебе дары, тысячу отборных скакунов. Они ожидают тебя в твоих конюшнях. Он выражает надежду на то, что они придутся тебе по душе и украсят твой двор, — сян дуглу Юити-бек вновь почтительно приложил ладонь к груди и склонил голову.

Стоявший до этого за спиной императора помощник приблизился, наклонился к его уху и стал переводить сказанное Юити-беком. Император выслушал и что-то сказал.

Переводчик выпрямился и огласил его слова:

— Великий император приветствует правителя доблестных усуней в лице его посланника, благодарит за столь щедрые дары и выражает своё удовлетворение от этой встречи.

Помощник вновь наклонился к императору, и тот вновь что-то сказал ему. Помощник поднялся и произнёс:

— Цель, которую преследует правитель усуней, прислав к нему своего посланника, ясна великому императору. Он готов оказать всяческое посильное содействие правителю усуней. Все дальнейшие переговоры он поручает вести сановнику Дзяо Мину. На этом высочайший приём завершён.

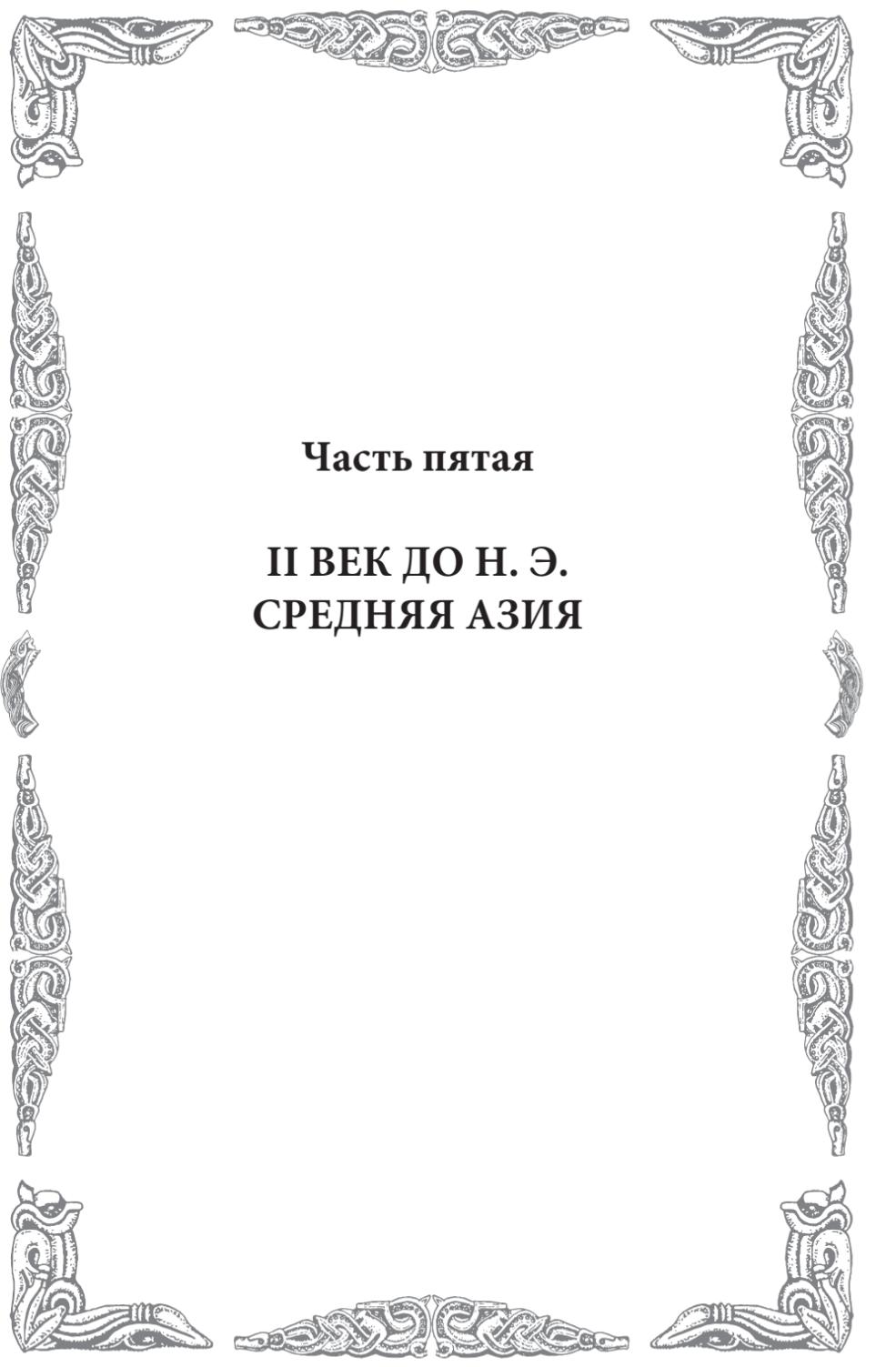
* * *

Послов правителя канглов Фатих-шаха во главе с визирем Гачаем на въезде в ставку великого шаньюя державы хуннов Модэ встретил один из его сановников — Валуи, имевший высокий титул гудухоу. Он сопровождал послов на постоянный двор, осведомился у визиря Гачая о цели их прибытия и велел ждать его там с вестями от повелителя.

Ставка представляла собой огромное стойбище, состоящее из войлочных юрт, по окраинам которого располагались многочисленные загоны для скота. Каких-либо оградительных сооружений вокруг ставки не было, и лишь бесчисленное количество кибиток

многократно окольцовывало её. Множество постоянных дворов, в это время года совершенно пустых, располагалось в небольшом отдалении вокруг стойбища. Все они были однотипны и включали в себя каменно-глинобитные жилые сооружения, складские помещения и большие загоны для скота.

По прошествии десяти дней, в течение которых послов канглов хорошо кормили и проявляли заботу о них, на постоялом дворе наконец появился гудухоу Валуй. После короткого приветствия и разговора об их содержании гудухоу Валуй остался наедине с визирем Гачаем и сообщил ему решение великого шаньюя Модэ, суть которого сводилась к тому, что цель, с которой канглы прибыли в его ставку, ему понятна, что он ни с кем и никогда никаких военных союзов против кого-либо не создаёт, что он все вопросы, связанные с войной и миром с кем бы то ни было, решает единолично, что он не имеет желания принимать их и советует им возвращаться обратно. На вопрос визиря Гачая о судьбе привезённых от Фатих-шаха подарков великому шаньюю Модэ, так и остававшихся до сих пор на постоялом дворе, гудухоу Валуй ответил, что ему никаких указаний относительно них от великого шаньюя не было, по этой причине он отказывается их принять и тем более категорично воздерживается вести разговор со своим повелителем на этот счёт. Пожелав послам доброго пути и попрощавшись, гудухоу Валуй спешно покинул постоянный двор.

Часть пятая

II ВЕК ДО Н. Э.
СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Г Л А В А П Е Р В А Я

Пещера, в которой теперь обосновались разбойники, располагалась ещё выше в горах, нежели прежняя, откуда им пришлось уйти по причине обнаружения их воинами усуней. Места здесь были более суровыми для обитания. Снежная зима сильно затрудняла переходы по ельнику. Глубокие сугробы между деревьями и расщелинами изматывали людей во время охоты, зачастую оставляя их без пропитания. Оголодавшие волчьи стаи уничтожали почти всю живность, что обитала в окрестностях, загоняя её остатки в труднодоступное высокогорье. Холод и голод ожесточили людей до предела, постепенно превращая их в безумных существ, доводя до грани каннибализма, и только сила духа и крепкая рука предводителя сдерживали их от последнего шага, до которого каждый из них ещё оставался человеком. Страх, который разбойники испытывали перед предводителем, пока преобладал над нарастающими в них животными инстинктами, и они хотя и с большим усилием, но всё же подчинялись, исполняя его приказы, однако уже взращивали в своих мелких душонках ненависть к нему, как это обычно происходит со слабовольными людьми в экстремальных условиях, считая только его причиной бедственного положения, в котором они оказались, и напрочь забыв, что именно он дважды спас их всех от неминуемой гибели: однажды от окружившей их огромной стаи волков, когда они впервые увидели его, в другой раз — от уничтожения сотней воинов усуней. В их глазах предводитель выглядел неким сверхчеловеком, поскольку они все стали очевидцами того, как он, казалось бы, в одно мгновение истребил целую стаю волков: большую часть застрелил из огромного лука, не допустив при этом ни единого промаха, других добил мечом, настигая каждого стремительным бегом. Такого они не видели никогда, и о таких человеческих способностях им не доводилось слышать ни от кого. Помимо этого, он, обладая даром лекаря, не раз спасал их от ран и болезней. Разбираясь в це-

лебных свойствах трав, ягод, грибов, растений и даже воды, земли и камней, он, казалось, творил чудеса, и от этого его боялись ещё сильнее. К тому же за всё время знакомства с ним и его предводительства, принятого разбойниками сразу как нечто само собой разумеющееся, никто из них не видел его лица и не знал его имени. И эти таинственные факты влияли на них с огромной силой и довели, как рок, ниспосланный Небесами. И всё-таки невыносимые условия теперешнего существования неизбежно гасили в них всё человеческое, постепенно превращая их в некое жалкое подобие людей, едва ли оставляя отличия от диких хищных зверей.

Ослабшие, раздражённые, психически сильно истощённые, разбойники, за исключением здоровяка, крепко спавшего после очередной многодневной неудачной охоты, однажды ночью, подкравшись к пологу, за которым отдыхал предводитель, ворвались туда, подбежали к лежанке и стали злобно наносить удары ножами сквозь шкуру, которой обычно он накрывался, но, к их удивлению, под шкурой никого не оказалось, как не оказалось и вообще в пещере. Удивлённые этим фактом, они вышли и увидели его, стоящего на входе в пещеру, а у его ног — добытого им горного барана. Растерянно и стыдливо переглянувшись, убрали они ножи, отошли от полога, встали у стены и виновато опустили головы. Проснувшийся здоровяк вскочил на ноги, взглянул на предводителя, на добытое им животное, затем на всех разбойников, стремительно забежал за полог, выскочил оттуда с изрезанной шкурой в руке и, поняв ситуацию, выхватил из-за голенища плётку, подбежал и стал изо всех сил хлестать разбойников по головам, а когда подошёл к старшему из них по возрасту, всегда самому недовольному, убрал плётку, вытащил огромный нож и полоснул того по горлу. Кровь брызнула из раны. Смертельно раненный разбойник схватился за горло, медленно опустился на колени, захлёбываясь кровью, а затем рухнул вниз лицом, несколько раз дёрнулся всем телом и затих.

* * *

— Я не держу на вас зла. Каждый есть тот, кто он есть, и никто из нас уже наверняка не изменится. Я не знаю, плохо это или хорошо, но это данность, ниспосланная нам Великим Небом, и сущность каждого из нас, определённая им. Вы решили, что в происходящем с вами повинен я. Оспаривать или отрицать этого я тоже не буду,

коль однажды, впервые увидев вас, сам, по своей воле пришёл вам на помощь и с тех пор остаюсь с вами. Одно скажу: дальше нам не по пути. Всё это время, что мы провели вместе, я сдерживал вас всех от нападений на людей, от причинения им зла, от воровства и грабежа, от убийств, дабы каждый из вас имел возможность вернуться к нормальной жизни и мог без угрызения совести смотреть в глаза людям... Больше я не желаю быть с вами. Живите, как хотите. Я в последний раз говорю с вами и кормлю вас, — как всегда, спокойно произнёс предводитель, дождавшись, пока все насытятся горячим мясом, и обвёл их взглядом. — Я лечил вас, когда вы страдали от ран и болезней. Я заботился о вас, как о своих братьях, когда вы были голодны, несмотря на то что вы разные и по-разному относитесь ко мне. Я никогда не возвышал кого-то из вас над другими и не принижал никого. Для меня вы все были равны, хотя вели себя по-разному, трудились неодинаково и друг к другу испытывали разные чувства. В разное время и в разных ситуациях я видел и ненависть, и зависть, и злобу, которые порой одолевали каждого из вас, но, несмотря на это, старался избавить вас от неверных помыслов и поступков, дабы оградить от непоправимого. Теперь же, когда вы совершили шаг, за которым уже не будет доверия ни у меня к вам, ни у вас ко мне либо друг к другу, я не имею желания ни видеть вас, ни заботиться о вас, ни даже слышать о вас. Мне отныне безразлично, как вы будете жить, — предводитель замолчал, задумчиво смотря на огонь.

Разбойники молча, с напряжением в глазах взирали на него. Предводитель поковырял палочкой в костре, затем вновь окинул всех внимательным взором и продолжил:

— Напоследок расскажу одну маленькую, но значимую историю. Очень надеюсь, что вы извлечёте из неё пользу, каждый для себя... Мой покойный наставник был круглым сиротой. Он жил где попало, питался чем попало, ходил из селения в селение, ночуя со скотом, но ни у кого ничего не просил. В одном из небольших отдалённых стойбищ, где обитали простые люди, полуголодные, полураздетые, но гордые и трудолюбивые, ему довелось пробыть почти год. Но это было особенное селение, а всё потому, что старейшиной в нём был удивительный, особенный человек. Все мы знаем, что порой в жизни бывают такие ситуации, когда человек вынужден обращаться к другому человеку с просьбой дать ему что-то взаймы,

то есть в долг с обязательным возвратом в установленное время. В том селении всё так и обстояло. Нужда заставляет человека идти на такие поступки. Так вот, к старейшине стали часто обращаться селяне с жалобами друг на друга на невозврат долгов. Он понимал, что все они живут почти в равных условиях, и невыполнение долговых обязательств не связано ни с обманом, ни с жадностью, ни с какими-то хитро задуманными причинами. Он знал, что условия их жизни и их возможности равны, а значит, решения о наказании кого бы то ни было он принять не мог, так как тогда пришлось бы наказывать всех, и в итоге он бы не добился справедливости. Всё осталось бы как прежде и, более того, усугубилось, так как долги бы росли, сроки по их возврату продлевались, но возврата не было бы. Так случилось, что каждый кому-то задолжал, а тот в свою очередь ещё кому-то, и это был замкнутый круг должников. Старейшина долго размышлял над этой сложной проблемой и однажды, созвав всех селян, объявил свою волю. То, что он огласил, повергло их в изумление. Согласно принятому им решению, во-первых, коль каждый из селян что-то должен каждому, то все долги они должны простить и забыть о них, следовательно, никто никому ничего не будет должен. Во-вторых, при условии, что все согласны с первым решением, впредь берущий что-то в долг у другого обязан оставить ему в залог исполнения обязательств по возврату долга своё имя. Получалось так, что если кто-то из селян не соглашался с первым решением старейшины, то он оставался без имени до полного погашения задолженности, что было едва ли возможным в его положении. Люди были удивлены и в большинстве своём не совсем согласны с решениями старейшины, но долги, довлевшие над ними, заставили принять эти условия. Удостоверившись в единогласном согласии по обоим решениям, старейшина также объявил, что отныне всем в селении, от детей и до стариков, запрещено обращаться по имени к человеку, взявшему что-то в долг и не вернувшему этой задолженности. Помимо этого, безымянный должник, а это, как правило, был мужчина, не имел права заводить семью либо нести воинскую службу в сотне, составленной из жителей селения, что, в свою очередь, являлось позором среди селян. Вот таким образом мудрый старейшина решил очень сложную проблему, возникшую среди его людей. Со временем, когда старейшины уже не стало, селяне с благодарностью вспоминали его, так как именно с

той поры в селении, как никогда, чтили имя человека, а значит, его честь. Имя есть честь. Честь есть имя. Не дорожишь своим именем, значит, не дорожишь честью, а равно — наоборот, — предводитель вновь ненадолго замолчал и продолжил: — Всё то время, что я жил с вами, я не называл своего имени. И причиной этому не моя гордыня, как вы могли подумать, не высокомерие по отношению к вам, не пренебрежение. Нет. Это не так. Истинная причина в том, что у меня есть долг перед памятью моего наставника. Я не брал ничего у него взаймы, хотя он дал мне всё, и я обязан ему в своей жизни всем. Я не обещал ему ничего, хотя он и не просил меня ни о чём. Он не сделал меня своим должником, но я сам воспитал в себе обязанность перед ним за милость, проявленную ко мне. Да, его уже нет рядом со мной и нет в этом мире, но я должен знать, что иду по жизни по пути, к которому он готовил меня долгие годы...

* * *

Обильный снегопад длился всю ночь. Снег продолжал валить и на следующий день, застилая горы ослепительной искрящейся белизной, наполняя все расщелины, огромными подушками нависая на еловых лапах и мягко и тихо соскальзывая с них под собственной тяжестью в высокие сутробы, опоясывая каждое дерево, словно крепостные валы. Свежий покров скрыл все звериные следы и тропы. Предводитель с трудом, то и дело проваливаясь почти до пояса, продвигался по горному склону, изредка останавливаясь на короткий отдых, во время которого откидывался на спину, переводя учащённое дыхание. Он шёл всю ночь и, к полудню окончательно выбившись из сил, решил немного поспать. Выбрав подходящее место под скальным выступом, он стал медленно к нему подбираться. До скалы оставалось всего с десяток шагов, когда снег под ногами предводителя и вокруг него словно ожил и начал плавно оседать, покрывшись многочисленными трещинками, со всех сторон бегущими к его ногам. Предводитель от неожиданности замер, удивлённо смотря на появившееся под ним углубление, и не успел ещё ни о чём подумать, как вдруг вместе с сугробом полетел куда-то вниз, в бездну.

* * *

Очнувшись и разлепив глаза, предводитель посмотрел вверх, где светло-серой извилистой полоской виднелось хмурое небо, затем

огляделся. Он понял, что провалился в горную расщелину, но сколько времени оставался в ней без сознания, он не знал. Дно расщелины было засыпано толстым слоем снега, и поэтому ему удалось обойтись без тяжёлых увечий, но расщелина была глубокой и довольно узкой с почти отвесными и ровными стенами, за которые не было возможности ухватиться. Пошевелив ещё раз руками и ногами и помотав головой, он осторожно встал и осмотрелся. Пройдя вдоль расщелины, он выяснил, что она имеет в длину почти пятьдесят шагов и с обеих сторон сужается до трещин, заполненных снегом. Выходов из неё не было. Попытки упереться спиной в одну стену и ногами в другую и таким образом выбраться наверх не увенчались успехом: он тут же соскальзывал вниз и падал на спину. В очередной раз упав, он поднялся на ноги, с яростью ударил кулаком по стене, затем присел, положил руки на колени и низко опустил голову.

* * *

— Эй, предводитель, ты жив там? — вдруг послышался чей-то громкий голос.

Предводитель очнулся ото сна, открыл глаза и поднял голову. Было очень темно, настолько, что он не мог увидеть даже свою руку, поднесённую к лицу. Он прислушался, но вокруг царил почти звенящая тишина. «Послышалось», — подумал он и вновь закрыл глаза и опустил голову.

— Эй, там, внизу, подай голос! — вновь кто-то сдержанно произнёс наверху, и последнее слово эхом прокатилось по расщелине.

Предводитель вскочил на ноги, задрал голову, приложил ладони ко рту и крикнул:

— Кто там? Я здесь, внизу!

— Это я, предводитель, Аззам. Ты там цел? — предводитель узнал голос здоровяка. — Лови верёвку. Я не знаю, где ты, могу скинуть не туда, поищи.

— Бросай! — крикнул предводитель.

Тяжёлая верёвка из конского волоса упала концом прямо на лицо предводителя, и он, едва успев отвернуться и пригнуться, тут же схватился за неё рукой.

— Нашёл? — спросил Аззам.

— Да! — крикнул предводитель.

— Обвяжись ею! Как только дёрнешь её, я начну вытаскивать тебя! — скомандовал Аззам.

— Всё, я готов! — дёрнув за верёвку, крикнул предводитель.

Вскоре сильный Аззам вытянул предводителя на поверхность, и они оба упали навзничь на снег, успокаиваясь и переводя дыхание, смотря в беззвёздное ночное небо.

— Как ты здесь оказался? Ты что, шёл за мной? — приподнявшись на локоть, повернул голову к Аззаму предводитель.

— Я тоже ушёл от них. С ними мне теперь не по пути, — имея в виду остальных разбойников, ответил здоровяк. — Вот я и пошёл за тобой.

— Я признателен тебе за спасение, но, когда мы выберемся из этих гиблых мест, каждый из нас пойдёт своей дорогой, — сурово произнёс предводитель.

— Хорошо. Как прикажешь, предводитель, — приподнявшись, кивнул здоровяк. — Пора где-то развести огонь и отдохнуть. Холодно очень.

Они поднялись, стали осторожно спускаться к деревьям, удаляясь от зияющей чернотой расщелины, и растворились в густой ночной мгле.

Последний месяц зимы, словно не желая сдавать позиции наступающей весне, проявлял всю свою мощь обильными снегопадами, стремясь продлить пребывание на земле и показать особую силу, гораздо большую, нежели у предыдущих его сезонных собратьев.

* * *

Иджими ехал верхом по огромной долине, где прежде, сразу после прибытия усуней в эти земли, находилось их первое стойбище. Теперь же здесь, на самых их южных рубежах, располагалось одно небольшое, но сильно укреплённое войсками селение. Обутый в огромные меховые сапоги, облачённый в долгополый овечий тулуп и утепливший голову лисьим треухом, Иджими не чувствовал холода и явно наслаждался поездкой. Ельник, чернея вдаль, полумесяцем охватывал долину, огибая её с трёх сторон и полностью отсутствуя на западе, подобно распахнутым широким воротам открывая виды до самого горизонта. Остановив коня, Иджими обратил взор туда, где прошлым летом он с друзьями столкнулся в лесу с волчьеголовыми. От жутких воспоминаний стало не по себе, и он

нервно дёрнул плечами и ударил пятками в бока скакуна, продолжив движение.

Когда до селения оставалось проехать совсем немного, Иджими оглянулся и увидел, как вдали, на окраине долины, из леса появились два пеших человека, едва заметные для глаза. Он вновь остановился, приложил ладонь козырьком ко лбу, приподнялся в седле и всмотрелся. Хотя до фигур было очень далеко, то, что это мужчины, не вызывало сомнений. Эти двое едва передвигались, часто останавливаясь, опираясь на посохи и подолгу отдыхая. Иджими взглянул на селение и увидел, как оттуда быстро приближаются конные воины, не меньше десятка. Иджими развернул коня и стал, поглаживая его по гриве, наблюдать за теми двумя, что появились из леса. Они тоже стояли и смотрели в его сторону. За спиной Иджими слышал приближающийся топот конских копыт, и вскоре всадники уже были рядом с ним.

— Властитель Иджими? — услышал он своё имя и повернул голову. — Властитель, — приложив руку к груди и склонив голову, произнёс ближний из подъехавших с лисьим хвостом на шлеме. — Я сотник Лачин из тысячи Ихласа.

— А, Лачин, я помню тебя, — увидев знакомое лицо, Иджими приложил ладонь к груди и тоже слегка склонил голову в приветствии. — Ты теперь в этом селении в дозоре?

— Да, властитель, тысячник Ихлас часто меняет нас в этом месте, и вот теперь я нахожусь здесь со своими воинами. Властитель, позволь спросить. Если ты на охоте, то вон те двое с тобой? — указав плёткой на фигуры у леса, спросил Лачин.

— Нет, Лачин, я пока один, но вскоре сюда должны прибыть мои друзья. Этих людей я тоже заметил и наблюдаю за ними. Странные они какие-то, — взглянув в сторону незнакомцев, ответил Иджими. — Нужно узнать, кто они такие и что здесь делают. Только будь осторожен. Они могут быть не одни.

— Я всё понял, властитель, — Лачин приложил руку к груди. — Будь гостем, поезжай в селение, а я скоро прибуду. С этими двумя только разберусь, — он кивнул в сторону пришлых людей.

— Хорошо, Лачин, я буду ждать там. Приведи их туда, — приложив ладонь к груди, Иджими развернул скакуна и направил его к селению, где от каждой юрты к утреннему зимнему серому небу тянулись струйки белёсого дыма.

* * *

Айю, Баркут, Акташ, Габи, Кассак, Куньми и Кабат прибыли в селение почти сразу за Иджими. С прошедшего лета они, как и Иджими, очень возмужали и были уже истинными мужчинами, суровыми внешне, сдержанными в словах и степенными в поведении. Встреча друзей была очень тёплой и состоялась перед юртой старейшины селения, грозного вида могучего мужчины средних лет.

* * *

Друзья, оживлённо общаясь, угощались горячим мясом в юрте гостеприимного старейшины, когда туда вошёл сотник Лачин. Он приложил ладонь к груди, приветствуя всех, затем тщательно сбил с обуви снег, подошёл к сидящим и замер. Все ответили на приветствие.

— Проходи, сотник Лачин, присаживайся и поешь, — предложил старейшина.

— Благодарю, старейшина, я не голоден, — Лачин слегка склонил голову, перевёл взгляд на Иджими и, кашлянув в кулак, замолчал.

— Что-то случилось? — спросил Иджими.

— Властитель, там эти... — кивнув себе за спину, запнулся на полуслове Лачин, сомневаясь в том, ко времени или нет он побеспокоил Иджими и его друзей, отвлекая их от трапезы.

— Ты доставил их сюда? Больше никого там не было? — заметив его смущение, одобрительно кивнул, вытирая руки, Иджими.

— Да, властитель, они здесь. Никого больше там не было. Но... — вновь запнулся Лачин и, подбирая слова, продолжил: — Они полуживые... Сильно обморожены... Я не знаю, что с ними делать...

— Понятно. Лачин, пусть лекарь осмотрит их и сделает всё, что положено, — распорядился Иджими и вновь спросил: — Но ты хотя бы понял по их виду, кто они?

— Нет, властитель... Оружия при них нет... Ни луков, ни мечей... Одежду на них и одеждой-то назвать трудно... — пожал плечами Лачин. — Как они ещё живы в таких лохмотьях... Ну, я пойду, иначе они умереть могут, — Лачин приложил руку к груди, склонил голову, отступил и вышел из юрты.

— Откуда они здесь появились и кто это такие? — задумчиво произнёс старейшина. — В такую погоду на охоту пешком не ходят. Зверь-то завёлся в лесах после того, как волчьеголовые исчезли, но и настоящих волков много стало. От них вся живность

в округе частью в высокогорье поднялась, а частью к стойбищам жмётся, словно защиты ищет. Да и шальных людей много появилось. Сам я их не встречал, но охотники замечали следы. В эту пору они соперники хищникам из-за пропитания. Столкновения между ними неизбежны. Вот я и думаю, что эти двое из оголодавших разбойников. Если выживут, то узнаем всё. Лекарь у нас умелый, всё, что сможет, сделает, — старейшина посмотрел на Иджими и слегка кивнул.

Иджими отложил тряпку и ловко подхватил ножом кусок мяса. Друзья также продолжили прерванную трапезу.

— Волков много стало, это верно. Вот мы и убавим в эти дни их поголовье. Не зря же мы все здесь собрались, — смачно прожёвывая мясо, задорно произнёс Иджими, окинув взглядом друзей. — Заодно и разбойников отгоним от стойбища или же пленим и приведём сюда.

Г Л А В А   В Т О Р А Я

— Великий визирь, скоро весна и нас всех ожидают большие события.

Хан-суна-шах сидел на троне и задумчиво смотрел на великого визиря Майсура.

— Вот только чем они обернутся для нас? Чего нам ожидать? Правитель канглов Фатих-шах не получил поддержки от шаньюя хуннов и теперь пребывает в весьма затруднительном положении. Он сам повинен в этом. Не нужно было ему рассчитывать на помощь своенравных хуннов и тем более затевать войну против усуней, не угрожающих ему ничем. Во всяком случае, как нам известно, не оглашавших подобных намерений относительно канглов и других соседей. Правитель усуней куньбек Янгуй оказался человеком вдумчивым, умелым и достаточно прозорливым. В ответ на действия Фатих-шаха он тут же заключил военный союз с ханьским императором Вэнь-ди, тем самым значительно укрепив своё положение в новых землях, показав всем, каков он в силе, и ясно дав понять, что имеет долгосрочные и серьёзные планы. Так или иначе, но на наших восточных рубежах становится довольно жарко. Фатих-шах, очевидно, зол на меня за отказ поддержать его

в предстоящей войне против усуней. Иного и не следовало ожидать. Он, конечно же, в таком положении не станет затевать каких-либо открытых военных действий против меня, но способен на иные поступки, таящие в себе вредоносный умысел. Поэтому я не исключаю возникновения осложнений в наших отношениях с другими соседями, к примеру с аланами. Такое, к сожалению, теперь вполне возможно. Фатих-шах может попытаться столкнуть нас с ними, создав для этого какой-либо повод, при этом оставаясь вне подозрений. В связи с такой возможностью, великий визирь, нам нужно предпринять все меры для нашей безопасности и по всем нашим рубежам, и внутри наших стойбищ. Отныне усиль все дозоры на окраинах земель и организуй постоянную слежку за всеми иноземными торговцами в наших селениях. Более того, великий визирь, самое главное, на что нужно обратить особое и очень серьёзное внимание, так это на наши отношения с усунями. Для Фатих-шаха в сложившейся сложной ситуации очень выгодно было бы внести раздор между мною и правителем усуней. Я уверен в том, что именно об этом более всего помышляет он. Ему теперь, как никогда, очень выгоден любой конфликт усуней с кем бы то ни было, и особенно с нами, огузами, отказавшими ему в военной поддержке. Фатих-шах способен на многое, дабы не потерять контроль над караванными путями.

Хан-суна-шах замолчал и отвёл взгляд от великого визиря, что-то обдумывая.

— Повелитель, всё будет исполнено в точности, как ты велишь, — великий визирь Майсур несколько раз слегка кивнул. — Повелитель, прости, могу ли я спросить?

— Да, великий визирь, я слушаю тебя.

— Повелитель, поскольку война между канглами и усунями неизбежна, а усунь могут получить военную помощь от ханьского императора, то следует полагать, что исход этой войны вполне предсказуем и канглы обречены. В таком случае, повелитель, что ожидает нас? Как дальше поступят усунь? Их мощь возрастет, и закипевшая кровь не сразу остынет. Что, если они обратят взоры на наши земли? Ведь такое вполне возможно? — великий визирь напряжённо взирал на Хан-суна-шаха.

— Великий визирь Майсур, я понимаю твою обеспокоенность. Мысли о том, что будет потом, после этой войны, меня также тревожат, но не следует жить только ими, иначе одним Небесам из-

вестно, куда они могут завести, — Хан-суна-шах улыбнулся уголками губ, слегка подался к великому визирю и, понизив голос, уже серьёзно продолжил: — Пусть усуну обратят потом свой взор на наши земли. Пусть. Нам это в скором будущем уже не будет ничем угрожать. Но для этого мне нужно будет всего лишь один раз встретиться с куньбеком Янгуем. Ну а если такого не случится, то это для нас будет ещё лучше. Спокойнее будет, — Хан-суна-шах утвердительно кивнул и вновь выпрямился.

Беликий визирь, не скрывая удивления, приоткрыв рот, смотрел на него совершенно другими глазами.

Хан-суна-шах не мог знать того, что ему никогда не доведётся увидеться с куньбеком Янгуем, и того, что об этих планах не суждено будет узнать никому.

* * *

— Главный визирь Джарбаш, как идёт подготовка войск? — Фатих-шах угрюмо восседал на своём троне и нервно поглаживал бороду, пустыми глазами уставившись на очаг. Главный визирь Джарбаш располагался на своём месте.

— Светлейший шах, все твои веления выполняются без промедлений. Военачальники строго следят за этим и ежедневно докладывают мне. Каждые десять дней я лично посещаю лагерь. Причин для беспокойства нет, — с готовностью ответил главный визирь Джарбаш.

— Это хорошо, Джарбаш, это хорошо, — пребывая в думах, как-то отвлечённо произнёс Фатих-шах.

— Светлейший шах, позволь узнать, будут ли ещё какие-либо указания? — видя состояние правителя и понизив голос, поинтересовался главный визирь Джарбаш, но не получил ответа и, выждав какое-то время, вновь спросил: — Светлейший шах, с тобой всё в порядке?

— Джарбаш, — Фатих-шах посмотрел на главного визиря так, словно только что заметил его присутствие.

— Слушаю, светлейший шах, — тут же кивнул главный визирь.

— Что нового принёс твой человек из стана усуней? — спросил Фатих-шах, нахмутив брови.

— Особо важных вестей нет, светлейший шах. Куньбек Янгуй и весь его народ ведёт обычную жизнь. Берджу по-прежнему полу-

чает хорошую плату от меня, и я не вижу оснований не доверять его сведениям, пока сомнений в его правдивости не возникало, светлейший шах, — как-то настороженно ответил главный визирь Джарбаш.

— Джарбаш, а что, если он доводит до твоего сведения лишь то, что ему велят в ставке правителя усуней? — Фатих-шах сурово смотрел в глаза главного визиря. — Ты не допускаешь такой возможности? Подумай сам, его семья там, в главном стойбище, а он, как любой глава семейства, заботится о ней, содержит её и думает о будущем потомков. Что из этого следует, Джарбаш? А то, что он привязан к своей семье сотней арканов, и никакая плата не заставит его отречься от неё. Вот в этом нет сомнений, и это совершенно точно. К тому же их правителю, я уверен, уже известно о моих планах на предстоящую весну, а твой Берджу докладывает, что они все ведут обычную жизнь. Как это понимать, Джарбаш? Зная о том, что вскоре начнётся война, они не готовятся к ней? Ты сам-то веришь в это? Я не верю в такое. А что из этого следует? А из этого следует, что до определённого времени твой человек приносил действительно правдивые вести, дабы вызвать у тебя доверие, но теперь он лжёт! Он добился своей цели, и ты стал доверять ему без малейших сомнений. Те, кто стоит за ним в ставке куньбека Янгуя, на это и рассчитывали. Вспомни, мой главный визирь, все его прежние донесения, и ты поймёшь, что они не несли в себе особой важности, но всё больше и больше втягивали тебя в их игру, не оставляя в тебе даже малейших сомнений в этом человеке, в его искреннем служении нашим интересам. Теперь же всё изменилось. Он лжёт тебе. Пришло то время, когда он по велению своих властителей, перешедших к осуществлению главных замыслов, приступил к их претворению в жизнь самым серьёзным образом, впрочем, для чего и готовили его по-настоящему. Ты продолжаешь верить ему и в итоге приносишь мне успокаивающие сведения, говоря о том, что усунь ничего не предпринимают к предстоящей войне. А знаешь ли ты, мой главный визирь, что это означает? — Фатих-шах выпрямил спину и нервно повёл плечами, продолжая сурово смотреть в глаза Джарбаша.

— Прости, светлейший шах. Я всё понял и свою вину признаю. Я слишком доверился этому человеку, — главный визирь Джарбаш быстро поднялся с места, низко склонил голову и прижал ладонь к груди. — Я готов принять любое твоё наказание, светлейший шах.

— Ты не ответил мне, Джарбаш! — злобно повысил голос Фатих-шах.

— Прости, светлейший шах. Моё поведение можно воспринять как измену, — ещё ниже склонившись, тихо проговорил главный визирь.

— Кому ты служишь, Джарбаш? — Фатих-шах поднялся, заложил руки за спину и, прищурившись, стал осматривать главного визиря, словно впервые увидел его. — Не могу понять, кто стоит передо мной? Верный мне, шаху канглов, главный визирь или лазутчик куньбека усуней Янгуя?

При последних словах главный визирь вздрогнул, а на входе в правое крыло юрты плавно откинулся полוג, и оттуда тихим шагом вошли два огромных воина, телохранители правителя, и встали за спиной визиря.

— Говори правду, Джарбаш! — понизив голос почти до шёпота, требовательно произнёс Фатих-шах, опускаясь на место. — Я слушаю тебя. У тебя есть единственная возможность на это.

— Светлейший шах, прости, но что я могу ещё сказать? Небеса — свидетели тому, что я никогда тебя не обманывал.

Главный визирь с нескрываемой опаской слегка повернул голову в одну сторону, затем в другую, но смотреть на телохранителей не стал и, приподняв голову, покорно взглянул в лицо правителя.

— В твоей власти, светлейший шах, приказать привести сюда Берджу и учинить ему допрос обо всём, что я доложил сегодня и докладывал прежде. Я уверен в том, что он скажет правду, и, надеюсь, у тебя исчезнут все сомнения в моём честном служении тебе, светлейший шах. Только прикажи, и я сам, лично, доставлю Берджу. Он пока ещё здесь, но вскоре отбудет в ставку усуней, — главный визирь замолчал и низко опустил голову.

— Джарбаш, ты и впрямь считаешь, что в таком положении способен давать мне нужные советы? Что за дерзость такая! По-твоему, только ты один знаешь, как следует поступать шаху? Вместо покаяния ты задаешь вопросы и даёшь указания, как мне поступать! — Фатих-шах в ярости вскочил на ноги. — Да ты в своём ли уме?! Что ты себе позволяешь?!

Фатих-шах схватился за рукоять меча, висевшего на его поясе, сильно сжал её, но вынимать оружия не стал. Злобно смотря какое-то время на Джарбаша и нервно подрагивающими пальцами

перебирая рукоять, Фатих-шах тяжело дышал, затем немного успокоился и опустился на место, убрав руку от меча.

— Ты, Джарбаш, убеждаешь меня в верном служении мне и, как я вижу, совершенно уверен в том, что я тебе верю. А что ты скажешь о послых, направленных куньбеком Янгуем к ханьскому императору Вэнь-ди сразу после того, как я тайно направил своих послов в ставку к шаньюю хуннов? Отвечай! Как это могло случиться? Откуда куньбек Янгуй мог узнать о моих послых?

— Светлейший шах, в этом нет моей вины... Я не знаю ничего об этом... Я сам был очень удивлён... Я не... — начал было Джарбаш, но, видимо наконец-то осознав всю серьёзность обвинения в измене, замолчал на полуслове.

— Джарбаш, я вижу, ты ничего не понял из того, что я сказал. Ты продолжаешь упорствовать и настаивать на своём. Или же ты не ожидал всего этого и теперь судорожно ищешь удобный выход из ситуации, в которую угодил из-за своей неуёмной жадности, — в глазах Фатих-шаха вспыхнул презрительный гнев. — Эх, Джарбаш, Джарбаш, мне жаль тебя, но более всего мне жаль все эти годы, что я потратил на общение с тобой, на возвышение тебя и на оказанное мною доверие тебе. Ты и есть тот самый орех, который перерос свою скорлупу. Неужели тебе было мало всех богатств, которыми ты обладаешь? Ни у одного из моих визирей нет того, что есть у тебя. Ты ведь не знаешь даже приблизительной численности своих лошадей и другого скота. У тебя настолько много золота и серебра, что впору любому соседнему правителю тебе позавидовать. И, несмотря на всё это, ты стал изменником! Чего тебе не хватало, Джарбаш?! Какова же должна быть награда, дабы человек, имеющий всё, что пожелает, вдруг встал на путь предательства своего благодетеля? Что такого можно обещать этому человеку, чтобы он решился на измену? Скажи мне, Джарбаш! Ты же не глупый человек и понимаешь положение, в которое ты по своей воле, осознанно поставил себя. Из-за чего ты пошёл на такой рискованный шаг? Я, конечно же, догадываюсь о том, что не из-за золота и другого вознаграждения, но хочу услышать от тебя о причине твоей измены, — Фатих-шах продолжал смотреть на главного визиря с нескрываемым презрением, но уже погасив во взоре гнев.

— Светлейший шах, — Джарбаш выпрямился, поднял голову и на удивление Фатих-шаха спокойно посмотрел ему в глаза, — про-

сти, я растерялся от неожиданности и стал не то, что положено, говорить. Ты во многом прав. Я занимаю этот высочайший пост и обладаю всеми богатствами благодаря твоей воле. Это правда. Всем тем, чем я владею, и тем, чего я достиг в своей жизни, я обязан тебе, светлейший шах. Я об этом помню всегда. О том, кто является моим единственным благодетелем в этом мире, я никогда не забывал ни на мгновение. И это тоже правда. Но ведь ты, светлейший шах, не просто так возвышал меня и так щедро одаривал все эти годы. Только твоё, светлейший шах, довольство моей службой могло быть причиной для этого. Усомнись ты хотя бы один раз в моей преданности тебе, разве ты потерпел бы меня в своём окружении? Нет, такого бы не случилось. Вот и теперь ты, светлейший шах, мог бы без этой беседы со мной отправить меня на казнь, но ты не делаешь этого и великодушно предоставляешь мне возможность объясниться. Значит, у тебя есть сомнения не в моей измене, а в своём обвинении. Прости меня, но ты хотел услышать только правду. Да, вполне возможно, что это последний день в моей жизни. Всё в твоей воле, светлейший шах, но ты предоставил мне возможность объясниться, и я готов сделать это. Прежде чем я начну, у меня есть просьба, светлейший шах, — главный визирь Джарбаш замолчал, ожидая слов правителя.

— Говори, — разрешил Фатих-шах.

— Светлейший шах, я хотел бы остаться с тобой наедине.

Джарбаш слегка склонил голову и вновь замолчал. Фатих-шах ненадолго задумался, затем взглянул на одного из телохранителей и прикрыл веки. Воины с почтительным поклоном вышли.

— Благодарю, светлейший шах, — Джарбаш вновь смотрел на правителя.

— Я слушаю тебя, — разрешил ему говорить Фатих-шах.

— Светлейший шах, многое из того, что я делал, находясь на службе тебе, совершалось мною вопреки моей совести, но никогда не было направлено против тебя и твоей высочайшей воли. Более того, я все силы отдавал верному служению тебе и всегда был уверен в том, что иначе и быть не должно. Зачастую я корил себя за то, что не могу оправдать всех твоих надежд, связанных со мной, и от этого чувствовал вину перед тобой, терзался и испытывал стыд. Только поэтому порой мне приходилось брать на себя всю ответственность за не очень благородные, а иногда даже самые

бесчестные поступки по отношению к тем, кто был нужен тебе, но проявлял либо нерешительность, либо упрямство. Так или иначе, но цели, поставленные тобой, в итоге достигались, а какой ценой это происходило, уже не имело значения, — Джарбаш ненадолго замолчал, переводя дыхание, чтобы избавиться от охватившего его волнения, и продолжил: — Если помнишь, светлейший шах, о тайном сговоре твоего покойного брата Силкера и визиря огузов Карима узнал я и сразу же доложил тебе, более того, по твоему велению я устроил ссору на охоте между Силкером и военачальником, которого вместе с его сыном убил твой брат, тем самым обрушив на свою голову твой праведный гнев. А ведь тогда я был очень молод и твой брат предлагал мне много золота за молчание, а потом перешел к явным угрозам, но я сумел исполнить твоё веление. Я всегда относился к твоим поручениям старательно, с подобающей ответственностью и без малейших сомнений исполнял их. С тех пор и по сегодняшний день ничего не изменилось. Подобные поступки для меня стали обычными, поскольку главным я всегда считал твоё доверие. Я был рад, когда мне удавалось оправдать его, и не было выше похвал, нежели услышанные из твоих уст, светлейший шах. Каждое твоё одобрение моих действий вселяло уверенность в том, что я на правильном пути, на пути своего правителя. Ты можешь не верить мне, но все богатства, коими я обладаю по твоей воле, не имеют для меня такого значения, какое имеет твоё доброе слово. В твоей власти, светлейший шах, забрать все эти награды, но даже в таком случае ты можешь не сомневаться в том, что я неспособен изменить своей вере в тебя и однажды избрать иной путь. Этого не может быть никогда. — Джарбаш опять ненадолго замолчал, что-то обдумывая, и вновь заговорил: — О многом я не ставил тебя в известность, светлейший шах, даже тогда, когда моя жизнь висела на волоске, дабы не прибавлять тебе беспокойств и оградить от ненужных переживаний. Да, куньбек Янгуй через Берджу узнал о твоём тайном направлении послов в ставку хуннов, а самому Берджу об этом сообщил я. Берджу удалось войти в доверие к моему родственнику — торговцу, но тот обо всём сразу же доложил мне, и я принял такое решение. А сделал я это по причине недоверия к Берджу, понимая, что он является лазутчиком куньбека Янгуйа и, следовательно, верой и правдой служит только ему. Светлейший шах, ты прав, Берджу сообщает нам только те сведения, которые

ему дают в ставке усуней, и поэтому мы почти ничего не знаем о том, что там происходит на самом деле, что творится в действительности. В такой ситуации, не имея других источников информации, я решил использовать Берджу в наших интересах и сообщил ему через своего родственника о послах к хуннам, дабы вызвать у него доверие к нам и узнать о том, как поступит куньбек Янгуй после этого. Когда и кого ты отправишь к хуннам, я не говорил. Это было бы уже излишним. Светлейший шах, прости меня, но если бы я не поступил так, то мы не узнали бы о тайных послых куньбека Янгуя к императору Вэнь-ди, а он, скорее всего, узнал бы о твоих. В итоге мы ничего не потеряли, но нам стали известны очень важные сведения о действиях правителя усуней, и, более того, мы теперь знаем о том, от кого он будет ожидать военную помощь в предстоящей войне.

Джарбаш замолчал, отвёл взгляд от Фатих-шаха, затем вновь посмотрел на него и добавил:

— Светлейший шах, я не вёл себя как изменник. Я говорю только правду и собирался доложить тебе обо всём этом в ближайшие дни. Моя вина лишь в том, что я поступил так без твоего ведома, но у меня не было иного умысла, нежели добыть для тебя хоть какие-то точные сведения о действиях куньбека Янгуя, — Джарбаш замолчал и низко склонил голову.

— Джарбаш, допустим, что это так. Но почему ты доложил мне, что куньбек Янгуй и весь его народ ведут обычную жизнь? Почему не обмолвился ни единым словом о том, о чём сказал только теперь? Почему не начал с этого? Ты говоришь, что собирался обо всём сообщить в ближайшие дни. Что тебе мешало сделать это раньше или же сразу, как только я спросил у тебя о Берджу и его донесениях? Твоё поведение в этой ситуации вызывает большие подозрения. Ты признался мне в совершённом только после того, как я вынудил тебя сделать это, и, как я понял, ты вовсе не собирался делать это по своей воле.

Фатих-шах уже спокойно смотрел на главного визиря.

— Светлейший шах, в ближайшее время я ожидаю от Берджу сведений обо всём, что теперь происходит у усуней. По этой причине я пока не говорил тебе о случившемся, дабы потом все данные, добытые мною, сразу и полностью изложить тебе. После выражения доверия с моей стороны к Берджу я очень надеюсь на то, что в ставке усуней поверили в мою измену тебе и сочтут необходимым склонить меня на свою сторону ещё больше, а значит, предоставят

через Берджу более достоверную информацию. Я рассчитываю на это ещё по одной причине. Поскольку они не знают о том, что Берджу является нашим единственным лазутчиком в их ставке, то не станут, как прежде, обманывать меня, опасаясь возможных других наших лазутчиков, способных подтвердить либо опровергнуть сведения, полученные нами от Берджу. Они не станут рисковать им, тем более после того, как он вступил в отношения с высоким сановником у нас, то есть со мной. Да, светлейший шах, они смешают правду и ложь, но мы, надеюсь, сможем отделить одно от другого и будем знать то, что нам нужно, — обосновал своё поведение и изложил планы главный визирь Джарбаш.

— Замыслы твои, Джарбаш, весьма правильные и обоснованные, но в отношении поступков я этого сказать не могу. Ты всё это совершаешь втайне от меня, от своего правителя. Разве такое поведение возможно? Ты мой главный визирь, главный визирь канглов и состоишь на службе у меня, а ведёшь себя словно ты либо правитель, либо человек, живущий сам по себе. Такое, Джарбаш, недопустимо, какими бы ты помыслами ни жил. Ты не задумывался над тем, что будет, если каждый мой подданный будет вести себя подобным образом, и во что в таком случае превратятся наши стойбища? Существует установленный порядок, Джарбаш, который нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах. Даже в волчьей стае всё подчинено порядку. Ты принимаешь самостоятельные решения, касающиеся судьбы целого народа, не имея на это полномочий, и при этом даже не ставишь в известность меня, своего правителя, не говоря уже о полном отсутствии согласования. Это возмутительно само по себе, а кроме того, может иметь опасные для нас последствия. Свои поступки ты оправдываешь благими намерениями, но ты должен понимать всю пагубность такого поведения, поскольку нарушение порядка никогда не ведёт к чему-то хорошему либо хотя бы полезному. Так не бывает, Джарбаш, — Фатих-шах назидательно поднял руку, указывая пальцем вверх. — Ты согласен со мной? Ты понимаешь меня?

— Да, светлейший шах, я осознаю твою правоту и признаю свои ошибки. Обещаю впредь не совершать ничего подобного, — Джарбаш покорно опустил голову.

— Джарбаш, я не буду наказывать тебя за содеянное, но отныне ты должен знать и помнить всегда, что подобное поведение про-

щается в последний раз. В противном случае я без промедлений казню тебя.

Фатих-шах поднялся с места, давая понять, что разговор окончен. Главный визирь Джарбаш склонился ещё ниже, затем попятился назад и покинул главную юрту.

* * *

— Наби-бек, Фатих-шах должен получить некую достоверную информацию о нас, которая не навредит нам, но покажется важной ему и подвигнет его на более активные действия. Мы должны иметь возможность влиять на его поступки. К тому же, если твой человек в ставке канглов утратит доверие, мы останемся без единственного и очень значимого для нас лазутчика, — пристально смотря на Наби-бека, высказал свою задумку куньбек Янгуй.

— Правитель, что такого значимого мы можем сообщить Фатих-шаху, чтобы он совершил нечто полезное для нас и во вред себе? Пока ничего в голову не приходит, — тихо и задумчиво произнёс Наби-бек, взволнованно поглаживая шрам на лице.

— Вот ты, Наби-бек, и подумай над этим. Сведения должны быть действительно важными, новыми, ставшими известными людям лишь частично и неопределённо. Иметь большое значение, но при этом быть окутаны некой тайной. Тогда они обретут значимость, станут притягательными для нашего противника и заставят его совершать поспешные поступки, не запланированные заранее, — глаза куньбека Янгуй азартно загорелись. — Да, Наби-бек, я понимаю, что сложно такое придумать, но, зная тебя, я верю, что ты на такое способен. Крепко подумай. Это очень важно. — Куньбек Янгуй ненадолго замолчал, взглянул на огонь в очаге, после чего вновь посмотрел на Наби-бека и как-то удивлённо мотнул головой. — Надо же, этот твой лазутчик Берджу становится очень важным человеком в наших отношениях с канглами, но самое удивительное в том, что ещё и единственным. Он действительно бесценен, мы должны дорожить им особенно.

— Правитель, а что, если обратиться к главному шаману? Может быть, он что-то подскажет нам? Он многое знает и умеет, — предложил Наби-бек и вопрошающе посмотрел на куньбека Янгуй, ожидая его решения.

— К главному шаману, говоришь? — переведя взгляд с Наби-бека на полыхающий огонь, вздохнув, задумчиво произнёс куньбек Янгуй. Он долго смотрел на пламя, то поджимая нижнюю губу, то выпячивая её, пребывая в каких-то своих мыслях, затем повернулся к Наби-беку. — Я был тогда юношей, и это был один из первых моих походов с небольшим отрядом в горной местности. Мы преследовали разбойников, грабителей караванов, поднимаясь всё выше и выше в горы по узкой тропе, на которой могли вмещаться лишь по два всадника в ряд. Когда мы поднялись уже довольно высоко, то оказались в местности, где слева от нас зияло очень крутое и глубокое ущелье, а справа была высокая отвесная скала. Надо сказать, что предводитель разбойников был весьма неглуп и, предусмотрев вероятность преследования, придумал довольно своеобразную защиту от погони, и она, следует признать, сработала. Огромный валун, почти с юрту величиной, перекрыл нам дорогу. В том месте тропа имела небольшую площадку, и валун лежал прямо на ней. Он не скатился вниз, в ущелье. Всё было правильно подготовлено. Незадолго до приближения к этому месту мы услышали сильный грохот впереди в горах, но не знали, откуда он исходит, и, только когда подошли ближе, всё поняли. Шум произвёл валун, скатившись на тропу и став непреодолимым препятствием на нашем пути. Моему возмущению не было предела. Я негодовал и был очень зол. Я даже не мог представить, что вернусь в стойбище с таким позором. — Куньбек Янгуй замолчал, как-то грустно улыбаясь уголками губ, затем слегка мотнул головой и продолжил: — Наби-бек, ты, видимо, не понимаешь, к чему это я вспомнил? Потерпи немного, и всё тебе станет понятным. Так вот, огромная каменная глыба полностью перекрыла тропу передо мной и моими воинами. Это было просто ужасно. Я стоял и смотрел на неё, а силы предательски покидали меня, выступая из тела обильным потом. Это был полный крах. Я не мог пошевелить даже пальцем, не говоря уже о руках и ногах. Полное оцепенение и безволие охватили меня. Ты не поверишь, но до сих пор при воспоминании о тех событиях меня пробивает дрожь. То, что произошло дальше, повергает в изумление. Пока я так стоял в полной растерянности, ко мне, спешившись, подошёл один из моих воинов довольно зрелого возраста. Он долго смотрел на валун, затем обратился ко мне с просьбой отступить подальше со всеми воинами и подождать там, пока он будет

освобождать путь. При этом он особо попросил отдать приказ, чтобы никто не смел смотреть в сторону валуна. Мне он разрешил видеть всё, что будет происходить. Это очень удивило меня, но в его глазах я увидел нечто такое, что заставило довериться ему. И я поступил так, как он и просил. Станный воин кивнул кому-то в отряде, и к нему, тут же спешившись, направились двенадцать воинов. Перед валуном он расставил их всех по какому-то своему расчёту — так, чтобы никто из них не перекрывал другому обзор на валун. Они повернулись правым плечом к отвесной скале, а левым к ущелью. Сам он встал в середине, и они замерли. Я молча и терпеливо наблюдал за их действиями, тем более что у меня не было иного выхода. Я ожидал, что воины начнут расшатывать валун или ещё что-то делать, но, к моему удивлению, они стояли без каких-либо действий. Как мне тогда показалось, стояли очень долго. Терпение моё несколько раз подходило к пределу, но всякий раз, когда я уже был готов прекратить это издевательское поведение, я вспоминал взгляд воина, обращённый ко мне, его глаза и через силу заставлял себя ждать, понимая, что он не зря всё это делает. Стояла такая тишина, что я слышал биение своего сердца. В какой-то миг он и воины стали раскачиваться из стороны в сторону — все как один, и я услышал гортанный звук, который они все издавали. Этот звук был очень похож на тихое волчье завывание. По мере того как нарастал темп раскачивания, усиливался и звук, который они издавали. Зрелище было неправдоподобным. Они были всё сильнее и сильнее и вместе с этим раскачивались всё быстрее и быстрее, причём делали это так, словно были единым целым. А дальше произошло то, что просто немыслимо. Если бы я не видел всего своими глазами, то никогда не поверил бы никому, доведись мне услышать о таком. Валун оторвался от земли, плавно и медленно поднимаясь вверх. Когда между ним и землёй было расстояние в один локоть, он стал смещаться в сторону ущелья, пока не повис над пропастью, а затем резко полетел вниз, наполняя всё вокруг грохотом. В то же мгновение этот странный воин и все, кто был рядом с ним, замолчали и рухнули на землю, словно нечто невидимое придавило их всех, внезапно обрушившись на головы. Я видел случившееся, но не верил своим глазам. Да, мне удалось наказать всех разбойников в их логове, а предводителя доставить в стойбище и казнить, но не это главное. Этот

странный воин и все, кто помогал ему, очень долго приходили в себя. Мы их привезли в стойбище, так как они пребывали в забытии. Со временем они обрели прежнее состояние, но о них и об их удивительных способностях знал только я... Этот странный воин, Наби-бек, и есть главный шаман, а те двенадцать воинов и поныне при нём, это наши шаманы. — Куньбек Янгуй замолчал и пристально посмотрел на огонь, а затем вновь на Наби-бека, не скрывавшего удивления. — Вижу, ты удивлён, Наби-бек. Иного я не ожидал. Да, ты прав. Наш главный шаман много знает и умеет. Ты, я уверен, за все эти годы заметил, что я редко встречаюсь с ним. К моему сожалению, на то есть причины. Но об этом я могу говорить только с ним, а когда это случится, я пока не знаю. Все-му своё время, — куньбек Янгуй надолго замолчал.

Наби-бек под впечатлением от услышанного тоже молчал. Они долго сидели, каждый думая о своём, пока Наби-бек весьма деликатно не нарушил повисшую в юрте тишину:

— Прости, правитель, но, может быть, пришло это время?

— Может быть, — куньбек Янгуй посмотрел Наби-беку в глаза. — Может быть, оно уже настало.

* * *

Пять юрт, в которых обитали шаманы, располагались в небольшом отдалении от главного стойбища усуней, в лесном массиве, возле небольшой речушки, на ледяной поверхности которой была прорублена лунка для забора воды. Туда вела петляющая среди деревьев тропа, протоптанная в снежном покрове. Юрта главного шамана находилась в самом центре этого маленького поселения, а четыре других юрты размещались вокруг неё на равном отдалении и строго по сторонам света. Из открытых отверстий на куполах всех юрт тянулись вверх белёсые струйки дыма. Никакой живности, кроме десятка овец в загоне за одной из юрт, здесь не было. Оставив охрану на отдалённых подступах к этим жилищам, куньбек Янгуй и Наби-бек спешили в нескольких десятках шагов от них и направились к юртам по хрустящему снегу, оглядывая окрестности. Когда они поравнялись с ближней к ним восточной юртой, на входе центральной юрты откинулся полог и оттуда вышел высокий, седовласый, седобородый старец, без головного убора, с накинутой на плечи светлой длинной овечьей шубой. Он замер, смотря на пришедших.

Куньбек Янгуй остановился в двух шагах от шамана. Наби-бек почтительно отстал от правителя. Старец и куньбек Янгуй долго стояли и молча смотрели друг другу в глаза, после чего крепко обнялись. Смотри на столь трогательную и душевную встречу, произошедшую впервые за многие годы, Наби-бек нервно потёр шрам на лице и опустил голову, понимая неуместность своего присутствия. Не желая мешать встрече, он тихо развернулся и хотел было уйти к оставленным лошадям, но увидел человека, который стоял со склонённой головой возле входа в восточную юрту и держал открытым полог, приглашая войти. Наби-бек, приветствуя его и благодаря за понимание и радушие, приложил руку к груди, слегка склонив голову, и вошёл внутрь.

Разжав объятия, старец и куньбек Янгуй вошли в главную юрту. Пройдя в дальнюю её часть, они расположились на расстеленных на полу овечьих шкурах. В очаге, сгорая, потрескивали дрова, источая жар и наполняя юрту теплом. Тихо вошёл один из помощников старца и молча подал им чаши с горячим бульоном, после чего принёс хлеб, сыр и творог и удалился.

Пригубив чашу, куньбек Янгуй окинул взором простое убранство юрты и посмотрел на старца:

— Главный шаман, как всегда, живёт скромно и отчуждённо. Всё так, как было прежде. Ничего не изменилось.

— Правитель, ты же знаешь, что мне и моим людям для жизни хватает самого малого и необходимости в излишках нет. Ты всё даёшь нам и никогда не забываешь о нас. Мы благодарны тебе за это. Мы не испытываем нужды ни в чём. У нас есть еда и тёплый кров. Что ещё нам нужно? — всматриваясь умными глазами из-под мохнатых седых бровей в лицо куньбека Янгуя, тихим, но очень густым голосом произнёс главный шаман.

— А где лошади и коровы, которых я недавно отправил тебе? — улынувшись, спросил куньбек Янгуй. — Нигде не увидел этой живности.

— Прости, правитель, но их я раздал тем, кто нуждался в них больше, чем я. Им они принесут пользу, а для меня это только обуза. Ты уж не сердись за это, но тех лошадей и того скота, что ты присылаешь, уже хватило бы, чтобы десяток стойбищ долго жили беззаботно. Дары твои щедры, правитель, вот только заслужил ли их я, — вздохнул старец, отведя взор от правителя.

— Поступай как знаешь. Тебе видней. Сердиться за это, зная тебя, было бы глупо с моей стороны. Я ведь просто спросил, — куньбек Янгуй тоже вздохнул и отпил из чаши.

— Странно как-то, правитель, — старец грустно посмотрел в глаза куньбека Янгуя, — мы с тобой так долго не виделись и вот встретились, а говорить нам вроде как и не о чём. Это удивительно. Ты, возможно, не поверишь, но я часто веду беседы с тобой. Иногда мы даже ссоримся. — В глазах старца мелькнул озорной огонёк, но тут же потух. — И такое бывает, ты уж прости за это, но порой по-другому не получается. Главное, после таких бесед у меня на душе всегда легче становится, словно мы с тобой на самом деле разговаривали. — Старец вздохнул и замолчал, разглядывая чашу в руке.

— Да, мой мудрец, я понимаю тебя. Скажу больше, я тоже часто веду с тобой беседы, особенно тогда, когда мне сложно. А такое, к сожалению, здесь бывает почти всегда, — куньбек Янгуй ненадолго задумался. — Вот ты сказал, что мы встретились, а говорить нам вроде как и не о чём. А знаешь, почему так кажется? Это лишь потому, что мы с тобой никогда не прерывали наших бесед, даже если и долго не виделись. — Куньбек Янгуй улыбнулся уголками губ и слегка кивнул в знак правоты своих слов. — Скажи, ты же знаешь, почему я навестил тебя?

— Да, правитель, я знаю, — старец перевёл взгляд с чаши на куньбека Янгуя. — У тебя есть на это две причины. Одна стара как мир. Другая свежа, как младенец.

— Верно. Ты, как всегда, прав, — куньбек Янгуй опустил чашу на поднос. — Мы с тобой оба знаем о первой причине, и оба старательно обходили её всё это время, не касались её осознанно в наших редких встречах. Ты это делал из уважения ко мне, к моему положению, а я так поступал из-за угрызений совести перед тобой и от охватывавшей меня от этого нерешительности первым сделать шаг к тому, чтобы раз и навсегда покончить с взаимными обидами. Прошло столько времени, а те давние раны так и не затянулись в каждом из нас, по сей день кровоточат. Их невозможно залечить. Нет от них исцеления. Мы с тобой оба это понимаем, но я полагаю, что бесконечно такое продолжаться не может, так как много с тех пор утекло воды и мы уже далеко не молоды. Одним Небесам известно, сколько времени нам осталось ходить под ними, но мы точно знаем, что не дольше того, что мы под ними

уже пребываем. Если позволишь, я готов объяснить тебе то своё давнее поведение, из-за которого и возникло наше с тобой отдаление друг от друга, словно мы стали непримиримыми врагами. Что скажешь на это?

Куньбек Янгуй говорил очень почтительно и теперь вопрошающе смотрел на старца с искренним уважением в глазах. Шаман долго и внимательно глядел ему в лицо, будто хотел через глаза заглянуть в самую глубину его души и увидеть там всё самое сокровенное, что утаивалось ото всех в этом мире, затем напряжение в его зоре убавилось, и он отвёл глаза и погрузился в свои думы. Он долго молчал, пока вновь не посмотрел на правителя, но уже спокойно и понимающе.

— Правитель, коль ты уверен в том, что время для этого настало, я готов выслушать тебя, но прежде я скажу, что в моей душе, кроме боли при воспоминаниях о том дне, ничего не осталось. Нет в ней обиды на тебя. Нет злости, как нет и негодования, и возмущения. Шли дни, переливаясь в годы, и все эти чувства постепенно угасали, будто таяли, как снег под тёплыми весенними лучами светила. Хвала Вечным Небесам, к седовласым годам я освободился от терзавших меня тягостных мыслей и избавился от бередивших мою душу чувств, — старец замолчал, посмотрел на свои руки, испещрённые морщинами, с узловатыми суставами на пальцах и вновь поднял взгляд на собеседника. — Ты прав, правитель, без этого разговора нам обоим было бы трудно жить дальше и ещё труднее было бы покинуть этот бранный мир. Недосказанность висела бы тяжкой и непосильной ношей на наших хрупких шеях, не давая нам возможности дышать в полную грудь. Вот поэтому твоя совесть здесь, а моя боль ждала её, — старец слегка склонил голову и несколько раз едва заметно кивнул.

— Друг мой и учитель мой, мне всегда было сложно говорить с тобой. Я правитель целого народа и, казалось бы, всемогущ и всевластен над подданными, и нет никого среди них, перед кем бы я мог испытывать неуверенность в себе и совеститься за что-то. Это почти так, но всё дело в этом самом единственном исключении, коим являешься только ты... Ты для меня имеешь особенное значение, и не потому, что я в вечном долгу перед тобой за множество дел, совершенных для меня и для нашего народа. Конечно, это очень важно, и мы всегда за это благодарны тебе. Я о другом хочу сказать...

После первой встречи с тобой, когда я стал свидетелем твоих уникальных способностей, мною овладело желание быть единственным человеком, кто мог бы иметь власть над тобой и чьи веления ты исполнял бы. Несмотря на мою молодость, горячность и огромное количество ошибок и заблуждений, которые ты, безусловно, видел, ты, тем не менее, терпеливо относился ко мне и проявлял должное уважение, даже если что-то было тебе не по душе. Позже я понял, что ты великодушно оберегал моё имя, дабы и лёгкая тень осуждения не пала на него даже краешком. Многими самыми важными достижениями я обязан тебе, твоим советам, напутствиям и способностям. Но в те годы об этом никто не знал, и я в силу молодости и по своей глупой наивности воспринимал твоё поведение как должное и само собой разумеющееся, совершенно не думая о том, что ты можешь от этого страдать, ощущать несправедливость по отношению к себе. Мне было не до этого. Я наслаждался своими успехами и упивался восторженными людскими взглядами и похвалами. То, что случилось тогда с тобой, учитывая моё честолюбивое поведение, было вполне естественным для меня — человека, считавшего себя исключительным и единственным в своём роде. Горькое осознание всего этого пришло позже, когда я возмужал и особенно когда обзавёлся семьёй, — куньбек Янгуй замолчал, взял чашу, долго смотрел на неё, потом опустил её на место, вздохнул и продолжил: — Всё, что случилось, всё это от моей ревности ко всему, чем я владею. Я тогда уверовал, что ты часть моей собственности. Странно это, но это правда. Скажи кому-нибудь о таком, никогда не поверят и, более того, засмеют. Я ведь как полагал тогда. Всё, что принадлежит мне, принадлежит только мне, и никак иначе не может быть. Такое отношение распространялось и на людей. Иного я даже представить не мог. Помимо всего, я был сыном самого правителя, и это очень сильно влияло на меня, придавая уверенности во всём, что я делал. Когда я узнал о том, что ты стал тайно встречаться с девушкой, моему негодованию не было предела. Я был до крайности возмущён твоим поведением. Мне не было дела до того, кто она, из какой семьи и есть ли в ней чувства к тебе. Одно то, что ты вдруг посмел так поступить, вызвало во мне гнев, но первым чувством, которое я испытал, узнав о ваших встречах, было чувство предательства с твоей стороны. От одной мысли, что ты можешь перестать всецело принадлежать мне и только мне, я

приходил в бешенство. Я совершенно не думал о том, что ты уже в зрелом возрасте и тебе пришла пора иметь семью, воспитывать детей и жить как все. Я не думал об этом. День и ночь меня терзали мысли о том, что ты сблизишься с ней и станешь делиться с ней своими тайнами, а она будет давать тебе всякие советы, и ты со временем перестанешь быть преданным только мне. Вот эти думы изводили мою душу и не давали мне покоя. Сперва я не знал, как поступить с тобой. Я установил за тобой слежку, и лазутчики, к моему сожалению, всякий раз приносили сведения о ваших встречах. Потом я решил немного подождать, надеясь на то, что отношения не будут долгими. Но этого не случилось. Вы становились всё ближе и ближе друг к другу. Я знал об этом и видел разительные перемены в тебе. Однажды я понял, что на тебя я уже повлиять не смогу. Вот тогда я и принял окончательное решение. Я подумал: коль не могу воздействовать на тебя, то в моих силах принять меры в отношении неё...

Куньбек Янгуй вновь замолчал, задумчиво глядя на огонь. Он не заметил, как при последних его словах старец очень сильно сжал одной рукой ладонь другой, да так, что костяшки на пальцах мгновенно побелели. Они сидели и молчали под треск дров в очаге, погружившись в нелёгкие думы.

— Прости меня, мой мудрец, я не знал о том, что у неё под сердцем уже билось ещё одно сердце, — тяжело вздохнув, посмотрел на старца и тихо завершил своё признание куньбек Янгуй. — Прости, если сможешь, — почти прошептал он.

— А что изменилось бы, правитель, если бы ты узнал об этом? — после долгого молчания, устало проведя ладонью по лицу, спросил старец, посмотрев на куньбека Янгую, и сам же ответил: — Полагаю, что ничего бы не изменилось и ты поступил бы точно так, как поступил. Ты не стал бы её щадить ни при каких обстоятельствах. Я часто думал об этом все эти годы и ни разу не усомнился в своей правоте. У тебя не было ни одной причины оставлять её в живых, и её беременность не остановила бы тебя, правитель. Тогда ты предпринял все меры для того, чтобы я не помешал тебе в твоём замысле в отношении её судьбы: окружил меня своими людьми и запретил им выпускать меня из жилища. Ты не мог знать, догадываюсь я или нет о принятом тобой решении, но, учитывая мои способности, ты сделал всё для моего за-

точения в тот день. Наверняка тебе, правитель, хотелось бы услышать о том, знал ли я тогда обо всём, что ты готовишь для неё, и догадывался ли о положении, в каком оказались и я, и она. Я скажу тебе правду, правитель. У меня было видение накануне того злосчастливого дня, и оно касалось только нас, меня и её. Видение было сложным и не очень понятным поначалу. Суть его сводилась к тому, что некая напуганная босоногая старуха вышла на вечерний берег реки, осторожно ступая, подошла к раскидистому, ветвистому, одинокому дереву и, в ужасе опустившись перед ним на колени, стала причитать и в кровь расцарапывать своё лицо. Это была предвестница чьей-то смерти, оплакивавшая кого-то, кто должен был скорострительно покинуть этот мир. Я, конечно же, не мог понять, чью кончину предвещала она, но место, на которое она пришла, было для меня знакомо. Там мы и встречались втайне ото всех. — Старец вновь тяжело вздохнул и отвёл грустный взгляд от куньбека Янгуй.

— Что ж, я всё понял и мне больше нечего сказать тебе, мой мудрец, — куньбек Янгуй всем видом показал, что собирается покинуть старца. Он выправил осанку и нервно провёл ладонями по коленям.

— Правитель, прежде чем ты уйдёшь, я хочу сказать о второй причине твоего посещения, — заметив готовность куньбека Янгуй к прощанию, остановил его старец. — Я вижу, тебя одолевает какой-то замысел, важный и сложный, но ты не знаешь, как воплотить его в жизнь. Так вот, правитель, если ты поймёшь меня правильно, то найдёшь единственно верный путь для этого. Послушай внимательно. Есть ненастье, но есть и ясная погода. Есть рассвет, но есть и закат. Есть голод, но есть и насыщение. Есть жажда, но есть и её утоление. Есть усталость, но есть и отдых. Есть болезнь, но есть и исцеление от неё. Есть вина, но есть и покаяние. Это всё, что я хотел сказать тебе, правитель. А теперь пришло время прощаться.

Старец поднялся на ноги. Куньбек Янгуй тоже встал. Они смотрели в глаза друг другу.

— Правитель, вот что ещё я хочу тебе сказать, прежде чем ты уйдёшь. Я давно простил тебя за свершённое. Ты должен был понять это, видя, как я служу тебе все эти долгие годы, — прищурившись и как-то оценивающе рассматривая лицо куньбека Янгуй, спокойно проговорил главный шаман.

Куньбек Янгуй, не отводя глаз, несколько раз понимающе слегка кивнул.

* * *

«Столько лет я жил с этой тяжкой ношей в душе. Свыкнуться с этим нельзя. О Небеса, как же это сложно!.. Порой она была просто невыносимой... Никогда бы не подумал, что такое может быть. Теперь я точно знаю: чем сильнее ты уважаешь и почитаешь человека, тем тяжелее груз от неоправданного насилия, совершённого тобой по отношению к нему, даже если такое случилось всего лишь раз. Оказывается, ничто так не угнетает самого человека и так не довлеет над ним, как его же совесть, оттеснённая усилием воли в какой-то момент ради достижения цели и проявившая себя в полную силу после этого. Никогда не нужно надеяться, что совесть оставит тебя в покое после совершенной тобою несправедливости. Так не бывает. Совесть есть постоянная частичка в твоей душе, частичка Вечного Неба, дабы ты ни при каких обстоятельствах не переставал быть человеком и не прикрывался всевозможными оправданиями неблагоприятных поступков. Совесть есть мерило твоей же чести. Совесть не зависит от величия власти в твоих руках и от количества богатств, которыми ты обладаешь. Она живёт в тебе обособленно, словно зоркий орёл обитает в гордом одиночестве на вершине горы. Подобно ему, она видит всё, что творится в твоей душе, и возникает в твоём разуме. Совесть как твоя мать, всегда любящая, всё подмечающая, терпеливо сносящая все твои шалости, но никогда не позволяющая тебе ничего постыдного, дабы чистота души и невинность в помыслах жили в тебе как можно дольше. Очень жаль, что ты иногда забываешь об этом. Порой ты даже пытаешься хитростью обойти свою совесть. Такое невозможно. И получается так, что, чем раньше ты это познаешь, тем меньше в своей жизни совершишь непоправимого. Зачастую тебе кажется, что никто не видит того, что ты совершаешь в одиночестве. На самом же деле это твоё заблуждение. Всегда и везде присутствует единственный и всевидящий свидетель всем твоим потаённым и сокрытым от чужих глаз поступкам. И этот свидетель — твоя совесть, а значит, и Вечные Небеса осведомлены обо всём. Если поступки твои так или иначе очевидны, так как обязательно проявляются в действиях, то мысли твои, казалось бы, принадлежат только тебе, поскольку

появляются в твоей голове и обитают только в ней, и совершенно не известны никому, кроме тебя. Но что есть мысль сама по себе, без воплощения её в жизнь? Для других — ничего, но для тебя она имеет большое значение. А это значит, что она, с одной стороны, значима только при её воплощении в действия и в итоге становится известна многим, а с другой стороны, если ты не претворяешь её в жизнь, то она остаётся в твоей же памяти, и ты живёшь с ней дальше вне зависимости от того, гложет она твою совесть или нет. Получается, что мысль, породившая поступок, и мысль, не породившая его, имеют равную значимость для тебя, поскольку обе они связаны с твоей совестью. Для совести важно — благая твоя мысль или же зловредная. Если первое, то ты живёшь спокойно, но если второе — теряешь душевный покой. К тому же очень важно, к каким последствиям они привели», — прервав думы, куньбек Янгуй обулся, накинул на плечи шубу, вышел из левого крыла, миновал главную юрту и шагнул под открытое небо.

Стояла глубокая ночь. Стражники у двери и на всей террасе перед главной юртой тут же поправили осанки и склонили головы. Куньбек Янгуй спокойным шагом прошёл до ступенек, спустился и направился к берегу, окидывая взором чёрный небосвод с тусклыми редкими далёкими звёздами. Двое стражников с факелами последовали за ним. Остановившись в нескольких шагах от воды, он плотнее запахнул на себе шубу и стал смотреть на тёмную водную гладь, сливающуюся вдаль с небесной теменью. Прерванные раздумья вновь потекли в его голове.

«Как хорошо, что наконец-то состоялся этот непростой разговор с главным шаманом. Сколько раз я порывался сделать это, но всегда что-то мешало. Верно говорят, что всегда и всему есть своё время. Вчера наступило оно для нашего разговора. Я не знаю того, легче ли ему стало от этого или нет, но мне этот разговор облегчил душу, хотя я сказал ему большую часть правды, но не всю до конца. На такое решиться я пока ещё не могу... Надеюсь, что и ему полегчало. Он очень мужественный и терпеливый человек. За столько лет страданий он ни разу даже намёком не дал понять о душевной боли от утраты самого дорогого ему человека, не позволил себе проявить слабость и бросить мне в лицо обвинение в содеянном, хотя имел на это право, и слабостью это не счёл бы никто. Он сильный, не мстительный, не злопамятный и предан-

ный делу человек. Я понимаю, почему он ограничивает себя во всём, хотя при его положении и заслугах мог бы жить в роскоши, позволяя себе многое. Таким образом жизни он заглаживает вину перед памятью о своей избраннице за то, что не сумел её спасти, за то, что не успел отвести от неё беду. Вот так он существует и показывает, что без неё в этом мире его ничто уже не радует и не прельщает. Да, это так. У него, в отличие от меня, и совесть чиста, и честь не запятнана, — куньбек Янгуй тяжело вздохнул. — Достаточно беречь душу этими размышлениями. Всё получилось так, как получилось, и изменить уже ничего невозможно. Теперь следует подумать над тем, что он сказал мне напоследок». Куньбек Янгуй вдохнул полной грудью холодный свежий воздух, развернулся и пошёл обратно. Стражники последовали за ним. Войдя в юрту, он направился в левое крыло, скинул шубу с плеч, устало опустился на лежак, покрытый мехами, стянул с ног тяжёлые сапоги, откинулся на спину, заведя руки за голову, стал смотреть на дымоходное отверстие в купольном своде и отдался думам: «И рассвет и закат, и голод и насыщение, и жажда и утоление, и всё остальное тоже в своей паре — как день и ночь. Что же он хотел сказать? Он явно догадывается о том, что я задумал, вернее, знает об этом и дал мне подсказку, как делал это всегда, но что он имел в виду, вот над чем следует подумать. Что из всего сказанного может мне помочь? Усталость и отдых, вина и покаяние... Что ещё он сказал? Болезнь и исцеление... Как что-то из этого всего может мне помочь?! — Куньбек Янгуй присел и устало провёл ладонью по лицу. — Усталости во мне хоть отбавляй. Что есть, то есть. Это уж точно мне не поможет. Покаяние уже случилось вчера. Я поведал главному шаману о вине перед ним. Рассвет, голод, и жажда, и всё, что связано с ними, также в моей ситуации бесполезны. Остаются только болезнь и исцеление. Но что это значит? Болезнь и исцеление от неё... Может быть, он имел в виду, что меня скоро ожидает какое-то недомогание? Но я, хвала Небесам, здоров и чувствую себя не хуже, чем раньше. К тому же он всегда в таких случаях, при его видениях о возможных болезнях или ранениях, посылал мне восточку и вчера сказал бы об этом. Так что же он спрятал за этими словами? Я уверен, что именно они важны и помогут найти нужное решение. Так-так, похоже, я на верном пути. — Куньбек Янгуй оживлённо поправил одну из

подушек и облокотился на неё. — Болезнь... Болезнь... Он имел в виду не чью-то болезнь, иначе дал бы мне понять. Значит, он сказал о болезни моей, но болезни не явной, а мнимой. Выходит так, что я должен притвориться, что болен. Вот что он имел в виду! Мне нужно поступить так, и об этом сразу узнают в ставке канглов. Для правдоподобности следует скрыть правду ото всех и у себя, чтобы все мои подданные тоже искренне поверили в это. Так будет достовернее выглядеть на тот случай, если среди моих людей есть лазутчики Фатих-шаха... Всё правильно, но что это всё мне даёт? Какая польза для меня от этого?.. А ведь есть она! Фатих-шах, узнав о моём серьёзном недомогании, явно обрадуется и начнёт активно действовать. Он не упустит такой возможности, а я буду следить за ним и влиять на него. Так вот что имел в виду мой главный шаман! В который уже раз он удивляет прозорливостью или же, вернее сказать, удивительными способностями. В это сложно поверить, но это так. Ай да шаман! Ай да мудрец! Ну что же, всё верно. Он помог мне, и пора начинать действовать... Уже светает. Нужно срочно вызвать Наби-бека. Только ему да ещё и Хаан-беку я могу сообщить о своём решении, только они будут знать всю правду. Ну и, конечно же, от главного шамана не стоит утаивать, да это и невозможно, поскольку он подвёл меня к решению мудрым советом... Так... А теперь необходимо вспомнить, как должен выглядеть тяжелобольной человек». Куньбек Янгуй запустил руку за пазуху и, поморщившись, потёр грудь.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

— Прошло пять дней, как мы покинули твоё стойбище, старейшина, и теперь мы вновь здесь, словно и не было многодневного отсутствия. Какие новости у тебя? Всё спокойно? — протянув руки к огню в очаге, взглянул на старейшину Иджими.

Его друзья, сняв шубы, расселись на шкуры, оживлённо потирая ладони, о чём-то негромко переговариваясь и согреваясь в тёплой юрте.

— Особых новостей нет, властитель. Те странные пленники ещё тяжелы. Лекарь постоянно рядом с ними и заботится о них. Они то приходят в себя, то вновь впадают в забытьё. Сильно простужены. Огнём горят и надрываются кашлем. Боюсь, что долго так не

протянут. Лекарь сказал, что если в эти два дня не умрут, то дальше пойдут на поправку. Что же, всё посильное он сделал, остаётся только ждать, — аккуратно подкладывая дрова в очаг, спокойно ответил старейшина, и, как-то странно взглянув на друзей Иджими, посмотрел ему в глаза, и, понизив голос до шёпота, продолжил: — Лекарь об одной странности мне доложил. — Старейшина многозначительно вскинул брови и приблизился к Иджими.

— Говори, — заинтересованно и тоже переходя на шёпот, почти заговорщически отозвался Иджими.

— Властитель, даже не знаю, смею ли я распространяться о таком, — неуверенно пожав плечами, замялся старейшина.

— Смеешь, смеешь, друг мой, но только мне. Не волнуйся. Говори, — подбодрил Иджими.

— Властитель, один из этих хворых в горячке несколько раз произнёс одно и то же имя. Имя женское, — округлив глаза, прошептал старейшина.

— Ну, и что за имя? — едва сдерживаясь от нетерпения, спросил Иджими.

— Вот в этом-то и вся странность, властитель, — вновь мельком и с опаской взглянув на друзей Иджими, ещё тише прошептал старейшина.

— Да говори уже толком, что за имя такое, — сверкнув глазами, почти процедил сквозь зубы Иджими.

— Дильбар, властитель. Он называл это имя, — старейшина наконец-то осмелился назвать имя и вытер рукой моментально вспотевший лоб.

— Дильбар? — удивлённо переспросил Иджими. — Ты уверен в этом?

— Да, властитель, уверен. Это имя он называл несколько раз, — закивал старейшина.

— Послушай меня, старейшина, и точно ответь мне. Ты сам слышал или лекарь тебе сказал? — Иджими напряжённо смотрел в глаза старейшины. — Только говори, как есть на самом деле.

— Когда лекарь услышал имя в первый раз, он сразу же мне об этом доложил. После этого я стал чаще навещать ту юрту, и сам несколько раз слышал, как тот больной произносил это имя в бреду, — уверенно ответил старейшина. — Я велел никому, кроме лекаря, в юрту, где лежат больные, не входить. Мало ли что. Тебя, вла-

стителю, дожидаясь, хотя, прости меня, не был уверен, можно ли об этом тебе сообщать.

— Ты об этом не беспокойся. Поступил ты правильно. Больше никому не говори. Это очень важно, — убедительно сказал Иджими, строго смотря старейшине в глаза. — Потом покажешь мне его.

— Покажу, властитель, — с готовностью кивнул старейшина.

— А второй что?

— Второй плох. Тот ничего не говорил.

— Мы хотели на рассвете отбыть обратно, но, видимо, теперь придётся задержаться. Ты прав. Странно всё это. Очень странно, — посмотрев на огонь, задумчиво проговорил Иджими, затем вновь взглянул в глаза старейшины. — Ты же видел их. Скажи, а знакомыми они тебе не показались? Ну хотя бы кто-нибудь из них? Прежде ты не встречал их где-нибудь?

— Нет, властитель, я их не знаю. Это точно. Я разглядывал их все эти дни, но уверен, что не видел никогда раньше, — уже более спокойно сказал старейшина.

— Ну хорошо. Не видел так не видел. Пора отдыхать. По лесам поскитались мы вдоволь. Живности, как ни старались, не нашли. Даже волчьих следов нет. Получилась не охота, а прогулка по холоду в заснеженных лесах. Ничего, это тоже на пользу нам, — Иджими сдержанно улыбнулся и направился к друзьям.

* * *

Наби-бек стоял перед своей юртой и осматривал стойбище, с удовольствием вдыхая свежий морозный воздух. Увидевдвигающуюся в его сторону группу вооружённых всадников и заснеженную кибитку, следовавшую за ней, за которой на привязи шёл осёдланный скакун, он всмотрелся и сразу узнал своего старшего сына Иджими и его друзей. У длинной коновязи они осадил лошадей и спешили. С кибитки, закрепив поводья, спрыгнул на землю Айю, и все юноши вместе подошли к Наби-беку и замерли, почтительно склонив головы и приложив руки к груди. Наби-бек тоже приветствовал их.

— Вижу, охота была у вас удачной, хвала Небесам, — взглянув на кибитку, довольно произнёс Наби-бек и, улыбнувшись, добавил: — А Айю, как я заметил, стал возничим. Он, похоже, всё умеет делать.

— Отец, благодарим тебя за добрые слова, — вновь приложив руку к груди и склонив голову, произнёс Иджими. — Охота получилась на редкость удачной, но не совсем обычной.

— Что-то случилось? — перестал улыбаться Наби-бек.

— Отец, позволь моим друзьям отбыть к своим семьям, а я тебе всё объясню, — испросил разрешения Иджими.

— Да, конечно, — кивнул Наби-бек. — Поезжайте по домам. — Он окинул взглядом друзей сына.

Юноши почтительно склонили головы и направились к лошадям.

— Отец, в этот раз мы вернулись без добычи. Зверя не нашли, но есть кое-что другое. Взгляни, — приглашая к кибитке, произнёс Иджими и пошёл в её сторону.

Наби-бек удивлённо посмотрел на сына и последовал за ним. Иджими прошёл к кибитке с задней стороны и приподнял свисающий полог. Наби-бек заглянул внутрь. Там лежали два человека, укрытые по самый подбородок овечьими шубами. Наби-бек оглядел их, затем вопросительно посмотрел на сына:

— Кто это?

— Отец, позволь их отправить к шаманам. Они очень плохи, и лекари, боюсь, не смогут помочь им, а шаманы, надеюсь, смогут, — попросил Иджими. — Я всё расскажу тебе потом.

— Сын мой, что это всё означает? Кто они такие, что ты так заботаешься о них? — строго спросил Наби-бек, смотря в глаза Иджими.

— Отец, прости, но их нужно спасти. Хотя бы одного из них. Это очень важно. Нужно спешить, отец. Прошу тебя. Скоро ты всё поймёшь, — не отвечая на вопрос, торопливо проговорил Иджими.

— Ну, раз так, то отвези их сам и скажи главному шаману, что это я прошу его помочь этим двоим, — не очень довольный позволил сыну Наби-бек. — После этого жду тебя у себя.

Наби-бек заложил руки за спину и направился к юрте.

— Благодарю, отец, я быстро вернусь.

Иджими приложил ладонь к груди, склонил голову и побежал к своему скакуну у коновязи, отвязал его, спешно подвёл к кибитке, привязал к ней сзади и ловко взобрался на место возничего.

* * *

— А сам ты слышал? — спросил Наби-бек сына Иджими.

Они сидели на шкурах в юрте Наби-бека, пили горячий бульон и беседовали.

— Да, отец, один раз за два дня, что мы задержались в том стойбище. Этот человек довольно отчётливо произнёс имя. Он бормотал что-то ещё, но всё было неразборчиво, — ответил Иджими.

— Имя редкое, — задумчиво проговорил Наби-бек. — Кроме как у дочери нашего правителя, я не слышал. Ты прав, сын мой, всё это весьма странно. — Наби-бек пригубил чашу. — Ты уверен в том, что, кроме тебя, старейшины и его лекаря, никто об этом не знает?

— Если старейшина и лекарь никому не обмолвились. С ними я говорил об этом. Они, как мне показалось, всё поняли и должны молчать. Хотя полной уверенности нет, — сказал Иджими, не сводя глаз с лица отца, и тут же спросил: — Может быть, следовало их доставить к тебе, отец?

— Не думаю, что они ослушаются старшего сына самого дуглу. Не следует беспокоиться. Я знаю этого старейшину. Он не силен умом, но верный воин и своё место знает. К тому же нам не нужны лишние разговоры по этому поводу. Ты всё сделал правильно. О случившемся, кроме тебя, знают только двое, а забери ты с собой оттуда старейшину и лекаря, да ещё и этих двоих, — всевозможных толков было бы не избежать, — потеряв шрам на лице, успокоил сына Наби-бек.

— Отец, эти двое пробыли там довольно долго, а что, если ещё кто-то, кроме старейшины и лекаря, без их ведома посещал ту юрту и слышал всё это? Такое же могло случиться? Тогда наш правитель может узнать об этом не от тебя. Что будет, если такое вдруг произойдёт? — взволнованно спросил Иджими и торопливо продолжил: — Правитель узнает и о моём нахождении там и сочтёт, что ты, отец, не поставил его в известность. Он не поверит, что ты не был осведомлён о случившемся.

— Ты прав, сын мой, всякое может случиться, но тебе не следует так переживать за меня. Это уже моя забота. Поверь, я приму правильное решение, и для этого мне нужно подумать, — дал понять, что беседа на эту тему завершена, Наби-бек.

— Как скажешь, отец, — Иджими прижал руку к груди и слегка склонил голову.

— Ну а теперь поговорим о главном, сын мой, — опустив чашу на поднос и погладив бороду, произнёс Наби-бек.

— Да, отец, в условленном месте я встретился с человеком визиря огузов Карима. Мои друзья приняли все меры предосторожности.

Никто в той местности замечен не был. На встречу он прибыл один. В подтверждение того, что является посланником визиря, он показал перстень. Я внимательно осмотрел его, и перстень обладал всеми приметам, о которых ты сказал. Сомнений не было. Это было доверенное лицо визиря, — Иджими начал излагать информацию о главной цели посещения южного стойбища, в которое он с друзьями отправился якобы для охоты.

— Что сообщает визирь? — спокойно спросил Наби-бек.

— Отец, он передал, что их правитель Хан-суна-шах проявляет нерешительность в переговорах с правителем канглов Фатих-шахом о предстоящем совместном весеннем походе в наши земли, на котором пытается настаивать Фатих-шах. Он сообщает, что озабочен тем, что его правитель может вступить в этот союз.

Иджими пригубил чашу.

— Вон оно как... Если я правильно понял, то сам он не поддерживает правителя в этом вопросе. Он против этого союза... Что ещё он сообщил? Какую помощь может нам оказать? — нахмутив брови и потеряв шрам на щеке, продолжил Наби-бек.

— Отец, главное из всего, что он сообщает, заключается в следующем. Визирь готов сделать всё, чтобы военный союз канглов и огузов не был создан, но цена, которую он запросил за своё содействие в этом, мне кажется, очень велика.

Иджими возбуждённо смотрел в глаза отцу.

— Что он хочет за это? — не скрывая охватившего его волнения, понизив голос, спросил Наби-бек, подавшись к сыну.

— Трон огузов, отец, — не сводя глаз с отца и осторожно опустив чашу на поднос, ответил Иджими.

— Так вот в чём дело... — протянул Наби-бек, выпрямился, слегка запрокинув голову назад и прикрыв веки. — Теперь становится понятным его поведение. Следовало ожидать этого, учитывая его настойчивость на наших с ним тайных переговорах.

Наби-бек вновь посмотрел на сына.

— Что ещё он передал?

— Отец, он сообщил, что если мы согласны на его условие, то он, помимо противодействия созданию союза, приложит все усилия для того, чтобы начать войну с канглами, как только они развяжут военные действия против нас. Разгромив совместно с нами

канглов, он будет готов взять власть в свои руки над огузами при нашей военной помощи, — заёрзав на месте, продолжал Иджими.

— Понятно, сын мой, это понятно. А насчёт дальнейшей судьбы канглов что он сказал? — поведя плечами, уточнял Наби-бек.

— И об этом он высказался, отец. Он сказал, что если придёт к власти при нашем содействии, то земли канглов мы с ним поделим поровну, — вновь взяв чашу в руки и сделав большой глоток, ответил Иджими.

— Надо же, он всё продумал... Но что меня удивляет больше всего, так это то, что он слишком откровенно заявляет нам о своих планах, при этом совершенно не зная нас и, соответственно, очень рискуя не только своим высоким положением, но и своей жизнью. Так, сын мой, поступает человек либо очень честостлюбивый и глупый, либо умный и уверенный в себе, но не обладающий достаточными возможностями и военной мощью, способными привести его к преимуществу над соперником. К тому же на столь отчаянный шаг человек идёт только тогда, когда уже исчерпал все другие возможности и очень желает с пользой для себя воспользоваться сложившейся ситуацией. Если я прав и он действительно человек вдумчивый и прозорливый, то по-своему он поступает весьма разумно и время для захвата власти над огузами выбрал очень даже подходящее. Его желания и предложения понятны, но возникают другие вопросы. Какой на самом деле силой он обладает у себя? Способен ли совершить всё, что обещает? Поступит ли так, как заверяет? Вот что важно. Вот что следует очень срочно узнать. И только после этого можно принимать окончательное решение по его предложению, — задумчиво произнёс Наби-бек, затем взглянул на сына: — Что ты ответил?

— Отец, я сказал, что о принятом решении ему сообщит наш человек в главном стойбище канглов, который будет находиться среди торговцев и ждать его каждые десять дней со дня нашей встречи, — ответил Иджими.

— Сын мой, ты сделал всё правильно. Я очень доволен тобой. А теперь иди, отдохни. Илыми скучает по тебе. Ступай, — улыбнувшись, попрощался с сыном Наби-бек.

Иджими покинул юрту. Наби-бек хлопнул в ладони. В дверях появился стражник.

— Берджу срочно ко мне, — повелел Наби-бек.

— Да, Наби-бек, этот визирь огузов Карим весьма интересный сановник, — куньбек Янгуй поправил подушку под рукой и с удивлением взглянул на Наби-бека, сидящего рядом с ним в левом спальном крыле главной юрты.

— Правитель, — Наби-бек улыбнулся и смущённо потёр шрам на щеке, — прости, но все так уверовали в твою болезнь, что и мне это передалось. Так и хочется спросить, как ты себя чувствуешь, лучше ли тебе становится и помогают ли тебе лекари, словно я навещаю по-настоящему больного человека.

Куньбек Янгуй рассмеялся и сел.

— Да я и сам уже сомневаюсь, здоров ли я или нет. Знал бы ты, как трудно быть всё время в заточении, — продолжал он смеяться, содрокаясь всем телом. — Полежал бы ты на моём месте целыми днями напролёт, понял бы и не стал так шутить.

Он не мог совладать с охватившим его весельем, смеясь так, что на глазах выступили слёзы. Наби-бек, глядя на него, тоже смеялся, прикрывая рот ладонью.

— Это ещё что! Ты бы видел, как лекари навещают меня! — куньбек Янгуй рассмеялся ещё сильнее, едва произнося слова. — Представляешь, они приходят, кланяются и садятся у входа. Долго так сидят. Потом встают, кланяются и уходят. И вот так каждый день. — Куньбек Янгуй смеялся, хлопая ладонью по колену.

Наби-бек, услышав это, рассмеялся сильнее, запрокидывая голову и отмахиваясь рукой.

— И это ещё не всё! — куньбек Янгуй смеялся пуще прежнего, вытирая рукой слёзы на глазах. — Ты бы слышал мои стоны, когда прислуга заходит в юрту. Я и сам не ожидал от себя, что способен на такое. Они, сердобольные, украдкой поглядывают в мою сторону и тихо так, участливо, вздыхают, а я лежу, стону и думаю: «Скорее бы вы все уже ушли, мочи нет издавать все эти звуки». Куньбек Янгуй уже не мог говорить. И Наби-бек хватался за живот, раскачиваясь из стороны в сторону, едва не падая на бока. Они долго так смеялись, пока не обессилили вконец и не закашлялись от охватившей их одышки.

— Фу, не могу больше, — успокаиваясь, произнёс куньбек Янгуй. — Давно я так не смеялся. Даже и не помню, когда такое было.

— Это лучше любого целебного отвара будет, — имея в виду смех, с улыбкой проговорил Наби-бек, переводя дыхание.

— Да, это верно. Заметно полегчало на душе, — потеряв учащённо вздымающуюся грудь, согласился куньбек Янгуй.

— Правитель, позволь продолжить? — проведя ладонью по лицу и уже серьёзно посмотрев на куньбека Янгую, спросил Наби-бек.

— Да, Наби-бек, конечно. Смех смехом, а дела не ждут, — кивнул куньбек Янгуй.

— Правитель, Берджу под видом торговца срочно направлен мною в ставку к огузам. Ему я поручил узнать всё, что касается всех визирей Хан-суна-шаха. Надеюсь, что скоро мы многое узнаем о них, в том числе и о визире Кариме, — возобновил доклад Наби-бек.

— Ко всему, Наби-бек, мы, возможно, узнаем и о положении в их главном стойбище. Это тоже важно, — согласился куньбек Янгуй.

— Да, правитель. Теперь о том, что нам дала твоя болезнь. По данным моих лазутчиков, канглы заметно активизировались. Фатих-шах начал действовать. Его многочисленные дозорные отряды, подобно стаям волков, рыщут по всем нашим западным рубежам. Они стали заходить всё глубже и глубже в наши земли. В схватки с дозорами не вступают. Ведут разведку. По моему поручению, правитель, ю дуглу Демир выделил людей, очень хорошо знающих наши западные земли. Я передам их командующему дозорными войсками Бурчуку. Они помогут перекрыть все проходы для войск канглов, если они захотят затаённо и внезапно напасть на наши стойбища там, — завершил свой доклад Наби-бек.

— Понятно. Значит, Фатих-шах поверил в мою болезнь и решил воспользоваться этим. Что ж, на это я и рассчитывал. Мы начинаем влиять на него. Это хорошо, — куньбек Янгуй ненадолго задумался, затем продолжил: — Наби-бек, Берджу ничего не должен знать о наших отношениях с визирем огузов Каримом. Это очень важно.

— Да, правитель, он об этом не осведомлён. Он получил задание узнать всё обо всех визирях огузского правителя. Визиря Карима я не выделял среди них и о нём не говорил, — заверил Наби-бек.

— Наби-бек, если всё, что сообщил нам этот визирь, окажется правдой и мы будем иметь подтверждение его влияния и силы, то кого ты намерен послать в ставку канглов на встречу с его человеком, чтобы сообщить о принятом решении? — спросил куньбек Янгуй.

— Правитель, если ты не будешь против, то с этим важным заданием справится мой старший сын Иджими, — с готовностью предложил Наби-бек.

— Наби-бек, это очень опасное задание. Иджими молод, хотя очень отважен и умён. Посылая Иджими в ставку противника, мы рискуем его жизнью. Случись с ним что-то плохое там, ни ты, ни я не простим себе этого. Да, ты можешь возразить и сказать, что он такой же воин, как и все наши воины, и такой же сын своего отца, как и все сыновья, и его долг — ценою жизни служить своему народу. Всё это правильно, и я согласен с тобой. Но ты, его отец, не только мой дуглу, но ещё и верный и единственный мой друг, с кем я прошёл все тяжести нашей жизни. Пойми меня правильно. Мне безразлична судьба твоих сыновей, — куньбек Янгуй говорил искренне и душевно смотрел в глаза Наби-беку. — Может, подберёшь другого человека?

— Правитель, благодарю тебя, — потеряв шрам на щеке, произнёс Наби-бек. — Я всегда помню о твоём особом отношении ко мне и к моей семье и очень дорожу этим, но позволь не менять решения относительно моего сына. Это важно и для него, и для меня. Он справится с этим испытанием, я верю в это. Кроме того, правитель, он знает в лицо человека от визиря Карима, а это облегчит выполнение задания.

— Хорошо, Наби-бек, я понимаю тебя и соглашусь с доводами. Пусть будет по-твоему. Иджими вырос и держать его возле себя всю жизнь невозможно, — принял решение куньбек Янгуй.

* * *

«Дильбар... Ох уж эта Дильбар! Вновь что-то странное связано с ней. Почему я так уверен, что это о ней в горячке говорил обмороженный чужак? С одной стороны, казалось бы, такое имя могло быть у кого-то там, откуда он появился. Это вполне возможно. Но, с другой стороны, я нутром чувствую, что он говорил именно о дочери нашего правителя. Если это так, то как они связаны между собой? Откуда он знает её? Его никто не признал. Он чужак, появившийся из леса, где явно был не на охоте. Кто он? Откуда пришёл к нашему стойбищу? Пока он или его спутник не придёт в себя, будет сложно узнать правду. Если они, конечно, выживут. Вот поэтому нужно постараться понять всё без их признаний. Полагаться на их выздоровление я не могу».

Наби-бек, возлежавший на подушках у себя в юрте, привычно потёр шрам на лице.

«Так, если мне ничего о нём не известно, то нужно попытаться зайти с другой стороны... Дильбар. Она пропадала с подругой на несколько дней и чудесным образом выжила среди дикого леса, вернувшись целой и невредимой, но при этом скрыла от отца всю правду, в чём призналась её подруга Фируза моему сотнику Териму. Так, так... — Наби-бек, уловив верное направление, живо присел, подтянув подушки и облокотившись на них. — Как я понял, она из-за чувств к предводителю разбойников скрыла от отца всё, что случилось на самом деле. По-своему защищала его, не позволив подруге сообщить родителю о том, что они были в плену, и, конечно же, о нём и его людях. Вот этот случай и становится важным теперь. Вот где кроется истина. Или этот чужак, что называет её имя, и есть тот самый предводитель разбойников, или же он один из них. Нужно сделать так, чтобы Фируза посмотрела на них. Только она в сложившейся ситуации может оказать мне неоценимую услугу. Если я прав, то она обязательно узнает их или кого-то из них. Не может быть всё это простым совпадением! Не может. Я на верном пути! Вот оно, моё нутро. Не зря я доверяю ему. Не зря».

Наби-бек поднялся на ноги и хлопнул в ладони. В дверях появился стражник.

— Сотника Терима ко мне. Срочно, — повелел Наби-бек.

* * *

— Говори.

Наби-бек подошёл вплотную к сотнику Териму, вошедшему в юрту и стоявшему в почтительной позе.

— Одного она признала, властитель, — подняв голову и посмотрев Наби-беку в глаза, начал свой доклад сотник Терим. — Он лысый и крупный телом. Она сказала, что он всегда находился возле предводителя и был самым верным ему. Второго не узнала. Кто это, она не поняла, пояснив, что предводитель никогда не показывал лица, прикрывал его тканью. Это всё, властитель.

— В каком они состоянии? — спросил Наби-бек.

— В себя ещё не приходили, властитель, — ответил сотник Терим.

— Сотник Терим, срочно узнай, прибывал ли в эти дни кто-нибудь в ставку с дальнего южного стойбища. Если да, то выясни, кто, к кому приезжал и с какой целью. И вот ещё что. Установи постоянную слежку и за Фирузой, и за Дильбар, — распорядился Наби-бек.

— Будет исполнено, властитель, — сотник Терим приложил руку к груди, склонился и покинул юрту.

«А если она узнала его, но не сказала об этом? Ведь она подруга Дильбар и ей известны чувства Дильбар к предводителю. Конечно, можно заставить её сказать всю правду, но это опасно. Она всё-таки дочь тысячника Бурчука, командующего всеми дозорными войсками, да к тому же одного из военачальников, к кому правитель проявляет особую благосклонность. Не учитывать этого нельзя. В прошлый раз, когда Терим допрашивал её, всё обошлось благополучно и она ни единым словом не обмолвилась об этом никому, но теперь она может и не выдержать давления на неё и обо всём сообщить отцу. До этого доводить нельзя. Всплывёт всё, и правитель примет должные меры, а это чревато последствиями в первую очередь для меня. — Наби-бек прошёл на дальнюю половину юрты и опустился на шкуры. — Так, трогать Фирузу больше не стоит. Я получил от неё хотя и не совсем то, на что рассчитывал, но всё же немало. Что делать теперь?.. А поступить следует так, чтобы Фируза обо всём рассказала Дильбар. Если это случится, то Дильбар явно не будет сидеть сложа руки. Не такова она характером. Узнав всё, она попытается увидеть этих двоих разбойников. Люди Терима будут следить и за ней, и за Фирузой день и ночь. Как же повлиять на Фирузу, чтобы она поступила именно так?.. А может быть, ничего и делать не стоит? Она лучшая подруга Дильбар и должна сама обо всём ей рассказать. Сдерживать такую тайну в себе очень трудно, особенно для девушки. Надеюсь, всё так и получится. Придётся немного подождать», — принял решение Наби-бек, поднялся и направился к выходу.

* * *

К поселению шаманов Дильбар добралась, часто останавливая лошадь, оглядываясь по сторонам и прислушиваясь к звукам в округе. Спешившись поодаль от юрт, она осторожно пробралась ближе, таясь за деревьями и с напряжением вглядываясь вперёд. Когда она оказалась на расстоянии двадцати шагов от ближнего жилища, то увидела, как оттуда вышел главный шаман в сопровождении шамана-помощника и прошёл в центральное жилище. С этого места больше никого не было видно. Дильбар оглянулась, затем быстро подбежала к входу в ближнюю юрту, откинула полог

и скрылась внутри. Сразу же увидев двух человек, лежащих в дальней половине, она, осторожно ступая, обошла пылающий очаг и подошла к ним. Они оба были укрыты лоскутными одеялами, а на их лица, оставляя открытыми только глаза, были наложены куски светлой ткани, пропитанные какой-то тёмной мазью, от которой исходил резкий и неприятный запах. Прикрыв нос ладонью, она сделала пару неуверенных шагов и оказалась между ними, растерянно смотря то на одного, то на другого, не зная, как ей поступить дальше. Наконец, решившись, она наклонилась над тем, кто лежал справа от неё, и потянулась рукой к его лицу, но, понимая, что может причинить боль, снимая повязку с лица, отёрнула руку.

— Не беспокой их, — вдруг услышала она голос за спиной и быстро повернулась, да так, что чуть не упала.

Перед ней стоял старец, главный шаман. Он спокойно смотрел на неё.

— Тот, кого ты ищешь, здесь, и ты угадала его. А теперь следуй за мной.

Старец пошёл к выходу. Дильбар покорно последовала за ним. Они вышли наружу, подошли к главной юрте и вошли в неё.

— Проходи и присаживайся, — предложил старец и опустился на шкуры.

Дильбар подошла и присела перед ним на колени. Старец внимательно смотрел на неё. В его глазах не было ни осуждения, ни вопроса, ни удивления. Он просто рассматривал лицо девушки, словно ничего неожиданного не произошло. В какой-то миг, когда их взгляды встретились, Дильбар заметила, как его глаза наполнились теплотой и пониманием. Теперь он смотрел на неё как добрый и чуткий родитель. Она смутилась и опустила голову.

— Ты озябла, дочь моя, попей горячего бульона и согреешься, — спокойно произнёс старец и протянул ей чашу.

Дильбар обеими руками приняла её и, слегка приподняв голову, пригубила.

— Не спеши, пей спокойно и наслаждайся каждым глотком. Примешь с почтением еду и напитки, благом они разольются в тебе и насытят тебя доброй силой, — с теплом в голосе проговорил старец.

Какая-то уютная мягкость его слов, вкусный горячий напиток, сразу согревший тело, тепло, наполнявшее жилище, очень быстро

успокоили Дильбар, и она, допив всё, с благодарностью посмотрела на старца.

— Вот и хорошо, — одобрительно кивнул он.

— Я хотела... — начала было говорить Дильбар, но старец слегка приподнял руку, давая понять, что не стоит извиняться и тем более объясняться. Дильбар замолчала и виновато смотрела ему в глаза.

— Я знал, что ты придёшь сюда, чтобы увидеть того, кто на грани жизни и смерти помнит о тебе и зовёт тебя. Не удивляйся моим словам и ни о чём меня не спрашивай. Этот человек жив ещё только потому, что ты в его сердце и придаёшь ему силы. Те высокие чувства, которые он питает к тебе, не дают ему покинуть этот бранный мир. Да, дочь моя, это так. Трудно поверить, но такое случается в жизни, — старец слегка кивнул, грустно улыбнулся, не отводя умного взора от девушки, и множество мелких морщин потянулись от его глаз, удивительным образом украшая благородное лицо. — Он должен выжить, но, что будет дальше, известно только одним Небесам. Они наделили его непростой судьбой. Несмотря на довольно молодой возраст, он уже пережил множество испытаний. Они преследуют его с самого детства и не покинули по сей день. Но он появился на свет под счастливой звездой, и поэтому все те трудности, что выпали на его долю, преодолевает с завидным упорством и невероятной жадой жизни. Вот и теперь, несмотря на то что он, казалось бы, должен был обрести вечный покой в диких лесах, где царит холод и властвуют хищники, он удивительным образом оказался здесь, у меня и под моим присмотром. И это было угодно Вечным Небесам. Они посылают ему тяжкие испытания, но и оберегают его. Просто так такое не случается, дочь моя, поверь, он явно нужен для чего-то значимого и очень важного. Полагаю, он наделён какой-то миссией в этом мире, иначе смысла в его спасениях я не вижу. Всем известно, что добротный и крепкий меч становится таковым после многократной закалки жарким огнём и ледяным маслом. Вот и он, подобно мечу, закаляется определённой ему судьбой. Если такой меч куётся для больших битв и славных побед, то такой человек готовится для высоких достижений во благо целого народа. Иначе для чего он подвергается таким жизненным сложностям? Множество людей влекут обычное и спокойное существование, покорно исполняя волю властителей и даже не задумываясь о другой участи. Они обитают под этими Вечными

Небесами без высокой мечты, думая только о насущном. Есть ли смысл посылать на их долю какие-то трудные испытания? Полагаю, что нет. Они и без того немощны телом и слабы духом. У Небес есть избранники, которым и посылаются всевозможные сложности и испытания, но посылаются так, чтобы эти избранные люди могли выдержать, не более того. По выдержке следует и награда от Небес, — старец замолчал, перевёл взгляд на чашу в руке, о чём-то задумался, затем вновь посмотрел на Дильбар и продолжил: — Скажи мне, дочь моя, а тебе дорог этот человек? Мне важно знать это. Рассказывать о том, когда и где вы познакомились, не нужно. Ответ на вопрос, и всё.

— Да, дедушка, он очень дорог мне. Я живу мыслями о нём, и они всегда согревают мне душу. Мне волнительно и радостно, когда я думаю о нём и вспоминаю его. Когда я это делаю, мне очень хочется пустить моего скакуна вскачь и раскинуть руки навстречу ветру. Я так желала вновь встретиться с ним, я мечтала об этом всё время со дня нашего расставания. Но теперь мне вдруг стало страшно. Не за себя, за него. Он особенный человек, дедушка. Ни на кого не похож. Он другой.

Дильбар замолчала, переводя дыхание. Она не заметила того, как сжала кулачки и почти при каждом своём слове постукивала ими по коленям. При этом её глаза сперва сияли восторгом, потом их стала наполнять лёгкая грусть, а затем проступила едва заметная поволока от подступивших слёз. Старец слушал с вниманием, всматриваясь в её лицо, в её глаза, подмечая всё, что с ней происходило.

— Я понимаю тебя, дочь моя. Не волнуйся так, — старец улыбнулся. — С ним всё будет хорошо. Он встанет на ноги, но для этого нужно какое-то время. А теперь пойдём со мной, и, хоть я и не сомневаюсь в том, что это тот человек, о котором ты говоришь, но всё же я покажу тебе его лицо, — старец поднялся и протянул руку Дильбар.

* * *

— Это он, Фируза, я уверена в этом, — возбуждённо воскликнула Дильбар, подбежала к пришедшей к ней подруге, схватила её за руку и спешно потащила за собой в глубь жилища. — Проходи же скорее! Я так жду тебя, а тебя всё нет и нет! Мне нужно тебе столько всего рассказать! — Дильбар нетерпеливо снимала шубу с Фирузы, приговаривая: — Где ты ходишь? Я же дважды посылала за

тобой. А мне говорят, что тебя нет у себя. Куда-то вышла. А я сижу тут и жду тебя. Собиралась уже опять послать за тобой.

Дильбар и Фируза присели на расстеленные ковры. Фируза как-то растерянно посмотрела на Дильбар и оглянулась по сторонам, словно желая убедиться в том, что кроме них в юрте никого больше нет.

— Что с тобой? Ты какая-то странная. Что-то случилось? — заметив удручённое состояние Фирузы, Дильбар взяла её ладони в свои руки и заглянула ей в глаза.

— Послушай меня, Дильбар, — Фируза перехватила ладони подруги и стала гладить их. — Я всё поняла. Ты узнала его, это он. Я рада за тебя, но... — Фируза замолчала, что-то обдумывая, и продолжила: — Но я больше ничего не хочу слышать и знать о нём и о твоих с ним отношениях.

— Почему, Фируза? — растерянно спросила Дильбар.

— Если ты помнишь, я с самого начала была против всего, что ты делала, дабы спасти его. По твоей просьбе я солгала отцу, но больше делать этого я не буду и тебе не советую. В конце концов, дело не во мне. Тебе придётся рано или поздно отвечать за всё это перед своим отцом. Всё это плохо кончится, Дильбар. Ты заблуждаешься, если думаешь, что сумеешь сохранить в тайне ваши отношения. Зачем всё это тебе? Ты ведь не знаешь, кто он на самом деле, — Фируза была явно возмущена поведением подруги. — Вот ответь, кто этот человек? Как и где он жил раньше? Где его стойбище, где его родные? Почему он не с ними, а с грабителями и разбойниками? Почему он не назвал своего имени и всегда скрывал своё лицо? И ко всему прочему, как он оказался здесь? Ответь мне, своей подруге, — Фируза замолчала, вопрошающе смотря в глаза Дильбар.

— Фируза, что с тобой? Я не узнаю тебя! Почему ты вдруг стала такой? — Дильбар высвободила свои руки из рук подруги и слегка отстранилась от неё. — Что происходит, Фируза?

— Что происходит, ты спрашиваешь? А сама ты не догадываешься? С тех пор как мы оказались в плену у этих нелюдей и ты познакомилась с их главарём, тебя словно подменили. Каждый раз при наших с тобой встречах я слышу от тебя только о нём. Все твои разговоры сводятся только к нему. Вспомни, разве это не так? Разве я не права? За всё это время ты хоть раз спросила меня о том, как я живу, что я чувствую, что у меня на душе? Ты хотя бы один раз поинтересовалась моей жизнью, а? Меня же для тебя не су-

ществует. Ты вспоминаешь обо мне только тогда, когда тебе нужно выговориться о своих чувствах, о том, как тебе плохо, о том, как ты в тяжких думах провела день или ночь. Разве это не так? А теперь ты ищешь меня, многократно посылая за мной своих людей. Да, я никуда не уходила, была у себя и знала о твоих приглашениях. Но я не хочу больше быть твоей немой слушательницей. Для этого ты можешь завести себе, не знаю кого, например, собаку и разговаривать с ней. Какая разница для тебя — я или собака? Тебе ведь неважно, кто перед тобой и кому изливать душу. И ты ещё возмущаешься. Что со мной случилось, спрашиваешь? А ничего со мной не случилось. Я такая же, какой была всегда. Это с тобой что-то случилось!

Фируза замолчала, пытаясь успокоиться, глубоко вздохнула и отвернулась от подруги, прикрыв глаза и надув губки. Дильбар долго смотрела, часто моргая, словно не могла узнать её, будто перед ней находился совершенно незнакомый ей человек, затем медленно поднялась, отошла к очагу и протянула к огню руки с подрагивающими пальцами. Опустошённым взглядом она смотрела на всполохи пламени. Её глаза стали наполняться влагой, и вскоре частые слезинки потекли по её щекам, капая на грудь. Фируза открыла глаза, повернула голову и посмотрела на Дильбар.

— Уходи, — прошептала Дильбар.

— Дильбар, ты... — начала было Фируза, поднимаясь на ноги.

— Больше ни слова. Уходи, — не терпящим возражения тоном, чуть громче произнесла Дильбар.

— Дильбар, я... — сделав шаг в её сторону, опять попыталась что-то сказать Фируза.

— Вон отсюда! — не оборачиваясь к ней, указывая рукой на дверь, вскричала Дильбар.

Фируза спешно накинула шубу и выбежала из юрты. Дильбар развернулась, подошла к коврику, опустилась на колени, затем легла боком, подтянув колени к груди, закусила кулачок и тихо заплакала.

* * *

— Властитель, она скрытно навестила этих, — стоя перед Наби-беком в его юрте, докладывал сотник Терим. — Старик застал её в юрте, увёл к себе, после этого через какое-то время они вместе вернулись к этим, а затем она отбыла к себе.

— Тебе удалось выяснить, узнала ли она их или кого-то из них? — строго спросил Наби-бек.

— Нет, властитель, этого пока не удалось, — ответил сотник Терим и высказал своё предположение: — Вполне возможно, что об этом может знать её подруга. Они встречались после этого.

— Пусть твои люди продолжают своё дело. Её подругу пока не беспокоить, — распорядился Наби-бек.

— Всё будет исполнено, властитель, — прижав руку к груди и склонив голову, произнёс сотник Терим.

Наби-бек устало прикрыл глаза. Сотник Терим продолжал стоять. Открыв глаза и посмотрев на него, Наби-бек удивлённо вскинул брови:

— Что-то ещё?

— Властитель, прости, могу ли я спросить? — сотник Терим понизил голос.

— Говори, — слегка кивнул Наби-бек.

— Властитель, правда ли всё, что говорят люди о самочувствии правителя? — с волнением в голосе спросил сотник Терим.

Наби-бек нахмурил брови, отвёл взгляд, тяжело вздохнул, потерев шрам на щеке, поднялся на ноги, заложил руки за спину, подошёл к очагу и стал смотреть на огонь. Сотник Терим повернулся за ним, не сводя глаз.

— К сожалению, Терим, это правда, — Наби-бек развернулся и посмотрел сотнику в глаза. — Наш правитель болен. Его внезапно одолел сильный недуг. Он не подпускает к себе лекарей, но боюсь, что без их помощи уже не обойтись. Он никогда так серьёзно не болел и поэтому думает, что сам справится. Но дни идут, а ему это не удаётся сделать. Боевые ранения, надо признать, заживали на нём быстро, это верно, но раны — это одно, а болезнь — совсем другое. Он надеется на то, что сам в силах справиться. Вот такая беда постигла нас, Терим. А теперь иди, занимайся делом.

Наби-бек по-отечески коснулся рукой плеча сотника Терима. Тот приложил ладонь к груди, склонил голову, отступил на шаг и поклонился юрту. Наби-бек дождался, пока он выйдет, и хлопнул в ладони. В дверях появился стражник.

— Тысячника Бурчука срочно ко мне, — повелел Наби-бек.

* * *

— Докладывай, доблестный Бурчук, — дождавшись, пока огромный военачальник поудобнее усядется, начал беседу Наби-бек.

— Властитель, позволь прежде узнать о здоровье правителя, — низким густым гортанным голосом произнёс Бурчук, по привычке мотнув косматой головой и прикоснувшись толстыми пальцами к заплетённой в косичку длинной бороде.

— Пока ничем обрадовать не могу. Правитель продолжает мужественно бороться с недугом, но одним Небесам известно, чем всё это закончится, — с сожалением ответил Наби-бек и потёр шрам на щеке.

— Да пошлют Вечные Небеса исцеление нашему правителю, — с сочувствием произнёс Бурчук и приложил ладонь к груди, слегка склонив голову.

— Да будет так, — Наби-бек тоже коснулся рукой груди, слегка кивнув.

— Властитель, с недавних пор мои дальние дозоры на рубежах с канглами заметили частое появление их больших отрядов. Прежде такого не было. Их небольшие дозоры всегда стояли на дорогах, по которым торговцы везли товары караванами. Теперь же крупные отряды стали появляться в разных местах, довольно отдалённых от дорог, и даже в труднопроходимых заснеженных лесах. В связи с этим я увеличил численность наших дозоров, усилил их и расположил почти по всем нашим рубежам с канглами. Однако я понимаю, что перекрыть все пути в наши земли с их стороны невозможно. Они явно к чему-то готовятся и пытаются найти наши слабые места. В любом случае, властитель, вся эта их активность началась не зря, — Бурчук с досадой хлопнул огромной ладонью по голенищу сапога.

— Что ты предлагаешь, доблестный Бурчук? — не обращая внимания на его горячность, давно известную всем, спросил Наби-бек.

— Властитель, в отличие от нас канглам давно известны все потаённые, скрытые от глаз проходы и в лесах, и в горах во всей той округе, и у них, я уверен, много проводников по тем местам. Нам бы тоже следовало узнать о них. Вот это-то и помогло бы нам сосредоточить наши дозоры в самых нужных местах и перекрыть пути их лазутчикам. А вот в этом нам очень помогли бы тиграхауды, ведь это были их земли в недалёком прошлом. Иначе, властитель, канглы смогут почти беспрепятственно просочиться к нашим западным стойбищам. Ю дуглу Демир мог бы выделить мне людей, знающих те земли, а опытных следопытов у меня предостаточно, — с готовностью высказал свои предложения Бурчук.

— Что ж, доблестный Бурчук, ты прав. Люди от ю дуглу Демира уже здесь и ожидают твоих приказов. Распоряжение об этом я отдал заранее, дабы не терять времени. Властитель западного крыла сян дуглу Юити-бек тоже оповещён о появлении твоих людей в тех краях и при необходимости окажет любую нужную помощь. Однако, доблестный Бурчук, ты постарайся обходиться своими людьми. Так будет правильнее. Сам понимаешь почему. Воинов у сян дуглу Юити-бека много, но опытных лазутчиков они не смогут заменить.

Договорив, Наби-бек поднялся с места. Бурчук тоже грузно встал на ноги.

* * *

— Говори, — Наби-бек подошёл к вошедшему в юрту сотнику Териму.

— Властитель, с дальнего южного стойбища никто в эти дни в ставку не прибывал. Оттуда давно не было гонцов, — уверенно доложил сотник Терим.

— Хорошо. Иди.

Сотник удалился.

«Значит, никто не прибывал. Это хорошая весть. Старейшина стойбища и его лекарь никому не сообщили о случившемся, связанном с именем Дильбар. И это радует. Теперь если правитель и узнает обо всём, то только от меня, а я сумею объяснить, почему не сразу оповестил об этом, сославшись на время, необходимое для проверки достоверности произошедшего. Конечно, это неправда, но, в конце концов, всё, что я делаю, делаю только на благо правителя. Во всём я должен разбираться до самой глубины, иначе зачем я нахожусь на столь высоком посту и для чего на меня всецело надеется правитель».

* * *

Дильбар вела лошадь спокойным шагом по пустынному берегу, всматриваясь то в водную гладь, простиравшуюся по её левую руку, то в лесные чащи над обрывом справа от неё. Стоял ясный солнечный день. Свежий снег, выпавший накануне, искрился под копытами, радуя глаз, и ублажал слух мягким похрустыванием.

«Фируза права. В последнее время я совсем не интересуюсь ею и постоянно ищу её, только чтобы поговорить о себе и о своих чув-

ствах. Для меня это возможность высказаться и услышать слова поддержки. А для неё это всё стало уже тяжкой ношей. Конечно, а как же иначе, ведь она слышит от меня одно и то же при каждой нашей встрече. Кто выдержит такое? Кому это понравится? Да, никто не станет терпеть такого отношения к себе и никому это не будет по нраву. Вот в ней и накопилось, и она не выдержала и высказалась мне... Погорячилась я с ней. Неправа я... Да ещё и выгнала её, словно собачонку какую-то. Плохая я подруга, — тяжкие мысли текли в голове Дильбар, бередя душу. — Мне нужно попросить прощения, иначе я её потеряю. Впредь следует быть внимательнее к ней. Столько всего свалилось на мою голову! Отец болен, и я ничем не могу помочь ему. Я даже увидаться с ним не могу. О Небеса, прошу, помогите моему отцу скорее исцелиться! Иначе я не выдержу всего этого... Я и так на пределе сил и не знаю, что делать дальше и как мне быть. Мой избранник при смерти, моя лучшая и единственная подруга обижена мною. Что мне делать со всем этим? Что?! Матушка моя, ну почему ты так рано покинула меня? Почему? Я теперь одна на всём белом свете. Я так стараюсь жить, и никогда и никому не жаловаться, и быть достойной своего отца и доброй памяти о тебе, матушка, но у меня ничего не получается». Слезы выступили на глазах Дильбар, она вытерла их рукой и вдруг заметила одинокого человека, осторожно спускавшегося с обрыва на берег. Она остановила лошадь и стала всматриваться. Человек был в долгополой шубе и с каким-то капюшоном на голове, скрывавшим лицо. Дильбар оглянулась, но никого за своей спиной не увидела. Она взглянула вверх по обрыву, но и там никого не заметила. Человек достиг берега и направился к ней навстречу. Дильбар, не сводя с него глаз, начала разворачивать лошадь. «Зря я отпустила охрану!» — мелькнуло у неё в голове. Не дойдя до неё сотни шагов, человек замер на месте и поднял руку. Дильбар развернула лошадь в полный круг и вновь стала смотреть на него. Он скинул капюшон, и она сразу узнала одного из помощников главного шамана. Успокаиваясь, девушка прикрыла глаза и глубоко вдохнула. Шаман приблизился и молча смотрел на неё.

— Я узнала тебя. Что-то случилось? — взволнованно спросила Дильбар.

— Тебя просили прибыть к нам, как только сможешь, — спокойным голосом произнёс шаман, накинул капюшон, развернулся и направился обратно.

Дильбар ничего не успела сказать и лишь удивлённо смотрела. Он дошёл до места, где спустился к берегу, и стал взбираться по склону. Дождавшись, пока он скроется среди деревьев над обрывом, девушка направилась обратно, к стойбищу, переведя лошадь на бег.

«Завтра я должна быть там», — подумала Дильбар.

* * *

— Дочь моя, мне нужно было увидеться с тобой. Кое-что произошло, и я подумал, что тебе следует об этом знать, — дождавшись, пока Дильбар присядет, начал главный шаман. — Ты только не волнуйся и спокойно послушай. Вчера на рассвете он пришёл в себя. Ты понимаешь, о ком я говорю, — старец утвердительно кивнул. — Так вот, я сразу и послал к тебе человека с приглашением прийти. Надеюсь, он не напугал тебя. Только в том месте он мог встретиться с тобой, не будучи кем-то замеченным.

При последних словах Дильбар удивлённо приподняла брови. Заметив это, старец продолжил:

— Да, да, дочь моя, за тобой ведётся слежка. Я не знаю, кто велел это делать, но это уже серьёзно. И теперь ему известно о твоём присутствии здесь. Полагаю, что он следил за тобой и в прошлый твой приход. Кто-то очень заинтересовался твоим посещением этого человека и этим человеком, ну а я ему без надобности. Как ты думаешь, кто это?

— Я не знаю, дедушка, — замотала головой Дильбар. — Отец болен. Меня к нему не допускают, впрочем, как и всех. Он не мог повелеть этого.

— Кажется, я догадываюсь, кто мог это сделать, но поговорить хочу с тобой о другом... Ты скоро увидишься с тем человеком, — старец вновь утвердительно кивнул, давая понять, кого он имеет в виду. — Но прежде я хочу спросить тебя. Ты не передумала? Видишь, какие возникают сложности в связи с этим. Просто так следить за дочерью куньбека никто не станет. Такое невозможно. Я уверен, что до появления этих двоих больных чужаков у меня за тобой никто не следил, а это значит, что эти двое очень интересуют того, кто организовал слежку. И вернее всего, интересуется его только один из них, тот, кого ты навещаешь. Ты понимаешь, к чему я всё это говорю тебе, дочь моя?

— Да, дедушка, я понимаю, — закивала Дильбар. — Но я не могу отказаться от... — Дильбар замолчала на полуслове и опустила голову.

— Что же, дочь моя, в таком случае ступай к нему, — старец доброжелательно смотрел на девушку.

Дильбар подняла голову и удивлённо взглянула шаману в глаза.

— Ступай, ступай, — с теплом в голосе повторил старец.

Дильбар вскочила на ноги и выбежала из юрты. Старец долго и задумчиво смотрел на полог на входе.

* * *

Осторожно войдя в юрту, где размещались больные, Дильбар посмотрела туда, где они лежали, и сразу заметила, что там находится только один из чужаков. Тихо ступая, она обошла пылающий очаг, приблизилась к мужчине и замерла у его ног. Он, как прежде, был укрыт лоскутным одеялом до самого подбородка. На его лице не было повязок, но оно наполовину закрывалось густыми усами и огромной тёмной бородой, а лоб прикрывали длинные локоны волос, пряди которых ниспадали на глаза. Увидев его в прошлый раз, Дильбар, несмотря на повязки на лице, сразу узнала его по глазам, но теперь, когда лицо было открыто, она не узнавала его. Девушка растерянно всматривалась, затем подошла ближе к голове и наклонилась над ним. Он вдруг открыл глаза и сквозь пряди волос посмотрел на неё. От неожиданности она быстро отступила.

— Дильбар, — услышала она слабый голос.

Не сводя с него глаз, она прикрыла рот рукой и обессиленно опустилась на колени.

— Дильбар, — вновь тихо, почти шёпотом произнёс он.

Дильбар, придя в себя, на коленях приблизилась. Он слегка повернул голову и посмотрел на неё. Дильбар взволнованно разглядывала его лицо, затем протянула руку и дотронулась до волос, закрывавших глаза, сдвигая их в сторону. Только теперь, увидев глаза, она узнала его и прикрыла дрожащие веки, из-под которых выступили слёзы.

— Да, это я, — прошептала она.

* * *

— Властитель, она была там. Сперва навестила старика, а потом больных. Пробыла там недолго и вернулась к себе, — доложил сотник Терим.

Наби-бек слушал, вытянув руки к огню.

— Что ещё? — спросил Наби-бек.

— Это всё, властитель, — ответил сотник Терим.

— За ней можешь больше не следить, — повернулся к нему Наби-бек. — А вот за стойбищем шаманов приглядывай день и ночь.

— Будет исполнено, властитель, — сотник Терим приложил руку к груди, склонил голову и быстро удалился.

«Что они там замышляют? Почему главный шаман до сих пор ни словом не обмолвился мне о Дильбар? Да, она дочь правителя, но для всех он болен, и всем обо всём важном следует сообщать мне, дуглу всех усуней. Или он не считает это чем-то важным? Может быть, и так. Он же не ведёт, как все, обычную мирскую жизнь. У него она другая, своеобразная. Вот и пойми его после этого. То, что важно для всех, может совершенно не интересовать его, и наоборот. Потребовать от него объяснения относительно Дильбар я не могу. Он под покровительством самого правителя и, как мало кто, обладает особой неприкосновенностью. К нему могут обращаться только с просьбой, но никогда с требованием. Таково его положение, о котором знают все. Он вправе поступать так, как сочтёт нужным, и ни перед кем не обязан держать ответ либо объясняться. Его особенные способности дают ему такие привилегии. Полагаю, что это справедливо, и правитель абсолютно прав, выделив его таким особым образом среди всех и оградив от любых притязаний на его свободу. Учитывая всё это и сложившуюся ситуацию, я могу всего лишь поговорить с ним о Дильбар, но захочет ли он быть откровенным со мной — вот в чём вопрос».

Наби-бек прошёл к шкурам, расстеленным поверх ковра, и устало опустил на них.

* * *

Дильбар остановила лошадь и взглянула в сторону юрты, возле которой Иджими боролся в снегу со своим младшим братом Илими. Она стала наблюдать за ними. Они громко и озорно смеялись и барахтались в сугробе. Иджими явно поддавался брату, прикрываясь руками, а Илими визжал от удовольствия и наседал всё сильнее. Дильбар улыбнулась, прыгнула с лошади, подбежала к ним и стала помогать Илими, забрасывая снегом Иджими.

— Ах, вот вы как! Вдвоём на меня, да?! — вскочив на ноги, Иджими бросал в них снежками.

Они в ответ кидали снег горстями, подбегая и стараясь насыпать ему за воротник.

— А ты как хотел? Теперь Илыми не один! — смеясь, кричала Дильбар.

— Да-а-а! — визжал Илыми.

— Ну всё, сдаюсь! Мне вас не одолеть, — Иджими упал на колени, опустил голову и поднял руки.

— Что, Илыми, пощадим его? — смеясь, Дильбар взглянула на Илыми.

— Да, пощадим его! — крикнул Илыми, подбежал к брату и насыпал ему снег прямо на голову.

— Вот я тебе задам за это! Вот ты получишь теперь! — поднимаясь на ноги и стряхивая снег с головы, зарычал Иджими.

— А ты сперва догони меня! — закричал Илыми и побежал к юрте.

— Вот и сиди там, грейся! — отряхивая колени, крикнул ему вслед Иджими.

Илыми остановился перед входом в юрту, отряхнулся и скрылся в ней, напоследок помахав рукой Дильбар. Девушка в ответ улыбнулась, кивнула и подошла к Иджими.

— Вырос он, а я и не заметила, — перевела дыхание Дильбар.

— А по мне, так и вовсе не порос. Озорник этакий, — улыбнувшись, Иджими посмотрел на Дильбар. — А ты как здесь оказалась?

— От Фирузы еду, — тоже улыбнулась Дильбар.

— Как отец? — посерьёзнев, спросил Иджими.

— Всё так же, — перестав улыбаться, Дильбар вздохнула и опустила голову.

— Не кручинься так. Он обязательно поправится. Наш правитель крепче скалы, — Иджими попытался взбодрить девушку, но, видя перемены в её настроении, с пониманием предложил: — Может, зайдёшь к нам, горячего бульона выпьешь, согреешься?

— Хорошо, — Дильбар с благодарностью взглянула в глаза Иджими.

— Тогда пошли, — улыбнулся Иджими, и они уже было направились к юрте, но Иджими остановился. — Ты заходи, а я скоро приду.

Дильбар пошла дальше, а Иджими подбежал к её лошади, подвёл её к коновязи и привязал, после чего побежал к юрте.

* * *

— Вот такой он. Только что резвился и уже спит, — взглянув на спящего Илими, тихо произнёс Иджими.

Обложившись подушками, они с Дильбар сидели на ковре и пили горячий бульон. Дильбар посмотрела на Илими, улыбнулась и пригубила чашу, которую держала обеими руками.

— Как Фируза? — нарушив паузу, спросил Иджими.

— Хорошо, — посмотрев в глаза Иджими, коротко ответила Дильбар.

Он довольно кивнул и тоже отпил из чаши.

— Иджими, у меня есть к тебе одна просьба, — опустив чашу на поднос, прошептала Дильбар.

— Слушаю тебя, — Иджими тоже опустил чашу на поднос и впросительно посмотрел на Дильбар.

— Я очень переживаю за отца. Меня к нему не пускают. Я его не вижу и ничего не знаю о его болезни. Лекарки молчат. Все молчат. Никто ничего мне не говорит. Вот. Пытаюсь хоть что-то выяснить, я стала наведываться к главному шаману. Так вот. По пути к нему я заметила, что кто-то скрытно следит за мной. Теперь мне боязно ездить на стойбище к шаманам. Я не знаю, что мне делать, — Дильбар замолчала и опустила голову.

— Дильбар, ты хочешь попросить сопровождать тебя? — спросил Иджими.

— Нет, Иджими, я хочу попросить тебя узнать, кто это скрытно следит за мной и почему, — Дильбар вновь посмотрела в глаза Иджими. — Ты можешь сделать это?

— Хорошо. Могу. Только я должен знать, когда ты отправишься к шаманам, — с готовностью согласился Иджими.

— Завтра, Иджими, в полдень, — ненадолго задумавшись, уточнила Дильбар.

— Поезжай спокойно, Дильбар, я всё понял, — заверил её Иджими.

* * *

Наступил полдень следующего дня. Мелкий снег плавно осыпал стойбище, лёгкой пеленой окутывая всё вокруг. Прячась в небольшом отдалении за одним из загонов для скота, Иджими наблюдал за юртой Дильбар. Вскоре девушка вышла, подошла к своей лошади, стоявшей к коновязи, погладила её по шее, оглянулась по

сторонам, затем, отвязав её, запрыгнула в седло и направилась к восточной окраине. Иджими тоже тронулся с места. Ведя скакуна между жилищами, он не терял Дильбар из виду, но не попадался ей на глаза. Так, на небольшом отдалении друг от друга, петляя между юртами и загонами, они оба достигли окраины селения. Иджими остановился, скрываясь за большой елью, а Дильбар продолжила путь, покинув селение и вступив в лес. Иджими ждал, осматриваясь, но никого не увидел. Следом за Дильбар никто из стойбища не появился. Конный отряд ближнего дозора промчался невдалеке от него. Постояв ещё какое-то время, Иджими направился за Дильбар, постоянно то оглядываясь на селение, то смотря на следы, оставленные лошадью Дильбар на свежем снегу.

Недалеко от поселения шаманов Иджими увидел лошадь Дильбар, привязанную к дереву, и следы девушки, ведущие к юртам. Он огляделся, но ничего подозрительного не заметил. Окинув взглядом жилища шаманов, юноша тронулся с места и стал объезжать поселение, часто останавливаясь и прислушиваясь к звукам, оглядывая округу, подмечая всё на своём пути: от мелких птичьих следов и сломанных веток до соскользнувших с еловых лап снежных подушек. В неглубокой ложбинке он увидел небольшую прорубь во льду, в которой журчала тёмная вода и к которой от поселения была протоптана свежая тропинка. Недолго постояв на месте, Иджими собрался уже последовать дальше, но вдруг увидел странные полосы на снегу на другом берегу речки, уходившие от проруби в глубь леса. Он спешил, осторожно подошёл к проруби и присел. Вблизи полосы напоминали следы от еловых веток, словно кто-то шёл и заметал за собой. Следы были свежими. Иджими прислушался, оглянулся по сторонам, достал лук, заложил в него стрелу и, аккуратно ступая, пошёл по следу. Пройдя шагов двадцать, он заметил, что след повернул за огромную ель с широкими лапами, свисавшими до самой земли и полностью закрывавшими обзор. Иджими остановился, изготовился к стрельбе и стал медленно обходить дерево, осторожно переступая по снегу. Когда он почти обошёл дерево, перед ним возник человек, быстро вставший из-за сугроба с луком в руках и направивший на него острие стрелы. Они оба замерли. Иджими ещё сильнее натянул тетиву и смотрел прямо в глаза незнакомцу. Тот вдруг удивлённо вскинул брови и опустил лук. Иджими, ничего не понимая, продолжал целиться ему в лицо.

— Властитель?! — удивлённо, но сдержанно воскликнул незнакомец.

— Ты кто?

Иджими слегка опустил лук и ослабил тетиву.

— Властитель, я воин из сотни Терима.

Незнакомец перебрался через сугроб, приложил руку к груди и склонил голову перед Иджими. Это был довольно молодой человек с редкой и короткой бородкой.

— Что ты здесь делаешь? — убирая стрелу за спину в колчан, строго спросил Иджими.

— Я выполняю задание сотника, — не поднимая головы, проговорил воин.

— Какое задание? — Иджими оглянулся по сторонам. — Какое может быть задание в лесу?

— Прости, властитель, но этого сказать я не могу, — тихо ответил воин.

— Ты один? — Иджими оглядывал его с ног до головы.

— Да, пока один, властитель, — кивнул воин.

— Где твоя лошадь? Ты что, пешком сюда пришёл? — спросил Иджими, не видя лошадиных следов.

— Она там, — по-прежнему не поднимая головы, воин суетливо указал рукой себе за спину. — Я спрятал её.

— От кого? От кого ты сам прячешься? — теряя терпение, повысил голос Иджими. — Какое может быть задание, что ты сидишь в лесу, мёрзнешь в сугробе, спрятав коня? Отвечай!

— Я не прячусь, властитель. Я... — воин запнулся и замолчал.

— А, так ты здесь скрываешься. Какой же ты лазутчик, если я нашёл тебя? Это ты так выполняешь задание? — нарочито сурово и с укором воскликнул Иджими. — Наследил возле проруби так, что даже младенец заметил бы. Сотник Терим очень обрадуется, когда я доставлю тебя к нему и расскажу, как легко тебя обнаружил. Ты этого хочешь?

— Нет, властитель, — воин виновато мотнул головой.

— Тогда говори, что ты тут делаешь и какое у тебя задание. Если честно ответишь, то я ещё подумаю, сообщать или нет сотнику о нашей с тобой встрече, — уже спокойно продолжил Иджими.

— Властитель, но... я не могу этого сделать... — опять мотнув головой, почти прошептал воин.

— Ну что же, тогда бери свою лошадь и следуй за мной. Сотнику Териму я скажу, что нашёл тебя спящим в сугробе и скрутил голыми руками. Вот тогда и посмотрим, где ты окажешься и кем будешь служить, если, конечно, сотник пощадит тебя, — разворачиваясь и собираясь уходить, с равнодушием в голосе проговорил Иджими.

— Не надо, властитель, я всё скажу, — вздохнув, согласился лазутчик.

— Говори, — обернулся Иджими.

— Я и мой напарник получили задание следить за поселением шаманов и обо всём, что там происходит, немедленно докладывать сотнику. Один из нас отправляется к сотнику, а другой остаётся здесь. Это всё, властитель. Я сказал правду, — вытерев рукой нос, признался воин.

— Когда вы получили это задание? — на мгновение задумавшись, спросил Иджими.

— Вчера, властитель.

— Значит, твой напарник умчался к сотнику, а ты остался? — Иджими пристально смотрел на воина.

— Да, властитель, мы это делаем по очереди, — кивнул лазутчик.

— Что такого случилось в поселении? С чем отправился твой напарник?

— Туда прибыла дочь правителя, — с досадой мотнул головой воин.

— А теперь признавайся, вы до этого дня следили за ней? — голос Иджими стал суровым.

— Да, властитель, но вчера вечером сотник Терим велел нам больше за ней не следить. Мы получили новое задание: находиться здесь и наблюдать за поселением шаманов, — робко поведя плечами, ответил воин.

— А теперь скажи-ка мне, что вы заметили за все эти дни, — приказным тоном повелел Иджими.

— Дочь правителя навещала главного шамана. В первый свой приезд она вместе с главным шаманом посещала юрту с больными чужаками. Потом, когда она приехала во второй раз, одна была там, но прежде навестила главного шамана. Вот и теперь она в юрте с больными. Главный шаман от себя не выходил. Она побывала у него недолго и прошла в ту юрту. Сюда она всегда приезжает одна. Боль-

ше ничего, властитель, — переминаясь с ноги на ногу, отчитался лазутчик.

— Это всё или ты чего-то не договариваешь? Вспоминай. Ты же понимаешь, что от этого зависит твоя дальнейшая судьба или даже жизнь, — очень сурово напомнил Иджими.

— Это всё, властитель, — воин поднял голову и виновато посмотрел в глаза Иджими.

— Допустим, я поверил тебе. А теперь слушай внимательно...

Иджими подошёл к воину вплотную.

— Отныне ты обо всём будешь докладывать мне. Ты понимаешь? Обо всём. И не только о том, что творится здесь, в поселении шаманов, но и о том, что происходит в сотне Терима, в которой ты продолжишь служить. Да, ты не ослышался. Я не стану говорить ему об этой встрече. О самом сотнике Териме ты тоже будешь мне сообщать. Ты понял меня? — Иджими впился взглядом в глаза воина.

— Да, властитель, я всё понял, — не выдержав взгляда Иджими, молодой человек вновь опустил голову, кивнув.

— Если твои сведения будут важными и ты будешь безотлагательно сообщать их мне, то получишь не только хорошее вознаграждение, но и, возможно, повышение по службе, — Иджими слегка похлопал воина по плечу. — А теперь мы с тобой поступим так. Скоро вернётся твой напарник, и он не должен видеть меня здесь. Ты остаёшься и продолжаешь наблюдения. И запомни: если кто-то узнает о нашей встрече здесь и об этом разговоре, то это случится только из-за твоей болтливости, из-за твоего длинного языка, поскольку я не намерен с кем бы то ни было говорить об этом. Теперь хоть ты и будешь продолжать службу в сотне Терима, но по-настоящему будешь служить только мне. Кстати, как твоё имя?

— Домбай, властитель, — назвался воин.

— Ты всё понял, Домбай? — Иджими отошёл.

— Всё понял, властитель, — кивнул Домбай.

* * *

Объехав поселение шаманов и ничего больше не заметив, Иджими стал дожидаться Дильбар возле её лошади.

«Лазутчики сотника Терима добираются сюда другими путями, иначе я бы заметил следы. Это понятно. Непонятно другое. Почему сотник следил за Дильбар, а теперь следит за главным шаманом?

До этого дня он следил только за ней, но перестал делать это и почему-то отныне его заинтересовал старец. Что здесь происходит? Сам по себе сотник не посмел бы решиться на такое. Установить слежку за дочерью самого правителя никто бы не посмел. Это невозможно. Только сам правитель может повелеть делать это, но он болен, а это значит, что такое поручение мог дать только мой отец. К тому же сотник Терим служит ему, — размышлял Иджими, изредка оглядываясь по сторонам. — Дильбар обманула меня, сказав, что посещает старца в связи с самочувствием отца. На самом деле, как я понял воина Домбая, её, конечно же, это интересует, но всё-таки больше интересуют больные чужаки, которых я доставил сюда из дальнего южного стойбища. Кто они такие, что к ним приезжает Дильбар? Откуда она их знает? О том, что они появились здесь, знают почти все в стойбище, но почему только Дильбар проявляет к ним такое внимание? Теперь я уверен, что один из этих чужаков, тот, кто называл имя Дильбар, имел в виду только дочь нашего правителя. Сомнений в этом нет. Но откуда она узнала обо всём этом? Странно всё это, очень странно. Надо разобраться в этих хитросплетениях. Мой отец никогда не совершает необдуманных поступков. Коль он решил всё это организовать, то в этом есть какой-то глубокий смысл. Мне стоит тоже держать всё, что я узнал, в тайне ото всех. И с Дильбар нужно быть осторожнее. Я не должен помешать или, того хуже, навредить отцу. Наоборот, мне следует помочь ему, а потому я не могу поговорить с главным шаманом о Дильбар. Это будет ошибкой с моей стороны, поскольку, как я догадываюсь, даже мой отец пока не сделал этого. Значит, не счёл это правильным и нужным. Поручив сотнику Териму скрытно наблюдать и за Дильбар, и за главным шаманом, мой отец проявляет должную бдительность и необходимую предосторожность, а это означает, что и он не желает навредить правителю. Да, я уверен, что всё обстоит именно так. С чего же мне начать в таком случае? А начать мне следует со встречи с главным шаманом, но не по поводу Дильбар, а в связи с состоянием больных чужаков. На это я имею полное право, и такое моё поведение не вызовет подозрений ни у моего отца, ни у главного шамана, ни, в конце концов, у Дильбар. Может быть, мне удастся хоть что-то прояснить. Вот с этого завтра я и начну день. А теперь дождусь Дильбар, сопровожу до стойбища и успокою, сказав ей, что никакой слежки за ней не обнаружил», — обдумав всё, решил Иджими.

* * *

Джуйя совершала вечернюю верховую прогулку вокруг стойбища. Она вела лошадь шагом, вдыхая свежий воздух и оглядывая окрестности. Тепло одетая в длинную шубу из лисьего меха и из такого же меха пушистую шапку-ушанку, обутая в сапоги из тонкой овчины, несмотря на заметное похолодание, она не спешила скорее вернуться к себе и согреться возле жаркого очага. Лошадь шла спокойно, лишь изредка мотая головой и при этом пофыркивая, выпуская клубы пара из ноздрей. Справа темнел лес, а слева находились юрты и загоны со скотом. Услышав за спиной конский топот, она отъехала к сугробам возле деревьев, слегка развернулась и остановилась. Мимо неё промчался конный отряд ближнего дозора. Десятник взглянул в её сторону, отстал от отряда, перевёл скакуна на шаг и приблизился.

— А, Джуйя, это ты, — узнав её, произнёс десятник. — Скоро совсем стемнеет, и тебе не следует оставаться здесь. Я знаю, что ты не терпишь охраны, но всё же я пришлю к тебе воинов. Мало ли что. Волки могут подойти к загонам.

— Нет, не стоит, — тронутая вниманием десятника, улыбнулась Джуйя. — Я уже возвращаюсь.

— Ну хорошо. Тогда я спокоен, — десятник вздыбил скакуна и пустил его вскачь, догоняя воинов.

Когда Джуйя выводила лошадь из сугроба, то мельком взглянула в сторону, куда удалился десятник, и замерла, натянув поводья. Из леса, шагах в двадцати от неё, выехали два всадника, спокойно направляясь в стойбище. Выждав, пока они скроются за юртами, она последовала за ними, таясь за жилищами слева от них. Она не могла рассмотреть всадников, пока они не проехали вблизи от одного из костров, что горели возле юрт. Она узнала их. Это были Иджими и дочь правителя Дильбар.

— Иджими? Дильбар? — удивлённо прошептала Джуйя, прикрыв рот рукой в варежке и остановив лошадь. — Что происходит?

Постояв какое-то время в растерянности, Джуйя повела лошадь в другую сторону.

* * *

— Сын мой, я знаю для чего ты прибыл ко мне, — главный шаман протянул Иджими чашу с горячим бульоном. — Угощайся. Согрейся.

— Как они, старец? — принимая угощение, спросил Иджими, затем пригубил чашу и продолжил: — Я не мог раньше навестить тебя. Занят был. Чуть было совсем не забыл про них.

— Один пришёл в себя, а второй пока плох, — спокойно ответил главный шаман. — Если бы их пораньше доставили сюда, то было бы полегче, а теперь даже не знаю, что дальше будет. Все усилия прилагаем, но пока порадовать нечем, — вздохнул он.

— Да, сильно же они замёрзли, что даже ты столько дней не можешь поставить их на ноги. Когда я вёз их сюда, то думал, что не успею доставить их живыми, — покачав головой, цокнул языком Иджими.

— На всё воля Небес, — прикрыв веки, смиренно произнёс старец.

— А увидеть их я могу? — спросил Иджими.

— Конечно, сын мой. Согрейся с дороги и иди взгляни на них, — слегка кивнул главный шаман.

* * *

Оба больных чужака лежали в юрте. Иджими подошёл и встал между ними, разглядывая то одного, то другого. Один из шаманов, помощников старца, стоял у двери и наблюдал.

Иджими обернулся и тихо спросил:

— Который из них пришёл в себя?

Шаман подошёл и показал рукой на того, что лежал справа. Иджими склонился и стал прислушиваться, затем быстро выпрямился и удивлённо взглянул на шамана:

— Он не дышит.

Шаман тут же кинулся к больному, опустился возле него на колени и прижался ухом к груди. Он долго вслушивался, потом метнулся к другому больному и припал ухом и к его груди. Затем медленно встал на ноги и отступил, склонив голову.

— Что? — растерянно спросил Иджими.

Шаман взглянул ему в глаза, печально прикрыл веки и покачал головой, давая понять, что они оба скончались.

— Оба? — не веря в случившееся, вновь спросил Иджими.

Шаман кивнул, развернулся и быстро вышел из юрты.

— Как же так... — смотря на умерших чужаков, прошептал Иджими.

Не успел он повернуться к двери, как в ней стремительно появился главный шаман, за которым следовал его помощник. Главный шаман подошёл к скончавшимся, опустил на колени между ними, придерживаясь рукой за подставленную помощником руку, и приложил пальцы к шее одного, потом другого, недолго подержал их там, медленно убрал руку, на какое-то время задумался, поднялся на ноги, устало повернулся к двери и, пошаркивая ногами, вышел из юрты, пройдя мимо Иджими с совершенно отсутствующим взглядом.

Иджими тоже вышел из юрты и глубоко вдохнул свежий холодный воздух. Ему не верилось в то, что произошло. Всё это время, пока больные находились здесь, он даже мысли не допускал об их смерти, без сомнений веря в удивительные способности главного шамана, но лишь теперь, когда это всё-таки случилось, он впервые понял, что ошибался и что всемогущий, казалось бы, старец, оказывается, тоже бывает бессильным. Иджими был очень расстроен и смертью чужаков, и беспомощностью старца. Он направился было к его юрте, но остановился перед входом, развернулся и побежал к своему коню.

* * *

— Может быть, всё это и к лучшему... — задумчиво произнёс Наби-бек. — Что там делал мой сын Иджими? — взглянул он на стоящего перед ним сотника Терима.

— Властитель, с тех пор, как Иджими отвёз больных туда, он впервые навестил их, — ответил сотник.

— Да, конечно. Я помню, что это он доставил их, — кивнул Наби-бек.

— Властитель, прости, а что делать со слезкой за поселением шаманов теперь? — спросил сотник Терим.

— Не нужно больше следить. Отпала необходимость, — махнул рукой Наби-бек. — Ступай. Занимайся своими делами.

— Слушаюсь, властитель, — сотник Терим приложил руку к груди, склонил голову, отступил и быстро покинул юрту.

«Ну вот и всё. Закончилась наконец-то эта странная история. Хвала Небесам, груз сам свалился с моих плеч. Одной проблемой стало меньше. Хотя неразрешённых вопросов осталось много, но

всё же пусть лучше так, нежели получить неожиданные ответы, сложные и, возможно, опасные», — потерев шрам на щеке, вздохнул Наби-бек.

* * *

— Что случилось, Дильбар? — влетела в юрту к Дильбар Фируза. — Ты чего так пугаешь меня? Я уже подумала, что с тобой что-то плохое произошло. Твой человек ничего не объяснил. Только и поняла, что нужно скорее приехать к тебе. Ну, подруга, говори, что случилось. Почему ты такая заплаканная? — присев на колени перед Дильбар, Фируза обхватила её ладони, заглядывая в глаза.

— Он умер, — дрожащими губами тихо произнесла Дильбар.

— Не поняла. Кто умер-то? Отец, что ли?! — прикрыв рукой рот, округлила глаза Фируза. — Как же так... Ой, Дильбар, горе-то какое!

Дильбар нахмурила брови и опухшими от слёз глазами удивлённо посмотрела на Фирузу:

— Ты что такое говоришь? Ты чего пугаешь меня?

— Так ты же сама сказала, что он умер! — ничего не понимая, вновь протянула Фируза. — Твой отец, наш правитель, болен же...

— Да не отец умер, жабу тебе в рот! — утирая глаза, возмутилась Дильбар. — Зачем только я позвала тебя?!

— Хвала Небесам, он жив! — не обращая внимания на слова подруги, Фируза подняла руки вверх и посмотрела туда же, затем, словно опомнившись, взглянула на Дильбар. — А кто умер?

Дильбар с укоризной во взгляде посмотрела на неё.

— Как умер? — только теперь сообразив, о ком идёт речь, удивилась Фируза. — Что, правда, что ли? Когда? Почему?

— Фируза, ты в своём уме?! — больше не находя слов, ещё сильнее возмутилась Дильбар. — Что значит почему?

— Ты прости меня, я просто растерялась и уже сама не понимаю, что говорю, — постепенно успокаиваясь, виновато произнесла Фируза.

— Иджими был там. Он и сообщил об этом. Они оба умерли почти на его глазах, — вновь тихо заплакала Дильбар.

— Иджими? А он что, знает всё о вас? Ну, о ваших отношениях? — удивилась Фируза. — Ты что, рассказала ему?

— Нет, — печально мотнула головой Дильбар. — Он с утра навещал их, а потом увидел меня и сказал. Он был сильно расстроен, и я спросила из-за чего.

— Понятно. Я не знаю, что говорить в таких случаях. Прости, — вновь взяв ладони подруги в свои руки, очень душевно произнесла Фируза. — Он же сильно болел. Выходит, даже главный шаман не сумел помочь ему. Я очень сочувствую тебе. Поверь. Очень, — в глазах Фирузы появились слёзы.

Дильбар смотрела на неё, подрагивая всем телом. Фируза подалась вперёд и крепко обняла её. Теперь они заплакали вместе, не сдерживая слёз.

* * *

Весь остаток дня Иджими провёл у себя в юрте. Илыми крутился вокруг него, пытаясь втянуть в игры, но, не сумев достичь своей цели, прилёг и уснул, прижав к себе щенка. Иджими тоже лёг, долго ворочался и уснул только ближе к полуночи. В полдень следующего дня Иджими оседлал коня и поехал к Джуйе. Привязав скакуна к коновязи возле её юрты, он подошёл к двери и постучал по косяку. Из юрты вышла служанка.

— Джуйя ещё спит? — спросил Иджими.

— Властитель, — служанка посмотрела растерянно. — А ты разве не знаешь?

— Чего я не знаю? — удивился Иджими.

— Джуйя с вечера собралась, а рано утром, ещё до рассвета, отбыла к цзо дуглу Бэйтими-беку. Сказала, что очень соскучилась по отцу, погостит у него, а когда вернётся, не знает, — пожал плечами, сообщила служанка. — Её брат, Ихлас, выделил ей охрану.

— Ах да, всё верно! Она же говорила об этом! — на мгновение задумавшись, воскликнул Иджими, пытаясь сделать вид, что всё вспомнил. — Столько всего пришлось сделать вчера. Уснул только полночь. Надо же, как я мог забыть и приехать сюда. Надо больше отдыхать. — Иджими развернулся и направился к коновязи.

Служанка посмотрела ему в спину, мотнула головой и вернулась в юрту.

* * *

«Ничего не понимаю... Как это возможно взять и уехать? Насколько я помню, цзо дуглу Бэйтими-бек ещё при назначении его властителем восточного крыла настоял на проживании дочери здесь, и она очень радовалась этому, — Иджими возвращался к себе, обдумывая неожиданную новость. — Она туда и не собиралась. Может быть, с ним что-то случилось? Но тогда я бы знал об этом. Почему мне ничего не сказала при нашей последней встрече? Хотя бы сообщила вчера или ночью. Не такой она человек, чтобы поступать необдуманно. Значит, причина для отъезда всё-таки была. Но какая, вот в чём вопрос... Что её заставило так поступить? Конечно, можно догнать её в пути, но раз она так решила, то вернуть её не удастся. Получается, она за что-то обиделась и поэтому не поставила меня в известность... Но в чём я провинился перед ней? Что такого я сделал? Ничего не понимаю... Ясно только одно: её внезапный отъезд связан со мной. Если бы была другая причина, я бы знал о ней. Может, у Ихласа спросить? Нет, не стоит. Он уверен, что она всё согласовала со мной, появившись у него с расспросами, он будет волноваться и начнёт сам всё выяснять. Наверняка он не знает истинной причины её решения. Так что у него спрашивать не нужно. Даже служанке она сказала только, что соскучилась по отцу. Видимо, то же самое сказала и брату. Что мне делать теперь? Как узнать о том, что случилось на самом деле?»

* * *

— Одно могу сказать тебе, дочь моя, на всё воля Небес. Мне нечем утешить тебя, — с горечью в голосе, с сочувствием смотря на девушку, сидевшую перед ним с опущенной головой, тихо произнёс главный шаман.

— Дедушка, все эти дни я не могла решиться приехать к тебе, — дрожащим голосом прошептала Дильбар.

— Я понимаю тебя, дочь моя, — кивнул старец. — К тому же ты не застала бы меня здесь. Все эти три дня я был с правителем.

Дильбар, услышав об отце, испуганно взглянула на старца.

— Не беспокойся, правителю стало лучше, — слегка кивнув, успокоил её старец.

— Дедушка, скоро он поправится? — с надеждой спросила Дильбар.

— Болезнь не приходит к человеку сразу, в одно мгновение, дочь моя, она накапливается годами, в отличие от ранения, которое человек может получить внезапно. А болезнь, она как бы набирает силы, притаясь в человеке, и только потом, когда человек утомлён или измождён, проявляется. Словно хищник, который нападает на жертву, когда она загнана и очень устала. Для всего нужно время. Оно нужно и для излечения. Так что, дочь моя, наберись терпения и не теряй надежды, — улыбнувшись, спокойно объяснил ей старец. — И мы, и лекари, я уверен, начали вовремя лечение правителя, хвала Небесам, и оно идёт ему на пользу.

— Я очень соскучилась по отцу, дедушка, — вновь опустив голову и тяжело вздохнув, прошептала Дильбар.

— Я знаю, дочь моя, но я хочу кое-что сказать тебе и дать тебе один совет.

Старец, подавшись вперёд, протянул к девушке руку, коснулся пальцами её подбородка и, приподняв ей голову, посмотрел в глаза.

— Послушай меня внимательно и постарайся понять всё, что я скажу тебе. Когда человеку плохо на душе, он не в состоянии думать о хорошем. Так уж он устроен. Тяжёлая ноша в душе порождает тяжкие мысли, и человек не способен легко и радостно воспринимать жизнь. Пребывая в таком состоянии, человек теряет благородство, не может совершать достойные поступки и даже не умеет произносить добрые слова. Всё в нём становится мрачным, и мир вокруг, как ему кажется, тоже погружается во мрак. Он перестаёт видеть и слышать других людей, пытающихся помочь ему, и невольно замыкается в себе, отчуждаясь от всех и сторонясь их. В конце концов он остаётся в одиночестве, наедине со своими думами. Чем дольше он в таком состоянии, тем сильнее в нём нарастает обида на окружающих за кажущееся их непонимание, за их бесчувственность, за их чёрствость, за их жестокость по отношению к нему. Затаив эту обиду в себе, он сначала превращается в человека злого, а со временем — злопамятного. Постепенно оттесняя в его голове истинную причину изначального состояния, связанного с тяжёлым событием, случившимся с ним, появляется и нарастает мысль о мести этим людям за то, что они, в чём он уверен, не помогли ему, бросили его в беде, отвернулись от него. Вот тогда-то он и превращается в нелюдя, подобного жестокому хищнику, и начинает совершать непоправимые поступки, переходя все грани до-

зволненного, — старец замолчал, пристально вглядываясь в глаза девушки, словно пытался увидеть в них, всё ли она понимает, и, выдержав небольшую паузу, продолжил: — Ты, видимо, хочешь спросить меня, к чему это всё я говорю тебе? Так вот, дочь моя, ты должна понимать, что постоянно жить с тяжкой ношей на душе и с тяжёлыми мыслями нельзя. Да, многое порой, как кажется, не зависит от самого человека. Но человек должен пытаться изменить своё состояние. То, что гложет его изнутри, не навсегда поселилось там. Оно тоже имеет свой предел. Оно тоже однажды начинает отступать. Возникают вопросы: как человеку достичь этого, с чего начать и что нужно делать, чтобы изменить свой образ жизни. В уединении ничто извне не влияет на человека. Он изо дня в день думает об одном и том же, изматывая себя и истощая свои силы. Всё это следует прекратить раз и навсегда. Нужно общаться с людьми, заняться полезным и для себя, и для других делом, стать нужным кому-то и начать заботиться о ком-то. Вот в чём заключается начало победы над тяжестью в душе и над гнетущими мыслями. В этом и заключается мой совет. Поступив только так и не иначе, человек избавится от всего, что мешает ему жить полноценной и интересной жизнью, обретёт покой, станет радоваться каждому дню, начнёт уважать себя и других и в итоге почувствует уверенность в себе, в своих силах и возможностях. Люди заметят это и станут относиться к этому человеку подобающим образом. Только от них человек способен почерпнуть силы, и об этом следует помнить всегда. Вечным Небесам было угодно создать человека и определить жизнь среди подобных ему, дабы они питали друг друга силой и не погибли поодиночке, — старец замолчал, устало провёл ладонью по лицу, вновь посмотрел девушке в глаза и завершил начатое: — А теперь иди и подумай обо всём, что я тебе сказал.

— Я поняла тебя, дедушка, и обещаю, что обязательно подумаю об этом, — Дильбар поднялась и покинула юрту.

* * *

Иджими возле своей юрты чистил коня, расчёсывая ему гриву и хвост, когда к нему подъехал десятник из сотни ближнего дозора. Иджими взглянул на него. Десятник спешил, приложил руку к груди и склонил голову.

— А, десятник Джейран, — Иджими жестом ответил на приветствие. — Как твои дела? Давно я тебя не видел. Всё ли хорошо у тебя?

— Да, властитель, хвала Небесам, у меня всё хорошо, — вновь слегка склонив голову, ответил десятник.

— Что же, я рад за тебя. Ты что-то хотел?

— Властитель, прости, может, это не моё дело, но я хотел сказать тебе, что Джуйе не следует так поздно совершать одиночные прогулки. Мало ли что. Волки могут подойти к загонам на окраине стойбища. Это всё, что я хотел сказать, — десятник приложил руку к груди, склонил голову и повернулся к своему коню.

— Это верно, она всегда совершает вечернюю выездку. А когда ты её видел? — спросил Иджими.

— Три дня тому назад, властитель, — повернувшись к Иджими, ответил десятник. — Мой отряд был в ближнем дозоре. Мы объезжали стойбище и на восточной окраине повстречали её. Я предложил ей охрану, но она отказалась.

— Хорошо, десятник Джейран, я понял тебя, — кивнул Иджими.

Десятник запрыгнул в седло и отъехал от Иджими, скрывшись за ближней юртой.

«Три дня назад Джуйя уехала. Значит, Джейран видел её накануне вечером. Всё совпадает, и он не ошибся... Что-то важное я уловил в его словах. Что же? А, он сказал, что встретил её на восточной окраине стойбища. Вот что важно. В тот день я сопровождал Дильбар, и мы с ней вечером вернулись в стойбище из поселения шаманов. Так вот в чём дело! Джуйя в это время была там и, возможно, увидела нас. Ну надо же случиться такому совпадению! Она даже подумать не могла, что Дильбар обратилась ко мне всего лишь с просьбой помочь. Увидела нас наедине в столь позднее время выезжающими из леса и решила, что это означает только одно — между мною и ею всё кончено, нам больше не следует быть вместе. Вот в чём причина её спешного отъезда! Она гордая и не стала опускаться до выяснения отношений и винить меня в измене. Просто взяла и уехала подальше отсюда, чтобы не видеть меня. Хвала Небесам за встречу с десятником Джейраном! Он даже не представляет, как помог мне! Теперь я точно знаю об истинной причине отъезда Джуйи. Ох уж эти девушки! Порой просто невозможно понять их. Чем только они думают? — Иджими вдохнул всей грудью, потирая её рукой, и улыбнулся. — Как хорошо стало на душе! Ничего пло-

хого не произошло, всё объяснимо. Пусть Джуйя отдохнёт у отца, а я найду способ сообщить о её ошибке». Иджими повернулся к коню, погладил его по шее и поцеловал в морду.

Г Л А В А   Ч Е Т В Ъ Р Т А Я

— Властитель, прости, но к тебе срочно просится какой-то человек. Он говорит, что у него к тебе есть разговор, — приложив ладонь к груди и склонив голову, сообщил вошедший в шатёр начальник стражи.

Ю дуглу Демир-бек принимал пищу, сидя на расстеленных поверх ковра шкурах, в дальней половине шатра. Несмотря на то что жилищем усуней была войлочная юрта, он со своими тиграхаудами продолжал обитать в традиционных сакских шатрах, и со стороны можно было легко определить, где стойбище усуней, а где тиграхAUDов.

— Кто он и откуда? — положив недоеденный кусок мяса на поднос и вытерев рот, спросил Демир-бек.

— Он ничего не сказал, властитель, но видно, что не из наших. Я велел ему прийти позже, но он настаивает, — ответил начальник стражи.

— Пусть войдёт, — кивнул Демир-бек.

Начальник стражи вышел, и тут же в шатёр вошёл низкорослый мужчина в козьей шубе и старой лисьей шапке-треухе. Начальник стражи вошёл следом и встал за его спиной, положив руку на рукоять меча. Мужчина приложил ладонь к груди и склонил голову.

— Кто ты такой и что тебе нужно? — поднявшись на ноги и подойдя к очагу, спросил Демир-бек.

— Властитель, мы можем остаться наедине? — не поднимая головы, спросил мужчина.

Демир-бек оглядел его с ног до головы, затем взглянул на начальника стражи и прикрыл глаза. Тот слегка склонился и вышел.

— Подойди ближе и говори, — повелел Демир-бек.

Мужчина сделал пару шагов и замер, по-прежнему не поднимая головы.

— Властитель, — понизив голос, начал мужчина. — В полдень тебя будут ждать в лощине за южной окраиной стойбища. Это важно. Больше мне сказать нечего.

— Кто будет ждать? Кем ты послан ко мне? — спросил Демир-бек.

— Прости, властитель, мне не велено говорить об этом. Я всего лишь гонец, — тихо ответил мужчина. — Позволь мне удалиться.

— Нет, ты останешься в стойбище, — сурово и громко произнёс Демир-бек.

В шатёр тут же вбежали стражники во главе с начальником, схватили мужчину и замерли, ожидая веления властителя.

— Свяжите его и отведите в шатёр для пленников. Пусть глаз с него не спускают, — повелел Демир-бек.

Стражники быстро связали руки мужчине и потащили его наружу. Начальник стражи остался в шатре.

— Властитель, ты в порядке? — взволнованно спросил он.

— Да, не беспокойся, — махнул рукой Демир-бек, отходя на дальнюю половину шатра. — Иди, — опускаясь на место, велел он.

Начальник стражи вышел с озабоченным видом.

«Ну вот и началось. Воспользовавшись болезнью куньбека Янгуя, канглы решили перейти к активным действиям. Фатих-шах ищет себе союзников всюду. Не сумев заручиться военной поддержкой хуннов, не найдя общего языка с огузами, он решил наладить связь со мной, дабы я перешёл на его сторону, тем самым стараясь ослабить усуней изнутри. На встречу со мной он явно прислал высоко-го сановника, который и будет ожидать меня в полдень в лощине. К тому же, я уверен, что Фатих-шах предложит мне высокую плату за содействие в предстоящей войне. В этом нет сомнений. Он пообещает мне вернуть власть над моими же землями, занятыми теперь усунями, которых он намеревается разгромить. Такое предложение было бы весьма заманчивым, если бы я не знал о том, что ханьский император Вэнь-ди вступил в военный союз с куньбеком Янгуем и окажет ему военную помощь в предстоящей войне против канглов. На что рассчитывает Фатих-шах? Он ведь тоже знает об этом, — Демир взял мясо, поднёс его ко рту, но есть не стал и положил обратно. — Может быть, я чего-то не знаю? А что, если ему всё-таки удалось вступить в союз с хуннами и они держат это в тайне, всюду распуская слух об обратном? Фатих-шах — умный и хитрый правитель, он может пойти на любые задумки и поступки. Да, всё может быть. В таком положении, с одной стороны, мне следовало бы встретиться с посланником, выслушать его и попытаться понять их планы. Но, с другой стороны, тайная встреча с пред-

ставителем врага усуней чревата для меня последствиями. Глаза и уши куньбека Янгуя есть везде в его землях, и нет никаких гарантий, что об этой встрече не станет известно ему. Я, конечно, могу обезопасить себя и взять с собой кого-то из представителей усуней, но тогда возникает другой вопрос. А что, если разговор будет очень выгодный для меня. Что, если мне сообщат о союзе канглов и хуннов, о котором никому не известно. Или же о союзе канглов и огузов. Или же об их тройном союзе, что менее всего вероятно... Скорее всего, какой-то из этих союзов вполне может возникнуть, но по каким-то причинам этого ещё не случилось. Иначе зачем ему я, обладающий не столь большой силой? Возможно, всё пока на стадии переговоров, и Фатих-шах вспомнил обо мне, желая иметь хоть такого союзника, как я, нежели остаться вообще одному. Как бы там ни было, а Фатих-шах очень спешит и времени на раздумье мне не даст. Он потребует дать ответ немедленно. В присутствии усуня я не смогу быть свободным в выборе и буду вынужден дать только один ответ — отказ. Но прав ли я буду, дав такой ответ? Вполне возможно, что этим решением я упущу единственную возможность обрести независимость от усуней, вернуть свои земли и наладить ту жизнь, что была прежде...» — Демир-бек тяжело вздохнул, взял кусок мяса, повертел его в руке и бросил на поднос.

* * *

— Главный визирь Джарбаш?! — искренне удивился Демир-бек, спустившись в лощину и подойдя к ожидавшему его человеку, как только тот приподнял капюшон. — Надо же. Я понял, что встречу здесь с сановником, но, что это будешь ты, я, признаться, не ожидал, — Демир-бек слегка склонил голову и приложил ладонь к груди.

— Царь Демир, — ответив на приветствие, начал Джарбаш, — у меня мало времени. Ты готов выслушать меня?

— Ну, раз я пришёл сюда, значит, готов к разговору, — спокойно проговорил Демир-бек, не обращая внимания на то, что Джарбаш обратился к нему как к царю, не называя нового титула. — У меня тоже не так много времени. Давай сразу приступим к делу. Так что готов предложить мне Фатих-шах в обмен на поддержку в предстоящей войне? Он вернёт мне все мои земли без каких-либо притязаний на них и одарит золотом? Или ещё что-то? — Демир-бек смотрел в глаза Джарбашу.

— Ты, как всегда, прозорлив, царь Демир. С тобой непросто, но приятно общаться, и ты всё сказал почти верно, но есть ещё кое-что, чего ты предусмотреть не мог, — Джарбаш не отводил взгляда. — Помимо этого, правитель готов передать тебе треть караванного пути в его северной части. — Визирь многозначительно приподнял голову, выпятив заросший густой бородой подбородок, при этом прикрыв наполовину огромные глаза тяжёлыми верхними веками. — Все твои прежние владения полностью перейдут к тебе. Притязаний не будет, за это не беспокойся. Теперь всё.

— Я понял тебя, Джарбаш, но вот чего я не могу понять. Для чего нужна эта война? Ответь мне. Все знают, что Фатих-шах полностью контролирует караванные пути, имеет от этого огромные богатства и только по этой причине всегда готов сражаться с любым, кто посягнёт на это его право. Теперь же в случае моей поддержки в войне с куньбеком Янгум он готов отдать мне часть того, чем дорожит больше всего в этом мире. Ведь именно это стало главным поводом для войны, хотя усунь, насколько мне известно, в сторону караванных путей даже не смотрят. Что происходит, Джарбаш?

— Царь Демир, я не уполномочен вести разговоры на эту тему, но, раз ты интересуешься этим, могу сказать, что усунь пока не смотрят в ту сторону, поскольку ещё многого здесь не знают. Однако, смею заверить, пройдёт немного времени, и они поймут всю выгоду от караванных путей. А теперь ты ответь мне. Что будет, когда усунь прозреют в этом вопросе? — слегка склонив голову к плечу, спросил Джарбаш.

— Это несложный вопрос. Разумеется, будет война между вами. Это-то понятно. Я не могу понять другого. Если все войны велись и будут вестись за караванные пути, то почему Фатих-шах отдаёт мне часть их? Он мог бы отдать эту часть куньбеку Янгую, и никакой войны вести не пришлось бы. Более того, между двумя правителями после этого сложились бы весьма неплохие отношения, и повода для вражды не было бы. Что на самом деле кроется за предложением Фатих-шаха, с которым ты лично прибыл сюда, рискуя своей жизнью?

Демир-бек продолжал пристально смотреть прямо в глаза Джарбаша.

— Царь Демир, тебе не кажется, что мы в разговоре ушли не туда, куда следует? — не отвечая на вопрос, напряжённо прогово-

рил Джарбаш. — Так что передать Фатих-шаху? Каков будет твой ответ?

— Передай Фатих-шаху, что я не принимаю предложения, — уверенно сказал Демир-бек. — А знаешь почему? Я объясню. Всё очень просто. Фатих-шах не желает делиться караванными путями с куньбеком Янгуем только потому, что знает, что не вернёт их себе больше никогда. Со мной же он хочет поделиться, вернее, обещает так поступить, будучи уверенным, что вскоре заберёт всё обратно. После того как я помогу ему одолеть усуней, он, конечно же, исполнит данное обещание, так как не захочет прослыть на весь мир лжецом, но через какое-то время заберёт у меня переданную часть пути, придував повод для этого. Поэтому мой ответ Фатих-шаху — нет.

— Царь Демир, ты уверен в этом? — понимая, что переговоры ведут к отрицательному результату и что гнев Фатих-шаха за это не будет иметь предела, Джарбаш пытался спасти ситуацию и переубедить Демир-бека, только не знал, как это сделать, и стал тянуть время. — Владея частью караванных путей, ты сможешь изрядно обогатиться. Твой народ станет жить в довольствии и будет прославлять тебя. Твоё благородное имя будет на устах всех подданных, от детей до стариков. Вернув все земли, да к тому же щедро одарив своих людей, ты будешь жить ещё лучше, нежели жил прежде. Фатих-шах всегда верен данному слову. Никакого обмана в его предложении нет. Поверь мне. Ты совершаешь ошибку, отказывая ему. — Исчерпав все доводы, Джарбаш замолчал.

— Главный визирь Джарбаш, а что по этому поводу думает правитель хуннов шаньюй Модэ? И что думает правитель огузов Хан-суна-шах? Может быть, Фатих-шах и им пообещал поделиться частью караванных путей? — прищурившись, вдруг спросил Демир-бек. Он заметил, как при его словах Джарбаш на мгновение отвёл явно растерянный взгляд, но тут же вновь посмотрел ему в глаза.

— Этого я не могу знать, царь Демир, такие вопросы решает только сам правитель, — неуверенно и торопливо ответил Джарбаш.

— Как же так, Джарбаш? Фатих-шах доверяет тебе тайно встретиться со мной, бывшим царём, оказавшимся теперь под властью усуней, и вести переговоры и вдруг не доверяет сведения о союзниках? Не доверяет тебе — самому главному своему визирю? Ты не находишь это странным? Или ты говоришь мне неправду, или же ты не очень высокого мнения о своём правителе, назначившем

на столь высокий пост человека, которому нельзя доверять чего-то серьёзного, — Демир-бек, уловив слабость в позиции Джарбаша, захватил инициативу в разговоре, желая надавить на самолюбие собеседника. — Так в чём я ошибаюсь?

— Царь Демир, мы зашли слишком далеко и говорим совсем не о том, — не пытаясь возразить, но стараясь избежать неудобных для себя вопросов, произнёс Джарбаш.

— Джарбаш, ты для чего прибыл ко мне? Для ведения со мной переговоров. Так давай же их вести дальше. Мы ведь этим с тобой занимаемся, — резонно заметил Демир-бек. — Ты и твой правитель желаете склонить меня на свою сторону, обещая за это награды. Так? Так. Вопрос, который мы затрагиваем, имеет судьбоносное значение не только для меня лично, но и для моего народа. Но что у нас тобой получается? Я, на мой взгляд, очень откровенен, отвечая на твои вопросы. Ведь это так? Но ты, в отличие от меня, не дал ответа ни на один мой вопрос, только отговорки. Так, Джарбаш, переговоры не ведутся. Только когда я пойму, что ты тоже откровенен со мной, я смогу принять единственное и верное решение. Ты должен понимать это. Уверен, что твой правитель говорил то же самое, перед тем как отправить тебя ко мне. Он ждёт тебя и надеется на то, что ты приложишь все усилия, дабы убедить меня стать его союзником. Однако, как я вижу, ты не очень-то хочешь этого добиться. Или я ошибаюсь? Если ты считаешь мои слова неправильными и уверен в том, что я не понял тебя до конца, то убеди меня в обратном, объясни всё так, чтобы я понял и поверил тебе, а стало быть, поверил твоему правителю. Ты же его представляешь здесь, на переговорах со мной. Ты являешься его доверенным лицом. Вот теперь я всё сказал и готов внимательно выслушать тебя. — Демир-бек кивнул и замолчал, всем видом показывая, что он действительно готов слушать, но только правдивые слова от Джарбаша, а в противном случае тут же прекратит ненужный разговор и покинет это место.

— Царь Демир, ты всегда слыл отменным собеседником. Все знают об этом, и не все желают тягаться с тобой в словесности. Многие избегают даже простых бесед с тобой, не говоря уже о вступлении с тобой в спор. Признаюсь, мне сложно вести эти переговоры. Видимо, я не с того начал, — Джарбаш вёл себя так, словно его подменили. Он даже смотрел на Демир-бека совершенно другими глазами — теперь в них не было надменности. На мгновение замолчав,

он продолжил: — Прежде, чем я отвечу на все твои вопросы, я должен взять с тебя слово, что ты никому не скажешь обо всём, что я тебе поведаю.

— Джарбаш, ты, видимо, забыл о том, что это ты прибыл ко мне по поручению своего правителя, а не я явился к вам. Это твой правитель нуждается во мне, а не я в нём. Следовательно, ты не можешь ставить мне условия. Ты понял меня? Кроме того, вне зависимости от того, что ты скажешь, я не обещаю, что дам согласие на вступление в союзнические отношения с твоим правителем. Так что подумай, прежде чем продолжишь, — строго произнёс Демир-бек.

— Ну хорошо. Пусть будет по-твоему, царь Демир, — соглашась, примирительно кивнул Джарбаш. — Я послан к тебе по одной причине. Дело в том, что союзников в предстоящей войне у моего правителя нет. Шаньюй Модэ даже не принял наших послов. Хансуна-шах избрал выжидательную позицию. Остался только ты... Теперь ты знаешь всё... Что бы ты ни ответил моему правителю и какое бы ни принял решение, я очень прошу тебя не говорить никому о моей откровенности. Поверь мне на слово, я честен с тобой. Я всегда относился к тебе с большим уважением и теперь не имею желания что-то менять. — Джарбаш замолчал, посмотрел на склоны лощины, затем вновь взглянул в глаза Демир-беку и продолжил, но уже с сожалением в голосе: — Я знаю, что теперь, узнав всю правду, ты точно откажешься от предложения моего правителя, и это будет правильно с твоей стороны.

— Да, главный визирь Джарбаш, ты верно всё понял. Я не принимаю его предложения, но не потому, что узнал правду, а совершенно по другим причинам. Я отказываюсь, будучи уверенным в том, что он не сдержит данного обещания, а ещё я не доверяю правителям, которые не ценят своих самых преданных людей, и, к сожалению, одним из них является Фатих-шах, — улыбнувшись с какой-то грустинкой в глазах, тихо произнёс Демир-бек.

Джарбаш долго смотрел ему в глаза, затем повернул голову в сторону, словно увидел там что-то, и крепко сжал губы.

— Да, Джарбаш, ты не ослышался и понял всё правильно. Сдаётся мне, что Фатих-шах чем-то очень обидел тебя, а я знаю и многие знают о твоей невероятной преданности ему. Я понял твоё состояние. Другой на твоём месте всеми правдами и неправдами старался бы получить нужный результат в этих переговорах, но ты не стал

делать этого, не был в должной степени настойчив и, более того, откровенно поделился со мной правдой, касающейся хуннов и огузов. Вот как влияет на человека недооценённость его заслуг. Любое несправедливое отношение к верному человеку способно породить в его душе обиду, которая в свою очередь и становится причиной безразличия. С тобой всё это, как я вижу, уже случилось. Мне очень жаль. А теперь прощай. Доброго тебе пути, главный визирь Джарбаш, — Демир-бек развернулся и зашагал к склону, на верху которого стоял его конь.

Вернувшись к себе в шатёр, ю дуглу Демир-бек велел отпустить человека, посланного к нему главным визирем канглов Джарбашем. Никто в его окружении так и не узнал, что это за человек и от кого прибыл.

* * *

— Властитель, ю дуглу Демир-бек встретился с человеком из ставки канглов, — сообщил властителю западного крыла сян дуглу Юити-беку тучный одноглазый тысячник Арачын.

— Полагаю, что узнать об их разговоре твоим людям не удалось, — опустив большую голову и стряхивая с колена пылинку, спокойно произнёс Юити-бек.

— Нет, властитель, этого сделать не удалось. Наблюдение велось издали. Лазутчики следили за ю дуглу Демир-беком и его воином с момента их появления на наших рубежах. Никто не знал, куда они продвигаются, — пояснил Арачын.

— Почему ты уверен, что чужак прибыл из ставки канглов? — взглянув в правый, единственный глаз тысячника, спросил Юити-бек.

— Властитель, поначалу мне не было точно известно, откуда он, но теперь очевидно, что он мог прибыть только от канглов, — пожав плечами, ответил Арачын.

— Что предпринял, чтобы узнать всё об этом посланнике? — Юити-бек взял в руку чашу. — Надеюсь, задерживать его не стал?

— Властитель, самого посланника трогать не стали, но в наших руках воин, который сообщил ю дуглу Демир-беку об их встрече. Ю дуглу Демир-бек отпустил вестника после переговоров, но мои люди захватили его. Теперь допрашивают. Скоро мы всё узнаем, — заёрзав на месте, ответил Арачын.

— Всего ты так не узнаешь, тысячник Арачын, — усмехнулся Юити-бек. — Он лишь воин, телохранитель посланника, и ему ничего не известно о переговорах, так что зря надеешься на получение важных сведений. Он может сказать только о пути их следования. Ну и, конечно, о месте, откуда они начали свой путь. Для нас он важен не этим, а тем, что подтвердит факт прибытия именно к ю дуглу Демир-беку. Вот что имеет значение.

— Властитель, прости, могу ли я спросить? — Арачын подался вперёд.

— Спрашивай, — прикрыв глаза, разрешил Юити-бек.

— Властитель, почему мы не можем задержать самого посланника?

— Этого тебе я сказать не могу, — как всегда, спокойно ответил Юити-бек. — У тебя всё? Тогда ступай, занимайся своими делами. Жду тебя со сведениями о пленнике.

— Повинуюсь, властитель, — Арачын кивнул и стал суетливо подниматься на ноги.

* * *

Как только тысячник Арачын покинул юрту сян дуглу Юити-бека, вошёл начальник стражи, склонил голову и, приложив руку к груди, сообщил, что из ставки прибыл Хаан-бек. Услышав имя прибывшего, Юити-бек быстро поднялся на ноги, поправил на себе одежды и велел немедленно пригласить гостя. Начальник стражи выбежал наружу, и тут же в юрту вошёл Хаан-бек. Хрупкий и стремительный Хаан-бек порывисто склонил голову и слегка ударил рукой себя по груди, приветствуя властителя западного крыла. Тот почтительно ответил ему. Хаан-бек прошёл к очагу и вытянул руки над огнём. Не сводя с гостя напряжённого взгляда, Юити-бек подошёл и замер возле него.

— Что сказал пленник? — повернув голову к Юити-беку, прогрохотал Хаан-бек.

— Пока ещё ничего, — стараясь быть спокойным, ответил Юити-бек.

— Это плохо, сян дуглу Юити-бек. Много времени тратите на него. Твои люди, как я вижу, обленились от безделья. Не за горами большая война. Время стало дорого как никогда. Нам всем следует

спешить. Ты, сян дуглу Юити-бек, не обижайся за мою резкость, но положение очень серьёзное, и ты это знаешь, — повернувшись к Юити-беку, примирительным тоном произнёс Хаан-бек. Он старался говорить мягче, но его могучий голос звучал как рокот водопада.

— Да, ты прав, Хаан-бек, — кивнул Юити-бек. — Проходи, присаживайся. Отдохни с дороги, — проявляя гостеприимство, предложил он.

Хаан-бек задержал пристальный взгляд на Юити-беке, затем прошёл на дальнюю половину юрты, одним движением скинул соболью шубу и опустился на шкуры. Юити-бек хлопнул в ладони. Вошёл начальник стражи.

— Вели срочно подать горячего бульона и еды, — приказал Юити-бек, быстро подошёл к своему месту и сел.

Начальник стражи выбежал из юрты.

— Кто у тебя занимается этим пленником? — посмотрев на Юити-бека, спросил Хаан-бек.

— Все лазутчики моего крыла подчинены тысячнику Арачуну. Я его не так давно назначил, — ответил Юити-бек и тут же спросил: — Что-то не так?

— А, теперь понятно, почему так долго занимаются пленником. Сян дуглу Юити-бек, ты же опытный военачальник и умелый властитель, так почему ты возвысил этого болвана и доверил ему столь важные силы войск правителя в своём крыле? — Хаан-бек смотрел на Юити-бека с явной укоризной во взгляде.

— Но, Хаан-бек, он очень исполнительный военачальник, и у меня до сих пор не было претензий, связанных с его службой, — пожал плечами, попытался возразить Юити-бек.

В юрту вошли воины с подносами с едой и напитками, опустили их перед беками и удалились.

— Прошу, Хаан-бек, угощайся и согрейся с дороги, — вежливо предложил Юити-бек.

Хаан-бек взял чашу с горячим бульоном, подержал её в ладонях и стал пить, делая частые и небольшие глотки. Юити-бек тоже взял чашу и пригубил её, не сводя глаз с гостя.

— Замени его, — быстро опустошив чашу и вытерев рот рукой, коротко бросил Хаан-бек. — Сотня. Вот кем должен командовать Арачун. И я не уверен, что он способен справиться даже с ней.

— Я понял тебя, Хаан-бек. Но как я объясню ему такое беспричинное понижение по службе? — растерялся Юити-бек.

— А ничего не нужно объяснять. Он обязан смиренно исполнять твою волю, что значит — исполнять волю нашего правителя, — с металлом в голосе ответил Хаан-бек. — Никому и никаких объяснений либо послаблений, сян дуглу Юити-бек, ты не должен давать. Но ради спокойствия в твоей душе тебе я кое-что проясню, дабы ты понял, кого так приблизил. Этот болван, кроме как плести интриги, ничего не умеет. Мне довелось убедиться в этом лично. Скажу больше, однажды в очень непростой ситуации он ради своей выгоды готов был убить старшего сына дуглу Наби-бека и его верных друзей. Ты понимаешь меня? Он был в одном шаге от убийства подростков. И всё это собирался скрыть и от дуглу Наби-бека, и от самого правителя. Тогда я не стал сообщать об этом правителю и дуглу. Они были очень заняты серьёзными делами. К тому же военачальник из него как из хвоста ягнёнка шуба. Теперь ты понимаешь? Таких, как он, следует казнить, а не возвышать. Пусть радуется, что ещё жив.

Хаан-бек перевёл взгляд на еду, вытащил кинжал из ножен, низал на его остриё кусок парящегося мяса, стал откусывать понемногу и с аппетитом прожёвывать.

— М-да, вот, значит, как... — задумчиво и удручённо протянул Юити-бек.

— А где Хосхар? Насколько я помню, он тоже здесь, под твоим подчинением, — перестав жевать, взглянул на Юити-бека Хаан-бек.

— Да, Хаан-бек, он у меня тысячник, — кивнул Юити-бек, вновь напряжённо посмотрел на Хаан-бека и спросил: — А с ним-то что не так?

— Его тоже в сотники, — по-прежнему коротко бросил Хаан-бек и продолжил жевать.

— А его-то за что? — от удивления открыв рот, спросил Юити-бек.

— За то же самое. Они вместе тогда действовали, — вытирая кинжал, ответил Хаан-бек. — И ещё, сян дуглу Юити-бек, следи за ними постоянно. Эти двое очень мстительны. При малейшем неподчинении наказывай их сурово. Не щади. Вплоть до казни. Считай, что это веление самого нашего правителя.

— Я всё понял, Хаан-бек, не сомневайся, — приложив руку к груди, склонил голову Юити-бек.

— Вот и хорошо. А теперь мне пора в обратную дорогу. Я забираю с собой твоего пленника. И ещё. Ю дуглу Демир-бека не надо беспокоить, — легко вскочив на ноги, распорядился Хаан-бек.

— Понимаю, — поднимаясь, произнёс Юити-бек и хлопнул в ладони.

* * *

«Он ничего не спросил о посланнике из ставки канглов. Зачем проделал такой путь? Доставить пленника к нему в главное стойбище могли и простые воины. Ничего не понимаю... Никогда и никого я так не боялся, как этого Хаан-бека. Да что там я, его все боятся! Он единственный человек, кто не подчиняется никому, кроме самого куньбека Янгюя. Даже дуглу Наби-беку он не подчинён. Его полномочия безграничны. Казалось бы, я, занимая более высокое положение, должен отдавать ему какие-то приказы, но делать этого не решаюсь и перечить не смею. Никто не смеет так поступать. Никто. За неполных два года, если я не ошибаюсь, он из простого десятника превратился во всемогущего бека. Такого не было никогда. Он знает всё обо всём и обо всех. Его нигде никто не видит, но он всегда появляется там, где возникают какие-то сложности, и быстро и умело решает их. Что за человек такой? Никто и никогда не слышал о том, чтобы он ошибся и сделал что-то не так, как положено. Никто и никогда не видел его рядом с правителем и даже входящим в его юрту. Как это возможно? — проводив Хаан-бека, Юити-бек погрузился в думы. — Появился внезапно и исчез так же, словно его и не было здесь. Когда он отдыхает, спит или ест? На празднованиях он не бывает. О его родственниках никто ничего не знает. Даже где он живёт, никому не известно. Приехал, разобрался с тысячниками Арачыном и Хосхаром, забрал пленника и уехал. Кто ещё способен на такое? Только он... И всё-таки почему он ни словом не обмолвился о посланнике канглов? О Небеса, а откуда он вообще узнал об этом?! Я тут сижу и голову ломаю над тем, почему он не спросил о посланнике, а о самом важном даже не подумал. Откуда ему стало известно об этом человеке из ставки канглов? Вот это уже очень странно! Как он это делает? Ничего не понимаю!.. Довольно думать над этим, всё равно ни до чего не додумаясь. Пора немного отдохнуть. Ну и денёк был...»

Джарбаш очнулся и открыл глаза. В помещении было довольно темно. Он понял, что лежит на спине. Всмотревшись, он едва сумел различить низкий бревенчатый потолок с маленьким отверстием, сквозь которое пробивался тусклый свет. Он хотел поднять руки, но понял, что они крепко связаны под спиной. Попытался встать, но и ноги оказались связаны. Он огляделся и увидел стены из брёвен. Помещение было небольшим. Джарбаш приподнял голову и нашёл взглядом низкую дверь, через щели в которой пробивались узкие полоски света. Он повернулся на бок и стал разминать затёкшие руки, сжимая и разжимая кулаки.

«Что за дела! Где это я и кто посмел напасть на меня? — подумал он, пытаясь вспомнить, что с ним произошло. — Помню, что не дождался воина и направился в дорогу один... Проехал всю лошину и выбрался к роднику, пробивавшемуся из-под снега. Возле него спешился и собирался попить воды и набрать её в дорогу. Всё. Больше ничего не помню...» Джарбаш услышал шум за дверью, она со скрипом распахнулась, и ударивший внутрь свет на мгновение ослепил его. Он закрыл глаза, а когда открыл, то увидел стоящего над ним человека.

— Ты кто? — смотря на чёрный силуэт, спросил Джарбаш.

Человек молчал и не двигался.

— Немедленно развяжи меня, — приказал Джарбаш, дёрнувшись всем телом.

Человек продолжал молча стоять. Он явно смотрел на Джарбаша, но Джарбаш не мог видеть ни его лица, ни вообще как он выглядит. По силуэту Джарбаш понял, что человек облачён в длинную шубу, а на голове у него капюшон.

— Что тебе нужно от меня? — пытаясь хоть как-то разговорить вошедшего, Джарбаш продолжал задавать вопросы, но всё было тщетно: человек продолжал молча стоять.

— Ну хоть что-нибудь скажи! Я ничего не понимаю, — почти взмолился Джарбаш.

Человек присел на корточки. Джарбаш посмотрел на него и стал испуганно отползать, извиваясь всем телом.

— Да что происходит?!

Человек поднялся и вышел, закрыв за собой скрипучую дверь.

— Эй, ты куда? — вновь закричал Джарбаш. Он слышал, как человек недолго провозился у двери, видимо запирая её, и удалился. Только снег похрустывал под его ногами.

Остаток дня и всю ночь Джарбаша никто не навещал. В помещении было очень холодно, и, если бы не тёплые одежда и обувь, он бы не дожил до утра. Джарбаш дрожал от холода и пытался хоть как-то двигаться, чтобы немного согреться. Руки и ноги сильно затекли, что причиняло ему нестерпимую боль.

Наконец, щели в двери проявились тусклыми полосами. «Скорее бы кто-нибудь пришёл... Я не выдержу больше этого холода и этой боли... Я скоро замёрзну...» — уже на грани сознания думал Джарбаш.

Кто-то подошёл к двери.

— Эй, на помощь! Я умираю! — услышав это, закричал Джарбаш.

Дверь отворилась, и вошёл тот же человек. Он подошёл к Джарбашу, присел возле него, развязал ему руки и вновь встал. Джарбаш с трудом повёл плечами, с усилием вытянул руки из-за спины и стал их разминать, пытаясь сжимать и разжимать непослушные пальцы, подносил замёрзшие ладони ко рту и дышал на них. Человек тем временем вышел и быстро вернулся, неся что-то в руке. Джарбаш присел и попятился назад, упершись спиной в стену. Человек наклонился и протянул ему дымящуюся чашу, от которой пахло бульоном. Джарбаш осторожно принял её дрожащими руками, стараясь не выронить. Зажав чашу между ладонями, он медленно поднёс её ко рту и стал жадно пить бульон, торопясь и обжигаясь. Человек стоял молча. Быстро осушив чашу до дна, Джарбаш откинул голову, закрыл глаза и опустил руки, выронив посудину на колени. Он чувствовал, как горячая вкусная пища разливалась по всему телу, согревая его изнутри и медленно возвращая ему силы. Он открыл глаза и посмотрел на человека. Тот по-прежнему стоял и смотрел на него.

— Я не выдержу здесь ещё одну ночь. Я замёрзну, — едва шевеля губами, прошептал Джарбаш. — Так что спрашивай, пока я ещё жив. Я всё скажу. Мне уже терять нечего.

* * *

— Ты встречался с Хаан-беком? — главный шаман обращался к одному из своих помощников шаманов.

Шаман кивнул.

— Что он сказал? — вновь спросил старец.

— Он велел вернуть очаг в жилище пленника, — ответил шаман.

— Он добился от пленника, чего хотел?

— Да. Союзников нет. Ю дуглу Демир-бек тоже отказал.

— Понятно. Что он собирается делать с пленником?

— Сказал, что не освободит его. Потеря главного визира перед войной должна стать для канглов очень тяжёлой утратой.

— Что с воином пленника?

— Он умер по пути сюда. Люди Арачына замучили его.

— Что на это сказал Хаан-бек?

— Сказал, что Арачын уже получил своё наказание.

— Ты передал ему новые видения наших людей?

— Да.

— Хорошо. Как себя чувствуют чужаки?

— Уже ходят.

— Ступай.

Шаман поклонился и вышел из юрты. Главный шаман поднялся и надел шубу.

«Пора навестить правителя», — подумал он и вышел из своей юрты.

* * *

— Ю дуглу Демир-бек повёл себя правильно. Он предан тебе, правитель, — поглаживая бороду, задумчиво произнёс главный шаман. Он сидел возле возлежащего на подушках куньбека Янгуйа в левом крыле главной юрты.

— Что ещё сообщил Хаан-бек? — спросил куньбек Янгуй.

— Он не отпустит Джарбаша, правитель. Он считает, что так будет лучше. Фатих-шах потеряет самого верного визира, причём главного визира, и это очень ослабит его позиции перед предстоящей войной, — ответил старец.

— Он прав, — согласился куньбек Янгуй и, недолго подумав, продолжил: — Но для нас превыше всего было узнать о союзниках Фатих-шаха, которых, как оказалось, у него нет. Это очень важные сведения. Благодаря тебе и твоим помощникам, а также решительным действиям Хаан-бека нам удалось добыть их. Мой мудрец, продолжай помогать Хаан-беку. Без твоих видений и видений твоих верных помощников мы не смогли бы предотвращать многое из

того, что нам угрожает. Ты со своими людьми и Хаан-бек стоите целой армии.

— Мы стараемся, правитель, — склонил голову главный шаман.

— Хаан-бек продолжает обитать в твоём потаённом деревянном селении? Он не хотел бы жить здесь, в стойбище? Ничего не говорил об этом? — улыбнувшись, спросил куньбек Янгуй.

— Нет, правитель, не хочет. Я тоже спрашивал его об этом, но он решительно отказался, — тоже улыбнулся старец.

— Да, он такой, — задумчиво проговорил куньбек Янгуй. — Об этом селении никто не знает, даже мне неизвестно, где оно находится, в какой лесной чаще ты спрячешь его. Я даже не представляю, как оно выглядит. Может, как-нибудь покажешь его мне? — куньбек Янгуй вновь улыбнулся.

— Не стоит оно того, чтобы ты, правитель, тратил на его посещение своё бесценное время. Мои помощники случайно на охоте набрали на него. Вот и решил я приспособить его для всяких непредвиденных нужд. Там несколько небольших жилищ, выстроенных из брёвен, и загон для скота. Всюду вокруг непроходимые леса, острые скалы и глубокие ущелья. Это жалкое зрелище, правитель, поверь, — главный шаман посмотрел на правителя. — Но если ты пожелаешь, то я, конечно, покажу его тебе.

— Позже, мой мудрец, когда для этого будет время, мы вместе посетим его, — посерьёзнев, произнёс куньбек Янгуй. — Я постоянно думаю о том, как там живёт Хаан-бек. Это же очень сложно, как я понял тебя. Дикое и глухое место. Он по собственной воле обрекает себя на столь тяжёлое существование, и всё это ради спокойствия своего народа. Какая же в нём самоотверженность... Он ведь жертвует собой, своей жизнью, избрав путь одиночества. В его годы все мужчины имеют семьи и окружены детьми, — куньбек Янгуй замолчал, тяжело вздохнул и покачал головой.

— И я таких людей ещё не встречал, правитель. Ко всему он ещё и двуличный, — тоже вздохнул главный шаман.

Какое-то время куньбек Янгуй и главный шаман молчали, задумавшись.

— Мой мудрец, я очень рад, что не твой помощник посещает меня, как это было прежде, а ты сам стал это делать, — сев и посмотрев в глаза главного шамана, с теплом в голосе сказал куньбек Янгуй, нарушив возникшую паузу.

— Я тоже этому рад, мой правитель, — слегка кивнув, прикрыл глаза главный шаман.

* * *

Благополучно прибыв в ставку огузов и разместившись на её окраине в одной из юрт для чужеземных торговцев, Берджу привёл себя в порядок, помылся, переоделся в чистое и отправился на прогулку, оглядывая стойбище и примечая всё, что представляло интерес, связанный с его заданием. В эту пору торговцев из других земель было гораздо меньше, чем летом, но они всё-таки были. К тому же местные торговцы были многочисленны, и потому торговые ряды не выглядели скудными. Берджу дошёл до этого шумного места и стал осматривать товары, выставленные на продажу и на обмен, неспешно прогуливаясь среди пёстрых рядов. Поначалу кажущееся бесконтрольным столпотворение, царящее здесь, при ближайшем рассмотрении, на удивление Берджу, не было таковым: всюду всё было подчинено определённому порядку. Торговцы оружием и конским снаряжением располагались в одном месте. Торговцы гончарными изделиями — в другом. Торговцы тканями и всевозможными украшениями — в третьем. Получалось так, что торговцы со схожими товарами имели строго определённое место на этом огромном базаре. Здесь всё было продумано и умело, с толком организовано — удобно и для торговцев, и для покупателей. Такого Берджу не видел прежде — ни в родном стойбище тиграхаудов, ни у усуней, и только у канглов было очень похоже, но превосходило размерами. Походив до полудня по базару, Берджу проголодался и устал. Он остановился, оглядываясь по сторонам, и заметил, что многие торговцы направились в южную часть базара. Ему стало интересно узнать, куда это они все пошли, и он последовал за ними. Вскоре он был вновь приятно удивлён увиденным. На окраине базара, в небольшом отдалении от него, располагались многочисленные загоны для скота и сами торговцы этим скотом. Там же были установлены юрты, и возле них горели костры, над которыми висели большие казаны, где варилось мясо. Рядом хлопотали женщины в коротких овечьих безрукавках. Всюду распространялся аромат еды, перебивая собой запах, исходивший от загонов. К тому же, как заметил теперь Берджу, лёгкий ветерок дул ему в спину с севера, и он понял,

почему загоны со скотом размещены именно здесь — дабы запахи от них не заносило на базар.

Берджу остановился и стал наблюдать за людьми. Торговцы направлялись к юртам и, почтительно поприветствовав стоящих перед входом хозяев, сбивали шапками снег с сапог и входили внутрь, после чего женщины вносили туда на подносах горячее мясо, над которым клубился пар, лепёшки и в больших посудилах бульон. Берджу подошёл к одной из юрт и остановился.

Хозяин юрты, седобородый мужчина средних лет, посмотрел на него, улыбнулся, почтительно приложил ладонь к груди, слегка склонив голову, и произнёс:

— Входи, ага, будь гостем, поешь вкусного парного мяса и попей горячего бульона, согрейся.

Берджу, тоже почтительно поприветствовав его, вошёл в юрту, предварительно сбив снег с сапог.

В юрте вокруг пылающего очага были расстелены овечьи шкуры, на которых, скрестив ноги, группами по четыре-пять человек вокруг огромных круглых подносов с едой и напитками сидели торговцы. Свободных мест было много. Торговцы тихо переговаривались между собой и с аппетитом ели. Берджу взглянул на одиноко сидящего молодого мужчину могучего телосложения, явно ожидавшего еду. Тот тоже посмотрел на него, улыбнулся, обнажив крупные белые зубы, махнул рукой, приглашая на место рядом с собой, и сделал это так по-доброму, словно увидел долгожданного друга. Берджу подошёл, снял шубу, положил её вместе с шапкой к стене и, скрестив ноги, опустился на шкуры, поприветствовав сидящего почтительным жестом. Мужчина, не поднимаясь, ответил также с почтением.

— Ты, как я понял, первый раз здесь, — приятным голосом заговорил здоровяк. — А я здесь бываю часто и уже давно приезжаю сюда. Меня здесь многие знают.

— Да, верно, я впервые сюда добрался, — кивнул Берджу.

— Чем торгуешь? Я привожу конское снаряжение. У меня есть всё, что душа пожелает. И всё отменного качества. Если тебе нужно, то покажу тебе весь свой товар, — не дожидаясь ответа на вопрос, очень активно жестикулируя, стал бахвалиться здоровяк. Было понятно, что ему пришлось долго молчать, и теперь, когда он нашёл собеседника, его прорвало на разговоры.

— Хорошо, я обязательно посмотрю твой товар. Не сомневаюсь, что он действительно отменный, — поддержал беседу Берджу.

Женщина принесла мясо, лепёшки и бульон. Расставила их на подносе, подала глиняные чаши и удалилась. Здоровяк сверкнул глазами, схватил, не раздумывая, большой мосол, впился в него огромными зубами, отрывая кусок, и стал с жадностью пережёвывать мясо. Берджу спокойно налил себе в чашу горячий бульон из посуды и стал отпивать небольшими глотками, поглядывая на соседа.

— М-м-м-м, как вкусно! Я очень проголодался, — с набитым ртом произнёс здоровяк.

Берджу понимающе улыбнулся, одобрительно кивнул, вытащил из ножен кинжал, тоже взял кусок мяса, отрезал от него дольку и отправил в рот.

— Ты ешь, ешь, здесь всё вкусное и горячее. Холодно же, — продолжая жевать, говорил здоровяк.

Берджу ел медленно, наслаждаясь каждым кусочком, запивая мясо и лепёшки бульоном.

— Моё имя Ишбулат, — проглотив кусок, представился здоровяк. — А как твоё?

— Фахад, — кивнул Берджу.

— Хорошее имя, рысь означает, а это зверь красивый, ловкий и сильный, — отрывая зубами новый кусок мяса, пробурчал Ишбулат.

Они долго так сидели, пока Ишбулат не покончил со всей выложенной на подносе едой. На выходе из юрты Ишбулат настоял на том, что за всю еду он расплатится сам. Хозяин юрты с улыбкой принял плату и пожелал им приходиться к нему ещё.

Новые знакомые дошли до центра базара. По пути Ишбулат не умолкал ни на мгновение. Он показывал рукой то в одну сторону, то в другую, называя имена торговцев и местность, откуда они прибыли. Вскоре они остановились.

Ишбулат огляделся, что-то обдумывая, затем взглянул на Берджу и спросил:

— Фахад, чем ты, сказал, торгуешь?

— Я, Ишбулат, ничего тебе не говорил. А прибыл я сюда для ознакомления со здешними товарами и для знакомства с торговцами, чтобы впредь знать, что привозить. Ну а торгую я всем понемногу,

кроме конского снаряжения, — улыбнувшись, ответил Берджу и дополнил: — Тебе, Ишбулат, я в этом деле не соперник.

— Фахад, что ты говоришь! — Ишбулат рассмеялся и хлопнул ручищей по плечу Берджу. — У меня нет соперников на этом базаре вот уже несколько лет. Нужно уметь избавляться от них. А они были у меня, поверь, и некоторые весьма успешные.

— Верю, Ишбулат, как же не верить такому человеку, как ты. Все видят, что ты очень опытный торговец и со знанием дела ведёшь торговлю. Как только ты заговорил, я сразу понял это, — Берджу, продолжая улыбаться, в ответ хлопнул Ишбулата по плечу, да так, что тот едва удержался на ногах.

— Ого, какая силища в твоих руках! — воскликнул Ишбулат. — Да ты могуч, друг мой, как десять мужчин. — Ишбулат с неподдельным восторгом оглядывал Берджу с головы до ног.

— Перестань, Ишбулат, я уверен, что в силе нет равных тебе на этом базаре, — засмеялся Берджу. — Ты и умён, и силен. Мало таких, как ты, я встречал на своём пути.

— Вот что я скажу тебе, Фахад. Ты очень понравился мне, и я помогу тебе быстрее освоиться здесь. Я расскажу тебе обо всём, что тебе пригодится, и, если ты захочешь, познакомлю с нужными людьми, — Ишбулат положил тяжёлую ладонь на плечо Берджу и заговорщически подмигнул. — А теперь пошли ко мне и немного отдохнём после сытной еды.

* * *

На следующий день с самого утра Берджу вновь пришёл на базар. Он ходил между рядами, разглядывая товар, но на самом деле выискивал среди людей Ишбулата. Он мог бы пойти к нему в юрту, но не хотел выглядеть навязчивым и дать почувствовать свой повышенный интерес. Уже в самом центре базара кто-то со спины коснулся его плеча. Он развернулся и увидел Ишбулата. Торговец конским снаряжением широко улыбался. На нём была шуба из волчьего меха, от чего он выглядел ещё крупнее.

— Как хорошо, что я тебя встретил! — схватив за плечи Берджу и слегка потряхивая его, радостно произнёс Ишбулат. — Нам нужно поговорить. Я же обещал тебе рассказать о том, как следует здесь вести торговые дела и как добиться успеха в них. Пойдём со

мной, тут не место для серьёзного разговора! — И Ишбулат зашагал в южном направлении, увлекая за собой Берджу.

* * *

В одной из юрт возле загонов со скотом, куда привёл Берджу Ишбулат, в это время никого не было. Они прошли на дальнюю её половину и, сняв верхнюю одежду и шапки, уселись на шкуры перед огромным круглым подносом.

— Заодно и поедим хорошенько, — в предвкушении сытной еды, потёр ладонями Ишбулат.

Вскоре женщина принесла еду. На этот раз, помимо баранины, лепёшек и бульона, была ещё и птица, запечённая на углях.

— Вот это я попросил приготовить для моего гостя. Для тебя, — ткнув толстым пальцем в птичьи тушки, пояснил Ишбулат. — Это перепёлки. Очень вкусные. Пробовал когда-нибудь? А зря, пальчики оближешь! — вновь, задавая вопрос, но не нуждаясь в ответе, заговорил словоохотливый Ишбулат. Он облизнулся, бережно взял одну из тушек, поднёс её к носу, медленно и глубоко вдохнул аппетитный запах, исходивший от неё, прикрыв глаза от наслаждения, восторженно покачал головой, затем протянул её Берджу: — На, Фахад, ешь. Только, когда мясо будет у тебя во рту, сперва выжми все соки, а потом только проглатывай.

Берджу принял тушку, тоже с наслаждением вдохнул её аромат, цокнул языком, выражая восторг, и лишь после этого, аккуратно отделив ножку, откусил от неё маленький кусочек и стал выдавливать языком сок, от удовольствия прикрыв глаза.

— Ну, ну, правильно. Так её, Фахад, так. Жми, жми из неё все соки, — упершись руками себе в колени, подался к нему Ишбулат, азартно подбадривая Берджу. — Ну, как тебе, а? Я же говорил, что это очень вкусно! — заметив, что Берджу проглотил мясо, откинувшись и громко хлопнув себя по колену, воскликнул Ишбулат.

— Никогда не пробовал ничего подобного! — покачивая головой и растягивая слова, с восхищением произнёс Берджу.

— Во-от, то-то же. А ты не верил мне! — взяв другую тушку, назидательным тоном почти пропел Ишбулат.

Дальше они ели молча. Ишбулат быстро справился со всеми тушками перепёлок и принялся за баранину, при этом издавая звуки, схожие с мурлыканьем кошки, но только очень большой кошки.

Завершив трапезу, Ишбулат перебрал перед собой все косточки, тщательно осмотрел их, сытно икнул, вытер руки о рубаху на животе и посмотрел на Берджу.

— Ну как, наелся? Я тоже. Вот и хорошо. А теперь можем и поговорить, а то на пустой желудок не очень-то наговоришься, — поудобнее устроившись, произнёс Ишбулат. — Так вот, Фахад, слушай меня внимательно. Что самое главное для торговца, когда он впервые оказался на чужом базаре? А главное, это правильное знакомство с нужными людьми, ну теми, кто главный на этом базаре. На самого главного, того, кто вообще высоко сидит, простому торговцу никогда не выйти, а вот на того, кто связан с ним и через кого тот всем правит на базаре, выйти можно и нужно, поскольку его место — на этом самом базаре. Он всегда там. Но и к нему непросто подступиться. Мне сначала было сложно сделать это, но со временем удалось. У меня тогда не было такого друга, как я. А тебе будет гораздо проще, потому что у тебя есть я. — Ишбулат икнул, прикрыл рот рукой, задержал дыхание, потом выдохнул и продолжил: — В общем так, Фахад, через три дня я уезжаю. Дела, брат, дела. Времени у меня мало. Ещё подготовиться к дороге надо. Так что ты запоминай всё, что я тебе говорю. С главным смотрителем на базаре я тебя вечером познакомлю. Он человек своеобразный и непростой, но звон в толстом мешочке очень уважает. От него всё зависит: и торговля, и даже порой жизнь торговца. А ты как думал! То-то же. Знай и помни об этом всегда. У него везде свои уши и глаза. Обмануть его невозможно. Многие, кто пытался сделать это, бесследно сгинули. Так что он всемогущ, и не только на базаре. А ты знаешь, почему он такой? Не знаешь, и многие здесь не знают, а я знаю и скажу тебе, но это, как ты понимаешь, очень большая тайна. Так вот. — Ишбулат взглянул на вход в юрту, подался к Берджу и продолжил шёпотом: — Над главным смотрителем базара — один из визирей повелителя огузов. — Ишбулат многозначительно поднял брови и выдержал паузу. — Сам визирь Карим. Но тебе это имя не нужно запоминать, ты всё равно не знаешь, кто это, да и ни к чему тебе он. Так вот, ты, наверное, думаешь, к чему я всё это говорю тебе? Скоро поймёшь. Там этих визирей несколько. Есть ещё великий визирь Майсур и визирь Аслан, может, ещё кто-то, но самый могущественный из них — это визирь Карим. Поговаривают, что сам повелитель его побаивается. Я как-то слу-

чайно услышал разговор главного смотрителя базара с каким-то сановником. Они шептались о визире Кариме и повелителе. Вот тогда-то я и понял всё. А ещё я узнал, что отношения между ними очень сложные. А знаешь из-за чего? Ты не можешь знать, а я знаю и скажу тебе. Повелитель хочет вместе с канглами начать войну против рыжих усуней, а визирь Карим этого не хочет. Вот так вот. Визирь Карим настолько родовит и силен, что, случись что-нибудь с повелителем, его место займут не сыновья его и не великий визирь Майсур, а визирь Карим. Во как! Теперь ты понимаешь, к чему я это всё рассказываю тебе? Ты должен знать, с кем связан смотритель базара и как к нему стоит относиться. Вот к чему я тебе говорю о нём так подробно. Если тебе удастся расположить его к себе и заручиться его поддержкой, то дела у тебя пойдут просто замечательно. Теперь ты понимаешь, почему у меня на этом базаре нет соперников? То-то же! С моей помощью ты будешь близко знаком с ним, ну а дальше всё зависит от тебя. Вот так вот, мой друг Фахад. Кстати, откуда ты прибыл? Я живу в главном стойбище канглов. Там базар побольше этого будет, и торговля, и прибыль, стало быть, больше там. А ты как думал? Все главные караванные пути проходят по нашим землям. Ну, вроде как я всё тебе сказал. Теперь ты не должен совершить ошибок. Пошли отсюда, а то на сон меня потянуло. — Ишбулат грузно поднялся, оделся и направился к выходу. Берджу последовал за ним.

* * *

«Он не придёт на эту встречу. Он уже уехал отсюда», — Ишбулат нервно ходил перед своей юртой в ожидании нового знакомого по имени Фахад. Вечер плавно переходил в ночь, время шло, но Фахада всё не было. Так и не дождавшись, Ишбулат махнул рукой и зашагал к юрте, шепча на ходу:

— Главное, ты всё от меня узнал.

* * *

«Будь я настоящим торговцем, я обязательно подружился бы с тобой, Ишбулат, но, ты уж прости меня, я не торговых дел человек, а лазутчик. К тому же лазутчик уже непонятно чей. Я служу и усуням, и канглам, и если буду так продолжать, то, возможно, и огузам. Зачем мне всё это? Я же никакого отношения к ним не имею.

Я ведь тиграхауд. Только не запутаться бы однажды во всех этих хитросплетениях... Ах, Даут, Даут, на какую же сложную жизнь ты меня обрёк! Не о такой судьбе мечтал я, когда породнился с тобой... Одно меня успокаивает. Моя семья. Моя Галатис. Только ради них я делаю всё это. Кабы не они, разве стал бы я лазутчиком и мотался бы по чужим землям, всё время кого-то обманывая, о ком-то что-то узнавая, что-то выискивая, — спеша в обратный путь и ещё к полудню покинув главное стойбище огузов, размышлял Берджу. — Тебя, Ишбулат, сами Небеса мне послали. Благодаря тебе я так быстро справился с заданием. Всё, что нужно было узнать, я узнал у тебя, при этом не задав ни единого вопроса. Такого ещё не было никогда. Почаще бы так. Твоя излишняя словоохотливость стала для меня бесценной находкой. Ты даже не представляешь, как облегчил мне этот путь в ставку огузов. Я, конечно же, благодарен тебе за всё и даже чувствую вину перед тобой, но... что поделаешь, такова жизнь. Я ведь почти не обманывал тебя и не причинил тебе зла. Хоть от этого на душе спокойнее. Если когда-нибудь при других обстоятельствах нам с тобой доведётся встретиться, то первое, что я сделаю, так это принесу тебе искренние извинения, а за что, придумаю потом, но правды сказать не смогу. Главное, сделаю это. Только теперь я понял, почему при нашей с тобой первой встрече ты сидел в одиночестве в той юрте. Все торговцы знают тебя очень хорошо и поэтому сторонятся. Одни — из-за твоих близких отношений с главным смотрителем базара, которого они побаиваются, а другие — из-за твоей чрезмерной болтливости, от которой, видимо, не раз уставали. Ты, Ишбулат, словно бурная река, громкий, шумный, энергичный и неутомимый. Рядом с тобой трудно быть длительное время. Но при всём при этом в тебе много детской наивности и простоты. Ты очень доверчив и относишься к каждому попавшемуся на твоём пути незнакомцу как к человеку, заведомо не способному на ложь, обман и хитрость. И это понятно, ведь ты сам на такое не способен и таковым не являешься... — Берджу оглянулся назад, бросив взгляд на сменного коня, которого вёл за собой на поводу. Ничего необычного не заметив, он похлопал своего скакуна по шее и опять погрузился в думы: — Теперь нужно как можно быстрее вернуться и сообщить о добытых мною сведениях. Вполне возможно, что возникнут претензии из-за того, что я узнал всё только от одного человека. В таком случае придётся сослаться на ограниченность во

времени, определённом на выполнение задания. Примут ли они это к сведению и не проявят ли недовольства? Этого я пока не знаю, но не доверять словам торговца Ишбулата у меня нет оснований. Он мне показался очень искренним и не вызвал подозрений... Ладно, что сделано, то сделано, и обратного пути уже нет».

* * *

Джарбаш вышел из жилища и присел возле стены на бревно. Прошло десять дней, как его пленили и он оказался здесь, в этом странном маленьком селении среди леса и скал, состоящем из нескольких небольших бревенчатых домов и одного большого загона для скота, в котором держали с десятков овец, а в дальнем углу хранили отгороженное жердями скопнённое сено. Само селение было обнесено частоколом и имело один вход с запада — деревянные ворота, по бокам от них были навалены срубленные и очищенные от сучьев и веток деревья. Посреди селения находился колодец.

Джарбаш поправил овчинную шубу, наброшенную на плечи, посмотрел на руки и потёр запястья, на которых ещё виднелись бледно-багровые полосы от верёвок. Каждый день, сидя в полдень на этом месте, он видел почти одно и то же. Возле противоположного жилища так же, как и он, на бревне сидели двое мужчин, а пятеро других мужчин, очень похожих друг на друга и даже одетых в одинаковые длиннополые шубы с капюшонами из шкур на головах, постоянно трудились: то ухаживали за овцами, то занимались дровами, которыми отапливали жилища, то готовили еду на кострах, то убрали в жилищах. Каждый из них знал своё дело и всё время был занят. Между собой они почти никогда не переговаривались. Джарбаш заметил, что в отличие от тех двоих, что всегда сидели возле жилища, один из которых был черноволосым и чернобородым, а второй — лысым, но тоже с чёрной бородой, эти пятеро были рыжеволосыми, и понял, что это усуни, поскольку был наслышан об этой особенности их внешности. Джарбаш уже перестал наблюдать за ними, как поступал в первые дни своего пребывания здесь, со временем узнав, что они будут делать. Теперь он стал чаще поглядывать на тех двоих, чернявых, схожих внешне с ним самим, пока не понимая, какое они имеют положение здесь, но догадываясь о том, что не очень-то и свободное.

С наступлением вечера Джарбаша, как всегда, закрыли в его жилище до самого утра, заперев дверь снаружи и оставив внутри запас дров и воды. Почти все вечера и до самой полуночи он проводил в думах, то отдыхая на лежаке из жердей с подстилкой из сена, то вставая и подкидывая дрова в огонь, дым от которого вытягивался в маленькое отверстие на потолке. Вот и теперь он прилёг, укрылся шубой и стал размышлять.

«Визирь Гачай, скорее всего, занял моё место — стал главным визирем у Фатих-шаха. Он более других подходит на замену. Ну что же, меня теперь это всё не касается. Меня для Фатих-шаха уже не существует. Я уверен, что он даже не пытался искать меня. Не дождавшись моего возвращения от тиграхаудов, он наверняка понял, что переговоры не удались, в противном случае я бы обязательно вернулся и мою безопасность в пути обеспечил царь Демир, как заинтересованный в союзе властитель. О том, что меня могли захватить в плен, Фатих-шах вполне мог допустить мысль, но в том, что я не предам его, он твёрдо уверен. И всё было бы именно так, если бы он не оскорбил меня, обвинив в предательстве и едва не казнив. Не прощу его за это никогда». Джарбаш тяжело вздохнул и повернулся на бок. «Как там моя семья? Все оплакивают, наверное, меня, смирившись с моей кончиной. Осиротели они при живом отце... Кто теперь будет заботиться о них? Кто защитит? Кому они теперь нужны?» Джарбаш вновь тяжело вздохнул и перевернулся на другой бок. «Нет уж! Они не останутся в одиночестве. Я обязательно вернусь. Мне во что бы то ни стало нужно сбежать отсюда! Жаль, что зима ещё, трудно придётся. И лошадей здесь нет. Всё предусмотрели усунь. Пешком далеко не уйдёшь. Мне бы напарника какого-нибудь, было бы гораздо легче... Вот только где его взять? С этими двоими переговорить бы. Они явно не усунь. Но как это сделать? От своего жилища мне отходить нельзя. И они, как я вижу, не отходят от своего. Кто они? Странные какие-то. Похожи на раненых или больных, пошедших на поправку. Интересно, их тоже запирают на ночь? Если запирают, то они, как и я, пленники, но если нет, то их здесь от кого-то скрывают. Мне нужно сперва узнать это, а уже потом пытаться переговорить с ними». Джарбаш поднялся, подошёл к двери и припал к щели в ней, но ничего из-за темноты снаружи не увидел. Он взял пару поленьев и положил их в слабеющий огонь, слегка раздвинув горящие дрова. Клубы дыма

тут же ударили в лицо, и он закашлялся, прикрываясь рукой. Быстро отступив от очага, он подошёл к посудине с водой, взял её и стал с жадностью пить ледяную воду большими глотками, после чего вернулся на место и лёг, решив про себя: «Попробую завтра что-нибудь придумать».

* * *

Утром следующего дня Джарбаш не смог встать на ноги. Его тело пылало жаром, а боль в распухшем горле мешала глотать. Вошедший усунь потрогал его лоб и выбежал наружу. Но вскоре вернулся и привёл другого усуня, который тоже потрогал лоб, затем приложил ладонь к груди, слушая сердце, прикрыл больного шубой до подбородка, и они оба вышли. Джарбашу было плохо. Его начало знобить, от чего он дрожал всем телом и стучал зубами.

Прошло немного времени, и в жилище вновь вошёл первый усунь, но с ним пришёл черноволосый, чернобородый мужчина — один из тех двоих, что обитали в противоположном жилище. Он присел на лежак, взялся за запястье Джарбаша, поддержал недолго, потрогал лоб, разжав рот, заглянул туда, потом встал и посмотрел на усуня. Тот отошёл в сторону, пропуская его к выходу. Они оба покинули жилище.

— Вы же все здесь шаманы и умеете лечить, так зачем вам нужна моя помощь? — выйдя наружу, спросил шамана мужчина.

— Без веления главного шамана мы не имеем права лечить чужаков, — ответил тот. — Ты же тоже лекарь, и мы убедились в этом. Так помоги ему. Он не должен умереть.

— Хорошо. Позволь мне взять кое-что у себя и потом оставаться рядом с этим человеком столько, сколько нужно. Для меня важно видеть всё, что с ним происходит. Иначе я, возможно, не смогу поднять его на ноги, — выразил согласие и одновременно просьбу мужчина.

— Да, конечно, — с готовностью кивнул шаман.

* * *

Прошло два дня, в течение которых чужак лекарь постоянно был возле пребывавшего в забытии Джарбаша, заваривая различные отвары и отпаивая ими больного. Джарбаш пришёл в себя и стал поправляться. Шаман часто посещал их и, не услышав никаких просьб от лекаря, молча удалялся.

— Как ты себя чувствуешь? — заметив, что больной проснулся и открыл глаза, склонившись над ним, спросил лекарь.

— Уже лучше, — тихо прохрипел тот.

— Теперь ты поправишься, и тебе нужно много есть, — одними глазами улыбнулся лекарь. — Начнём с бульона, а потом будешь принимать и другую пищу.

— Ты не усунь, — вновь прохрипел Джарбаш и закашлялся, морщась от боли.

— Тихо, тихо, всё хорошо, — присев рядом и осторожно поднеся к губам Джарбаша чашу с отваром, успокаивал лекарь. — На, попей.

Джарбаш с усилием приподнял голову и сделал глоток.

— Ты прав, я не усунь, но это не имеет значения, — поправляя шубу на Джарбаше, тихо произнёс лекарь.

— Кто ты? — спросил Джарбаш.

— Тебе нельзя много говорить, — с осуждением покачал головой лекарь.

— Скажи, — настаивал Джарбаш. — Это важно.

— Зачем тебе это знать? Тебе следует беречь силы.

— Я кангл, — прошептал Джарбаш. — Главный визирь я.

Лекарь посмотрел удивлённо.

— Верь мне, — Джарбаш устало прикрыл глаза и вновь открыл их.

Лекарь продолжал молча смотреть на него.

— Джарбаш, — назвался Джарбаш.

— Ты главный визирь Фатих-шаха?

— Да, — прошептал Джарбаш.

— Тебя пленили? — оглянувшись на дверь, тихо спросил лекарь.

— Да, — прикрыл глаза Джарбаш.

— Я верю тебе, но поговорим позже, ночью. А теперь я принесу тебе бульон. Потом ты поспишь, — вставая, произнёс лекарь.

* * *

Джарбаш, попив горячий бульон, сразу уснул и проспал до полуночи. Лекарь дремал, лёжа на земляном полу, подстелив под себя одну шубу и накрывшись другой, как делал все ночи, что оставался здесь.

— Эй, лекарь, ты здесь? — открыв глаза, тихо позвал его Джарбаш.

Лекарь откинул шубу, вскочил на ноги и подошёл к лежаку.

— Ночь уже? — спросил Джарбаш.

— Да, — присаживаясь возле него на лежак, ответил лекарь.

— Теперь говори, — прохрипел Джарбаш.

— Я тоже пленник усуней, как и человек, что вместе со мной. Мы едва не замёрзли в лесу и вышли к их стойбищу. Не к главному, а к другому. Там нас и пленили. Сильная простуда должна была лишить нас жизнью, но усуни привезли нас к своим шаманам, и они сумели нас спасти. Сейчас мы в одном из селений шаманов, — начал говорить лекарь, затем, помолчав и подумав о чём-то, спросил: — Скажи мне, главный визирь Джарбаш, как Фатих-шах допустил такое, что ты, его главный визирь, оказался в плену у усуней? Почему он не прислал гонцов и не потребовал отпустить тебя?

— Это долгая история, — Джарбаш прикрыл глаза. — Он перестал доверять мне. Потом отправил с тайной миссией в земли усуней. Ну а дальше я оказался здесь. Получается, что я стал не нужен ему. Теперь я понимаю это.

— Я тоже кангл, — дослушав Джарбаша, тихо сказал лекарь. — И у меня долгая история.

— Как твоё имя? — спросил Джарбаш.

— Яншенук, — лекарь взглянул в глаза Джарбаша. — Но этого, главный визирь, никто не знает. Даже тот человек, что со мной. Никто.

— Как? — от удивления Джарбаш попытался подняться, но обессиленно опустился обратно. — Яншенук?

— Да, главный визирь, — кивнул Яншенук.

— Я слышал только об одном человеке с таким именем. Это было очень давно. Тогда он был маленьким мальчиком. Это был сын брата Фатих-шаха Силкера, — Джарбаш расширенными глазами смотрел на Яншенука. — Так это ты?

— Да, главный визирь, ты прав, это я, — вновь кивнул Яншенук.

— Так твоего отца и тебя по велению правителя казнили же?! — ещё сильнее удивился Джарбаш.

— Мой дядя, Фатих-шах, казнил моего отца, но вместо меня казнил другого мальчика, — вздохнув, пояснил Яншенук.

— Где ты был всё это время и откуда знаешь об этом? — продолжал удивляться Джарбаш.

— Визирь Каплан всё мне рассказал перед смертью. Он меня воспитал, — с горечью в голосе ответил Яншенук.

— Ничего не понимаю, — Джарбаш с трудом повернулся на бок и приподнялся на локте. — Визирь Каплан, насколько я помню, утонул...

— Нет, главный визирь, он не погиб тогда. Он провёл со мной остаток своей жизни, — Яншенук опустил голову. — Таково было веление моего дяди Фатих-шаха.

— Как же так?! В это трудно поверить! Это же... — Джарбаш запнулся на полуслове, что-то обдумывая, затем взглянул в глаза Яншенука и, пытаясь встать, произнёс: — Прости, властитель, но я ничего не знал.

— Лежи, лежи, главный визирь, тебе нужен покой, — Яншенук коснулся плеча Джарбаша, успокаивая его. Тот послушно лёг на спину, но удивлённых глаз не отводил от Яншенука.

— Прости, властитель, но я не могу поверить, что передо мной единственный единокровный наследник правителя всех канглов Фатих-шаха, — прошептал Джарбаш и от волнения надрывно закашлялся.

Яншенук поднялся, взял посудину, что грелась возле огня, налил из неё бульон в чашу и протянул её Джарбашу:

— Попей, главный визирь.

* * *

— Правитель, Берджу вернулся, — войдя в главную юрту и быстрым шагом пройдя в её левое крыло, доложил Наби-бек после почтительного приветствия.

Куньбек Янгуй сидел на лежаке, укрытом мехами, накинув на плечи дорогой халат поверх лёгких одежд.

— Присаживайся, Наби-бек, — предложил куньбек Янгуй.

Наби-бек опустился на большую подушку для сиденья, что лежала на ковре возле лежака.

— Что он привёз? Какие вести, — спросил куньбек Янгуй.

— Визирь Карим, правитель, действительно является самым могущественным среди всех визирей Хан-суна-шаха. Даже великий визирь Майсур уступает ему в этом. К тому же, как стало известно, визирь Карим происходит из очень знатного рода, не менее знатного, нежели Хан-суна-шах. Отношения между ними весьма непростые, даже можно сказать сложные. Насколько я понимаю, правитель, между ними идёт многолетняя и упорная борьба за

власть. Визирю Кариму, видимо, не хватает внутренних сил, вот он и ищет союзника среди соседей, так как не может в одиночку одолеть Хан-суна-шаха, — Наби-бек замолчал, подумал о чём-то и продолжил: — Получается, что он через посланника сказал правду тебе, правитель.

— Почему же в таком случае он не обратился за помощью к правителю канглов Фатих-шаху? — резонно рассудил куньбек Янгуй. — Они давние соседи и хорошо знакомы друг другу.

— Полагаю, правитель, что между Хан-суна-шахом и Фатих-шахом отношения более доверительные, чем между Фатих-шахом и визирем Каримом. К тому же подтвердилось и то, что сказал визирь Карим о его противостоянии созданию военного союза огузов и канглов против нас. Хан-суна-шах, как оказалось, уже почти готов к этому. Видимо, и это имеет значение, — предположил Наби-бек.

— Может быть, Наби-бек, всё может быть, — задумчиво произнёс куньбек Янгуй. — Судя по тому, что визирь Карим готов вступить в войну на нашей стороне и ударить всеми силами в спину канглам, он не очень-то доброжелательно относится к ним, и, вероятно, у него есть на это причины. Поэтому он и обратился ко мне, а не к Фатих-шаху.

— Да, правитель, и именно поэтому он так откровенен с тобой. Он понимает сложившуюся ситуацию и стремится воспользоваться ею с выгодой для себя, — согласился с куньбеком Янгуйем Наби-бек.

— По-своему он прав и рассчитал всё правильно. Более подходящей возможности для захвата власти у него не будет.

— Правитель, мне готовить сына в дорогу? — спросил Наби-бек.

— Да, Наби-бек, пришло его время, — кивнул куньбек Янгуй.

* * *

На девятый день после тайной встречи в лесу в окрестностях южного стойбища с посланником визиря огузов Карима Иджими под видом торговца прибыл с небольшим караваном в главное стойбище канглов. Погонщиками и охранниками в караване были его верные друзья. Разместившись вечером на окраине огромного стойбища в юртах для чужеземных торговцев, выспавшись с дороги, с самого утра Иджими, Айю, Баркут и Акташ уже находились на

базаре и на указанном главным смотрителем базара месте выкладывали на обозрение, продажу и обмен привезённые с собой товары. Здесь были оружие, ювелирные изделия, конское снаряжение, ковры, кожа и различная посуда. Базар был очень большим и размещался на отдалении от стойбища, занимая огромную территорию. Оставив с товаром Баркута и Акташа, Иджими в сопровождении великана Айю, следовавшего в небольшом отдалении от него, стал ходить по базару, рассматривая товары, торговцев и покупателей. Всюду царил строго установленный порядок. Походив какое-то время, Иджими понял, почему главный смотритель разместил его на окраине базара, где торговля была не столь бойкой, как в центре. Причиной этому был товар, привезённый Иджими. Он представлял собой изделия различных мастеров и не был однородным, а в центральной части базара, как заметил Иджими, каждый торговец выставлял изделия только одного предназначения, и поэтому получалось так, что все торговцы оружием имели своё место, все торговцы кожей — своё, все торговцы коврами тоже своё, и искать такой товар, как у них, в других местах на базаре покупателям не приходилось. Это было удобно для всех. При этом, как ещё заметил Иджими, товар, имеющий запахи, различные специи и пряности, продавался в южной части базара, так как постоянный ветер с севера уносил эти запахи, не раздражая людей. В том же направлении, как догадался Иджими, располагались и все торговцы скотом. Изрядно находившись, Иджими направился обратно.

Баркут и Акташ сидели возле товара и смотрели по сторонам. Иджими и Айю подошли и присели рядом.

— Никто не спрашивал обо мне? — тихо спросил Иджими.

— Пока нет, — позёвывая, ответил Баркут. — Только вот человек один всё время проходит мимо нас туда-сюда и поглядывает в нашу сторону, будто ждёт кого-то.

— Давно он появился? — Иджими огляделся, скользнув цепким взглядом по прохожим.

— Мы не сразу заметили его, но с утра его точно не было, — пожал плечами Баркут. — Тебя, Иджими, он дожидается, я уверен. Скоро появится.

Не успел Баркут договорить, как к ним подошёл мужчина с длинными кудрявыми чёрными волосами, бегло осмотрел товар,

взглянул на Иджими, слегка кивнул ему, развернулся и пошёл в сторону от них. Иджими посмотрел на Айю, встал и направился за мужчиной. Отстав шагов на десять, Айю шёл следом, обходя прохожих.

* * *

В юрте, куда Иджими привёл кудрявый мужчина, оставшийся снаружи, ждал посланник визиря Карима — Иджими сразу узнал его. После взаимных приветствий посланник предложил Иджими присесть и угоститься едой. Сняв шубу и шапку, Иджими опустил-ся на шкуру возле огромного круглого подноса, на котором уже была приготовлена разнообразная пища.

— Прости, ага, за то, что еду принесли не при тебе. Я знаю, что так, — посланник взглянул на еду, — не полагается встречать гостей, но нам не нужны посторонние глаза и уши. К тому же еду я приготовил сам, никому не доверяя. Мало ли что могут в неё добавить, всё-таки мы с тобой среди чужого для каждого из нас народа. — Посланник замолчал, вытащил из-за широкого пояса свёрнутый платочек, опустил его перед собой на поднос и развернул: там лежал перстень визиря огузов Карима, который Иджими уже видел при первой их встрече. Иджими посмотрел на перстень и кивнул, прикрыв глаза. Посланник убрал перстень обратно.

Они омыли руки водой в небольших медных тазах, что стояли возле каждого из них, вытерли их чистыми кусками ткани, после чего посланник жестом пригласил Иджими приступать к еде. Иджими взял кусочек сыра, положил его в рот и стал медленно жевать. Посланник тоже начал с сыра. Дальше они ели молча, изредка поглядывая друг на друга. Насытившись сыром и мясом барана с лепёшками и завершив приём пищи творогом, они выпили простоквашу.

Окончив трапезу, посланник вытер рот и начал разговор:

— Ты, ага, прибыл на встречу со мной в указанный тобой день, причём в первый же из всех назначенных. Следует ли мне воспринимать это как добрый знак? Твой правитель принял предложение моего властителя? Что мне ему передать?

— А твой властитель ничего не изменил в своём предложении? Все свои обещания он готов выполнить в точности? — в свою очередь спросил Иджими.

— Да, ага, всё, что он обещает, он исполнит обязательно и в точности, — уверенно кивнул посланник.

— Передай своему властителю, что мой правитель принимает его предложение, — неспешно и тщательно вытирая руки тканью, смотря прямо в глаза посланника, медленно произнёс Иджими.

— Вот как. Я всё понял, — понизив голос, почти прошептал посланник и прикрыл глаза. Было заметно, как сильно он разволновался. У него на лбу мгновенно выступили капельки пота, которые он стал вытирать слегка подрагивающей рукой.

— Мне нужно срочно продать весь свой товар. Ты сможешь помочь в этом? — очень спокойно, словно только что между ними не было никакого важного разговора, спросил Иджими.

— Что? — открыв глаза, растерянно спросил посланник.

— Мне нужно срочно продать весь свой товар, — сдержанно повторил Иджими.

— Ах да, конечно, — закивал посланник. — Утром у тебя всё купят. Я понимаю, что ты спешишь в обратный путь.

* * *

— Властитель, его было несложно найти. Он единственный, кто прибыл в те дни на базар в одиночку и без товара. То, что он не торговец, стало понятным и по его поведению на базаре, и из его слов о торговле. Любой торговец, прибывший впервые на чужой базар, сразу же встречается с главным смотрителем базара и у него узнаёт обо всех условиях торговли на этом базаре. Он не собирался делать этого, более того, даже не знал об этом. Ко всему этому он совершил ещё много разных ошибок, которые подтверждают, что он лазутчик, а не торговец, — Ишбулат стоял перед визирем Каримом в юрте визиря.

— Ишбулат-ага, я не сомневался в твоих способностях и был уверен, что для тебя это задание будет несложным, — улыбнулся визирь Карим. — Продолжай.

— Властитель, в том, что он прибыл из ставки усуней, хотя и через главное стойбище канглов, я уверен. С канглами мы соседствуем очень давно, поэтому любому их человеку многое известно о нас. Он же ничего не знал ни о торговле у нас, ни о наших сановниках, в том числе и визирях. Хотя внешне он не схож с рыжеволосыми усунями, но он их лазутчик. Возможно, он тиграхауд. Мне

так показалось, властитель, но в этом я могу и ошибаться. В любом случае он точно лазутчик правителя усуней. Судя по тому, как он быстро отбыл обратно, я понял, что от меня он получил нужные сведения и больше его ничего не интересовало. Поскольку в разговоре с ним я упомянул тебя, властитель, великого визиря Майсура, визиря Аслана и главного смотрителя базара, то можно сделать вывод, что целью его прибытия были сведения о визирях. Главный смотритель базара не мог его интересовать. Прости, властитель, но он не того полёта птица. О тебе, властитель, я говорил ему больше, нежели о великом визире Майсуре и визире Аслане, и заметил, что его это вполне устраивало. Он не задавал вопросов и ничего не уточнял. Это всё, властитель.

— Ты, Ишбулат-ага, как всегда, проделал большую работу, и проделал её очень хорошо. Я доволен тобой, — пристально смотря Ишбулату в глаза, уважительным и довольным тоном произнёс визирь Карим. — А теперь ступай и отдохни. Ну а потом поезжай на базар и занимайся торговыми делами. Скоро тебе предстоит дорога в главное стойбище канглов, а оттуда и в ставку усуней.

— Слушаюсь, властитель, — Ишбулат приложил руку к груди, склонил голову, отступил на шаг, развернулся и покинул юрту.

«Куньбек Янгуй всё-таки решил срочно навести сведения обо мне, прежде чем принять решение относительно моего предложения. Что ж, это правильно. Я бы тоже так поступил. Для этого он и направил сюда лазутчика под видом торговца. Но мой лазутчик оказался гораздо умнее и хитрее. Это очень важно. Если быть более точным, то лазутчика направил ко мне Наби-бек. Куньбек Янгуй болен, и, когда он поправится, никому не известно, если, конечно, поправится. Насколько мне известно, у куньбека Янгую нет сыновей, и в случае его кончины на это место взойдёт Наби-бек, а это для меня выгодно, — размышлял визирь Карим, подводя итог удачно реализованной задумки, третьей в череде его новых планов на пути к захвату власти над своим народом, первой из которых было знакомство с Наби-беком, а второй — предложение о создании союза, сделанное им куньбеку Янгую. — Ишбулат-ага всё сделал правильно, но он не знает всего, чего я хотел от него добиться, и ему не следует этого знать. Главное, чего я достиг с его помощью, заключается в том, что он подтвердил лазутчику куньбека Янгую, вернее, Наби-бека, мои большие возможности

здесь, и теперь правителям усуней будет легче принять решение в мою пользу и поддержать меня в борьбе за власть. К тому же усунь теперь будут убеждены в том, что я против союза огузов с канглами, на который якобы уже согласен Хан-суна-шах, хотя на самом деле это он против данного союза... Но об этом усуням не следует знать. А помогу ли я в действительности усуням в противостоянии канглам, я решу позже».

* * *

Джарбаш быстро шёл на поправку и вскоре уже стал снова выходить из жилища, отходить от которого пока не осмеливался. Яншенуку же, как лекарю, поднявшему его на ноги, шаманы не запрещали отходить от своего жилища и подходить к Джарбашу. Вот и теперь Яншенук, увидев, что Джарбаш сидит на улице, подошёл и присел рядом. Джарбаш хотел было подняться и стоя приветствовать его, но Яншенук, коснувшись рукой его плеча, запретил это делать, давая понять, что это могут заметить шаманы.

— Как ты, главный визирь? — тихо спросил Яншенук.

— Всё хорошо, властитель, благодарю, — так же тихо ответил Джарбаш.

— Ты был в забытии, когда тебя привезли сюда, а я, хоть и был ещё очень слаб, в это поселение приехал верхом на лошади, правда, с завязанными глазами. Шаманы шли пешком и вели наших лошадей. Насколько я помню, от главного поселения шаманов мы добирались в это место почти половину дня. Видимо, из-за плохого состояния нашего с Аззамом тогда и продвигались очень медленно. Так что мы не так далеко от их, — Яншенук кивнул в сторону шаманов, — главного поселения, а оно, как мне кажется, тоже расположено не на большом отдалении от главного стойбища усуней.

— Если это так, властитель, то нам нужно как можно скорее бежать отсюда, пока они не приняли окончательного решения относительно нас, — прошептал Джарбаш.

— Да, главный визирь, спешить, конечно, нужно, — согласился Яншенук и, задумавшись на мгновение, продолжил: — Но мы ничего не знаем о том, что за этим забором. Вполне возможно, что там всё не так просто. Эти шаманы весьма осторожные люди. У них во всём свой порядок. То, как они содержат нас, достойно уважения.

Всё время они заняты делами и, казалось бы, никакого внимания на нас не обращают, но при всём при этом постоянно следят за нами. К тому же запреты и ограничения, наложенные на нас, продуманны и имеют смысл.

— Это верно, властитель, они очень дисциплинированы, трудолюбивы и бдительны, — Джарбаш тяжело вздохнул.

— Видишь вон то отдалённое жилище возле загона для скота? — Яншенук взглядом показал на жилище в самом дальнем углу селения. — Оно расположено как-то обособленно от всех остальных, и к нему, как я заметил, редко подходят шаманы. Если во всех остальных жилищах живут люди, то есть мы и шаманы, то в том я никогда никого не видел, но по утрам там убирают шаманы, а с вечера туда заносят дрова и воду. Странно это как-то. Несколько раз ночью я слышал лошадиное ржание, и оно доносилось именно из того угла, но при этом, я точно знаю, через ворота никто не въезжал и не выезжал.

— Что это значит, властитель? — Джарбаш удивлённо посмотрел на Яншенука.

— Не знаю, но, видимо, туда ночами кто-то приезжает на лошади. Может быть, даже не один. А ещё я думаю, что там есть потаённый вход. Весь вопрос в том, как нам попасть туда и всё точно узнать, — задумчиво произнёс Яншенук. — И ты, главный визирь, и мы с Аззамом ночами заперты в своих жилищах, а днями не выходим от них.

— Властитель, может быть, попробовать поговорить с кем-нибудь из шаманов и попытаться у него узнать обо всём этом? — предложил Джарбаш.

— Ни в коем случае, главный визирь. Ты же видишь, какие они. Это не простые люди. Они объединены не по чьему-то велению, а по своей воле. Этих жги калёным железом, а слова лишнего от них не добьёшься. Особая порода, — уважительно сказал Яншенук.

— М-да, что верно, то верно, властитель, — сокрушённо кивнул Джарбаш.

— Ладно, главный визирь, поправляйся, а мне пора идти к себе, засиделись мы с тобой. Шаманам такое поведение может и не понравиться, — поднимаясь, проговорил Яншенук. — Что-нибудь придумаем.

— Ну что там, Аззам? Получается? — сидя на своём лежаке, тихо спросил Яншенук.

Аззам, присев возле двери, пытался сквозь щель в ней перетереть заострённой щепой верёвку, которой снаружи была закрыта дверь.

— Ещё немного, — пыхтя, тихо ответил тот.

— Полночь уже, — прошептал Яншенук. — Давай я сменю тебя.

— Всё, — поднимаясь и вытирая вспотевший лоб, выдохнул Аззам.

Яншенук скинул наброшенную на плечи шубу, подошёл ближе. Аззам приоткрыл дверь, показывая, что она уже не заперта.

— Теперь действуем, как договорились, — прошептал Яншенук.

Аззам кивнул, взял с лежака свою огромную шубу и заслонил ею, словно пологом, дверной проём, дабы снаружи никто не увидел огня в очаге, когда дверь откроется. Яншенук кивнул, присел, приоткрыл дверь и выбрался наружу. Дверь за ним тут же закрылась. Стояла почти непроглядная тьма. Припав спиной к стене, Яншенук прислушался и, прищурившись, стал всматриваться в сторону жилищ шаманов. Всюду царили ночная тишина и полное безлюдье. Постоянно останавливаясь и оглядываясь, Яншенук приблизился к загону для скота, стараясь осторожно ступать по скрипучему снегу. Скоро он уже обошёл ограждение из жердей и приблизился к одиноко стоящему жилищу. Только теперь он заметил в загоне рассёдланного скакуна, перед которым на земле чернела охапка сена. «Значит, он один», — мелькнуло в голове Яншенука. Он осторожно подошёл к двери в жилище. Сквозь узкие щели в ней пробивались тусклые подрагивающие полоски света. Яншенук присел перед дверью и припал одним глазом к щели. Внутри в очаге горел несильный огонь, а на одном из двух лежаков — том, что был слева, — лежал человек, укрывшийся шубой. Яншенук поднялся, осторожно отступил от двери и посмотрел себе под ноги. Кроме собственных следов на снегу он разглядел ещё и другие и пошёл по ним. Следы привели ко входу в загон, перекрытому парой тонких жердей. Там он увидел следы от лошадиных копыт: к загону они тянулись из-за жилища. Яншенук, следуя по ним, обошёл жилище и оказался перед частоколом, в котором сразу различил узкую дверь. Весь забор был сооружён из брёвен, а дверь была изготовлена из жердей такой же высоты.

Яншенук коснулся рукой двери и толкнул её, но она не открылась. Просунув пальцы между жердинами, он потянул дверь на себя — тоже не поддавалась. Осмотрев всё тщательно, он заметил, что дверь заперта изнутри на поперечную задвижку — толстую палку, просунутую через верёвки, закреплённые в боковых брёвнах. Он взялся за палку и вытянул её из верёвочных петель.

— Оставь её в покое, — вдруг услышал он могучий голос за спиной.

Яншенук тут же развернулся и удобнее перехватил палку в руках, дабы защититься ею. Перед ним стоял мужчина невысокого роста с наброшенной на плечи долгополой шубой и капюшоном на голове.

— Не подходи ко мне, — угрожающе замахнувшись палкой, предупредил его Яншенук, стараясь говорить негромко, но убедительно.

— Запри дверь и следуй за мной, иначе замёрзнешь, — спокойно произнёс мужчина могучим голосом и направился к жилищу.

Яншенук удивлённо посмотрел на него, затем взглянул на палку в руках, запер дверь и пошёл за мужчиной. Лишь теперь он ощутил холод и стал растирать ладони.

* * *

— Подкинь дров в огонь, проходи и присаживайся, — прогрохотал мужчина.

Он скинул шубу на лежак, сдвинул капюшон с головы и повернулся к Яншенуку. Это был Хаан-бек. Яншенук взял пару поленьев, осторожно положил их в очаг, затем обернулся к хозяину жилища, сидящему на своём лежаке, и опустился на другой лежак. Хаан-бек погладил бороду и пристально посмотрел ему в глаза.

— Тебе не следует так поступать, — стараясь понизить голос, произнёс Хаан-бек. — Тебе здесь ничто не угрожает, а вот там, куда ты пытаешься попасть, тебя убьют.

— Кто ты? — спросил Яншенук.

— Тебе лучше не знать этого. Поверь, — усмехнулся Хаан-бек.

— Зачем меня держат здесь, ты можешь мне сказать? — спросил Яншенук.

— Я тебе скажу другое, чтобы ты поверил мне, — смотря на него спокойными умными глазами, начал Хаан-бек. — Ты есть только

здесь. Больше ни для кого и нигде тебя уже нет. Ты не смог одолеть болезнь и умер. Впрочем, как и твой друг, — Хаан-бек замолчал, следя за его реакцией на сказанное.

— Как это? — Яншенук от удивления открыл рот.

— Ты жив благодаря твоей смерти, — вновь загадкой сказал Хаан-бек и улыбнулся.

— Послушай, я понял, что ты очень важный человек, но ты можешь говорить на обычном языке? Я ничего не понимаю, — Яншенук пожал плечами.

— И для Дильбар ты умер, — коротко и жёстко бросил Хаан-бек.

— Откуда ты... — Яншенук хотел было возмутиться, но ничего больше не смог сказать. Он был поражён услышанным и замолчал.

— Мне известны твои чувства к Дильбар, — Хаан-бек продолжал удивлять Яншенука. — И о её чувствах к тебе, Яншенук, мне тоже известно.

Яншенук смотрел на него с ужасом в глазах.

— Ты Яншенук, сын покойного Силкера, родного брата Фатих-шаха, правителя канглов. Единственный кровный наследник Фатих-шаха, — выдержав паузу и всё так же пристально глядя Яншенуку в глаза, спокойно говорил Хаан-бек. — Я многое знаю. Мне положено знать. Вижу, ты удивлён? Понимаю. Скажу больше: ты воспитанник покойного визиря канглов Каплана. Когда-то, как и ты теперь, он умер для всех, но при этом был жив и даже успел взрастить и воспитать такого умного и достойного человека, как ты. Ты, Яншенук, трижды рождённый. Первое твоё рождение было естественным, когда тебя явила в этот мир твоя мать. Второй раз ты родился, когда тебя от неминуемой, казалось бы, гибели спас твой дядя Фатих-шах, казнив вместо тебя другого мальчика. Ну а в третий раз ты родился, когда тебя выходили шаманы, которые и отвели от тебя смерть. Небесам было угодно, чтобы ты жил и, как ты догадываешься, не в этом месте и уж тем более не в плену. Иначе зачем такая жизнь будет дарована тому, кому удалось трижды избежать смерти? — Хаан-бек замолчал, продолжая смотреть Яншенуку в глаза и видя в них теперь не ужас, а живой интерес.

— Но откуда ты... — вновь запнулся на полуслове Яншенук.

— Это неважно, Яншенук, важно другое. Тебе недолго осталось быть здесь и вообще в этих землях. Скоро ты окажешься на свобо-

де и среди своего родного народа. А со временем станешь правителем над ним. Верь мне и запомни: я не враг тебе, а друг. Так что поживи остатки дней здесь спокойно и не делай ошибок. К тому же ты уже познакомился с главным визирем Джарбашем. Знай, что он был самым преданным и верным визирем твоего дяди, но не был оценен им по достоинству. Таких, как главный визирь Джарбаш, нельзя обижать, ими нужно дорожить. Вполне возможно, что ты, став правителем канглов, вернёшь Джарбаша на прежнее место. Сам потом решишь, делать это или нет. Ну а теперь, скажи мне, Яншенук, ты веришь мне? — Хаан-бек не отводил взгляда от Яншенука.

— Да, верю, — без малейшего сомнения кивнул Яншенук и продолжил: — Но ты не назвался. Я не знаю ни твоего имени, ни того, кто ты такой.

— Всему своё время, Яншенук. Однажды ты будешь всё знать обо мне, — Хаан-бек искренне улыбнулся и задал вопрос: — Что ещё хочешь спросить?

— Дильбар. Как нам с ней быть? Ведь мы... — Яншенук растерянно замолчал.

— И для этого придёт своё время. Пока же всё пусть остаётся так, как есть, иначе можно навредить Дильбар, — Хаан-бек прикрыл глаза, о чём-то подумал и вновь посмотрел на Яншенука: — А теперь иди к себе и отдохни.

* * *

Рано на рассвете в жилище Хаан-бека вошёл шаман.

— Продолжайте слушать, о чём говорят чужеземцы, — обратился к нему Хаан-бек. — Мне важно знать каждое слово, сказанное ими.

Шаман приложил руку к груди, склонил голову и вышел из жилища.

«А теперь пора отбыть в наше западное крыло, в стойбище сян дуглу Юити-бека. Не зря у главного шамана было странное видение. Там явно назревают важные события», — надевая шубу, озабоченно подумал Хаан-бек.

Г Л А В А П Я Т А Я

— Визирь Гачай, я не намерен дожидаться весны. Куньбек Янгуй болен. Усуни всё это время остаются без должного правления. Дуглу Наби-бек старается делать всё, что зависит от него, но не обладает качествами, присущими правителю, и по этой причине, привыкнув всегда быть исполнителем чужой воли, он не способен самостоятельно принимать важные решения и полноценно управлять ни народом, ни войсками, — Фатих-шах, восседая на скамье-троне в своей юрте, обращался к визирю Гачаю, стоявшему перед ним. — Нам следует воспользоваться положением, сложившимся у них. Более благоприятного времени для нанесения удара, я думаю, в ближайшем будущем может и не случиться. К тому же в эту пору они не ожидают такого от меня. — Фатих-шах замолчал, смотря на визиря, затем спросил: — Что скажешь на это? Каково твоё мнение? Говори. Я желаю услышать его.

— Светлейший шах, тебе, конечно же, виднее, но, может быть, следует всё-таки дождаться возвращения главного визиря Джарбаша? Вполне возможно, что ему удалось склонить на нашу сторону царя тиграхуудов Демира. От таких условий, какие ты предложил ему, мало кто в состоянии отказаться, к тому же, учитывая, что он оказался под властью усуней, что наверняка ему не по нраву, я думаю, он дал своё согласие на вступление в союз с нами. Я уверен в том, что царь Демир тяготится своим новым бесправным положением и сам хотел бы этого, — ответил визирь Гачай.

— Главный визирь Джарбаш до сих пор не появился здесь, и все возможные сроки для этого уже прошли, визирь Гачай. Нам ведомы причины его невозвращения, но сдаётся мне, что дорога к царю Демиру, ведущая по землям усуней, оказалась для него последней. Посланный на его поиски отряд лазутчиков тоже пропал, как только вступил в те земли. У меня нет больше времени для ожидания возвращения главного визиря Джарбаша. Пришла пора действовать, — Фатих-шах напряжённо смотрел на пылающий огонь, нервно сжимая и разжимая кулак.

— Светлейший шах, три армии находятся в полной боевой готовности для ведения сражений в таких условиях. Лазутчики и отряды дальнего дозора нашли и подготовили скрытые проходы

к стойбищам усуней в их западном крыле. Также лазутчиками установлено, что между их главным стойбищем и западным крылом из-за обильных снегопадов дорожное сообщение затруднено. Следовательно, главные силы усуней, сосредоточенные в их ставке, не смогут быстро прийти на помощь войскам западного крыла, — подробно доложил визирь Гачай.

— Они знают о том, что мы готовимся к войне с ними. Им известно и о том, что она начнётся весной, поэтому нашего нападения на них в эту пору они ожидать не могут. Болезнь куньбека Янгюя, погодные условия и внезапность нашего вторжения гарантируют нам успех на пути к победе, — резонно рассудил Фатих-шах.

— Светлейший шах, позволь узнать, а главному визирю Джарбашу об этом твоём решении было известно до его отбытия к царю Демиру? — спросил визирь Гачай.

— Визирь Гачай, своим вопросом ты мне хочешь дать понять, что главный визирь Джарбаш, оказавшись он в плену у усуней, может предать меня и рассказать об этом плане? Случись такое, он никогда не предаст меня. Это во-первых. А во-вторых, это решение я принял после того, как он не вернулся, — с лёгкостью поняв суть вопроса, без каких-либо сомнений ответил Фатих-шах.

— Прости, светлейший шах, за этот вопрос, но мы должны учитывать любую возможность утечки информации, представляющей собой особую важность, — слегка склонил голову визирь Гачай.

— Хорошо, визирь Гачай, я понял тебя, и ты прав. Больше не будем вести разговоры на эту тему. Нам следует тщательно обсудить наши действия.

Фатих-шах хлопнул в ладони. В дверях появился начальник стражи. Он замер, приложив руку к груди и склонив голову.

— Пусть войдут визири Кутуз и Аасим, — повелел Фатих-шах.

Начальник стражи быстро вышел за дверь, и в ней тут же появились визири Кутуз и Аасим. Они быстрым шагом приблизились, встали вровень с визирем Гачаем и склонили головы в приветствии. Среднего возраста, невысокого роста, плечистые, эти два визиря были похожи друг на друга.

— Визири мои, через пять дней мы начнём вторжение в земли усуней, — поднявшись с места и подойдя к нанесённой на большой кусок кожи карте, расстеленной на ковре, начал Фатих-шах,

вытащив меч. — Слушайте мои веления. Ты, визирь Гачай, с первой армией в сто сотен воинов вступишь в их земли вот здесь. — Фатих-шах ткнул остриём меча в точку на карте. — Ты, визирь Кутуз, со своими ста сотнями — в этом месте. — Он ткнул мечом в другую точку на карте. — А ты, визирь Аасим, с такой же армией — вот здесь.

* * *

«Почему Фатих-шах вызвал сначала меня и выслушал моё мнение относительно предстоящего вторжения в земли усуней и уже после этого позвал визирей Кутуза и Аасима, но их мнениями не стал интересоваться? Почему он вообще не вызвал старшего по возрасту и наиболее опытного из всех нас визиря Тугана? Что это всё значит? Может быть, он решил назначить меня вместо пропавшего главного визиря Джарбаша? Но как это возможно, ведь никаких сведений о том, что главный визирь Джарбаш погиб или же попал в плен, не было и нет. А что, если Фатих-шах знает о его судьбе больше, чем говорит нам? Он ведёт себя так, будто уверен в том, что главного визиря Джарбаша уже нет в живых. Получается, что он либо узнал об этом точно, без всяких сомнений, либо сам избавился от него. В таком случае выходит, что никаких лазутчиков, якобы тоже пропавших, на его поиски он не отправлял. Как же так? Главный визирь Джарбаш всегда верой и правдой служил ему и столько всего сделал, порой рискуя своей жизнью... Если Фатих-шах после похода на усуней назначит меня главным визирем, то как я буду смотреть в глаза Джарбашу, когда он вернётся? Ведь во многом, чего я добился, он принял самое непосредственное участие. Благодаря ему я впервые предстал перед Фатих-шахом, будучи совершенно неопытным в делах правления». Визирь Гачай лежал в своей юрте и обдумывал события прошедшего дня. «Надо признать, что в последнее время Фатих-шах очень изменился. Он стал каким-то вспыльчивым, злобным, неоправданно жестоким и зачастую несправедливым. Может быть, из-за преклонных лет с ним такое происходит? У него нет сыновей, и это тоже очень огорчает его, так как нет кровного преемника во власти. Вот он и мечется в своём выборе среди нас, визирей. Всё может быть. Нам не дано знать того, что на душе у правителя».

— Тихо ты, чего расшумелся! — недовольно взглянув на молодого напарника, прошептал старый рыжебородый воин. — Вон, высьнись и посмотри. Они ещё ближе к нам расчищают низину от ветролома. Хорошо, что из-за треска сучьев нас не слышат.

Молодой воин с лицом ребёнка и с маленькой рыжей бородкой прилёг на овечью шкуру на снегу с другой стороны дерева и осторожно высунул голову над сугробом. На расстоянии двух полётов стрелы от них в низине, представлявшей собой старое высохшее русло реки, тянувшееся среди леса с запада на восток, трудились канглы. Их было не менее сотни. Одни из них расчищали проход, стаскивая сушняк вверх по склонам и бросая среди деревьев. Другие разгребали деревянными лопатами снег.

Молодой воин спустился на место. Старый воин сидел и что-то жевал.

— Проход для войск готовят. На, поешь немного, — старый воин протянул молодому кусочек сыра. — Хорошо, что они собак с собой не привели. Те бы уже учуяли нас. Ветер постоянно меняется. — Старый воин прищурился и взглянул сквозь ветви на небо.

— Бо, хорошее место они нашли, да? — откусывая дольку сыра, прошептал молодой воин.

— Да, Жимшак, место дикое и труднодоступное. Особенно при обильных снегопадах, — кивнул Бо. — К тому же эта низина тянется по лесу почти к западному стойбищу тиграхаудов. Прежде, говорят, здесь была хорошая, многоводная река. Но, с тех пор как она иссякла и иссохла, эти места перестали интересовать людей. Кому нужно пустое русло! Дикий зверь даже сюда не ходит и охотников не подводит. Канглы знают, что делают. — Бо взглянул на Жимшака, улыбнулся и слегка хлопнул его по плечу. — Но и мы не бараны, да?

— Это верно, Бо, — Жимшак засиял в улыбке, обнажая маленькие зубы. Они оба прикрыли ладонями рты и недолго посмеялись.

— Ну-ка глянь, как они там, — показав большим пальцем себе за спину, прошептал Бо.

Жимшак вновь прилёг на шкуру, высунул голову над сугробом, понаблюдая за канглами и спустился на место.

— Всё так же, только немного продвинулись к нам, — прошептал Жимшак.

— Нужно уходить отсюда. Скоро здесь могут появиться их дозоры, — взглянув на Жимшака, прошептал Бо, поднимаясь на ноги и запахивая на себе овечью шубу. — Собирай вещи, уходим.

Жимшак ловко свернул обе шкуры, на которых они сидели, связал их верёвками, стянул ещё одну, на которую они ложились, следя за канглами, и её тоже свернул и связал. Закинул через плечо два налучья с луками и два колчана со стрелами, запахнул плотнее шубу на себе, поправил на поясе меч и кинжал, взял в одну руку шкуры, а в другую небольшой старый кожаный мешок с едой и посмотрел на Бо. Тот кивнул. Жимшак развернулся и, осторожно ступая по их же старым следам, стал продвигаться в обратном направлении на восток. Бо подхватил две большие еловые лапы, приготовленные заранее, тщательно замёл ими место засидки, затем спиной вперёд направился за Жимшаком, заметая колючими ветвями все следы за собой.

* * *

Визирь Гачай продвигался во главе своих войск. Впереди на небольшом отдалении шла передовая сотня. Ближе к полудню они вступили в низину с ровным и довольно широким дном, тянувшуюся среди лесной гущи почти без изгибов строго на восток. В этом месте их ожидала сотня дальнего дозора вместе с группой лазутчиков, которые и подготовили для них проход. Снег в низине был почти весь расчищен, и на фоне нетронутого искрящегося на солнце иссиня-белого снега, лежавшего подушками на еловых лапах, сразу бросался в глаза грязно-серый цвет бесформенных бугров, тянувшихся вдоль склонов в низину. Всюду под копытами лошадей валялись сухие ветки, а наверху, на склонах, по которым тянулись следы от ног, торчали поднятые туда и брошенные там брёвна. Ширина старого русла позволяла двигаться по пять всадников в ряд. Визирь Гачай посмотрел по сторонам, вверх по склонам и увидел там свои дозоры, продвигающиеся среди деревьев. Десять тысячников вели скакунов по бокам от него и за его спиной.

— Атаковать будем на рассвете, — взглянув на тысячника справа, тихо произнёс визирь Гачай. Военачальник молча кивнул.

Наступила ночь. В низину она опустилась почти внезапно и окутала её непроглядной тенью. Войска канглов под предводительством визиря Гачая, не запаливая факелов, продолжали медленно продвигаться вперёд.

— Визирь, нам всё-таки следовало взять с собой сменных лошадей, — повернув голову в направлении визиря Гачая, но не видя его лица, тихо произнёс тысячник справа. — Лошади под нами устали от долгого перехода. Трудно будет на них атаковать с марша. Это здесь всё расчищено, а перед стойбищем будет глубокий снег.

— Поздно уже думать об этом. Со сменными лошадьми мы бы растянулись на большое расстояние и были бы более заметными. Перед рассветом остановимся на небольшой отдых, — недовольно произнёс визирь Гачай, понимая, что тысячник прав.

Пройдя почти всю ночь, они остановились. Воины спешились, справляя нужду, разминая затёкшие тела и поправляя конскую амуницию. До рассвета оставалось совсем немного времени. Прибыл гонец от сотника передовой сотни и сообщил о том, что низина вместе с лесом заканчивается уже невдалеке, а дальше, вплоть до самого стойбища, открытая местность.

Визирь Гачай устало опустился на расстеленную для него овечью шкуру, затем откинулся на спину, вытянул ноги и закрыл глаза. С того момента, как Фатих-шах вызвал его к себе и объявил о начале вторжения в земли усуней, он потерял покой. В его душе поселились сомнение и смятение, а голову одолевали тревожные мысли. Он пытался понять, почему с ним вдруг такое творится, но особых причин этому так и не нашёл. Он понимал, что обычно военные действия не начинаются зимой, как это решил сделать Фатих-шах, но понимал и то, что не это породило его беспокойство. Пропавша главного визиря Джарбаша и посланного на его поиски отряда лазутчиков тоже не была причиной его тревог, хотя, конечно же, бередила душу таинственностью. Что-то другое, более пугающее, постоянно сжимало его сердце, вызывая чувство почти панического страха. Пребывая все эти дни в таком расположении духа, он не мог ни пить, ни есть, ни спать, и выступил в поход крайне измождённым и обессиленным, и только по этой причине совершил много ошибок, в том числе совершенно забыл дать распоряжение о сменных скакунах, о чём теперь очень сожалел.

Замечание, сделанное тысячником по этому поводу, очень сильно раздражало его, как, впрочем, и мысли о предстоящей атаке на ослабших скакунах, через глубокий снег, на хорошо просматриваемой местности... Он не хотел думать о том, что никакой внезапности нападения в таком случае не получится, но думал об этом, так как всегда жил с повышенным чувством ответственности за порученное ему дело.

Сильно утомлённый и физически, и душевно, он не заметил, как крепко уснул. Пробудился он от криков и оттого, что кто-то тряс его за плечо.

— Визирь, вставай, на нас напали! — кричал тысячник, склонившись над ним.

— Что? — присев и вертя головой по сторонам, ещё не придя в себя, спросил визирь Гачай.

— Напали! — заорал тысячник.

Визирь Гачай вскочил на ноги. Первое, что он увидел, — огни от множества факелов, которые летели на его воинов сверху, с вершин склонов по обе стороны низины. На фоне мелькавших огней он заметил, как падали и воины, и лошади, сражённые стрелами и брошенными копьями. Он выхватил меч и завертелся на месте, не зная, как поступить. Он увидел, как тысячник бросился к склону, ведя за собой воинов, и как он стал быстро взбираться с ними наверх, пытаясь атаковать противника, но сверху скатилось огромное бревно и сбило всех вниз. Всюду кричали и стонали люди, ржали лошади, и всё это сливалось в невообразимый гвалт. Визирь Гачай ещё не успел принять решение, как вдруг что-то сильно ударило его в правое плечо и опрокинуло на спину. Ничего не понимая, он попытался подняться, взялся за плечо и только теперь понял, нащупав торчащую из него стрелу, что ранен. Надломив её и отбросив в сторону, он поднял оброненный меч, упёрся им в землю и, пошатываясь, встал на ноги, и вновь что-то сильно ударило его, но уже в грудь. Он упал навзничь. Перед его глазами всё вдруг завертелось и вскоре потухло. Он потерял сознание.

* * *

Визири Кутуз и Аасим, находившиеся со своими войсками на других двух разных направлениях, вошедшие одновременно с визирем Гачаем в земли усуней, на территорию их западного крыла,

прошедшие туда по подготовленным заранее скрытым проходам, также подверглись внезапному нападению, угодив в западню в ночное время, и, неся большие потери, отступили на свою территорию, избежав неминуемого окружения усунями.

Таким образом, властитель западного крыла усуней сян дуглу Юити-бек при активном содействии отрядов командующего всеми дозорными войсками усуней тысячника Бурчука, имея в рядах своих войск всех воинов тиграхаудов под командованием ю дуглу Демир-бека, нанёс сокрушительное поражение трёмстам сотням воинов правителя канглов Фатих-шаха под командованием его визирей Гачая, Кутуза и Аасима, при этом захватив в плен раненого визиря Гачая. Особенность этой победы властителя западного крыла усуней сян дуглу Юити-бека заключалась в том, что он не прибег к военной помощи ни главного стойбища усуней, ни восточного крыла, справившись своими силами, что, в свою очередь, подтвердило правильность и жизнеспособность реформы в правлении, в том числе военной реформы, впервые проведённой правителем усуней куньбеком Янгумем.

Г Л А В А   Ш Е С Т А Я

— Яншенук, твой дядя Фатих-шах потерпел поражение, вступив тайком в наши земли, — Хаан-бек сидел на своём лежаке и смотрел на Яншенука, присевшего напротив. — Но я хочу сказать тебе не об этом. Фатих-шах уже не в том возрасте, чтобы затевать такие войны. Он совершает множество ошибок. Ты скоро поймёшь, к чему я веду этот разговор с тобой. — Хаан-бек подтянул подушку и облокотился на неё. — Я немного устал от дальней дороги... Так вот, воспользовавшись болезнью нашего правителя, твой дядя решил не дожидаться весны и принял решение идти войной на нас в эту пору. На такое никто и никогда не пойдёт, если, конечно, не лишён рассудка. Более того, его войска не были готовы к такому. Этот поход, ещё не начавшись, уже был обречён на поражение, что в итоге и случилось. Теперь все соседние правители будут знать о том, что Фатих-шах, правитель могущественных канглов, которого всегда и все побаивались и уважали, уже не тот. Некоторые из них, кто был обижен им более других, могут поднять головы, прежде склонён-

ные, а во что это перейдёт, известно одним Небесам. — Хаан-бек замолчал, разглядывая лицо Яншенука, очень внимательно слушавшего его. Хаан-бек продолжил: — Пока силен правитель, силен и его народ. Пока правитель принимает обдуманные и справедливые решения, народ будет почитать его и с готовностью подчиняться его воле. Так было и будет всегда. Но что теперь может произойти с народом канглов? С твоим народом, Яншенук. Твой дядя, помимо всего, даже своего главного визиря не стал искать, тем самым показав всем, что не дорожит верными сановниками. Никакой правитель так не поступит, даже если между ним и пропавшим сановником существует какая-то неприязнь. Фатих-шах обязан был сделать всё, чтобы вернуть главного визиря живым или мёртвым. Он этого не сделал. И это уже стало известно всем, в том числе и его визирям. Каждый из них теперь будет помнить об этом, ставя себя на место пропавшего главного визиря, зная, что с ними, случись такое, их правитель поступит так же. К чему может привести такое отношение? К тому, что эти визири перестанут служить ему верой и правдой. Они будут думать не о преданности или делах правления, а только о себе, о том, как бы выжить возле него. Больше они не станут излагать ему правды и давать разумные советы. Теперь они будут говорить только то, что он желает слышать, даже если это далеко от истины. Зачем им честно служить правителю, который в любой момент может пожертвовать ими, и отнюдь не ради высоких целей? То, что совершает Фатих-шах, и есть начало его падения. Это было бы не так важно, если бы не касалось целого народа. — Хаан-бек перекинул подушку и облокотился на неё другой рукой. — Мой правитель, Яншенук, несмотря ни на что, желает иметь сильного и могущественного западного соседа, с которым можно наладить длительные мирные отношения и на которого как на союзника можно рассчитывать в трудную пору, отвечая ему тем же. Фатих-шах, вместо того чтобы наладить добрые связи с нами, своим новым соседом, решил совершенно беспричинно начать с нами войну. Мы не угрожали ему ничем, занимаясь обустройством своей жизни. А вот теперь, Яншенук, я скажу тебе самое главное. Пока твой дядя не натворил ещё больших бед и у себя, и между нами, его нужно сместить и заменить по-настоящему достойным правителем. И этим правителем должен стать ты, единственный едино-

кровный его наследник, его племянник. Положение, сложившееся в твоём народе, очень благоприятствует этому. Наступило весьма подходящее для этого время. Твой народ не осудит тебя за то, что не ты был когда-то казнён, как того требовали многие. Ты тогда был очень мал и ничего не понимал. Таково было решение правителя, и люди поймут тебя. Других же препятствий на твоём пути к власти нет. Ты можешь спросить, как же дядя отнесётся к твоему притязанию на власть. Мой ответ таков: желает он или же не желает расставаться с властью, это уже не имеет никакого значения. Он показал свою неспособность во всём: и в управлении народом, и по отношению к своим сановникам, и по отношению к нам. Мы поможем тебе в его смещении с трона, и если возникнет необходимость, то устраним его. Для нас он враг, и наши действия будут вполне оправданны. А в возведении на трон канглов тебе поможет главный визирь Джарбаш. Он не снят с высокого поста и не объявлен погибшим. К тому же у него много верных людей там, на помощь которых и он, и ты можете смело рассчитывать. Ну а мы, конечно же, поможем золотом. И вот ещё что. Мы должны думать о будущем наших народов, об отношениях между ними. А они должны быть прочными и долгосрочными. На возникновение такого добрососедства между нами ты, Яншенук, можешь повлиять очень значительно. Причём сделать это не как правитель канглов, а как молодой человек, имеющий чувства к дочери нашего правителя, а, как мне известно, чувства у вас с ней взаимные. Таким образом, породнившись между собой на самом высоком уровне, канглы и усунь станут братскими народами, что очень сильно укрепит наше совместное влияние на всей этой огромной территории. — Хаан-бек высказался и замолчал, продолжая смотреть на Яншенука.

Яншенук сидел с очень задумчивым видом, затем спросил:

— А главный визирь Джарбаш знает обо всём этом?

— Я ожидал от тебя этого вопроса, Яншенук. Он не знал. Теперь ты сам можешь рассказать ему. Он должен услышать всё из твоих уст. Заодно узнаешь и его мнение относительно всего этого и, что важнее всего, поймёшь, нужен он тебе в будущем или же нет. Станет ли он поддерживать тебя и обретёшь ли в нём союзника. Не забывая, что у него среди народа, помимо врагов, есть и сторонники, а они тебе могут пригодиться.

Куньбек Янгуй впервые за долгие дни покинул свою юрту и вышел на берег.

Накинув на плечи шубу, заложив руки за спину, он наслаждался свежим и чистым воздухом, с удовольствием вдыхая приятную прохладу. Он пребывал в превосходном настроении не только потому, что одержал первую победу над канглами, а ещё и оттого, что теперь осознавал её истинное значение, заключавшееся в том, что она предотвратила большую кровопролитную войну, ожидаемую предстоящей весной.

Услышав за спиной топот копыт, куньбек Янгуй развернулся и увидел Наби-бека, подъехавшего к главной юрте. Спешившись и передав скакуна подошедшему воину, Наби-бек направился к нему. Обменявшись приветствиями, они оба некоторое время смотрели на обширную водную гладь, пока Наби-бек не нарушил молчания.

— Правитель, я рад видеть тебя в полном здравии вне стен юрты. Закончилось, наконец, твоё добровольное заточение. От этой благой новости на лицах всех твоих подданных сегодня появилась улыбка и радость вновь вселилась в их души, — Наби-бек повернулся к куньбеку Янгую и, улыбаясь, приложил руку к груди, слегка склонив голову.

— Благодарю тебя, мой доблестный дуглу Наби-бек. Долгожданный день наступил, и мне больше не придётся обманывать и пугать народ своим мнимым нездоровьем. Если бы не необходимость, разве я посмел бы так поступить?! Хвала Небесам, всё это благополучно закончилось.

— Правитель, твоя мудрая задумка принесла должный результат. Всё получилось гораздо лучше, нежели мы ожидали, — Наби-бек с благодарностью смотрел в глаза правителю.

— Это верно, Наби-бек. Но эта задумка, как мы с тобой знаем, исходит от нашего мудреца, вновь оказавшего добрую услугу своему народу, и об этом нам не следует забывать. Он не примет награду, и я не знаю, как отблагодарить его... Как, впрочем, всегда в подобных случаях. Его жизнь и есть служение своему народу. Таким, как он, ты порой готов подарить все богатства мира, но они в этом не нуждаются, с лёгкостью отвергают, не воспринимая богатства как особые блага и не находя в них какого-либо смысла, и при этом смотрят на тебя как на несмышлёного юнца. Оттого что

ты это знаешь, но никак больше не умеешь выразить свою благодарность, ты сам себя чувствуешь неблагодарным по отношению к ним. Так они обезоруживают тебя и превращают в их вечного должника. Это единственный узел, который я не могу развязать. Удастся ли кому-то когда-то сделать это? Хотел бы я увидеть этого человека, — куньбек Янгуй задумчиво улыбнулся.

— Прости, правитель, я не хотел огорчить тебя, выглядя человеком, неспособным по достоинству оценить чей-то вклад в наше общее дело, — Наби-бек удручённо отвёл взгляд от правителя.

— Я знаю, Наби-бек, что ты не такой, — коснувшись рукой его плеча, успокоил куньбек Янгуй и деликатно перевёл разговор на другую тему: — Скоро по моему приглашению прибудет властитель западного крыла сян дуглу Юити-бек и вместе с ним ю дуглу Демир-бек. Также я позвал командующего дозорными войсками тысячника Бурчука. Мы должны встретить их по достоинству и дать пир в их честь. К тому же они заслуживают высоких наград. Подумай об этом, Наби-бек. А теперь пойдём отсюда, а то я, признаться, немного озяб. Не хотелось бы заболеть по-настоящему.

Куньбек Янгуй и дуглу Наби-бек засмеялись и направились в сторону главной юрты.

* * *

Хаан-бек задолго до рассвета выехал через потаённую дверь в частокоче и направился по узкой тропе среди дремучего ельника. Несмотря на темноту, он вёл скакуна уверенно, так как знал эту лесную дорогу настолько хорошо, что мог бы продвигаться по ней с закрытыми глазами. К тому же и его конь очень хорошо помнил её и зачастую доставлял спящим в седле своего уставшего хозяина до селения. На половине пути от этого места до главного поселения шаманов тропа уходила вверх и шла по отвесному склону одинокой горы, где лес окаймлял её и смыкался за ней. На этом участке всадник должен был обязательно сойти с коня и вести его на поводу, что и сделал Хаан-бек.

Здесь было немного светлее, чем внизу, среди деревьев. Хаан-бек благополучно преодолел опасный отрезок пути и запрыгнул в седло, но не успел проехать и ста шагов, как вдруг слева от себя заметил какое-то движение среди деревьев. Хаан-бек замер, прислушался и стал всматриваться, но ничего не услышал и не смог

рассмотреть. Он снял варежку и прижал ладонь к шее коня — тот был спокоен. «Значит, это не волки», — подумал Хаан-бек и, проехав немного вперёд, остановился, низко склонившись с коня. Он увидел на снегу следы от копыт одной лошади. Они вели сюда от главного поселения шаманов, куда и направлялся Хаан-бек, но в этом месте уходили в сторону от тропы, в лесные дебри.

Хаан-бек повернул скакуна и тихим шагом повёл его по следам. Попетляв среди деревьев, следы обогнули гору с другой стороны, напротив склона с тропой, по которой не так давно прошёл Хаан-бек. Небо слегка посветлело, и видимость стала немного лучше. Хаан-бек продолжал всматриваться в следы, поглядывая вперёд, и вдруг увидел лошадь, стоявшую возле дерева. Всадника на ней не было. Хаан-бек остановился, осторожно вытащил лук из заспинного налучья, заложил стрелу и изготовился для стрельбы. Недолго постояв, оглядываясь по сторонам и ничего подозрительного не услышав и не заметив, он сошёл с коня и стал тихо приближаться к чужой лошади. Понаблюдав за ней из-за дерева шагов с пяти, он подошёл. Лошадь спокойно повернула к нему голову. На снегу он увидел следы ног человека, которые вели к подножию горы. Хаан-бек прошёл по ним. Следы, петляя по заснеженным скальным выступам, вели вверх по склону и на небольшой высоте, примерно в пять человеческих ростов, пропадали. Хаан-бек всмотрелся и увидел в том месте слабый свет, исходивший, как он понял, из пещеры. Убрав лук и стрелу, он начал взбираться по склону, стараясь не терять из виду следы. Добравшись до входа в пещеру, Хаан-бек увидел, что дальше ведёт узкий проход с поворотом — оттуда и исходил свет. Он вытащил кинжал и осторожно пошёл по туннелю, оглядываясь назад. Проход заканчивался пещерой округлой формы с низким потолком. На стене был закреплён пылающий факел, от которого и исходил подрагивающий свет. Хаан-бек сразу увидел человека, стоявшего к нему спиной, склонившись, и что-то делавшего. Хаан-бек тихо подошёл и приставил к шее незнакомца остриё кинжала. Человек замер, выпрямился и приподнял руки. Хаан-бек взялся за ворот его шубы, резко дёрнул назад, сделав подножку, и тот упал навзничь, выставив перед собой руки. Только теперь Хаан-бек увидел, что на полу пещеры стоит пять больших мешков из толстой кожи — один из них был открыт. Хаан-бек быстро заглянул

внутри и увидел различную посуду из золота, сверкнувшую по краям и граням особым тусклым блеском.

— Ты кто? — посмотрев на лежащего человека, направив на него кинжал, тихо спросил Хаан-бек, но его могучий голос, подобно раскату грома, усиливаясь эхом, отразился многократно от шероховатых стен.

— Я... я... — тарашась испуганно, пытался что-то сказать человек, прикрывая грудь руками.

— Или говори быстро, или я убью тебя, — подался вперёд Хаан-бек.

— Хорошо, хорошо! — торопливо начал человек. — Меня сюда послал Даут. Я должен был проверить, всё ли на месте. Больше ничего.

— Даут? Это ему принадлежит? — не сумев скрыть удивления, спросил Хаан-бек.

— Я не знаю. Он лишь велел проверить, и всё, — дрожащим от страха голосом ответил человек.

Хаан-бек подошёл и ногой сбил шапку с пленника.

— Так ты тиграхауд, — увидев цвет его волос, убедился Хаан-бек.

— Да... Я его конюх... — закивал человек.

— Жить хочешь?

Хаан-бек склонился над лежащим, приставив к его горлу кинжал, обыскал и вытащил из-за его пояса небольшой нож.

— Пощади меня! Прошу! У меня дети малые... — стал умолять человек, робко встав на колени и низко склонившись к полу.

Как только Хаан-бек убрал кинжал в ножны, человек быстро вскочил на ноги и бросился на него, держа в руке кинжал, который вытащил из-за голенища своего сапога. Хаан-бек от неожиданности отпрыгнул назад, но споткнулся о мешки и перелетел через них. Вопреки ожиданию Хаан-бека, человек не стал нападать на него, а убежал к выходу из пещеры. Хаан-бек побежал следом. Выскочив наружу, он увидел, что беглец почти достиг подножия горы. Хаан-бек быстро достал лук, ловко заложил в него стрелу, прицелился и выстрелил. Стрела попала в спину убежавшему, и он упал вниз, распластавшись тёмным пятном на снегу. Недолго постояв, понаблюдав и убедившись в его смерти, Хаан-бек вернулся в пещеру и осмотрел мешки. Во всех были золотые изделия.

Задолго до полудня Хаан-бек прибыл в главное поселение шаманов, ведя на поводу лошадь убитого им человека, на которую

загрузил все мешки с золотом. Спешившись, он вошёл в юрту главного шамана, недолго побыл там, затем вышел, сел на своего коня, оставив чужого, и отбыл в главное стойбище. Главный шаман, выйдя следом, подозвал помощников и что-то сказал им, указав на лошадь с мешками. Выслушав его, шаманы отвели лошадь к восточной юрте и стали отвязывать мешки и заносить их внутрь.

* * *

Прошёл день после пира, данного куньбеком Янгуем в честь победителей над вторгшимися в земли усуней канглами, и в юрте брата ю дуглу Демир-бека Даута семья оплакивала его скоропостижную кончину. Даут умер во сне.

* * *

Берджу сидел в своей юрте и часто поглядывал на Галатис, которая сидела на коленях спиной к стене на спальном полу, наполовину прикрытой ширмой, и молча смотрела в одну точку, прикрыв рот платочком. Её глаза опухли от слёз. Она продолжала скорбеть по старшему брату Дауту, так неожиданно скончавшемуся три дня назад. На дворе стояла ночь. Дети спали. Берджу поднялся, тихо ступая, подошёл к жене, присел перед ней, взял её за руки, заглянул в глаза и прошептал:

— Ты очень устала. Тебе нужно отдохнуть. Давай приляжем. Я буду гладить тебя по голове, как ты любишь, и ты уснёшь. Вставай. Пойдём. Всё будет хорошо. Мы же все вместе. Вон наши дети спят.

Галатис устало посмотрела на Берджу красивыми, но покрасневшими глазами, осторожно высвободила руку из его ладони, нежно погладила его по заросшей щеке, затем сдвинула назад платок на своей голове, распустив волнистые длинные чёрные волосы, тускло блеснувшие в свете огня, прикрыла глаза и кивнула.

* * *

Хаан-бек, как всегда, вернулся поздно и прилёг. Он любил думать, оставшись в одиночестве, да ещё под треск дров в очаге. Вот и теперь плавно потекли мысли. «События обрели новый оборот, и совершенно непредсказуемый. Надо же, разве мог я совсем недавно подумать о том, что в моих руках окажется наследник правителя

канглов, да ещё и их главный визирь в придачу? Да даже мысли такой у меня не было никогда! Но Небесам было угодно, чтобы так случилось... Сначала Иджими обнаружил Яншенука и его воина, не зная о том, кто они, и с разрешения Наби-бека доставил в поселение к шаманам, где главный шаман приступил к их лечению. Затем Наби-беку стали известны отношения Яншенука с дочерью правителя Дильбар. Он решил сам разобраться во всём этом, дабы ограждать правителя от возможных неприятностей. И он, конечно же, всё выяснил бы и уничтожил Яншенука, но сердобольный главный шаман помешал ему, заметив чувства между Яншенуком и Дильбар и решив помочь им. Всё обставил так, будто не смог излечить Яншенука и его воина и они скончались, на самом же деле скрыл их в этом селении, рассказав мне обо всём, что узнал. Так, как он поступил, никто не смог бы, поскольку никому в голову не придёт обманывать самого дуглу Наби-бека. Но у главного шамана особое положение, и он им так своеобразно воспользовался, хотя понимал, что очень рискует... Ну а здесь уже мне пришлось проявить интерес к Яншенуку и его воину. По моему указанию шаманы стали подслушивать их разговоры, но это ничего не дало бы, если бы не видение главного шамана о главном визире канглов Джарбаше, о его тайном прибытии в наши земли и встрече с ю дуглу Демирбеком. Захватив его и доставив сюда, я многое узнал и о Яншенуке, и о Джарбаше. Вот что стало иметь значение...» Хаан-бек поднялся, взял несколько поленьев, положил их в очаг и вновь прилёг. «О том, кто таков на самом деле Яншенук, никто не знает, кроме главного шамана, меня и Джарбаша. Так должно и дальше продолжаться. Джарбашу не с кем говорить об этом. Он полностью под моим контролем. Главный шаман не поделится этим с правителем, иначе выяснится, что он скрыл правду об отношениях его дочери и Яншенука и обманул дуглу Наби-бека, а это в будущем может вызвать недоверие к нему со стороны правителя и месть со стороны Наби-бека, чего главный шаман не допустит. С этим всё понятно... Теперь о другом. Поражение войск канглов в нашей земле, пропажа их главного визиря, пленение нами другого визиря — всё это порождает определённое недовольство среди их народа и сановников, и это недовольство больше всего относится к правителю Фатих-шаху, и от этого его положение становится весьма шатким. Поскольку у него нет прямых кровных наследников, некоторые из

визирей могут задуматься над возможностью занять его место, и не исключено, что предпримут определённые действия для этого. Вот этого я не должен позволить им. Нужно как можно быстрее привести к власти Яншенука. Всё к этому располагает. Даже золото Даута теперь у меня. Бедный Даут, не успел воспользоваться своим несметным богатством. Ну что ж, я обошёлся с ним вполне гуманно, его смерть не была мучительной. Приготовленный главным шаманом яд не доставил ему боли... Теперь уже никто не узнает о его тайне. Он унёс её с собой. Ничего не поделаешь с этим. Как пришло, так и ушло. Этому золоту суждено послужить мне. Оно поможет Яншенуку прийти к власти над канглами, и, когда это случится, он будет помнить, кому он обязан. В ближайшие дни следует доставить Яншенука и Джарбаша к землям канглов. Они готовы действовать. При содействии многоопытного главного визиря и его сторонников, а также при магическом воздействии моего золота Яншенук сумеет сместить дядю и займёт его место... Теперь другой — очень важный и сложный вопрос... До обнаружения золота покойного Даута я собирался обо всём, что задумал с Яншенуком, доложить лично самому правителю и в случае одобрения им моего плана просить о выделении золота для его осуществления, но теперь отпала необходимость в этом. Вот и возникает вопрос: следует ли мне теперь обо всём этом ставить в известность правителя? Может быть, сделать всё самому и пока держать в строжайшей тайне ото всех, в том числе и от правителя, и уже потом, когда всё получится, рассказать? А может, и потом не говорить? Ведь Яншенук считает, что это мой правитель так действует через меня и что я исполняю волю куньбека Янгуя, возводя его на трон канглов. Более того, Яншенук думает, что это мой правитель выделил золото... Выходит, если я обо всём расскажу правителю, то он наладит отношения с новым правителем канглов, а затем сам Яншенук, уверенный в том, что обязан всем нашему правителю, не станет со мной считаться и со временем забудет обо мне. Разве об этом я мечтаю? Разве для этого я трачу столько сил и золота, которое принадлежит мне по праву? Нет, не для этого. Яншенук должен всегда знать и помнить, что только мне обязан своим восхождением во власть. Иному не бывать. Это и есть справедливость. Чего я добился к этим своим годам? Семьи у меня нет. Друзей нет. Живу непонятно где и как. Даже признанной всеми власти у меня нет. Да, правитель когда-то

подобрал меня, маленького сироту, и взрастил меня, поселив к бездетной семейной чете, и всегда заботился обо мне. Да, он вёл меня по жизни и в итоге даровал титул бека, но я уже давно расплатился с ним за это сполна. Я ничем и никем не правлю. Я как цепной пёс у его ног. Мною он травит всех неугодных ему людей. Моими руками решает все грязные вопросы. Я стал изгоем для всех. Все меня боятся и сторонятся. Разве о такой жизни я мечтал? Разве к этому стремился, не щадя ни сил, ни времени, зачастую забывая о себе, порой не зная того, спал ли я или ел ли я нормальную пищу? Может быть, пришло время жить по-другому? Может быть, пришло моё время заявить о себе? Да, это очень опасный путь. Но дальше так жить я не хочу, да и не могу больше. Небеса послали мне шанс полностью изменить своё существование. В этом я теперь уверен и не упущу его, если даже придётся погибнуть на этом пути. Главное, что это мой путь. Избранный мною, а не по чьему-то велению. Я помогу Яншенуку свергнуть правителя канглов и встать на его место, а он поможет мне. Всё. Решено окончательно».

* * *

Среди ночи, когда Хаан-бек крепко спал, к нему неожиданно вошёл один из шаманов. Хаан-бек вскочил на ноги, выхватив меч, но, увидев шамана, опустил на место.

— Что случилось? — растирая лицо, спросил Хаан-бек.

— Главному шаману плохо, — скорбно сообщил шаман.

Хаан-бек быстро оделся, выбежал из жилища, оседлал коня, вывел его через узкую дверь в частоколе, запрыгнул в седло и погнал в сторону главного поселения шаманов.

* * *

Ещё издали Хаан-бек заметил, что в главном поселении шаманов очень много огней. На подступах к стойбищу путь ему преградили воины с факелами. Подойдя к нему ближе и рассмотрев лицо, сотник Риза, начальник личной охраны куньбека Янгуя, тут же склонил голову и приложил руку к груди. Хаан-бек продолжил путь, подъехал к юртам и спешился. Он сразу увидел возле коновязи скакунов куньбека Янгуя и Наби-бека. Перед входом в главную юрту стоял сам Наби-бек. Хаан-бек, порывисто приложив руку к груди и быстро кивнув ему, вошёл в юрту. Наби-бек тоже приветствовал

его и хотел было что-то сказать, но не успел, так и оставшись стоять снаружи.

Главный шаман лежал в постели, тепло укрытый. Возле его изголовья сидел куньбек Янгуй. Хаан-бек остановился в двух шагах от ног главного шамана. Куньбек Янгуй взглянул на него. Хаан-бек приложил руку к груди и склонил голову. Куньбек Янгуй кивнул и показал глазами на место возле себя. Хаан-бек тихо подошёл и осторожно опустился на шкуру, вглядываясь в лицо главного шамана. Тот лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. Хаан-бек вопросительно посмотрел на куньбека Янгуя. Тот покачал головой, давая понять, что всё очень плохо. Они долго сидели молча, как вдруг главный шаман открыл глаза, с трудом слегка повернул голову к куньбеку Янгую и прошептал:

— Правитель, ты здесь.

Куньбек Янгуй тут же подался к нему, склонился и тихо произнёс:

— Да, мой мудрец, это я. Я здесь.

— Покидаю я тебя, правитель, — едва шевеля бледными губами, прошептал главный шаман.

— Что ты, мой мудрец, ещё не время. Ты поправишься, — куньбек Янгуй попытался его успокоить.

— Нет, правитель, я знаю, — прошептал главный шаман и уставился бесцветными глазами в потолок.

— Что ты хочешь, мой мудрец? Скажи мне, — вглядываясь ему в глаза, спросил куньбек Янгуй.

— Уже ничего... мой правитель, — стал шептать главный шаман. — Когда-то... я хотел... иметь семью... детей... сына... вот и всё...

Куньбек Янгуй повернул голову к Хаан-беку, внимательно посмотрел, о чём-то ненадолго задумался, затем вновь повернулся к главному шаману и сказал:

— Мой мудрец, ты слышишь меня?

— Да, — прошептал главный шаман. Его голос сильно ослаб.

— Мой мудрец, у тебя есть сын, — тихо произнёс куньбек Янгуй и замолчал.

Шаман посмотрел на него, и в его глазах появилось едва заметное удивление.

— Да, мой мудрец, у тебя есть сын. Твой единокровный сын. Твоей мечте суждено было сбыться. Прости меня, мой мудрец, он был рождён твоей избранницей от тебя. Она умерла во время родов. Я не сказал тебе всей правды. Теперь ты знаешь всё. У меня больше нет от тебя никаких тайн, — куньбек Янгуй старался говорить очень внятно, боясь, что главный шаман может чего-то не услышать или не понять.

— Где он? — пытаюсь поднять голову, спросил главный шаман, в его глазах мелькнула прежняя сила, но тут же стала угасать, и он обессиленно опустил голову на подушку.

— Вот он, — куньбек Янгуй повернул голову к Хаан-беку, взял его за руку и потянул к главному шаману.

Хаан-бек ничего не понимал, но приблизился к главному шаману. Тот посмотрел на него и вопрошающе прошептал:

— Хаан-бек?

— Да, мой мудрец, твой сын Хаан-бек. Верь мне. Теперь я сказал тебе всю правду, — куньбек Янгуй смотрел в глаза главному шаману.

— Хаан-бек... мой сын... — учащённо дыша, прошептал главный шаман. — Хвала... Небесам... — Главный шаман закрыл глаза, тихо выдохнул слабой грудью и перестал дышать. Он умер.

«Прости меня, мой мудрец. Я так и не сумел свыкнуться с мыслью о том, что ты будешь принадлежать ещё кому-то, кроме меня, даже твоему родному сыну», — глядя на покинувшего этот мир старого друга, с искренним сожалением подумал куньбек Янгуй.

* * *

Двенадцать шаманов, исполняя последнюю волю главного шамана, предали его тело земле втайне ото всех людей и в месте, о котором никто не знал. Траур по усопшему длился три дня на всей земле усуней. На седьмой день со дня кончины старца оставшиеся избрали нового главного шамана, наиболее достойного среди них. Теперь их стало на одного меньше.

* * *

Семь дней, прошедших со дня похорон главного шамана, Хаан-бек провёл в уединении в своём жилище. Несколько раз заходили шаманы с вестью, что куньбек Янгуй желает его видеть у себя,

но он молча смотрел на них, и они удалялись, сообщая своим собратьям, прибывшим из главного поселения шаманов, куда и посылал правитель своих гонцов, о его недомогании. Они не знали об истинных причинах поведения Хаан-бека и принимали его как великую скорбь по старцу.

Хаан-бек ничего не ел, лишь изредка утолял жажду водой. Чувствовал он себя прескверно. Хотя ничего в его теле не болело, но боль была где-то внутри, и она была саднящей и ноющей и пока не отпускала его.

«Может быть, всё-таки правитель решил сделать приятное главному шаману в последние мгновения жизни, сказав о том, что я его сын, а на самом деле это неправда, просто он пытался напоследок утешить старца? Я сирота, и особого греха в этих словах правителя вроде как нет. Просто правитель подумал, что так умирающий с лёгкой душой покинет этот мир. Ведь в последних предсмертных словах главный шаман сказал о мечте иметь детей, иметь сына... Вот и решил правитель назвать меня его сыном, понимая его состояние, — в который раз за эти дни думал Хаан-бек. — Иначе, если это всё правда, почему он не сообщил старцу об этом раньше? Что могло мешать этому? Разве могут быть какие-то препятствия для этого? Как можно было не сказать об этом раньше, а сообщить в самый последний миг его жизни? Прожить с ним бок о бок столько лет, пользуясь его удивительными способностями, считая его своим другом, и при этом держать в тайне наличие у него сына, это разве по-человечески? Разве так поступают по отношению к другому человеку, которого уважают и чтут? Нет, так не поступают. Так нельзя поступать никогда, иначе это не уважение и не почитание, а унижение и издевательство!.. В который уже раз думаю над этим, а понять всё равно ничего не могу... Может быть, правитель и вызывает меня к себе все эти дни, чтобы объяснить всё? Может быть. Я могу допустить, что всё-таки всё это правда, и я сын главного шамана, и у правителя были какие-то причины на то, чтобы не говорить старцу об этом, но тогда почему он не сказал мне? Он мог не объяснять причин и запретить говорить об этом с главным шаманом. Мог, но не стал даже так поступать! Ни мне, ни ему он ничего об этом никогда не говорил и только при смерти главного шамана был вынужден открыть нам эту тайну. Что скрывается за ней? Видимо, что-то очень важное, коль правитель так долго хранил её

в себе. Хотя я не уверен в том, что он раскроет её мне, но всё же на рассвете отправлюсь к нему на встречу. Послушаю, что он скажет».

* * *

Начальник личной охраны куньбека Янгуя сотник Риза почтительно встретил Хаан-бека перед главной трёхглавой юртой, сбегав по ступенькам террасы ему навстречу и сопроводив до двери. Хаан-бек заметил, что у длинной коновязи стоит более десятка скакунов.

Перед тронем-скамьёй, на котором в новых одеждах восседал куньбек Янгуй, на подушках по правую и левую руку от него в два ряда лицом друг к другу сидели дуглу Наби-бек, сян Дуглу Юити-бек, цзо дуглу Бэйтими-бек, ю дуглу Карами-бек, ю дуглу Демир-бек и военачальники самого высокого ранга, в том числе и тысячники Бурчук, Боранды и Ихлас, новый командующий войсками главного крыла. Сановники рангом пониже: дагяни, дуюйи, дали, шечжундали и кигюни стояли в двух шагах за их спинами. Хаан-бек подошёл к ближним из сидящих беков, встал на середину ковра, приложил руку к груди и низко склонил голову. Все во главе с правителем также приветствовали его.

— Доблестные мои беки и военачальники, слушайте мою волю, — поднявшись на ноги, начал куньбек Янгуй. Все сидящие тут же встали. Куньбек Янгуй окинул их строгим взглядом и продолжил: — Я назначаю Хаан-бека властителем главного крыла усуней и дарую ему наследный титул сян дуглу. Отныне всем обращаться к Хаан-беку в соответствии с его новым положением — властитель главного крыла усуней сян дуглу Хаан-бек. Кроме того, я объявляю о помолвке моей дочери Дильбар и сян дуглу Хаан-бека. — Куньбек Янгуй выдержал паузу и обратился к Хаан-беку: — Подойди ко мне, сян дуглу Хаан-бек.

Хаан-бек пребывал в полной растерянности от решений куньбека Янгуя, объявленных им на высшем совете усуней. Новость о том, что он получил наследный титул сян дуглу, да к тому же минова титулы ю дуглу и цзо дуглу, была для него неожиданной. Ещё больше удивило назначение его властителем главного, центрального крыла усуней, где находится ставка самого правителя. Но даже и не это поразило его более всего. Больше, нежели две предыдущие новости, его потрясло известие о помолвке с дочерью правителя

Дильбар. Он не мог поверить во всё это и не услышал последних слов правителя. Подняв голову, Хаан-бек увидел, что все молча и вопрошающе взирают на него. Он взглянул на куньбека Янгуй. Правитель тоже смотрел на него, затем, видимо поняв его состояние, повторил своё обращение:

— Подойди ко мне, сян дуглу Хаан-бек.

Хаан-бек прошёл по ковру между беками и военачальниками и встал перед куньбеком Янгум, склонив голову и прижав руку к груди. Справа к куньбеку Янгую приблизился один из дагяней, держа на вытянутых руках небольшой поднос из золота. Куньбек Янгуй взял с подноса золотую цепь с медальоном из золота и аккуратно повесил её на шею Хаан-бека. На медальоне был барельеф оленя — символ властителя главного стойбища усуней.

— Благодарю тебя, куньбек Янгуй, за столь высокую честь, оказанную мне, — стараясь говорить тихо, но, как всегда, громко и ясно произнёс сян дуглу Хаан-бек и отступил от правителя. Он заметил, как от дуглу Наби-бека чуть в сторону отодвинулся сян дуглу Юити-бек, освобождая место для него. Сян дуглу Хаан-бек прошёл на это место между дуглу Наби-беком и сян дуглу Юити-беком, что соответствовало его новому положению. Куньбек Янгуй, наблюдавший за ними, с довольным видом кивнул.

— Доблестные мои беки и военачальники, в течение этих дней мы подробно обсудили все самые главные вопросы на высшем совете. Всем отбывающим я желаю доброй дороги. На этом высший совет я объявляю закрытым, — куньбек Янгуй прижал ладонь к груди и слегка кивнул.

Все по очереди, начиная с самых низших в иерархии власти, стали выходить на середину ковра, кланяться правителю, прижимая руку к груди и отступать к выходу. Когда в юрте остались сян дуглу Хаан-бек и дуглу Наби-бек, который должен был покинуть юрту последним, куньбек Янгуй обратился к сян дуглу Хаан-беку с просьбой остаться. Наби-бек вышел из юрты.

— Прошу, сян дуглу Хаан-бек, присаживайся, — опускаясь на место на троне, жестом предложил куньбек Янгуй. Дождавшись, пока Хаан-бек займёт своё место на второй справа подушке для сиденья, куньбек Янгуй, посмотрев в его покрасневшие от бессонницы глаза, начал тихо говорить: — Я понимаю, ты был очень близок с покойным главным шаманом. Утрата для всех нас очень велика.

Ничего не поделаешь, на всё воля Небес. Тебе следует завершить траур и приступить к своим новым обязанностям. Чем раньше ты это сделаешь, тем быстрее вернёшься к нормальной жизни. Но я не для этого оставил тебя здесь. В силу обстоятельств ты стал свидетелем очень важного события. Ты понимаешь, о чём я говорю. Для тебя то моё откровение с главным шаманом было большой неожиданностью, и я уверен, что у тебя возникло много вопросов ко мне. Дабы не держать тебя в полном неведении, скажу только одно. Пока я не могу поделиться всем, что знаю и долгие годы храню в тайне ото всех. Однажды, может быть, наступит время для нашего с тобой откровенного разговора, но оно ещё не пришло. Лишь об одном, дабы хоть как-то успокоить тебя, могу сказать точно. Ты действительно являешься сыном покойного главного шамана. И ты, и он впервые узнали об этом перед его кончиной. Ему я не говорил об этом по одной причине: если бы он узнал всю правду, то она очень навредила бы ему и он не только не стал бы главным шаманом, но и не дожил бы до своих лет. Тебе же я не сказал об этом только потому, что замещал тебе отца всю твою жизнь. — Куньбек Янгуй замолчал, глядя в глаза Хаан-беку, затем завершил: — Сян дуглу Хаан-бек, тебе не стоит много думать об этом. Прояви терпение и однажды, возможно, узнаешь всё. Не так давно между мною и главным шаманом состоялся очень серьёзный разговор, связанный с этой тайной. От меня он узнал всё, кроме того, что у него есть сын и этим сыном являешься ты. О чём он тоже узнал, хотя и перед своей кончиной. А теперь ступай и отдохни. Отныне ты будешь жить здесь, в главном стойбище. Для тебя возвели юрту. Сотник Риза покажет тебе её.

* * *

Начальник личной охраны правителя сотник Риза сопровождал сян дуглу Хаан-бека к его новому жилищу и, пожелав доброго отдыха, отбыл обратно. Юрта была новой, и всё убранство в ней тоже было новым. В очаге горели дрова, и от исходящего ими жара было тепло. Хаан-бек у порога сбил снег с сапог и стал медленно обходить юрту, осматривая её и касаясь руками ковров, висевших на стенах, заглянул за кожаный полог в спальную часть, где увидел аккуратно заправленную постель, затем прошёл на главное место, где поверх расстеленных на полу ковров лежали мягко выделанные

овечьи шкуры и большие подушки для сиденья. Сняв шубу и шапку, он опустился на шкуры, провёл по ним ладонями, затем устало откинулся на спину и закрыл глаза. Он не заметил, как крепко уснул впервые за последние дни.

Пробудился он оттого, что сквозь сон почувствовал, что в юрте есть кто-то ещё. Открыв глаза и взявшись рукой за рукоять меча, он присел. Возле очага спиной к нему стояла девушка и что-то делала.

— Кто ты? — тихо обратился к ней Хаан-бек, но его могучий голос напугал её, и было видно, как она вздрогнула, прежде чем повернулась к нему, прижав руки к груди.

— Дильбар?! — увидев её лицо, удивился Хаан-бек и поднялся.

— Да, это я, — опустив голову, тихо ответила она.

— Что ты здесь делаешь? — подойдя к ней, спросил Хаан-бек.

— Огонь едва не погас, вот я и подложила в него дрова, — пожалала она плечами, смотря ему прямо в глаза.

— Почему ты это делаешь? Почему ты здесь? — недоумевал Хаан-бек.

— Хаан-бек, здесь всё я подготовила, — Дильбар обвела взором юрту и развела руки в стороны. — Я готовила тебе эту юрту.

— Ничего не понимаю. Почему ты готовила мне юрту? Разве больше некому заняться этим? — вновь удивился Хаан-бек.

— Мне это было нетрудно, — спокойно сказала Дильбар. — К тому же меня об этом попросил мой отец.

— Правитель?! — ещё больше удивился Хаан-бек.

— Да, — кивнула Дильбар и стала обходить юрту, нежно касаясь пальцами ковров на стенах и разглядывая их, как это делал Хаан-бек некоторое время назад.

— Что же, здесь всё очень красиво и уютно. Ты очень способная, и видно, что старалась, — вернувшись на своё место и опустившись на шкуру, довольно произнёс Хаан-бек. — Проходи, Дильбар, присаживайся.

Дильбар подошла и опустилась на одну из подушек для сиденья. Они посмотрели друг на друга и тут же отвели взоры. Дильбар нервно сжимала одну ладонь в другой, смотря на огонь, а Хаан-бек одной рукой разглаживал шерсть на шкуре, внимательно рассматривая её, а другую положил себе за пазуху. Какое-то время они так

и сидели, молча и не смотря друг на друга, пока Дильбар не взглянула на Хаан-бека:

— Уже поздно. Я пойду. Твоя прислуга скоро принесёт тебе еду.

Хаан-бек посмотрел на неё, затем взглянул на дымоходное отверстие в центре свода: небо было тёмное. Он вновь перевёл взгляд на Дильбар и кивнул, соглашаясь с её словами. Девушка поднялась. Хаан-бек тоже встал. Она подошла к своей шубке, что лежала у стены рядом со входом, надела её и вышла из юрты. Хаан-бек ещё долго стоял и смотрел на дверь, потом опустился на место, откинулся на спину, заложил руки за голову и уставился в потолок.

«Ещё вчера у меня ничего не было, а теперь есть красивое жилище, я стал властителем главного стойбища и всех стойбищ в этом крыле, получил наследный титул сян дуглу, который будут носить мои сыновья, мои внуки и все мои потомки, я вышел из тени правителя, и меня узнали все сановники, да к тому же я уже почти зять самого могущественного правителя усуней. М-да, ну и дела... Вдобавок ко всему дочь правителя хороша собой, неглупа и умелица, каких ещё нужно искать. Странно всё это... Не успел я подумать о вхождении во власть над своим народом, как вдруг она сама меня приблизила к себе велениями правителя. В такое невозможно поверить, но это уже правда... Почему же мне не стыдно за свои ночные мысли? Может быть, потому, что я был честен с собой, откровенен в своих дерзновенных желаниях? Может быть. Трудно всё это понять... Для меня всё складывается очень даже хорошо. Но что теперь делать? Как поступить с Яншенуком? В том, что его нужно возводить во власть над канглами, нет сомнений, но как быть с его чувствами к Дильбар? Ей немного легче, ведь она считает его умершим от болезни и, видимо, уже смирилась. А вот с ним как поступить? Я почти пообещал, что он и Дильбар будут вместе, когда он станет правителем канглов. Он верит мне, поскольку считает, что за моими словами и обещаниями стоит наш правитель. Впрочем, тогда и она узнает о том, что он жив. Что может произойти после этого?... Дильбар, скорее всего, начнёт выяснять у меня, как всё случилось. Сказать ей неправду я не смогу. Она возненавидит меня... Вот чем всё закончится... Моя семья, едва возникнув, сразу распадётся. Так нужно ли, зная это наперёд, создавать её? Не знаю. Её отец, конечно же, станет настаивать на сохранении семьи и по-

пытается убедить дочь, но и ему, и всем известен её своенравный характер. Хотя следует признать, что она с некоторых пор изменилась. Что-то в ней стало другим. Похоже, какой-то надлом произошёл в её душе. Но она девушка гордая и не станет жить со мной, даже если у нас с ней появится ребёнок к этому времени. Она не посмеет уйти от меня только в одном случае: если я стану правителем вместо её отца. Я не позволю ей сделать это. Ослушаться тогда она не сможет... Однако возникает новый вопрос. После всего, что сегодня сделал для меня правитель, стоит ли стремиться на его место, как я решил вчера? Полагаю, что нет, не стоит. Теперь, обладая властью и титулами, да к тому же став его зятем, я превращаюсь в единственного его наследника, а он не вечен. Так к чему рисковать, если всё однажды произойдёт так, как ему и положено, согласно существующим традициям... Мне следует явиться к правителю и поделиться с ним планами относительно Яншенука. Так будет правильно. Я расскажу ему обо всём, кроме отношений между Яншенуком и его дочерью. Главного шамана, то есть моего отца, уже нет в живых, и правителю не удастся узнать, почему он на самом деле скрыл сведения о выздоровлении Яншенука и спрятал его в дальнем селении. Наби-бек ничего не скажет. Ему это не нужно. Он всё делал, чтобы правитель не узнал об этом. Шаманов правитель не станет спрашивать об этом из уважения к памяти главного шамана... Ну и, конечно же, я не скажу правителю о золоте Даута. Мало ли что может произойти в жизни, и оно мне не помешает. Его я заберу у шаманов и спрячу в надёжном месте. Шаманы же по своей воле никогда никому ни о чём, что им известно, и ни о ком не говорят. Таковы их правила».

Обдумав всё, что произошло и приняв окончательное решение, Хаан-бек уснул.

* * *

Иджими уже знал о приезде Джуйи с отцом, который принимал участие в заседании высшего совета. Оставив дочь здесь, в главном стойбище, властитель восточного крыла цзо дуглу Бэйtimi-бек отбыл обратно. Иджими, дождавшись этого, приехал к юрте Джуйи. Не успел он поднять руку, чтобы постучать по дверному косяку, как на пороге появилась Джуйя. Она вышла и замерла, смотря ему в глаза.

— Джуйя, как хорошо, что ты приехала! — радостно улыбнулся Иджими.

— Иджими, зачем ты здесь? — не разделяя его радости, строго спросила Джуйя.

— Как зачем?! С тобой увидаться, — удивился Иджими.

— Увидел? А теперь уходи, — Джуйя развернулась и скрылась в юрте.

Иджими растерянно постоял перед входом, затем решительно вошёл в юрту.

Джуйя сидела на дальней стороне жилища. Иджими потопал на месте, сбивая снег с сапог, затем снял шубу и шапку, положил их и подошёл к Джуйе. Она отвернулась. Иджими присел рядом с ней и коснулся пальцами её плеча. Она слегка отодвинулась. Иджими улыбнулся, окинул взором юрту и откинулся на спину, заложив руки за голову. Джуйя возмущённо посмотрела на него.

— Ах так, да? Тогда я уйду, а ты лежи здесь сколько хочешь.

Она хотела подняться, но Иджими поймал её за руку и потянул к себе. Джуйя упала возле него, но вновь подняться не попыталась, а посмотрела пристально, разглядывая его лицо.

— Ты не приехал за мной. Почему? Я ждала, — прошептала она, нежно проведя пальцем по его щеке.

— А я за глупыми девушками не собираюсь ездить, — улыбнулся Иджими.

— Ах так! Это я глупая? — Джуйя возмущённо села. — За девушками? Это кого ты имеешь в виду? Так их много у тебя?!

— Ну, как тебе сказать, — нарочито нахмутив брови, начал Иджими. — Я юноша видный, и девушки заглядываются на меня. А ты как думала?

— Ах вот так даже, да?!

Джуйя возмутилась и стала кулачками колотить его по груди. Иджими засмеялся и прижал её к себе. Джуйя сделала лёгкую попытку вырваться из объятий, затем притихла и прижалась головой к его груди. Иджими гладил её по волосам.

— Тук, тук-тук, — прошептала Джуйя, прислушиваясь к биению его сердца.

Они долго лежали в тишине под треск дров в очаге, и им вновь было очень хорошо вместе.

— Хочешь, я расскажу тебе, почему ты уехала? — вдруг тихо не столько спросил, сколько предложил Иджими.

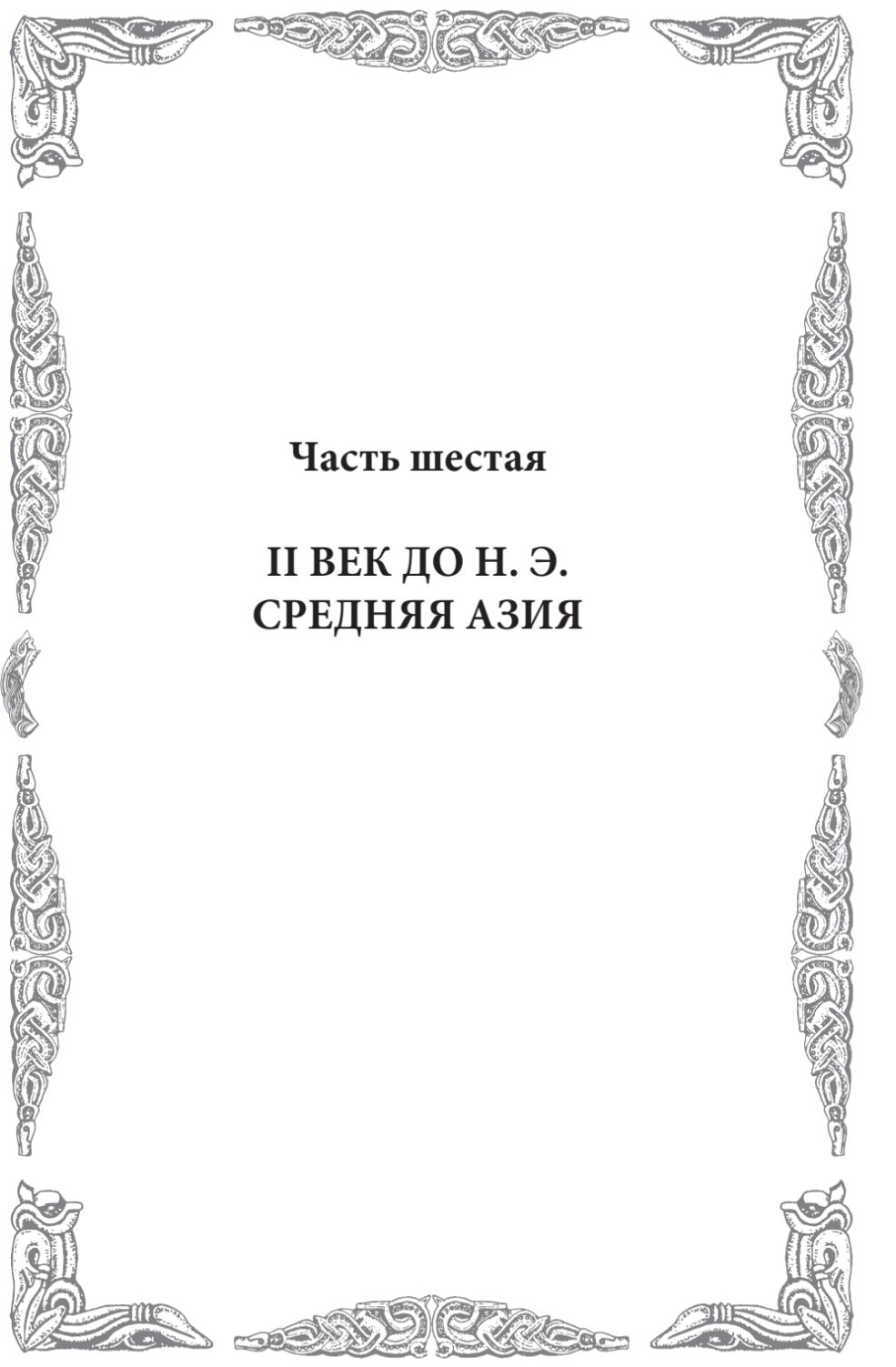
— Не нужно. Я знаю, что ты догадался, — прошептала Джуйя.

— Не делай так больше, хорошо?

— Хорошо, не буду.

* * *

— Собирайтесь в дорогу, Яншенук, — пригласив молодого человека к себе в жилище в дальнем селении шаманов, распорядился сян дуглу Хаан-бек. — Правитель отдал распоряжение отправить вас троих в ваши земли. Пора начинать действовать. До ваших земель вас сопроводит наш отряд. Там вас встретит человек по имени Берджу. Он проведёт вас тайными путями прямо в главное стойбище. У него и поселитесь. Он торговец и будет выдавать вас за своих помощников. Золото для тебя приготовлено. Его должно хватить на всё, в том числе и на подкуп высоких сановников и военачальников из окружения Фатих-шаха. Главный визирь Джарбаш сведёт тебя со всеми преданными ему людьми. Это ты и сам знаешь. Ну а дальше действуй сам, Яншенук. Больше тебе помочь я ничем не смогу. Если случится, что твой дядя захочет тебя наказать, уходи к нам. Берджу выручит. Всеми своими планами делись только с главным визирем Джарбашем — и больше ни с кем, даже с Берджу. Это не из-за недоверия к нему, а только потому, что у него есть свои обязанности.

Часть шестая

II ВЕК ДО Н. Э.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Г Л А В А   П Е Р В А Я

«Я не сдержал данного куньбеку Янгую обещания согласно нашей договорённости. Фатих-шах вторгся в его земли, и я должен был, как только узнал об этом, сразу же вступить в войну с канглами. Вот и вскрылся обман... Как я мог это сделать, если на самом деле Хан-суна-шах не собирался ни воевать с канглами, ни вступать с ними в военный союз, в чём я заверил правителя усуней? Я обещал куньбеку Янгую противостоять возникновению этого союза и, казалось, сумел обмануть его. Поскольку мы не поддерживали канглов, то это выглядело, будто мне удалось помешать повелителю. Но в итоге всё получилось не так, как я хотел... Да, когда куньбек Янгуй увидел, что канглы пришли в земли без участия огузов, он ещё мог поверить в соблюдение данного ему обещания, но когда осознал, что я не сумел выступить против канглов одновременно с ним, то понял всё. Теперь он знает, что между огузами и канглами нет никакой договорённости о совместной войне, и что это вовсе не моя заслуга, и к тому же что я не способен быть верным своему слову, так как не обладаю необходимой для борьбы силой, а всецело нахожусь под властью Хан-суна-шаха. Хоть это не так на самом деле, но он подумает именно так... Не следовало обманывать куньбека Янгую и давать несбыточных обещаний, и тогда, возможно, он хоть как-то понял бы меня. Кто бы мог подумать, что Фатих-шах начнёт военные действия зимой? Вот это-то и навредило больше всего! Теперь, получается, я упустил свой шанс свергнуть повелителя при содействии куньбека Янгую. Ну что же, придётся обходиться собственными силами и действовать в соответствии с моим старым планом», — тяжёлые мысли одолевали визиря Карима, когда вошёл стражник и сообщил, что прибыл визирь Алпан и хочет поговорить с ним.

«А этому что нужно?» — подумал визирь Карим. В юрту вошёл визирь Алпан, стройный моложавый мужчина с раскосыми узки-

ми глазами, в которых навсегда поселилась усмешка. Стражник тоже вернулся в юрту. Визирь приветствовали друг друга почти-тельным жестом.

— Проходи, визирь Алпан, будь гостем, — пытаюсь выглядеть вежливым, пригласил визирь Карим.

Вошедший снял шубу, отдал её стражнику, прошёл на дальнюю половину юрты и присел на одну из подушек, укрытую шкурой. Визирь Карим опустился на своё место и посмотрел на гостя.

Визирь Алпан погладил бороду, окинул взором юрту и взглянул на визиря Карима:

— Чем ты так раздражён, визирь Карим? Я не так часто бываю у тебя, чтобы успеть надоесть.

— Визирь Алпан, ты всегда так смотришь, словно усмехаешься. Тебя сложно спокойно воспринимать. Не сердись, но это так, — пытаюсь улыбнуться, произнёс визирь Карим.

— Это верно, визирь Карим, я от многих слышу подобные слова, но что поделать, если я родился с такой внешностью. Не всем же быть красавцами, как ты, — спокойно развёл руками визирь Алпан.

— Ну, довольно об этом, — махнул рукой визирь Карим. — Говори, зачем пришёл. Насколько я тебя знаю, ты ничего просто так не делаешь и не являешься любителем праздности.

— Хорошо, визирь Карим, время дорого, согласен с тобой, — кивнул визирь Алпан. — Скажи, визирь Карим, как ты относишься к великому визирю Майсуру? Не надоел он тебе своими вечными придирами? Что касается меня, так он житья спокойного не даёт. — Визирь Алпан в сердцах ударил рукой по колену. — Вот и теперь я приехал от повелителя. Он срочно вызвал меня к себе, а там великий визирь... Чего только я не услышал! И в одном, и в другом я, оказывается, повинен. Во всём меня обвинил перед повелителем. И так постоянно, каждый раз. Если при повелителе такое говорит, то даже представить себе не могу, что наговаривает в моё отсутствие. Кстати, он и о тебе тоже отозвался весьма недовольно, вот я и решил навестить тебя и поговорить. Почему он срывает зло на нас с тобой?! Причём старается делать это всегда при повелителе. При встречах вне стен главной юрты ведёт себя совершенно иначе, словно другой человек! Что такого плохого мы с тобой сделали, а? Я же вижу, да и все давно заметили, что к тебе он относится почти с ненавистью. Почему так? Что ему от нас

нужно? Где мы с тобой перешли ему дорогу? Вот скажи, визирь Карим, что делать? Как терпеть дальше? Порой я готов разорвать его на части голыми руками. При одном воспоминании о нём в жилах кровь закипает. — Визирь Алпан побагровел, сжал кулаки и со злостью мотнул головой.

— А какого совета ты, визирь Алпан, ждёшь? — видя его состояние, строго спросил визирь Карим и уже более спокойно продолжил: — Терпи. Я же терплю. Что я могу тебе сказать... Майсур — великий визирь и самый приближённый к повелителю сановник. Что ты хочешь услышать? Ты сам же говоришь, что готов разорвать его голыми руками, а теперь представь, что и он так хочет поступить со мной, когда видит меня. Думаешь, мне легко сносить его несправедливое отношение? Он обо всём, что услышит или узнает от кого-то обо мне, сразу бежит и докладывает повелителю, а повелитель тут же вызывает меня, высказывает недовольство и винит во всех грехах, будто я один творю повсюду зло и желаю навредить. Повелитель настолько верит словам великого визиря, что не удосуживается проверить, правдивы ли они. А ты спрашиваешь, как быть... Я откуда знаю. У меня положение ещё хуже, чем у тебя, и ты знаешь почему, — визирь Карим замолчал, нервно сжал пальцы в замок и отвёл глаза.

Оба молчали и смотрели в разные стороны, пока визирь Карим не взглянул на визиря Алпана и не спросил:

— Что ты предлагаешь? Говори без утайки. Ты знаешь меня.

— Есть только один способ избавиться от него раз и навсегда, — визирь Алпан посмотрел в глаза визирю Кариму. — Нужно убить его. Другого выхода нет. С любым другим сановником, кто займёт его место, нам с тобой будет легче. С любым, визирь Карим.

— Ну ты и удивил меня, визирь Алпан! От кого другого, но не от тебя можно было ожидать такое. Видать, и впрямь дошёл до отчаяния, раз ты готов пойти на крайнюю меру, — искренне удивившись предложению собеседника, произнёс визирь Карим.

— Я не шучу, визирь Карим, мне не до шуток. Я не сказал главного. Знаешь, что предложил великий визирь повелителю при мне только что? В виде наказания предложил временно сместить меня до командующего дозорными войсками. Вот что он предложил, — визирь Алпан замолчал, сжал губы и опустил голову.

— Как так? — ещё больше удивился визирь Карим. — Повелитель не смеет так поступить. Ты же потомок очень знатного рода. Всем известно это. Ты по праву занимаешь пост визиря.

— О чём ты говоришь, визирь Карим? — подняв голову и посмотрев ему в глаза, с сарказмом в голосе ответил визирь Алпан. — Ты, потомок более знатного рода, нежели мой, равного с родом самого повелителя, являешься всего лишь визирем, хотя по праву должен быть великим визирем. Что обо мне-то в таком случае говорить? Кто я и кто ты, визирь Карим. Кстати, и кто великий визирь Майсур. Всем известно, что его род не столь значим даже в сравнении с моим, но, однако, он — великий визирь, а по справедливости ему нет места даже среди визирей. Вот как бывает. Так что, возможно, скоро я стану военачальником, а моё место, как я понял, займёт зять великого визиря Майсура тысячник Ирек. А ты мне про знатный род и про справедливость толкуешь! Какое это теперь имеет значение? Никакого. Теперь ты понимаешь, к чему были все эти постоянные придирки со стороны великого визиря в присутствии повелителя. Вода камень точит. Воистину так. Он добился своего. Хотя повелитель не принял окончательного решения, но думаю, что всё так и будет. А теперь подумай о себе и о своём положении и ты, визирь Карим. Видишь, к чему всё это придумал великий визирь? Меня он уже почти сместил. Теперь твоя очередь. — Визирь Алпан всё время говорил серьёзно, но в конце грустно улыбнулся и добавил: — У него много дочерей, и, стало быть, зятьёв тоже много. Теперь ты понимаешь, почему я пришёл к тебе? Тебя ожидает та же участь, что почти постигла меня, визирь Карим. Я говорю почти только потому, что ещё надеюсь на то, что повелитель не станет меня смещать, но при такой настойчивости великого визиря однажды это всё-таки случится. Не теперь, так потом. — Визирь Алпан провёл ладонью по лицу, встал и произнёс напоследок: — Пора мне уходить, визирь Карим, а ты подумай о том, что я предложил. Не спеши отказывать. Вдвоём нам будет легче справиться с нависшей над нами бедой.

Визирь Карим тоже поднялся на ноги. Он пристально посмотрел в глаза визирю Алпану и кивнул, давая понять, что подумает. Визирь Алпан надел шубу и вышел из юрты.

«Прав визирь Алпан. Во всём прав. Майсур ведёт себя очень смело, так как его безоговорочно всегда и во всём поддерживает повелитель. Вдвоём они действительно сильны. Майсуру в уме не откажешь. Что есть, то есть. Одно то, как он преподносит свои советы повелителю, достойно восхищения. Предварительно до мелочей всё обдумав по какому-либо вопросу и приняв окончательное решение, Майсур идёт к повелителю и излагает всё очень тщательно, но при этом как бы обдумывая всё это при нём, делая вид, что заранее ничего не готовил. Постепенно подводит повелителя к своему решению, но делает это настолько искусно, что всё выглядит так, будто сам повелитель додумался до такого. Ну а когда повелитель наконец-то всё понимает и повторяет Майсуру его же решение, выдавая за своё, Майсур с восторгом принимает его и при этом обязательно подчёркивает глубину мышления повелителя. Ох уж этот Майсур... Он словно слизь, которую невозможно ни сжать в руке, ни удержать силой. Всё время выскальзывает между пальцами. Повелитель, возможно, догадывается об этой уловке Майсура, но ему это нравится и вполне устраивает, так как Майсур никогда не претендует на первенство в разговорах и суждениях, всем видом показывая, насколько повелитель умнее всех своих подданных, в том числе и его самого. Такое поведение Майсура действительно свидетельствует о незаурядных способностях, за которыми, безусловно, таятся ум, хитрость и богатый жизненный опыт. Визирь Алпан очень зол на Майсура, но, как я понял, считает только его виновным в том, что с ним происходит. Он совершенно не думает о том, что главным недоброжелателем является не Майсур, а сам повелитель. Избавившись от Майсура, визирь Алпан надеется на другую, более достойную и спокойную жизнь. Глупец... — размышлял визирь Карим над словами и предложением визиря Алпана. — А что, если визирь Алпан подослан Майсуром или даже самим повелителем? Что, если кто-то из них или они вместе решили устроить мне ловушку? Этот Алпан никогда не был близок ко мне, и его приход выглядит довольно странным. Он никогда не появлялся в моём жилище, а тут вдруг навестил, дабы излить душу и высказать обиды на Майсура. Почему он пришёл именно ко мне, ведь у него наверняка есть друзья? Что-то здесь не так... Причину прихода объяснил

сложной ситуацией, в которой якобы оказался он и могу оказаться я. Он как бы решил предупредить об опасности, нависшей и надо мной, и предложил совместно противостоять ей. С одной стороны, зная о том, что между мной и повелителем, а равно и Майсуром, весьма сложные отношения, Алпан вполне мог бы прийти ко мне и попытаться найти во мне союзника, что и сделал. Но с другой — его откровения и очень опасное предложение мне, человеку совершенно чужому, невольно наводит на мысль о западне, устроенной по чьему-то велению. Во всяком случае, о попытке сделать это. Как разобраться? Где правда и где ложь? Если я схвачу его и доставлю к повелителю как предателя, то, окажись он не таковым на самом деле, я потеряю человека, которого можно было бы использовать в борьбе против Майсура и в итоге против повелителя. Но, если я этого не сделаю, а он действует по указанию, тогда могу угодить в ловушку. Чтобы не совершить ошибки, остаётся только одно. Отказать и считать, что этого разговора между нами не было... Меня пугает другое. Этот визит очень неожиданный, но случился он перед самым началом действий по свержению Хан-суна-шаха. Что бы это значило? Неужели повелителю что-то известно о моих планах? Всё может быть... Но тогда почему он прислал этого визиря, а не людей для взятия под стражу? Значит, всё-таки визирь пришёл по своей воле, и у меня есть время для подготовки. Очень надеюсь на то, что в оставшиеся дни никто не помешает мне достичь наконец цели. К тому же всё уже почти готово. Все мои люди на местах и ждут сигнала к действию».

* * *

Прошло три дня. Визирь Карим был в своей юрте, когда срочно прибыл гонец от повелителя и передал веление немедленно явиться. Визирь Карим быстро собрался и спешно прибыл к главной юрте. Ещё издали он заметил многолюдность и суету. Кто-то приезжал, кто-то отъезжал. Всюду находились тысячники, которые отдавали приказы сотникам. Ничего не понимая, визирь Карим вошёл в юрту. Помимо Хан-суна-шаха, в ней были визири и военачальники. Повелитель с озабоченным видом восседал на троне. Все остальные стояли по обе руки перед ним. Визирь Карим приложил руку к груди, поклонился повелителю и занял своё место. Хан-суна-шах даже не взглянул на него. Визирь Карим окинул взором всех стоя-

щих и заметил, что здесь не было великого визиря Майсура и визиря Алпана.

— Что случилось, визирь Аслан? — наклонив голову к стоящему рядом визирю Аслану, тихо спросил визирь Карим.

— Совершенно покушение на великого визиря Майсура, — прошептал тот на ухо.

— Покушение? — удивился визирь Карим.

— Да, визирь Карим, утром, когда он направлялся сюда, — пояснил визирь Аслан.

— Он жив? Кто покушался? — спросил визирь Карим.

— Я не знаю, жив ли он, но того, кто покушался, убили, — ответил визирь Аслан.

— Надо же... Да, я заметил, что великого визиря здесь нет, и это показалось мне странным, — произнёс визирь Карим и вновь спросил: — И визиря Алпана не вижу что-то. Он-то где?

— Его нет. Никто не знает, почему он до сих пор не явился. За ним посылали уже дважды, — пожал плечами визирь Аслан.

— Понятно. Вернее, ничего не понятно, — прошептал визирь Карим.

— Вот и мне тоже, — согласился визирь Аслан.

— Сябаши Тычахтай, — нарушив тишину, Хан-суна-шах сурово и громко обратился к командующему армией огузов.

Тычахтай вышел на середину, приложил руку к груди и склонил голову в ожидании велений. Все тут же перестали шептаться и выпрямились.

— Ты окружил стойбище? — спросил повелитель, сверля его жёстким взглядом.

— Да, повелитель, — подтвердил сябаши Тычахтай.

— Кого задержали? — сурово осведомился Хан-суна-шах.

— Нескольких торговцев с небольшими караванами, повелитель. Они собирались покинуть стойбище. Их допрашивают, — чётко отвечал сябаши Тычахтай.

— Почему мне до сих пор ничего не известно?! — почти закричал Хан-суна-шах. — Твои люди не могут развязать им языки? Немедленно узнай и доложи!

— Повинуюсь, повелитель, — сябаши Тычахтай развернулся и выбежал из юрты.

— Все покиньте юрту и ждите моих велений снаружи, — раздражённо бросил Хан-суна-шах и шевельнул пальцами правой руки, словно стряхнул пыль с колена.

Все стали быстро кланяться и спешно удаляться из юрты.

— Визирь Карим, а ты останься, — повелел Хан-суна-шах.

Визирь Карим спокойно подошёл к повелителю и встал перед ним в нескольких шагах, смотря прямо ему в глаза и думая: «Даже Небесам, как я вижу, это угодно. Вот она, самая подходящая ситуация. Главное, всё сделать спокойно и основательно».

— Тебе известно, что случилось? — не так сурово, как прежде, потребовал Хан-суна-шах.

— Да, повелитель, я только что узнал об этом, — сдержанно промолвил визирь Карим.

— Великий визирь Майсур в очень тяжёлом состоянии, — вздохнув, изрёк Хан-суна-шах, помолчал и продолжил: — Что ты думаешь по этому поводу?

— Прости, повелитель, но у великого визиря Майсура всегда было много недоброжелателей. Может быть, кому-то из них он навредил больше, чем другим, — спокойно отозвался визирь Карим.

— Вижу, что ты не очень-то озабочен случившимся. Может, стоит проявить больше сочувствия, учитывая тяжесть его состояния? — недовольно произнёс Хан-суна-шах.

— Повелитель, ты же знаешь всю правду о наших с ним отношениях, так к чему такие пожелания мне высказываешь. Таких сановников я не выношу на дух. Он хотя и хитрый, как лис, но мерзавец, каких поискать нужно. Ты многого не хочешь слышать, но все знают, какой он кровопийца. Он увеличивает размер дани, установленный тобою, и полученную разницу кладет себе в карман, и ты знаешь об этом, но ничего не предпринимаешь в отношении этого вора и казнокрада. Что скажешь на это? Да, меня не интересует ни его состояние, ни он сам вообще. Пусть даже сдохнет, для меня это неважно. А знаешь почему? Он служит только тебе и не думает о подданных. Они для него грязь под ногтями, не больше. И эта не-людь — твой великий визирь... — цедя сквозь зубы каждое слово, проговорил визирь Карим.

— Как ты смеешь так вести себя и разговаривать со мной в таком тоне? — сжав кулаки, вскричал Хан-суна-шах.

— Повелитель, я веду себя так, как и подобает вести себя визирю, а ты не смей повышать на меня голос. Я как-то говорил об этом, но ты, вижу, забыл всё. Тебя раздражает не мой тон, не поведение, не отношение к твоему великому визирю, а правда, которую я говорил всегда и теперь говорю. Так что умерь свой пыл и сохрани его для других, — как прежде, спокойно заговорил визирь Карим, при этом на шаг подступив к повелителю. — И это далеко не всё, что я хочу сказать. Этот старый безродный льстец, которого ты незаслуженно возвысил, давно должен гнить под землёй. Место великого визиря по праву должно принадлежать мне. Ты это знаешь лучше всех, повелитель, но продолжаешь издеваться надо мной у всего народа на глазах. Кто тебе дал такое право? Мой род во все времена был равен твоему и превосходил все другие роды. И всё это идёт от великого предка нашего Огуз-хана. Так как ты смеешь так поступать со мной? Или ты немедленно назначишь меня великим визирем, или я начну войну. Довольно, всему есть предел. Ты понял меня? Ты считаешь, что до сих пор я не сверг тебя только потому, что слабее, но ты ошибаешься, я не делал этого только по одной причине. Я чту законы наших предков. Вот поэтому ты продолжаешь восседать на этом троне, а я терпеливо хожу в простых визирях, как эти болваны Алпан, Аслан и им подобные. Ты же знаешь, что по нашим древним законам не можешь подвергнуть казни никого из моего рода. Никого, в том числе и меня. Попробуй, попытайся нарушить этот закон, и увидишь всю мощь моей родни. От тебя и твоих родичей не останется даже следа. Ты понял, повелитель?

— Визирь Карим, да как ты... — вновь вскричал Хан-суна-шах и хотел вскочить на ноги, но визирь Карим сделал к нему ещё один шаг, наступил сапогом на подол его халата, ловко выхватил меч из ножен, приставил остриё к горлу и злобно прошептал:

— Я же предупредил, чтобы ты никогда не смел повышать голос на меня. Никогда. Ты слышишь? Это было в последний раз. А теперь отвечай, я великий визирь или нет? Я жду.

— Не бывать этому, — прохрипел Хан-суна-шах.

— Ну тогда я — повелитель. Пусть дух великого Огуза простит меня, — и визирь Карим вонзил меч в горло Хан-суна-шаха.

Тот стал захлёбываться кровью и хвататься за меч. Визирь Карим стоял и спокойно смотрел в угасающие глаза. Хан-суна-шах дёрнулся всем телом и затих. Визирь Карим вытащил из его горла меч,

вытер подолом халата, вложил в ножны и повернулся к двери, заложив руки за спину. В юрту вбежал сюбаши Тычахтай. Он увидел стоящего перед троном визиря Карима, замер перед дверью, прижал ладонь к груди и склонил голову.

— Сюбаши Тычахтай, всё случилось немного раньше, нежели я задумал. Ты понял? — спокойно произнёс Карим.

— Да, повелитель, я всё понял, — склонившись ещё ниже, ответил сюбаши Тычахтай.

— А теперь слушай мои первые веления. Всех визирей, что снаружи, взять под стражу. Майсура добить и обезглавить всех его родичей. Всех до одного. Никого не щадить. Всех сановников при малейшем возмущении брать под стражу. По всем стойбищам направить гонцов. Везде призывать к спокойствию. Визиря Алпана найти и доставить ко мне. Только без грубостей. Он нужен целым и невредимым. Этого, — Карим показал большим пальцем себе за спину, — убрать отсюда, вывезти в степь и бросить на съедение шакалам. Всю свою жизнь он пил мою кровь, ни дня не давая покоя, и теперь получил сполна за это. Он недостойн быть похороненным как повелитель, и последних почестей ему никто не воздаст. Я лишаю его их. К членам его семьи приставить охрану, никого никуда не выпускать, никого к ним не подпускать. Пусть пока все остаются в своих жилищах. Ко мне никого не впускать. Моя семья под охраной?

— Да, повелитель, не беспокойся, — уверенно ответил сюбаши Тычахтай.

— Ступай, — повелел Карим-шах.

— Слушаюсь, повелитель.

Г Л А В А   В Т О Р А Я

Яншенук находился во второй юрте торговца Берджу, выделенной для них — для него, Джарбаша и Аззама. Сами же юрты располагались в поселении для чужеземных торговцев, недалеко от главного базара, который занимал огромную территорию и размещался в отдалении от главного стойбища канглов.

Военные действия, не так давно произошедшие между канглами и усунями, торговых людей не касались. Так было заведено всег-

да. С кем бы ни велись войны, никто не смел ограничивать либо запрещать торговлю. Единственное, что очень мешало торговцам, так это нападения грабителей в пути, участвовавшие в последнее время. Владельцы караванов были вынуждены увеличить расходы на дополнительную охрану грузов.

Берджу не знал о том, кем на самом деле являются его новые помощники, и относился к ним как к работникам, поручая выполнение тех или иных дел. Так было задумано сян дуглу Хаан-беком для достоверности их пребывания среди торговцев. Лишь одно строгое указание получил Берджу: хорошо относиться к ним и в случае возникновения угрозы здоровью и свободе сделать всё для защиты и благополучного возвращения в земли усуней.

Если Яншенук и Аззам никогда не скрывали лиц, то Джарбаш был вынужден носить повязку на лице, дабы никто не узнал главного визиря. На вопросы любопытствующих Берджу отвечал, что его работник пострадал от пожара и полученные ожоги обезобразили внешность. Такой ответ производил должное впечатление, и люди смотрели на Джарбаша уже с сочувствием.

Джарбаш часто и надолго уходил в главное стойбище. Берджу не возражал против его отлучек и вопросов по возвращении не задавал. Яншенук узнавал от Джарбаша о том, что он встречался то с одним, то с другим прежним знакомцем из числа преданных людей и имел с ними разговоры о положении дел в главном стойбище и в окружении правителя Фатих-шаха. После последних событий настроение у людей было разное, равно как и отношение к правителю. Как понимал Яншенук, слушая Джарбаша, все эти люди были едины в одном: они были искренне рады тому, что главный визирь Джарбаш остался в живых и вернулся в родное стойбище, пусть даже пока в таком обличии.

Со временем главный визирь Джарбаш перестал уходить в главное стойбище, оставаясь вместе с Яншенуком на базаре, где они торговали товарами Берджу, но теперь к нему стали наведываться разные люди под видом покупателей и о чём-то говорить. Они не знали о Яншенуке, и поэтому Джарбаш не представлял их. Сам же Яншенук старался запоминать всех в лицо и то, кем они являются, наблюдая со стороны.

Среди этих людей однажды оказались и визири Кутуз и Аасим. Они были одеты так, чтобы не быть узнаваемыми, и выглядели как

все простолюдины. Только их двоих Джарбаш представил Яншенуку. Как только они познакомились и поняли, кто он, то сразу же признали будущего правителя канглов и восприняли подобающе, обращаясь как к наследнику трона, называя властителем. Они хорошо помнили события, связанные с казнью брата Фатих-шаха Силкера и его маленького сына по имени Яншенук, но, как и все, не могли знать того, что казнён тогда был совершенно другой мальчик. Правда поразила их, но появление Яншенука живым и здоровым спустя много лет произвело столь сильное впечатление, что они и не пытались скрывать чувств. Изрядно настрадавшись от правителя Фатих-шаха, с огромным усилием перенося все тяготы служения, оба искренне возрадовались такому удивительному возрождению законного преемника власти, связывая с ним более достойное существование в будущем. Его появление окрылило и вдохновило их на активные действия, связанные со скорейшим возведением его на трон канглов.

Новость о том, что визирь Гачай жив, но тяжело ранен и в плену у усуней, тоже обрадовала их, поскольку они считали его погибшим. Они стали просить властителя Яншенука об оказании содействия в возвращении визиря Гачая на родину, на что он ответил, что подумает, как это сделать, но только после того, как визирь выздоровеет окончательно. К тому же запретил говорить об этом с кем-либо и тем более сообщать родственникам. Визирь заверили его в своём молчании.

* * *

Аззам трудился с утра до ночи без усталости, не покладая рук. Ему нравилась новая сытая и спокойная жизнь. То, что происходило с Яншенуком и Джарбашем, он воспринимал без какого-либо любопытства, не проявляя интереса к разговорам и поступкам, не спрашивая ни о чём и не вступая в разговоры не только с посетителями, но и с другими торговцами и покупателями. Из-за такого поведения и постоянной молчаливости он вскоре прослыл среди людей глухонемым. Он не возражал и даже не обращал на это никакого внимания. Всё, что его интересовало, так это держаться подальше ото всех и заниматься порученными делами. Яншенук наблюдал за ним и не мог не заметить произошедших перемен. Он понимал, что Аззам очень соскучился по обычной жизни, исто-

сковался по простой работе и теперь наслаждался спокойным существованием на своей земле и среди своего народа.

* * *

В один из дней, когда Яншенук, Джарбаш и Аззам занимались, как обычно, торговлей и обменом товаров, вдруг люди стали кричать и сбегаться к одному месту, недалеко от них. Там что-то случилось, и Джарбаш с Аззамом тоже пошли туда, чтобы узнать, в чём дело. Яншенук остался на месте. Скоро люди успокоились и разошлись. Вернувшийся Джарбаш рассказал, что одному престарелому покупателю стало плохо и он упал, но теперь ему полегчало, он уже поднялся, и его увели подоспевшие родственники. Аззам занялся повседневной работой, успевая и перебирать товар в мешках, и подкидывать дрова в костёр, и готовить еду.

Яншенук дослушал Джарбаша, кивнул, посмотрел в сторону Аззама и увидел, что к нему подошёл какой-то мужчина высокого роста и мощного телосложения, одетый в волчью шубу. Яншенук взглянул на Джарбаша и показал глазами на этого человека. Джарбаш кивнул, взял какие-то вещи, подошёл к Аззаму, присел возле и стал что-то искать в одном из мешков с товаром, очень внимательно прислушиваясь к разговору.

— О Аззам! А я смотрю, ты это или не ты, — улыбаясь во весь большой рот, обнажив огромные белые зубы, воскликнул здоровяк, рассматривая Аззама и склоняя голову то к одному плечу, то к другому. — Если бы этот старик не упал, я бы и не заметил. Давненько я тебя не видел! Ты куда пропал?

— Ишбулат?! — слегка растерянно произнёс Аззам, но тут же совладал с собой и тоже стал разглядывать его. — Ты тоже здесь?

— Да я то тут, то там. Работы много. Торговля идёт бойко. Так что приходится часто бывать в разъездах. А ты чем занимаешься? Тоже, смотрю, торгуешь? — Ишбулат посмотрел на мешки с товаром, на мгновение остановив взгляд на Джарбаше.

— Ну вроде того, — смутился Аззам.

— До меня дошли слухи, что ты прошлой осенью как уехал на охоту, так и пропал. Но вижу, что ты жив и здоров. Больше без меня на охоту не отправляйся! — хлопнув Аззама по плечу огромной рукой, засмеялся Ишбулат.

— Да, Ишбулат, всякое было, — улыбнулся Аззам.

— Ну и хорошо. Теперь будем чаще видаться. Я не скоро отсюда уеду, если, конечно, дела не заставят. Что ж, рад был увидеть тебя. А теперь прощай, пойду я. Дела ждут, сам понимаешь.

Ишбулат вновь быстро взглянул на Джарбаша и зашагал прочь. Аззам стоял и смотрел вслед.

* * *

Вечером, когда все собрались в юрте, Яншенук поинтересовался у Аззама о человеке, подходившем к нему днём, на что тот ответил, что это знакомый, с которым когда-то несколько раз бывали на охоте. Джарбаш полукивком дал Яншенуку понять, что услышанное им и слова Аззама совпадают. Больше об этом человеке не говорили, но, когда Аззам зачем-то покинул юрту, Яншенук сказал Джарбашу, чтобы он через своих людей узнал всё об Ишбулате. Джарбаш с пониманием кивнул.

* * *

«Кого же напоминает мне этот человек? Где-то я видел эти глаза... — расхаживая по юрте, думал Ишбулат. — Аззам тоже тот ещё хитрец! Ничего не сказал о том, где всё это время пропадал. Всякое бывало, говорит. Знаю я о твоём этом всяком! К разбойникам ты примкнул. Быстро разбогатеть захотел. Видимо, ничего не получилось. Поскитался по лесам да горам и вернулся, как побитый пёс. Притаился он, как же. Устроился работником у какого-то торговца. Ума-то на другое, что, не хватает? Угождает и прислуживает теперь одному из тех, кого грабят такие, как он. Конечно, жить-то надо на что-то. Был бы я канглом, немедленно сообщил бы о тебе кому следует. Вот такие, как ты, и на мои караваны нападают. Уничтожать таких надо! Один вред от вас. погоди, я выведу тебя на чистую воду... И этот, что рядом, с закрытым лицом, тоже прикидывается овечкой. Волк ты, а не овца. По глазам вижу! — Ишбулат опустил на ковёр с подушками. — Так кого же он мне напоминает? Никак вспомнить не могу, но точно же знаю, что видел где-то. Ладно, чего голову ломать-то, всё равно вспомню, не теперь, так потом. Быстрее допытаюсь до истины, если покажу его кому-нибудь из своих людей, тех, кто, в отличие от меня, действительно из местных жителей будет... О чём же я ещё хотел подумать-то? А, вспомнил! Нужно узнать, кто тот торговец, которому прислуживает теперь Аззам. Не

зря же он оказался рядом! Аззам не так прост, как хочет выглядеть. Или этот торговец чем-то обязан ему и поэтому взял на работу к себе. Или же Аззам что-то задумал по отношению к нему, вернее, к его богатствам. Ещё и этот, с закрытым лицом и волчьим взглядом... Там, насколько я помню, третий кто-то был, который сидел возле выставленного товара и торговал. М-да, странная троица. И все так вот у одного торговца. Даже я, торговец, более преуспевающий, чем многие здесь, не позволю себе нанять сразу троих работников в эту пору, когда на базар ещё не прибывают чужеземные караваны, как это бывает в любое другое время года, но только не зимой... Вот что я хотел узнать...»

* * *

— Властитель, смотри, вон тот человек, — прошептал Джарбаш, склонившись к сидящему возле разложенных товаров Яншенуку и показав взглядом на мужчину, стоявшего напротив них и разглядывавшего товар у соседнего торговца. — Уже второй день появляется здесь. Он часто поглядывает в нашу сторону, но всматривается в нас, не в товар. К тому же, как я заметил, он так ничего и не приобрёл за всё это время. Он явно следит за нами или за кем-то из нас.

— Поручи своим людям, тем, кто выследил жилище Ишбулата, понаблюдать. Пусть узнают, куда пойдёт отсюда. Судя по тому, что этот человек появился почти сразу после прихода Ишбулата, мне кажется, он послан именно им. Пусть узнают всё, — не сводя глаз со спины подозрительного незнакомца, тихо повелел Яншенук.

Джарбаш кивнул и сразу же направился в сторону главного прохода на базаре. Подозрительный человек оглянулся, бросил какую-то вещь, что держал в руках и разглядывал, и пошёл за ним. Яншенук заметил это, встал, взглянул на Аззана, показав глазами на свой товар, и пошёл следом за ними. Аззан понял, подошёл к товару и присел на его место.

Джарбаш, идущий быстрым шагом, долго петлял между торговыми рядами, пока не прошёл мимо одного из торговцев, возле которого слегка замедлил шаг, что-то шепнул, не поворачивая головы, и пошёл дальше, вновь ускоряя шаг. Подозрительный человек, следуя за Джарбашем, тоже прошёл мимо этого торговца, который внимательно посмотрел на него, затем жестом руки подозвал двоих

мальчиков лет десяти, что сидели за его спиной, и что-то сказал, показав на следовавшего за Джарбашем мужчину. Они кивнули и побежали за ним, запахивая на ходу шубки.

Джарбаш походил какое-то время по базару, затем пошёл обратно, но другой дорогой. Он заметил, что преследователь очень старается догнать его, и не давал сделать этого, всякий раз при его приближении то ускоряя шаг, то уходя за торговые ряды. Наконец Джарбаш окончательно оторвался и видел, как тот остановился, тяжело дыша и вытирая пот с лица. Джарбаш вернулся к лавке и не успел ещё спросить о Яншенуке, которого не увидел на месте, как сам Яншенук подошёл следом и опустился на своё место, освобождённое Аззамом.

— Его интересуешь ты, Джарбаш, — быстро отдышавшись, тихо сказал Яншенук, взглянув на стоявшего рядом Джарбаша.

— Значит, Ишбулат всё-таки узнал меня, — с досадой в голосе, недовольно мотнув головой, прошептал Джарбаш.

— Не уверен, что узнал, иначе не приставил бы к тебе этого человека. Он, возможно, заподозрил что-то, увидев в тот день, но, дабы окончательно убедиться в догадках, прислал того, кто знает тебя гораздо лучше, чем он. Я шёл за ним и видел, как он не раз хотел приблизиться к тебе, пытаясь получше рассмотреть твоё лицо, вернее, глаза. Повязка на лице не даёт возможности узнать тебя окончательно. Вот чем занялся торговец Ишбулат, — спокойно и уверенно произнёс Яншенук, на мгновение задумался и добавил: — Если, конечно, он торговец. — Яншенук взглянул Джарбашу в глаза. — Это очень плохо, главный визирь Джарбаш.

— Я понимаю, властитель. Это очень плохо. Нам нужно срочно действовать, пока они не убедились в том, что я это я. Скрываться от них и сидеть целыми днями в юрте я не могу. Это не выход. Нужно ещё очень много сделать для достижения нашей цели.

Джарбаш присел возле Яншенука, подумал о чём-то и предложил:

— Может быть, распорядиться, чтобы Ишбулата захватили наши люди и доставили в какое-нибудь потаённое место, а там мы развяжем ему язык и всё узнаем.

— Джарбаш, мне кажется, что узнавать нечего. Он случайно увидел тебя, и его осенила догадка. Вот и всё. Никто не мог подобного предусмотреть заранее и, исходя из этого, поручить такое задание, — махнув рукой, произнёс Яншенук. — Допустим, ты его

похитил и учинил допрос. Что он может сказать тебе? В чём признается? Он скажет тебе ровно то, что я только что сказал тебе, и всё. Ты ничего важного не узнаешь, но такими действиями можешь очень навредить нам. Узнав об исчезновении, его люди поднимут здесь такой шум, что нам станет тесно на этом базаре. Так что трогать Ишбулата нельзя, а вот установить постоянную слежку нужно.

— Я понял тебя, властитель, и всё сделаю, — кивнул Джарбаш, затем с досадой ударил себя по колену. — Ну надо же такому случиться! Кто бы мог подумать, что я могу заинтересовать какого-то торговца среди всех торговцев, что вокруг нас. Да и Аззама, получается, он увидел случайно.

— Цепкий глаз, однако, — задумчиво произнёс Яншенук. — Он, конечно, торговец, но, сдаётся мне, не простой и не только. Я наблюдал за ним, когда он разговаривал с Аззамом в тот день, и видел, что в твою сторону мельком он взглянул всего пару раз, но, как видишь, и этого хватило, чтобы понять, что ты знаком ему. И это притом что у тебя на лице повязка. Такой не успокоится, пока не узнает всё. Вот и человека поэтому приставил к тебе. — Яншенук замолчал, всматриваясь в толпу, потом спросил Джарбаша: — Не тебе ли подаёт знаки вон тот человек?

Джарбаш взглянул в указанную сторону и прошептал:

— Да, властитель, это мой человек. Пойду узнаю, что хочет сообщить. С твоего позволения...

Джарбаш поднялся и направился к ожидавшему человеку.

Торговец, которому Джарбаш поручил слежку за подозрительным человеком, сообщил, что мальчики проследили до юрты торговца Ишбулата, куда он и вошёл.

* * *

— Так ты узнал этого человека или нет? Я не могу понять тебя, — строго спросил Ишбулат.

Его лазутчик, мужчина средних лет, низкого роста и щуплого телосложения, стоял перед ним в юрте.

— Мне не удалось, хозяин. Как я ни старался, но он не подпустил к себе. Если бы он торговал товаром, то я смог бы подойти как покупатель, но он не занимался этим, — виновато пожав узкими плечами, тихо ответил тот.

— Иди, — отпустил его недовольный Ишбулат.

Мужчина поклонился и вышел из юрты.

«Который день пытаюсь вспомнить его, но ничего не получается. Знаю ведь, что знаком, но вспомнить не могу... А может, и не стоит так ломать себе голову? Зачем он мне, в конце концов? Всё это из-за моего характера такого. Вбил себе в голову, что обязательно нужно вспомнить, и теперь сам от этого мучаюсь... Ну нет! Теперь я обязан узнать, кто это такой и почему я его знаю. Теперь не остановлюсь! Иначе не успокоюсь. Вот только всё приходится делать самому... Нет толковых помощников. Кругом одни болваны! Ничего нельзя поручить. Что за времена такие скверные? Что за люди безголовые всюду?! Одно радует душу: визирь Карим добился всё-таки своего и стал Карим-шахом. Теперь и мне, надеюсь, станет легче жить», — успокоился в конце концов Ишбулат.

* * *

— Властитель, завтра к вечеру должен прибыть караван от усуней, — напомнил Яншенуку Джарбаш за вечерней трапезой.

На дворе стояла ночь. Аззам ушёл к Берджу по его вызову.

— Это первый караван после военных действий. Пропустят ли его дозоры на дороге сюда? — задумчиво произнёс Яншенук.

— Это верно, властитель, — надломив лепёшку, согласился Джарбаш.

— Скоро весна. Снег всюду сходит. Пока земля твёрдая, караваны будут ходить, но потом, когда потеплеет, дороги станут непроходимыми из-за грязи и воды. Караванные пути вновь откроются, только когда земля подсохнет и реки войдут в берега после разливов. Ждать придётся не так долго, но связи в эту пору не будет. К тому же многое зависит от того, какой будет весна. Если дождливой, то дороги будут закрыты какое-то время, — отложив деревянную ложку и вытерев рот чистым лоскутом светлой ткани, произнёс Яншенук.

— Властитель, ты сказал, чтобы я завтра не покидал юрту. Ты чего-то ожидаешь от Ишбулата? — тоже покончив с едой, спросил Джарбаш.

— Да, Джарбаш, он должен завтра как-то проявить себя. Мне знакомы такого рода люди. Он не остановится. Его человек не справился с заданием, и Ишбулат уже не пошлёт этого лазутчика к нам. Другого, мне кажется, он тоже не станет привлекать к этому делу. Никому не поручит больше. Он сам должен всё узнать. И, если

я прав, завтра он появится здесь. У таких, как он, терпение не самая главная черта характера. Поэтому ты не выходи из юрты. Посмотрим, как будет действовать, — взглянув Джарбашу в глаза, ответил Яншенук.

— Властитель, в таком случае, может быть, позвать нескольких воинов из преданных мне людей? — поинтересовался Джарбаш.

— Нет, Джарбаш, не нужно. Не следует привлекать излишнего внимания. Сами справимся. Не беспокойся, — уверенно ответил Яншенук.

* * *

На следующий день с утра Яншенук, как обычно, находился возле товара, разложенного на войлочном ковре, расстеленном на земле, как делали все на базаре. Он сидел на большой мягкой и тёплой подушке, набитой овечьей шерстью и укрытой овечьей шкурой, и смотрел на прохожих. Аззам занимался своими делами за его спиной. Джарбаш юрту не покидал. Берджу часто подходил к Аззаму, вместе с ним рассматривая товар в мешках, что-то выбирал и приносил к Яншенуку, размещая выбранные товары среди других.

Шло время, но, сколько Яншенук ни всматривался в людей, пока не видел ни Ишбулата, ни того подозрительного человека. Он не успел подумать о том, что, возможно, ошибся в своих предположениях относительно поведения Ишбулата, как вдруг увидел его.

Ишбулат, издали увидев Аззана, стал широко улыбаться и развёл руки в стороны, словно готовился обнять его. Подойдя, воскликнул:

— О Аззам, как я рад вновь видеть тебя!

Он приложил руку к груди и слегка склонил голову. Аззам тоже почтительно приветствовал его.

— Как идёт торговля? Надеюсь, благополучно? — хлопнув огромной рукой по плечу Аззана, поинтересовался Ишбулат, метнув взгляд на склонённого над мешками Берджу.

— Что-то ты зачастил в нашу сторону, — улыбнулся Аззам. — Может, какой наш товар интересует, так ты скажи.

— Нет, что ты, Аззам, у меня своего некуда девать. К тому же... — начал было говорить Ишбулат, как вдруг запнулся на полуслове, смотря на повернувшегося к нему Берджу, который тоже замер, взглянув на него.

— Фахад?!

Ишбулат смотрел на Берджу расширенными от удивления глазами.

— Вот так встре-е-еча! — протянул он и подошёл, забыв об Аз-заме. — Ты ли это? Глазам не верю. Хотя о чём это я! Ты же тоже торговец, как и я, и где нам встречаться, как не на базаре.

— Ишбулат, ну надо же, какая встреча! — Берджу, справившись с растерянностью, наконец-то нашёл подходящие слова. — Да, только здесь мы и могли встретиться. Как ты? Теперь здесь торгуешь?

— Фахад, я же говорил тебе, что и там, и здесь у меня торговые дела. Ты что, совсем забыл об этом? — нарочито обиженно произнёс Ишбулат, затем вновь широко улыбнулся и предложил: — Пойдём поговорим, давно же не виделись.

Они отошли в сторону и присели на подушки.

— Ты, Фахад, тогда так внезапно отбыл, что я и не знал, что и подумать. Я же ждал в тот вечер, чтобы представить тебя главному зрителю базара, но ты так и не явился. Подвёл тогда меня, ох как подвёл. Главный зритель очень занятой человек, но при этом выделил время для встречи с тобой, по моей просьбе конечно. Когда я понял, что ты не придёшь, я побежал к нему с объяснениями. Ты бы слышал, как он выговаривал своё недовольство. Я чуть сквозь землю не провалился от стыда! Хорошо, что после этого он не стал притеснять и чинить препятствия в торговле на его базаре. Я-то уже подумал, что пора собирать весь свой товар и уезжать отсюда навсегда, но, хвала Небесам, он успокоился, видимо поняв, что я как бы и не виноват. Конечно же, отношения между нами немного охладели, но я постарался загладить свою вину. Ну сам понимаешь как, — Ишбулат посмотрел на Берджу и хитро подмигнул. — Так что ты, Фахад, как ни крути, а мой должник теперь, — и Ишбулат засмеялся, обнажая крупные белые зубы. — За тобой вкусная баранинка, ну и если расстараяешься, то и от перепёлочек не откажусь. Или ещё как-нибудь отплатишь свой должок.

— Да, Ишбулат, если бы не срочные дела и возникшие вдруг непредвиденные обстоятельства, я бы не подвёл тогда. Ты уж прости, что так получилось. Виноват я перед тобой за тот случай. Признаю, — слегка хлопнув его по плечу, согласился Берджу. — Можем пойти, и я с удовольствием угощу тебя твоим любимым блюдом, — засмеялся Берджу.

— Фахад, я вот смотрю и не могу понять, зачем тебе столько работников? — перестав улыбаться и взглянув на Яншенука и Аззама, произнёс Ишбулат. — Я недавно приходил сюда, но не знал, что это твоё место на базаре и что это твой товар и твои люди. Тебя-то тогда я не увидел. Но сразу заметил, что у хозяина этого места многовато помощников, и, скажу откровенно, немного удивился. Кроме этих двоих я заметил ещё одного, довольно странного. У него повязка на лице. Что-то сегодня его нет здесь. — Ишбулат посмотрел на Берджу. — Зачем тебе все они? Аззама одного тебе хватило бы. Я, кстати, его знаю давно. Мы оба когда-то увлекались охотой, вот однажды и познакомились.

— Ты прав, Ишбулат, может показаться, что лишние люди работают, но всё дело в том, что я планирую немного расшириться, поэтому и нанял пару человек, пусть привыкают к работе, чтобы потом можно было без сомнений доверить им другое место на базаре. К тому же ты знаешь, что с наступлением весны отовсюду начнут прибывать многочисленные караваны, и тогда толковых работников не найдёшь, всех расхватают, даже самых, казалось бы, непригодных в торговом деле, — резонно объяснил своё поведение Берджу. — А что касается третьего работника, с повязкой на лице, так я его просто пожалел. Оказывается, он сильно обгорел во время какого-то пожара, стал никому не нужным, вот я и подобрал его. Работник неплохой, старательный и честный. Только вот иногда плохо себя чувствует, но ничего, поправится со временем. Сегодня я разрешил ему не выходить на работу. Пусть отлежится, бедолага.

— Да, сердобольный ты, Фахад, людей жалеешь, работу, кров и еду им даёшь, — разглядывая Берджу, задумчиво произнёс Ишбулат. — Вот только оплатит ли тебе этот калека тем же? Поверь, я знаю, что говорю. Был у меня такой же случай. Заметил я как-то одноглазого бродягу и, как и ты, пожалел, увидев, как горемыка умирает от голода и холода, взял к себе. Приютил я, значит, его, обогрел, откормил, одежду дал и кров, думал, как поправится, и работу ему дам, а он, как только немного пришёл в себя, исчез сразу, да к тому же кое-что из моего прихватил с собой. Вот так-то, Фахад. Вот такие они. Это неблагодарный люд. Они добра-то не понимают. Так что смотри не прогадай. Ну, довольно об этом. Тебе видней, Фахад, — поднимаясь, улыбнулся Ишбулат. — Пора идти. Сам зна-

ешь, дела не ждут. Может, завтра загляну к тебе, заодно успеешь найти место, где есть перепёлки.

— Я найду это место, Ишбулат, и завтра буду ждать, — рассмеялся Берджу.

* * *

— Не только Аззам, но и Берджу, оказывается, знает этого вездесущего Ишбулата, — поделился Яншенук вечером с Джарбашем. — В этом, казалось бы, нет ничего такого, что вызвало бы подозрение, ведь они торговцы, ну конечно не считая Аззана, и их могут объединять какие-то общие интересы, но всё-таки одна странность была при их встрече. Ишбулат почему-то, обращаясь к Берджу, всё время называл его Фахадом. Что это значит?

— Фахадом? — удивился Джарбаш. — Это действительно странно, властитель, — согласился он и предположил: — Значит, мы чего-то не знаем о Берджу?

— Мы о нём, Джарбаш, вообще ничего не знаем. Нас ему доверили, и всё. А кто он такой на самом деле, нам неизвестно. Что-то всё как-то нехорошо закрутилось вокруг нас. Меня это и беспокоит больше всего, — с досадой в голосе произнёс Яншенук. — Этот Ишбулат становится очень навязчивым. Он, как я понял, слушая их разговор, и завтра придёт сюда к Берджу. Нужно что-то делать, иначе, чувствую, он доставит нам много хлопот, если, того хуже, не принесёт беду. Тебе, Джарбаш, нужно срочно связаться с кем-то из наших визирей и передать веление безотлагательно разобраться с ним. Больше тратить время мы не станем.

— Я понял, властитель. Всё будет исполнено. Не буду откладывать и теперь же поеду к визирю Кутузу, пока ночь на дворе. С ним совместно и буду действовать, — поднимаясь, решительно произнёс Джарбаш. — С твоего позволения.

Он приложил руку к груди, склонил голову и вышел из юрты.

* * *

«Калека, говорит. Пожалел, говорит. Сказал, что приболел он. Как бы не так! За ним мой человек не смог угнаться. Так быстро и ловко больные не ходят. Все они там заодно. Друг друга прикрывают, всем говорят неправду. Грабитель, торговец, калека и ещё один сомнительного вида работничек собрались в одном месте и что-то

явно замышляют. Почувствовали сегодня, что приду, и спрятали этого калеку в юрте. От меня скрыли, это точно. Ничего, вечно держать его взаперти не сможете. Если пока и не удаётся вспомнить, то всё равно всё сделаю, чтобы узнать его в лицо». Ишбулат в свойственной для него манере расхаживал по юрте и думал о событиях прошедшего дня. «Ах, Фахад, Фахад, ты даже не догадываешься о том, кто я, и о том, что знаю многое о тебе. Хотя ты и неплохой человек, но лазутчик из тебя не очень-то и толковый. Разве ведут себя так опытные люди, избравшие такую сложную и опасную работу? Нет, конечно. Тебе далеко до них, до таких, как я, если тебе вообще дожить доведётся до таких дней, в чём я очень сомневаюсь. Я бы уже сегодня выдал тебя канглам, но ты мне нужен. Я сделаю так, что ты будешь работать на меня, и тогда я всегда буду знать о том, что творится в землях усуней. Я не стану перекупать тебя. Я загоню тебя в такую западню, что выход оттуда будет только один. Впредь станешь служить мне и Кариму, шаху всех огузов. Мой повелитель будет очень доволен, и моя жизнь станет ещё более благополучной. Возможно, я перестану после этого мотаться всюду под видом торговца и наконец-то получу высокую должность в его окружении. А как же иначе? Это будет весьма заслуженно. Я достоин такого повышения. Не всю же жизнь скитаться по земле и иметь дело с такими, как Фахад, болванами. Видеть их не могу! Торговля у меня хорошая, прибыльная. Её не брошу. Доверю дела младшему брату. Он толковый, справится. Подучу всяким тонкостям дела, с нужными людьми сведу, и всё, а сам буду служить при повелителе. Того и гляди, крупным сановником стану. Почему бы и нет! С головой у меня всё в порядке... Хорошо бы было, если бы так всё и получилось. Такая сытая и спокойная жизнь была бы! Почему же была бы? Будет. Хотя одно радует душу. Фу, притомился я что-то сегодня. Пора спать». Ишбулат скинул длинный халат, присел на постель, стянул с ног сапоги и лёг, заложив руки за голову и вытянувшись во весь свой огромный рост. Вскоре он крепко спал, издавая громкий храп.

* * *

Услышав сквозь сон какие-то звуки, Ишбулат открыл глаза и хотел было присесть, но на него тут же кто-то навалился и придавил к постели. Ему крепко связали руки и ноги. Засунули в рот какую-то

тряпку. Туго завязали ему глаза повязкой. Он сильно сопротивлялся, пытаясь освободиться, вырваться из захвата, но ничего не получалось. Вконец обессилев, он затих, тяжело дыша через нос и испуганно вертя головой, пытаясь что-то сказать, но издавая лишь какое-то мычание. Он не успел ни о чём подумать, как получил удар по голове и потерял сознание.

* * *

— Эй, очнись. Такой здоровый на вид, а такой немощный, — услышал Ишбулат.

Он открыл глаза, но ничего не увидел. Вспомнил, что кто-то ворвался ночью в юрту... Окончательно придя в себя, понял, что не ослеп — просто повязка закрывала глаза. Дёрнувшись руками и ногами, почувствовал, что они по-прежнему крепко связаны и что он сидит, привязанный спиной к какому-то столбу. Поскольку холодно не было, он догадался, что находится в помещении. Ощувив во рту какой-то привкус, вспомнил, что рот ему затыкали, но теперь рот был свободен.

— Торговец Ишбулат, — в голосе звучала издёвка. — Или не торговец? Или даже не Ишбулат? Вот я и узнаю теперь всю правду. Ты же скажешь мне всю правду, а, торговец Ишбулат? Или ты из тех, кто сперва очень желает помучиться и лишь потом во всём признаваться? Ну как? Рассказываешь без пыток или с пытками? Как тебе больше нравится?

— Кто ты такой? Что тебе нужно? В чём я должен признаться? Ничего не понимаю. Я и есть торговец Ишбулат, — замотав головой, стал быстро говорить Ишбулат. — Все меня знают здесь. Можете у любого спросить. Они всё подтвердят.

— Так, значит, всё-таки с пытками тебе по нраву, — спокойно, но с явной угрозой в голосе произнёс человек. — Хорошо. Пусть будет по-твоему. Дайте нож. Он достаточно раскалился.

Ишбулат услышал шаги: кто-то подошёл к говорившему. Ишбулат уловил запах раскалённого железа.

— Начнём с твоих глаз. Ты же привык к повязке, вот и будешь носить её всю оставшуюся жизнь... Если, конечно, я оставлю её тебе. Я пока этого не решил, — говоривший вплотную подошёл к Ишбулату и запах усилился.

— Чего ты хочешь? — теряя самообладание, Ишбулат отвернул в сторону голову.

— Нет, торговец Ишбулат, так не пойдёт. Со мной такие уловки не проходят. Пытки так пытки, — говоривший уверенно и жёстко взял рукой его за бороду и повернул к себе лицом, при этом, как почувствовал Ишбулат, приблизив нож к его глазам.

— Хорошо! Хорошо! Я всё скажу! — пытаюсь отвернуться от ножа, источавшего жар, прохрипел Ишбулат.

Человек отпустил бороду и, было слышно, отступил на шаг.

— Если я усомнюсь хотя бы в одном твоём слове, сразу же выжгу тебе глаз. И у тебя есть выбор. Какой глаз выжечь первым? — вновь спокойно произнёс человек, и от этого спокойствия Ишбулату становилось всё страшнее.

В том, что он поступит именно так, как говорит, у Ишбулата не было ни малейшего сомнения. Он понял, что перед ним человек, очень хорошо знающий своё дело. Его голос и тон, которым он произносил слова, свидетельствовали о жестоком хладнокровии и непоколебимой решительности.

— Я действительно торговец и меня зовут Ишбулат. Но я не кангл, я огуз, — начал признаваться в правде Ишбулат. — Я служу Карим-шаху. Я лазутчик. — Он замолчал и низко опустил голову.

— Так какой глаз? — спокойно переспросил человек.

— Я говорю правду! — мотнув головой, почти вскричал Ишбулат. — Обо всём, что здесь происходит, я сообщаю ему много лет. С тех пор как он стал визирем. Он хотел вступить в сговор с покойным братом Фатих-шаха, чтобы тот помог свергнуть Хан-суна-шаха, но Фатих-шах как-то узнал об этом и сделал всё так, чтобы казнить брата и не нарушать договорённости между ним и Хан-суна-шахом о мирном соседстве... Теперь ты веришь, что я говорю правду?! Что ты хочешь ещё узнать? Я всё скажу... — Ишбулат поднял голову и замолчал.

— Это давняя история. Что-нибудь посвежее хотелось бы услышать, — тем же тоном произнёс человек.

— Посвежее? — дрожащим голосом промолвил Ишбулат и на мгновение задумался, вновь опустив голову. — А, вот что. — Он поднял голову. — Здесь лазутчик усуней под видом торговца, ну, как и я. Его имя Фахад. Он там, на базаре торгует. Я вчера виделся с ним... Или уже не вчера. Я же не знаю, сколько дней был без со-

знания. Мы познакомились на главном базаре у огузов, ну у меня там. Визирь Карим, вернее, Карим-шах, дал такое задание. Я должен был в разговоре с ним, ну с этим Фахадом, сообщить о том, что визирь Карим очень сильный и могущественный сановник. Я так и сделал. Для чего это нужно было, не знаю. Это всё. Ну а на днях я случайно увидел этого Фахада здесь, на базаре.

— А почему ты так заинтересовался работником этого Фахада? Тем, что носит повязку на лице? — продолжил допрос человек.

— О, я только что понял, кто он! — вдруг воскликнул Ишбулат и дёрнулся всем телом. — Я как увидел его, ну этого, в повязке, так сразу понял, что знаю, но все эти дни не мог вспомнить, кто это. Его глаза я узнал, а кто он, так и не мог вспомнить. Теперь только вспомнил. Это главный визирь Джарбаш. Вот кто это. Теперь-то ты веришь мне? Я не мог вспомнить, поэтому и ходил туда, надеясь узнать.

— Видишь, как помогла тебе встряска. А Аззам откуда знаешь? — проявляя свою осведомлённость, уточнил человек.

— А этого я давно знаю. Он охотник, и я тоже. Познакомились как-то на охоте. Прошлой осенью он пропал. Никто не знал, куда подевался. На днях я его и повстречал на базаре. Он скрывается у Фахада. Разбойничал всё это время. Я точно знаю.

— Что о третьем работнике Фахада скажешь? — вновь спросил человек.

— Каком третьем? А, о третьем? Того я не знаю вообще, но он появился у Фахада вместе с этими двумя. Ну с главным визирем Джарбашем и Аззамом. Это всё, — Ишбулат замолчал, но головы не опускал, ожидая нового вопроса.

— Кто знает, кроме тебя? Кому ты сообщил обо всём этом?

— А кому я могу сказать? Никому. Такое нельзя доверять кому-то. Я сам хотел во всём разобраться и потом решить, как всё это использовать с пользой для себя, — признался Ишбулат.

— Что, даже Карим-шаху не собирался рассказать? — с издёвкой в голосе спросил человек.

— Ну вот об этой пользе я и говорю, — Ишбулат пожал плечами и опустил голову.

— Что ещё хочешь сообщить?

— У меня есть много золота. Возьми его, только сохрани жизнь и отпусти. Прошу. У меня там семья есть, и дети есть, и брат младший. Я должен заботиться о них. Ну хочешь, я буду служить тебе?

Всех своих людей здесь назову. Что ещё? Я же во всём признался! — взмолился Ишбулат.

— Я подумаю над твоими словами, а ты побудь здесь и о золоте своём, и о людях своих расскажи подробно моему человеку. Я скоро вернусь и сообщу о своём решении. Смотри не криви душой, иначе я её выпущу на свободу из твоего тела. Надеюсь, ты понял, — спокойно сказал человек и удалился.

Кто-то подошёл к Ишбулату и грубым голосом произнёс:

— Давай говори где, что и кто.

* * *

— Он там ещё, властитель. Что с ним делать? — рассказав о допросе Ишбулата, учинённом им, спросил Яншенука Джарбаш и добавил: — С ним визирь Кутуз и его люди. Они вывезут всё золото Ишбулата и возьмут под стражу всех его людей.

— Джарбаш, вели визирю Кутузу поступить вот так. Ишбулата и того лазутчика, что следил за тобой, казнить и тела спрятать так, чтобы никто и никогда не нашёл. Всех остальных пусть визирь Кутуз доставит к Фатих-шаху и обо всём ему сообщит, но преподнесёт это так, будто он раскрыл действия лазутчиков огузов. Они ничего не знают о нас и не представляют угрозы. Визирь Кутуз после этого обретёт особое доверие у Фатих-шаха, а это нам очень пригодится. Да, и ещё. Пусть часть золота Ишбулата подарит Фатих-шаху. Ну а с Берджу мы разбираться не станем. Мне кажется, что он выполнял какое-то особое задание правителя усуней и был вынужден познакомиться с Ишбулатом. Поэтому представился именем Фахад. Так что трогать его мы не смеем, — принял решение Яншенук.

— Я всё понял, властитель. Визирь Кутуз ждёт меня. С твоего позволения, — Джарбаш поднялся, приложил руку к груди, поклонился и вышел из юрты.

«Служить нам лазутчик Карим-шаха Ишбулат не стал бы. Это понятно. Его семья на родине и явно не обделена вниманием Карим-шаха. Она попросту взята в заложники, чтобы Ишбулат не смог предать. К тому же за столько лет в землях канглов Ишбулат, как я понял, ни разу не совершил оплошности и поэтому не был разоблачён как лазутчик огузов, а это свидетельствует об очень высоком уровне работы. Так что переманить его на свою сторону нам не удалось бы никогда, но и позволить жить, а тем более отпустить

его я не имел права. Такой поступок был бы большой ошибкой. Джарбаш всё сделал правильно. Мы избавляемся от лазутчика и отводим беду. К тому же визирь Кутуз, надеюсь, после этого станет ближе к моему дяде. Теперь и сановники, и военачальники станут относиться к нему гораздо серьезнее и будут больше прислушиваться к его мнению. Вполне возможно, что визирь Кутуз будет назначен главным визирем, так как место свободно, а это совсем другой уровень, и пользы от него будет значительно больше». Яншенук анализировал всё случившееся в эти дни. «Теперь о другом. Караван от усуней почему-то задерживается. Но он обязательно должен прийти. С торговцем, ведущим караван, я должен передать сян дуглу Хаан-беку обо всём, чего мы успели достичь здесь. Пока, конечно, особо порадовать его нечем, но работа ведётся, и мы с Джарбашем делаем всё, что можем. Достижение такой цели требует много времени, тщательной подготовки и постоянной осторожности. Малейшая ошибка может завершиться полным крахом, так что сян дуглу Хаан-бек должен понять меня и проявить терпение».

* * *

Караван из земли усуней прибыл на третий день после ожидаемого срока. О его приходе на базар сообщил Берджу, который ночью куда-то уезжал с запасной лошастью и вернулся утром с большим грузом — двумя огромными кожаными мешками, нагруженными на эту лошадь. Теперь Яншенуку следовало ожидать появления предводителя, приведшего караван. Он не мог знать, кто это, но помнил слова, сказанные сян дуглу Хаан-беком о том, что может полностью ему доверять. Вскоре в юрту вошёл человек и представился предводителем каравана усуней. Яншенук пригласил его и предложил разделить трапезу, а заодно поговорить. Приняв пищу, приготовленную и поданную Аззамом, и дождавшись его ухода с пустой посудой, они начали беседу.

— Моё имя Ихлас, — представился предводитель каравана. — Сян дуглу Хаан-бек доверил мне караван и велел встретиться с тобой, Яншенук. Он желает тебе доброго здоровья и благополучного достижения цели.

— Ихлас, передай мою благодарность за пожелания и скажи, что я делаю всё, что возможно. На моей стороне два визиря, Кутуз и Аасим. Они прежде поддерживали главного визиря Джарбаша и

теперь помогают мне. Нам удалось выявить лазутчиков огузов и передать Фатих-шаху. И сделал это по моему велению визирь Кутуз. Так что, возможно, он займёт место главного визиря, но этого пока не случилось. Кроме этих визирей есть и другие люди из числа сановников и военачальников. Выделенное золото я пока не применял. Эти люди готовы служить без каких-либо условий. У визирей есть просьба ко мне, а я обращаюсь с ней к сян дуглу Хаан-беку. После прошедших военных действий к вам в плен попал раненый визирь Гачай. Так вот, я прошу сян дуглу Хаан-бека помочь вернуть его на родину. Если это будет возможно, то и он станет здесь помогать. Это пока всё, — сообщил Яншенук.

— Понятно, Яншенук. Я всё передам сян дуглу Хаан-беку. Ну а что касается визиря Гачая, то он прибыл со мной. Сян дуглу Хаан-бек предусмотрел такую просьбу и велел доставить его сюда. Он почти поправился после ранения, но ему следует немного подлечиться. Я задержался в пути именно из-за доставки его сюда. Дело в том, что просто так привезти его с караваном я не мог. Это вызвало бы подозрения Фатих-шаха. Так что пришлось всё организовать так, будто ему удалось сбежать из плена и добраться сюда довольно простым путём. В связи с побегом у нас в ставке ведутся поиски. То есть всё выглядит весьма правдоподобно. Ты понимаешь, для чего это делается, — Ихлас кивнул и выдержал паузу, давая понять, что всё это устроено для достоверности на случай, если у Фатих-шаха возникнут сомнения. — Визирь Гачай, скорее всего, сейчас в главной юрте у Фатих-шаха. Как только он уладит все свои дела, сам выйдет на Джарбаша и, соответственно, на тебя, Яншенук. Поскольку мы с тобой больше не будем встречаться ради безопасности, то я хочу спросить: есть ли у тебя какие-то просьбы к сян дуглу Хаан-беку?

— Нет, Ихлас, просьб нет, — выслушав Ихласа, ответил Яншенук. — У меня есть один вопрос.

— Говори, — с готовностью кивнул Ихлас.

— Как мне относиться к Берджу? Он странный человек и едва не подвёл меня, вступив в связь с лазутчиком огузов, от которого пришлось избавиться навсегда, дабы избежать возможных неприятностей, — задал вопрос и пояснил его причину Яншенук.

— Берджу ничего о тебе и Джарбаше не знает. Он выполняет свои обязанности, и не больше того. Его встречи с кем-либо тоже связаны с особым заданием. Так что старайтесь как можно меньше

общаться — и не будете мешать друг другу. Я скажу больше. Если вдруг с ним что-то случится или же им всерьёз заинтересуются люди Фатих-шаха, то вы ни при каких обстоятельствах не вмешайтесь в это дело и не становитесь на его защиту. Это веление сян доглу Хаан-бека. Со всем, что может произойти, пусть справляется только он сам без какой-либо, даже малейшей помощи от вас. Вы для всех здесь являетесь всего лишь наёмными работниками. Я понятно объяснил ситуацию? — ответив на вопрос Яншенука в свою очередь спросил Ихлас.

— Да, Ихлас, всё понятно, — кивнул Яншенук.

— Ну тогда всё. Мне пора уходить, — поднялся на ноги Ихлас.

Яншенук тоже встал. Они попрощались, приложив руки к груди и слегка склонив головы.

* * *

— Визирь Гачай, то, что с тобой произошло, признаюсь, очень меня беспокоит. Мне непонятно, почему визирям Кутузу и Аасиму удалось вырваться из западни, устроенной усунями, да к тому же спасти большую часть воинов, а у тебя этого не получилось, и ты оказался в плену у врага, понеся огромные потери вверенной тебе армии. У каждого из вас троих было равное количество войск. Условия тоже были схожими. Так почему двое, пусть даже с большими потерями, сумели разорвать кольцо окружения и отступить на нашу территорию, а ты не справился с этой ситуацией? Можешь не отвечать на этот вопрос. Я сам тебе объясню причину такого поведения. Всё дело в том, что ты, визирь Гачай, не подготовился надлежащим образом к этому походу. Ты не отнёсся к порученному заданию с должной ответственностью. Ты не счёл нужным серьёзно отнестись к моему велению. В этом походе ты повёл себя так, словно совершал прогулку на свежем воздухе. Ты проявил недисциплинированность, легкомыслие и, как следствие, ненадлежащее исполнение своих прямых обязанностей, что и привело к такому печальному результату...

Фатих-шах восседал на своём троне и с явным недовольством и раздражением выговаривал визирю Гачаю всё, что думал в связи с его поведением во время военных действий.

— Теперь ты стоишь передо мной в ожидании решения относительно твоей дальнейшей судьбы. На что ты рассчитывал, совер-

шая побег из плена и стремясь попасть в свои земли? На моё понимание? Или же, того хуже, на жалость? Так вот, визирь Гачай, не жди от меня ни того, ни другого. Признаюсь, я всегда ценил тебя за преданность и за твой ум, но ты не оправдал моих надежд как военачальник. Я очень рассчитывал на тебя в этом первом походе против усуней. Рассчитывал больше, чем на визирей Кутуза и Аасима, но они сумели проявить самые лучшие качества, как выяснилось, превосходящие твои. Я ошибся в тебе, визирь Гачай, и от этого, не скрою, испытываю очень большое разочарование. А ведь я планировал назначить тебя своим главным визирем. Теперь я понимаю, что правильно поступил, отложив вопрос с повышением по службе до окончания этого похода. Скажу больше, визирь Гачай, пока ты там находился, испытывая весь позор, связанный с таким унижительным положением, визири Кутуз и Аасим продолжали здесь надлежаще выполнять обязанности. Они не потеряли силы духа и достойного самообладания после нанесённого поражения, за которое ещё ответят усунь. Более того, визирь Кутуз проявил себя в очередной раз как очень способный и умный сановник и доказал, что я не зря однажды назначил его на столь высокий пост. Он сумел выявить, изобличить и обезвредить целую группу лазутчиков огузов, которые, как оказалось, действовали в наших землях много лет. Хотя главаря и не удалось схватить, но все его люди в наших руках и уже дают показания визирю Кутузу. К тому же он нашёл и доставил их тайную казну. Вот как нужно проявлять свою преданность мне и свои возможности в деле служения, визирь Гачай. А теперь ступай, лечись, но пределы главного стойбища не покидай, — с явным пренебрежением махнув рукой визирю Гачаю, отпустил его Фатих-шах.

Как только визирь Гачай покинул юрту, Фатих-шах хлопнул в ладони. Вошёл начальник личной охраны. Он склонил голову и приложил руку к груди, ожидая велений правителя.

— Пусть срочно явится визирь Аасим, — приказал Фатих-шах.

— Слушаюсь, светлейший шах.

* * *

— Визирь Аасим, я хочу поручить тебе одно очень важное задание, — начал Фатих-шах сурово. — Как ты знаешь, визирю Гачаю удалось сбежать из плена усуней и добраться сюда. Он ранен и не поправился окончательно. Ты должен узнать всё об обстоятель-

ствах его пленения — как и почему это произошло. Допроси всех оставшихся в живых и избежавших пленения воинов и военачальников. Узнай также, как ему удалось добраться до наших земель. Мне известно, что на базар прибыл караван от усуней. Почти одновременное появление визиря Гачая и этого каравана, скажу прямо, у меня вызывает серьёзное подозрение. Займись им очень тщательно. Я наделяю тебя особыми полномочиями в этом деле. Можешь при необходимости взять под стражу всех людей из этого каравана и даже подвергнуть пытке. Главное — узнай всё, что связано с визирем Гачаем. Кроме того, воспользовавшись тем, что визирь Гачай нуждается в лечении, направь своего лекаря. Пусть осмотрит раны и постарается определить давность нанесения и оружие, которым их причинили. Полученные сведения сравни с показаниями воинов и военачальников визиря Гачая... И вот ещё что, визирь Аасим. Найди на базаре торговца по имени Берджу. Вели ему срочно отправляться в земли усуней. Пусть там узнает всё о побеге пленного визиря Гачая. Всё и основательно. Я должен знать всю правду об этом. Ты понял меня, визирь Аасим?

— Да, светлейший шах, я всё понял и всё исполню, — визирь Аасим низко склонился и прижал руку к груди.

— Ступай, — повелел Фатих-шах

— Слушаюсь, светлейший шах.

* * *

— Властитель, Фатих-шах, как выяснилось, пока не доверяет визирю Гачаю. Он запретил ему покидать пределы главного стойбища. Также визирь Аасим сообщил, что Фатих-шах поручил провести серьёзную и основательную проверку в отношении визиря Гачая. Это касается всех обстоятельств, связанных с ним: и пленения, и получения ранений, и побега из плена, и того, как он добрался сюда. Кроме этого, Фатих-шах велел визирю Аасиму срочно направить торговца Берджу в земли усуней с целью узнать всё о побеге визиря Гачая из плена и о происходящих там событиях, связанных с этим. Ко всему этому Фатих-шах велел Аасиму послать своего лекаря к визирю Гачаю, дабы тот высказал мнение о ранах Гачая. Так что, властитель, от результатов этих проверок будет всецело зависеть не только дальнейшая судьба визиря Гачая, но и его жизнь, — доложил Джарбаш Яншенуку последние новости.

— Что ж, Джарбаш, этого и следовало ожидать. На ком-то Фатих-шах должен был сорвать свой гнев за поражение от усуней. И визирь Гачай оказался самым подходящим для этого сановником и военачальником. А ты как думал? Фатих-шаху нужно как-то оправдать перед народом и поражение, и понесённые потери — убитых, раненых и попавших в плен подданных. До появления визиря Гачая он, хоть и без особого рвения, пытался возложить всю вину на визирей Кутуза и Аасима, но делал это очень осторожно, так как понимал, что, выставляя все в таком свете, может отдалить их от себя, а без них будет очень сложно справляться со всеми делами и управлять народом. Визирь Гачай более всего подошёл для этого по многим причинам, к которым относятся и большие потери среди воинов и военачальников в его части войск, и пленение многих из них, в том числе и его самого, и, наконец, побег и появление здесь без своих людей, оставшихся там. Визирю Гачаю, конечно же, не позавидуешь в его теперешнем положении, но ничего страшного, Джарбаш, не произошло. Всё это было предсказуемо. Он, безусловно, сильно переживает, поскольку не может знать того, что проверка в отношении его поручена визирю Аасиму, человеку из числа его сторонников. К тому же и торговец Берджу, который сегодня отбывает в земли усуней, привезёт оттуда нужные сведения. Ну а с лекарем, который будет его осматривать и лечить, тоже разберётся визирь Аасим. Пусть визирь Гачай немного потерпит. Ничего не поделаешь, как должно было случиться, так и вышло. Чем больше страдается, тем слаще будет вкус освобождения от пережитого. А это случится очень скоро. Меня беспокоит другое. Визирь Аасим, исполняя одно из велений Фатих-шаха, связанных с визирем Гачаем, должен будет заняться караваном усуней. Вполне возможно, что за его действиями будет следить кто-то из лазутчиков Фатих-шаха. Поэтому визирь Аасим должен будет выглядеть очень убедительно, а значит, быть решительным и жёстким. Не подведёт ли кто-нибудь из караванщиков своего предводителя? Вот что сейчас важно для нас для всех. Очень надеюсь на то, что люди в караване подобраны стойкие и верные своему делу и предводителю. Было бы хорошо, если бы никто из них ничего не знал ни о своём предводителе, ни о том, кто он на самом деле, ни о глубинной цели, с которой караван прибыл сюда. Вот об этом мы с тобой, Джарбаш, не осведомлены. Предупредить предводителя каравана мы не

можем. Моя встреча с ним была первой и последней. Это он дал понять вполне однозначно. К тому же теперь, я уверен, за ним следят люди Фатих-шаха, конечно же, без ведома визиря Аасима. Сам же визирь Аасим всё это понимает и постарается сдерживать своих палачей, дабы они своими стараниями не превзошли пределы человеческих возможностей, так как все люди разные и каждый имеет свой уровень выносливости.

Яншенук замолчал, что-то обдумывая.

— Властитель, если мы не можем предупредить предводителя каравана, то, может быть, визирь Аасим как-то даст понять, чтобы он указал на своих людей, способных выдержать пытки? — предложил Джарбаш.

— Это опасно, Джарбаш. Риск слишком велик. Глаза и уши Фатих-шаха повсюду, — резонно подметил Яншенук.

— Да, властитель, я понимаю. Визирь Аасим во всех поручениях Фатих-шаха, кроме этого, точно знает, что делать и какой от этого будет результат. А с караваном он угодил в сложное положение. Там всё непредсказуемо и совершенно не зависит от него и от его действий. Теперь вся надежда на то, что предводитель каравана всё тщательно продумал перед выступлением в дорогу к нам, — согласился с Яншенуком Джарбаш.

— Нам остаётся только ждать, — произнёс Яншенук.

* * *

Визирь Аасим с крупным отрядом в сопровождении главного смотрителя базара прибыл к месту, где разместился караван усуней. Навстречу вышел предводитель каравана Ихлас. Воины визиря разъехались в стороны и широким кольцом охватили часть поселения чужеземных торговцев, где находился караван усуней.

— Где твои люди, предводитель каравана? — спешившись и передав коня подбежавшему воину, спросил Ихласа визирь Аасим.

— Что случилось, властитель? — покорно склонившись, удивился Ихлас.

— Собери всех до единого вон там, — приказал визирь Аасим, показав рукой на место возле длинной коновязи, что размещалась рядом с юртой Ихласа.

— Но для чего? Что произошло? — не унимался Ихлас, изображая напуганного простачка.

— Немедленно собери всех! — сурово повторил приказ визирь Аасим.

— Хорошо, хорошо, — выставив перед собой ладони, стараясь успокоить его, закивал Ихлас и побежал к небольшому загону для скота, где были лошади и верблюды каравана, крича на бегу: — Эй, все сюда! Все ко мне! Живо!

Услышав голос предводителя, стали сбегаться люди, кто выскакивая из-за ограждения загона, кто из ближних юрт. Их было около двух десятков — погонщики и охранники каравана. Они все сгрудились возле него.

— Все здесь? Никто не остался? — вытянув шею и разглядывая их, крикнул Ихлас.

— Да, предводитель, мы все тут, — ответил кто-то из толпы.

— Идите за мной да не отставайте, — махнув им рукой, Ихлас быстро зашагал к коновязи.

Все во главе с Ихласом выстроились перед коновязью рядком и молча склонили головы. Визирь Аасим в сопровождении главного смотрителя базара, довольно тучного телом низкорослого мужчины средних лет с глазами навывкате, заложив руки за спину, стал медленно проходить мимо них и рассматривать каждого, приказывая поднимать голову. Дойдя до последнего, он развернулся и спросил главного смотрителя базара:

— Все здесь?

— Да, мой властитель, все, — подобострастно заглядывая ему в глаза, закивал тот, отвечая тонким голосом и разводя короткие руки в стороны. — Куда им деваться-то? У меня всегда порядок.

— Ты уверен, главный смотритель? — сверля его жёстким взглядом, вновь задал вопрос визирь Аасим. — Если кого-то упустил, смотри у меня!

— Я мигом ещё раз гляну на них, с твоего позволения, мой властитель, — испуганно сказал главный смотритель базара, низко склонившись.

Визирь Аасим слегка кивнул. Тот зашагал на коротких, толстых ножках мимо караванщиков, тыкая жирным пальцем каждому из них в грудь. Дойдя до последнего, он замер с озабоченным видом, потирая лоб, затем развернулся и зашпешил к визирю Аасиму.

— Ну что, все? — недовольно спросил его визирь Аасим.

— Одного нет, мой властитель, — дрожащим голосом сообщил тот.

— Предводитель каравана, подойди ко мне, — взглянув на Ихласа, махнул рукой визирь Аасим.

Ихлас подбежал и склонил голову.

— Где ещё один твой человек? — сурово спросил визирь Аасим.

— Властитель, главный смотритель прав, — не поднимая головы, пожав плечами, тихо ответил Ихлас.

— Где он? — терпеливо осведомился визирь Аасим.

— С утра был здесь, властитель. Куда подевался, не могу понять, — Ихлас поднял голову и виновато посмотрел на визиря Аасима, затем мельком взглянул ему за спину и воскликнул: — Да вон же он! Ну и задам я ему! Всегда он так, паршивец. Как работать, так его нет, а как где-то пошататься, так равных не найдёшь!

Визирь Аасим и главный смотритель оглянулись и увидели человека, стоящего за конными воинами. Визирь Аасим махнул рукой сотнику, чтобы он пропустил человека. Тот всё исполнил, и человек подбежал к ним, замер и опустил голову. Это был щуплый юноша с жиденькой рыжей бородкой. Он вытер нос и потёр этой рукой о подол старой овечьей шубы с множеством заплат на локтях, явно великоватой для него.

— Где ты ходишь, баран?! — закричал Ихлас.

— Прости, предводитель, я больше не буду, — едва не плача, виновато пробормотал юноша.

— Иди к остальным, — осмотрев его с ног до головы, смягчившись в голосе, приказал визирь Аасим.

Юноша, так и не поднимая головы, низко поклонился и неуклюже побежал к коновязи. Его шуба и со спины вся была залатана. Он встал в конце ряда караванщиков. Ближний из них ударил его по затылку и сбил с головы шапку. Юноша молча наклонился, взял её и надел.

— Теперь все? — взглянув на главного смотрителя, спросил визирь Аасим.

— Да, мой властитель, теперь точно все, — успокаиваясь и вытирая пот со лба, закивал тот.

Визирь Аасим поднял руку, и к нему тут же, спешившись, подбежал десятник и замер в почтительной позе.

— Внимательно осмотри всех и скажи, все ли здесь и видел ли ты их на дальней дороге два дня назад? — приказал визирь Аасим.

Десятник посмотрел в лицо Ихласу, затем подошёл к караванщикам и стал рассматривать каждого так же внимательно. Дойдя до юноши, он даже не взглянул на него и вернулся к визирю Аасиму, вновь прижав руку к груди и склонив голову.

— Что скажешь, десятник? — спокойно спросил визирь Аасим.

— Властитель, это точно они. Здесь все. Я запомнил, как вон тот, что сейчас опоздал, тогда мучился животом и почти всё время сидел в стороне. Ну, по нужде, — в конце запнувшись и кашлянув в кулак, ответил воин. — Я запомнил его ещё и по старой с заплатами шубе.

— Я понял тебя, десятник. Весь товар в этом караване проверяли?

— Да, властитель, мы надолго их тогда задержали из-за этого. Караван большой, и товара было много, — отчеканил десятник.

— Что-то подозрительное было? — продолжал спрашивать визирь Аасим.

— Нет, властитель, такого не было, — мотнул головой десятник. — Они вели себя спокойно и не мешали нам. Был уже вечер, когда мы закончили. После нашей проверки они тронулись дальше в путь и с наступлением темноты, как я заметил, встали на ночлег в отдалении.

— Можешь отправляться к своим воинам, — кивнул визирь Аасим.

Десятник склонил голову, приложил руку к груди и побежал к своему коню.

— Предводитель каравана, я буду говорить с каждым твоим человеком по отдельности в этой юрте, — визирь Аасим кивнул на юрту Ихласа. — Всем оставаться здесь. В конце ты ответишь на все мои вопросы. Первым пусть зайдёт ко мне тот юноша, — визирь Аасим кивнул на провинившегося. — Покажи весь товар сотнику. Он со своими людьми осмотрит его. И покажи все свои юрты. — Визирь Аасим оглянулся и кивнул сотнику, который тут же спрыгнул с коня и подбежал, приложив руку к груди и слегка склонив голову.

— Предводитель каравана покажет тебе весь свой товар. Осмотри его тщательно. Осмотри и его юрты, — взглянув на сотника, повелел визирь Аасим.

— Слушаюсь, властитель, — кивнул сотник.

Визирь Аасим посмотрел на главного смотрителя базара и пошёл к юрте. Тот понял его и поспешил следом. Когда они вошли внутрь, несколько воинов подбежали и встали по бокам от входа и перед караванщиками.

— Властитель, я заметил, как Аззам, оставленный Берджу вместо себя, ещё затемно вышел из юрты, и с ним был какой-то человек. Он скрытно провёл его куда-то и вернулся к себе, — утром сообщил Яншенуку новость Джарбаш.

— Да, Джарбаш, я заметил, что в последнее время Берджу и Аззам очень сблизились. Аззам — толковый работник, такого, видимо, Берджу и искал, коль на него оставил всё своё хозяйство и даже поселил с собой в юрте. Значит, доверяет ему. Я не против. Пусть так и будет. Ты же видишь, что Аззам очень доволен жизнью здесь, так зачем же мешать ему. А по поводу человека, которого ты заметил, так ты не беспокойся, Аззам придёт и всё сам нам расскажет. Скоро он появится, — спокойно произнёс Яншенук.

Вскоре после его слов в юрту вошёл Аззам. Он принёс еду.

— Как ты, Аззам, справляешься с делами, пока Берджу в отъезде? — присаживаясь к подносу с пищей, поинтересовался Яншенук.

Джарбаш тоже присел и приступил к трапезе, поглядывая на Аззама.

— Властитель, тут такое дело, — опутившись на место рядом с Яншенуком, начал тихо говорить Аззам. — Берджу за день до прибытия каравана из земли усуней почти на всю ночь куда-то уезжал, один, но с запасной лошастью, а к утру вернулся и привёз с собой человека и какие-то вещи. В мешках больших привёз. Ну, значит, тайком ото всех. Этот человек оказался совсем юным. Ну, юноша. Так вот, Берджу ничего о нём не сказал, но велел сегодня пораньше выпустить его из юрты, чтобы никто не заметил, и показать ему место, где стоит прибывший из земли усуней караван, что я и сделал. Кто этот юноша, откуда и для чего здесь появился, я не знаю.

— Понятно, Аззам. Ты всё правильно сделал. Берджу тебя ценит и доверяет тебе, так что не подводи его, — одобрительно произнёс Яншенук.

— Это всё, властитель. Пойду, с твоего позволения, работы много, — поднимаясь, сказал Аззам и вышел из юрты.

— Властитель, что это всё значит? — удивился Джарбаш.

— Джарбаш, Берджу, как всегда, всего лишь исполняет возложенные на него обязанности, для чего и находится здесь, — отпив из чаши горячий бульон, объяснил Яншенук. — Если я всё правильно понимаю, то этот юноша, тайно привезённый Берджу,

нужен в караване для точной численности людей. Скорее всего, Ихлас до первого дозора канглов вёз в караване и визиря Гачая, и этого юношу, но перед проверкой передал юношу Берджу, прибывшему к нему. Визирю Гачаю оставалось лишь скрывать своё лицо от дозорных. Думаю, что он умело это делал. Ты же знаешь, что дозорные всегда считают количество караванщиков. Каждого из них, мне кажется, почти невозможно запомнить, и к тому же для дозорных важнее проверить груз, а не людей. Дополнительных лошадей, которые всегда есть у охраны каравана, тоже не считают. Ну это не столь важно. Так вот, пройдя и второй дозор, ближний к главному стойбищу, где их тоже считали и проверяли груз, Ихлас отпустил визиря Гачая, дав ему одну из лошадей, дабы дальше он сам добирался, а вместо него, на случай если вдруг вновь будут считать людей, этот юноша и понадобится. Главный смотритель базара, кстати, тоже должен знать количество людей в каждом прибывшем на его территорию караване. Хотя, должен отметить, что здешний главный смотритель очень ленив и безмерно жаден, и за определённую мзду он не станет утруждать себя подобной работой. Конечно, если бы визирь Гачай был здоров, то Ихлас отправил бы вместе с Берджу его...

— Властитель, получается, что мы с тобой зря переживали по поводу каравана и его предводителя. Он всё продумал заранее. Теперь визирю Гачаю остаётся лишь объяснить визирю Аасиму, как ему удалось сбежать из плена и добраться до главного стойбища. Думаю, что и это они продумали до мелочей, что и должен будет подтвердить по возвращении Берджу, — довольно произнёс Джарбаш.

— Да, всё так и есть, Джарбаш. Я поступил бы точно так, как говорю тебе. Это, на мой взгляд, и не слишком запутанно, чтобы самому в случае чего не ошибиться, и, что важнее всего, выглядит очень правдоподобно, — Яншенук посмотрел на Джарбаша и улыбнулся. — Ты же знаешь, как обычно сбегают из плена. Сперва убивают стражника и переодеваются в его одежду, затем крадут чью-то лошадь, ну а потом тайком, избегая встреч с дозорами, добираются до своих земель. А в случае с визирем Гачаем всё ещё проще выглядит. Он же раненый военачальник, и его содержали отдельно от других пленённых вместе с ним людей, так что возможностей для побега оказалось больше. По пути он увидел идущий в его земли караван и пристроился за ним, держась на отдалении и скрытно объезжая

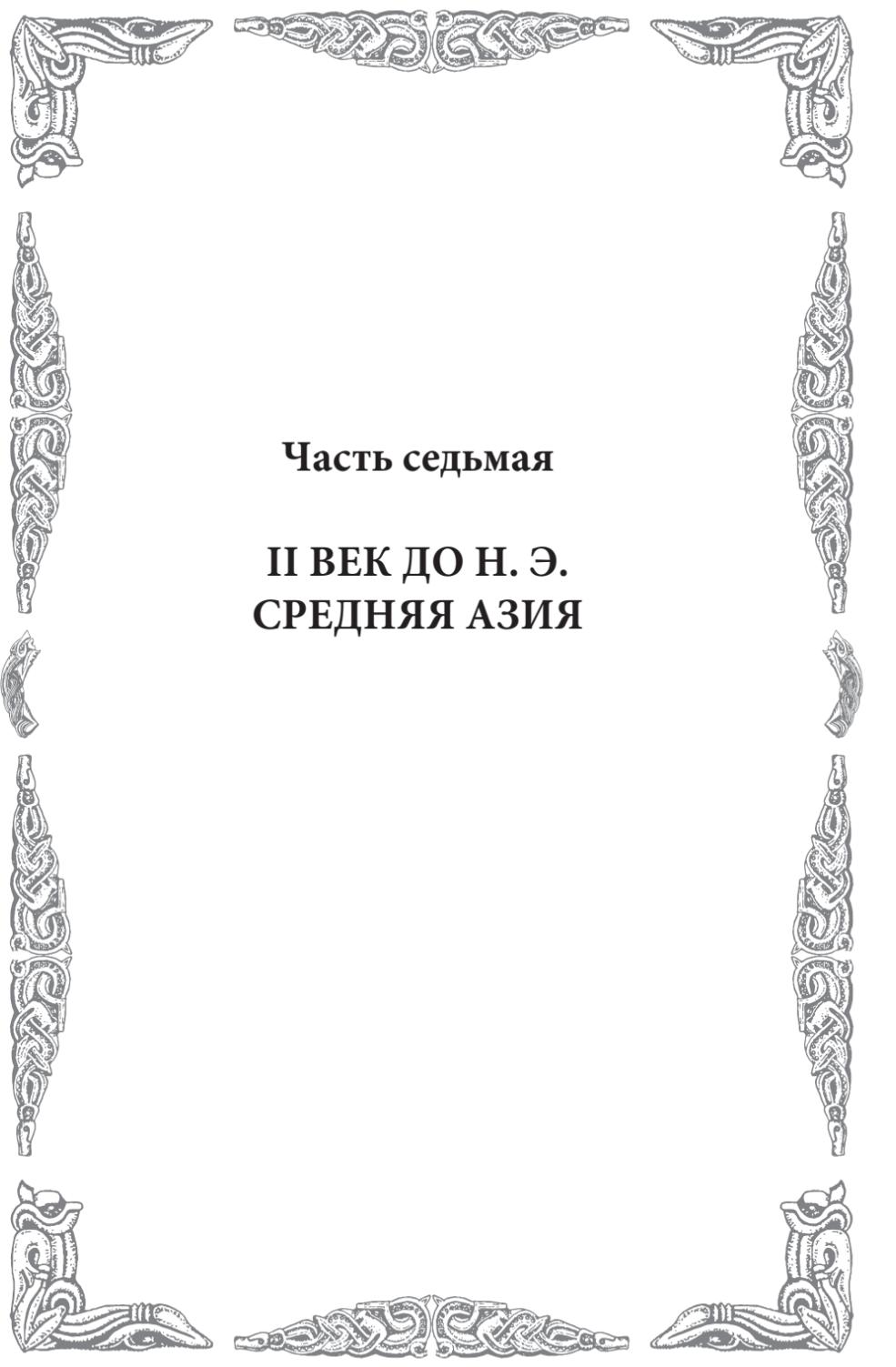
дозоры, которые проверяли торговцев. Примерно вот так, как мне кажется, и будет выглядеть история побега визиря Гачая. Берджу вернётся из главного стойбища усуней и подтвердит почти всё это, кроме пути его продвижения, о котором он, конечно же, узнать не мог, но который и так всем понятен. К тому же становится ясным и то, почему он сбежал в одиночку. Всё выглядит весьма правдоподобно. Сам же Берджу был оповещён об этом юноше тоже заранее и знал, когда и где забрать его и когда выпустить здесь. Может быть, в каких-то небольших деталях я и ошибаюсь, но в общем и целом, думаю, прав. Теперь и о ситуации с визирем Гачаем, и о положении каравана вместе с предводителем нам не придётся переживать. Полагаю, визирю Аасиму не придётся подвергать пыткам кого-то из караванщиков. О результатах проверки визирь Аасим сообщит Фатих-шаху, и тот, я уверен, будет вынужден впредь относиться к визирю Гачаю без каких-либо подозрений в измене. И это тоже хорошо, Джарбаш, но мы с тобой не должны расслабляться.

— Это верно, властитель, — согласился Джарбаш и вдруг засмеялся.

— Чего это ты? — Яншенук посмотрел удивлённо.

— Я, властитель, подумал об этом юноше, — смеясь ещё сильнее, пытался объяснить Джарбаш. — Ох и натерпелся бедолага, сидя в мешке, пока его вёз сюда Берджу!

— А, вот ты о чём! — тоже рассмеялся Яншенук. — Да, он должен был быть совсем щупленьким, чтобы таким образом добратъся до места.

Часть седьмая

II ВЕК ДО Н. Э.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Г Л А В А П Е Р В А Я

Наступила долгожданная весна. Тёмные, холодные и долгие ночи уже уступали свои права светлым, тёплым и всё более продолжительным дням. Снег повсюду сходил, становясь рыхлым, чернея, подтаивая и оседая, плавно превращаясь во влагу, столь нужную для пробуждающейся земли. Реки освобождались от сковывавших движение льдов, оживая и наполняясь водой, бурля и разливаясь из берегов, словно желая заявить всей округе о вновь обрётённой свободе.

Прошло немного времени, и, как это всегда бывает, природа неузнаваемо преобразилась. От зимних однообразных видов не осталось и следа. Всё и всюду обрело яркое разноцветье и зазвучало всевозможными звуками. Растительность зацвела, источая густые запахи, то отталкивающие резкостью, то манящие нежностью. Птицы наполнили разноголосым щебетом лесные чащи и прибрежные заросли благоухающих кустарников. Насекомые, жужжа и стрекоча, кружили над молодой травой.

Земля, окутанная теплом, впитав в себя снежные соки, утолив жажду обширным половодьем, иссушив до дна бесчисленные лужицы, наконец-то стала открывать дороги заждавшимся путникам, одаривая за долгое терпение доступными и проходимыми просторами, продуваемыми пыльными ветрами и изредка орошаемыми первыми лёгкими дождиками.

* * *

В землях огузов после недолгого волнения, связанного со скоропостижной и загадочной кончиной Хан-суна-шаха, благодаря усилиям нового повелителя Карим-шаха наступило спокойствие. Жизнь народа, всколыхнувшаяся тревожной новостью о смерти шаха, правившего много лет, постепенно вошла в обычное русло, став, как прежде, размеренной и безмятежной. Узнав о том, что

на трон взошёл не какой-нибудь безродный сановник, а потомок очень знатного и древнего рода, равного по величию роду покойного шаха, люди даже в самых отдалённых стойбищах благодарили Небеса за ниспосланное благо в лице такого родовитого и справедливого повелителя, давно известного благородными поступками.

Карим-шах же, окружив себя самыми отважными и верными подданными, среди которых оказались даже простолюдины, возвышенные за преданность в самые трудные для него дни, что вызвало неподдельный восторг у народа, стал править землями огузов уверенно и в строгом соответствии с установленными издревле обычаями и традициями.

* * *

Правитель канглов Фатих-шах, одолеваемый жаждой мести усуням за зимнее поражение, завершал подготовку войск к предстоящей войне. Учитывая печальные итоги первого столкновения своей армии с войсками противника и по этой причине не доверяя всецело визирям в деле подготовки к войне, он часто покидал ставку — отправлялся к войсковым подразделениям и устраивал смотры, очень придирчиво оценивая всё: и воинов, и оружие, и лошадей, и амуницию, и провиант, задавал различные, на первый взгляд, простые, но очень значимые в условиях военного времени вопросы военачальникам всех рангов, тем самым проверяя уровень их готовности. Визирей он всегда брал с собой, дабы они на его личном примере видели, каким образом следует готовиться к войне. День и ночь Фатих-шах с визирями проводил в военных лагерях, постоянно требуя тех или иных действий, выматываясь до бессилия сам и изматывая их до изнеможения. И только когда завершил проверку самой последней сотни, он вернулся в ставку окончательно, отпустив на короткий отдых визирей.

Яншенук и Джарбаш вынужденно бездействовали. В отсутствие визирей Кутуза, Аасима и Гачая, их сторонников, они не могли что-либо предпринимать для достижения своей цели и вместе с Аззамом занимались делами торговли, помогая Берджу, словно действительно были его работниками. Даже появившись наконец в главном стойбище вместе с Фатих-шахом, эти визири из-за сильной занятости не могли уделять должного внимания Яншенуку, от чего он чувствовал себя менее уверенным. Он пытался с понима-

нием относиться к ним, но от этого не становилось легче. Порой ему казалось, что они больше не проявляют интереса к плану о его восхождении на трон канглов, и без этого занимая высокие посты визирей при Фатих-шахе, ведь в случае прихода его самого к власти в их положении ничего не изменится — они, как и прежде, будут визирями. Эти мысли расстраивали больше других. Яншенук понимал, что для любого активного действия человеку нужен живой интерес, нужны побуждающие причины, нужна абсолютная уверенность в значительном улучшении существующего положения. Без этого, думал он, нет смысла заниматься чем-то с полной самоотдачей, идти на риск и выкладываться в полную силу, не щадя себя и времени, посвящая чему-то себя целиком и полностью. Поведение визирей теперь он воспринимал именно так. Ощущение того, что он оказался в тупике, усиливалось с каждым днём. Без помощи визирей он чувствовал себя подобно калеке, утеравшему обе руки. Он очень отчётливо осознал, что захватить власть в ближайшее время не удастся, и в связи с этим стал понимать, что войну между канглами и усунями уже не предотвратить.

* * *

Куньбек Янгуй созвал высший совет, последний перед предстоящей войной с канглами, о неизбежности которой знали все, от детей до стариков. На совете он обратился к властителю восточного крыла цзо дуглу Бэйтими-беку, призвав его к особой бдительности, так как опасался возможного прихода с востока войск хуннов, направленных шаньюем Модэ для наказания усуней за самовольный уход из-под его подданства. Также куньбек Янгуй дал понять, что в случае наступления хуннов он, цзо дуглу Бэйтими-бек, должен будет рассчитывать только на свои силы, поскольку армии западного и главного крыла будут воевать с канглами и оказать помощи не смогут. Повелев дуглу Наби-беку проверить готовность всеобщего ополчения, а властителям главного и восточного крыла сян дуглу Хаан-беку и сян дуглу Юити-беку привести все войска в полную боевую готовность, куньбек Янгуй объявил о закрытии совета.

Оставшись наедине с сян дуглу Хаан-беком, куньбек Янгуй сообщил о том, что день его свадьбы с Дильбар переносится на неопределённый срок и будет уточнён после завершения военных действий.

Г Л А В А   В Т О Р А Я

На западных рубежах усуней всё чаще и чаще стали происходить столкновения между их дозорными отрядами и дозорами канглов, причём каких-либо особых причин для этого не было. Если раньше они видели друг друга на расстоянии и избегали близких встреч, то теперь канглы немедленно атаковали усуней, словно у них был на подобный случай именно такой приказ. Схватки всегда были ожесточёнными и с переменным успехом. Потери воинов были с обеих сторон.

Усуни не сомневались в том, что очень скоро, в течение ближайших нескольких дней, армии канглов вступят в их земли, и начнётся война, о которой в народе велись разговоры почти всю прошедшую зиму.

* * *

— Бо, что-то мне не по себе. В прошлый раз, когда мы с тобой были в дозоре в лесу возле высохшего русла, я как-то лучше себя чувствовал, а нынче озноб колотит, хотя тогда было холодно, не как теперь. Как думаешь отчего? — тихо спросил Жимшак, взглянув на напарника, ехавшего рядом, и поправил на голове кожаный шлем.

Стояло раннее туманное утро. За спинами остались перелески, плавно переходящие в густой дремучий лес, а впереди лежало огромное холмистое пространство, трудно просматриваемое из-за тумана, стелющегося по-над землёй.

— Это, Жимшак, от страха. Тогда мы готовили западню врагу и были уверены, что он угодит в неё, а теперь этого нет, вот ты и побаиваешься, думая о том, как бы самому не угодить в засаду, — быстро посмотрев на него и продолжая оглядывать открытую местность перед собой, ответил Бо. — Ты не думай об этом, и всё пройдёт. Со мной в твои годы такое тоже бывало... — Не успел Бо договорить, как из-за невысокого холма впереди вылетел отряд канглов, не меньше сотни воинов, и помчался прямо на них.

— Вот и началось, — остановив коня, прошептал Бо, выхватывая лук из налучья за спиной. — Жимшак, быстро скачи обратно и предупреди наших, а я постараюсь придержать этих.

Он заложил стрелу, быстро прицелился, выпустил и сразу же снарядил следующую. Жимшак не ожидал от старика такого проворства. Он увидел, как ближний к ним всадник хоть и был на отдалении, но опрокинулся с коня и упал на землю.

— Живо скачи! — заорал Бо.

Жимшак суетливо повернул лошадь и пустил её с места вскачь. Старик выпустил ещё несколько стрел и помчался вслед Жимшаку. Канглы быстро настигали и вскоре сразили его из лука. Стрела попала между лопаток, пробив толстый кожаный панцирь. Старик сначала откинулся назад, но потом согнулся и прижался к конской гриве, бессильно свесив руки и выронив лук. Его конь продолжал мчаться и влетел в ближний перелесок.

Канглы, выплывая из тумана, сотня за сотней появились по всей долине, передовыми отрядами — клиньями вступая в редколесье на окраинах густых лесных дебрей. Вся округа наполнилась грохотом копыт, лязгом оружия, голосами людей и ржанием лошадей.

Прошло совсем немного времени, и из перелесков обратно помчались их воины, но теперь небольшими группами и поодиночке. Они показывали руками за спины и что-то кричали. Многие были ранены стрелами и короткими, торчащими из них копьями. Увидев бегущих, военачальники остановили продвижение войск. Они оглядывали чернеющую окраину леса, стоявшую перед ними, подобно длинной стене, расплывающейся в тумане где-то далеко слева и справа. Пока там никого не было видно. Из передовых сотен, вошедших в лес, кроме тех нескольких десятков воинов, что уже вернулись, никто больше не появился. Выждав какое-то время, военачальники указали мечами вперёд. Войска двинулись к лесу, но не успели пройти и двух десятков шагов, как из-за деревьев полетели в них тысячи стрел. Они не заметили их из-за тумана и сумерек, но поняли, что происходит, когда сотни всадников стали падать на землю, кричать и стонать. Враг, скрываясь в лесу, нанёс удар из дальнобойных луков. Стрелы тучами летели и летели, сражая и воинов, и лошадей. Небольшие круглые щиты никого не могли прикрыть.

В войсках возникла паника. Всадники потеряли строй и стали мешать друг другу. Военачальники подали сигнал к отступлению, его, как всегда, продублировали сотники идесятники. Но теперь

началась давка. Порядок был окончательно нарушен, а враг продолжал осыпаться стрелами. Тыловые сотни стали отходить, за ними в полном беспорядке двинулись остальные.

Когда канглы отошли от окраины леса на расстояние двух полётов стрелы, по всей его длине из-за деревьев выступили конные усунь и помчались лавинами, на скаку выпуская стрелы. Они быстро настигли канглов и вступили в ближний бой. Утерев с самого начала сражения боевой дух, канглы под сокрушительным натиском усуней вскоре обратились в бегство, и никакие команды военачальников, призывавших к продолжению сопротивления, уже не имели воздействия.

Солнце едва появилось над горизонтом, а канглы, понеся значительные потери, уже покинули долину, спешно отходя к своим землям. Это была одна из пяти армий, вступивших в земли усуней по пяти разным направлениям. В каждой — по двести сотен. Ещё три такие же пока оставались в резерве, готовые прийти на помощь атакующим войскам в случае возникновения необходимости.

Усунь не стали преследовать канглов и вернулись в лес, подобрав раненых воинов и готовясь к новой атаке врагов, зная, что они, отдохнув и пополнив свои ряды, вновь начнут наступление на рассвете следующего дня.

* * *

На других четырёх направлениях сражения продолжались весь день, и с наступлением вечера и канглы, и усунь отступили, чтобы за ночь собраться с силами и на следующий день продолжить битвы. Ни одна сторона не хотела уступать, отчего все бились ожесточённо. В результате обоюдные потери были велики.

* * *

Фатих-шах был в бешенстве от побега своих войск на центральном направлении. Он лично прибыл с пятью сотнями воинов из резерва и на рассвете повёл их в атаку, быстро преодолев долину и ворвавшись в лесные дебри. Визирь Кутуз и старший тысячник Ельбуз ехали рядом. К их удивлению, в лесу никого не оказалось. Воины закружили между деревьев, не понимая, куда подевались усунь, так неожиданно появившиеся здесь вчера. Ельбуз приказал осмотреть лес, войдя в него поглубже, но и это ничего не дало.

Усуней здесь не было. На вопрос Фатих-шаху о том, что теперь делать, правитель велел покинуть дебри, отступить на открытую местность и срочно выслать лазутчиков по всем направлениям в поисках следов войск усуней.

Воины стали выбираться в долину, петляя между деревьями. Фатих-шах посмотрел по сторонам, оглядывая сумеречный и влажный от утренней росы лес. Он хотел было что-то сказать визирю Кутузу, как вдруг стрела вонзилась ему прямо в грудь. Он схватился за неё и начал заваливаться на бок. Визирь Кутуз успел подхватить правителя, не дав упасть на землю, и повёл его скакуна вплотную со своим, стараясь быстрее выбраться из леса. Тысячник Ельбуз выхватил меч и заорал:

— Все туда! Взять его! — указав оружием на одно из деревьев.

Несколько воинов стремительно окружили дерево, направив вверх снаряжённые луки. Кто-то явно прятался среди ветвей, но виден не был. Воины кружили вокруг дерева, высматривая сидящего там человека. Вдруг одна из веток шевельнулась, и оттуда вылетела стрела, вонзившись в плечо одного из воинов. Он не успел ещё упасть, как воины выпустили стрелы в то место, откуда прилетела стрела. Послышался стон, и на землю, ломая и пригибая ветви, упал человек. Несколько воинов прыгнули с лошадей и подбежали к нему. Из левого глаза и из шеи несчастного торчали две стрелы. Он очень слабо дышал, но перед смертью успел прошептать окровавленным ртом: «За... Бо». Это был Жимшак.

* * *

Тяжело раненного Фатих-шаха погрузили в кибитку, которая под усиленной охраной медленно продвигалась к главному лагерю. Фатих-шах был без сознания. Визирь Кутуз велел пока не сообщать войскам о ранении Фатих-шаха и о его состоянии.

* * *

Куньбек Янгуй был в своём лагере, разбитом на равном отдалении от пяти армий по двести сотен каждая, сдерживающих на всех направлениях атаки войск канглов. Здесь же размещался и резерв в количестве четырёхсот сотен воинов под командованием сян дуглу Хаан-бека. Дуглу Наби-бек расположился в тылу, возглавляя ополченцев численностью в пятьсот сотен. По велению куньбека Ян-

гуя в главных стойбищах центрального и западного крыла также в полной боевой готовности находились ополченцы. Их общее число доходило до шестисот сотен.

На второй день войны с утра куньбеку Янгую пришла плохая весть от властителя восточного крыла цзо дуглу Бэйтимии-бека, который срочно сообщал о замеченных дальними дозорами дозорных отрядах хуннов, что явно свидетельствовало о приближении армий шаньюя хуннов Модэ. Самые худшие предположения куньбека Янгую о возможном нападении со стороны хуннов, к его сожалению, свершились. Он не мог знать о том, какое количество войск направил правитель хуннов, но помнил из недавнего прошлого, когда он со своим народом ещё был в подданстве хуннов, что в их западном крыле численность войск составляла до тысячи сотен, отличавшихся тем, что их лошади были белыми. У цзо дуглу Бэйтимии-бека всех воинов, включая ополченцев, набиралось около пятисот сотен. Куньбек Янгуй понимал, что если шаньюй Модэ направил все войска своего западного крыла, то силы восточного крыла усуней вдвое уступают ему.

Положение становилось очень затруднительным. С запада напало огромное войско канглов. С востока приближалась армия воинов хуннов. Невероятная угроза нависла над всем народом усуней. Следовало срочно принимать какое-то решение, и куньбек Янгуй, подумав, нашёл выход. Вызвав начальника личной охраны Ризу, он приказал направить гонца к дуглу Наби-беку с велением о немедленном выступлении его со всеми воинами ополчения на помощь цзо дуглу Бэйтимии-беку.

Куньбек Янгуй хоть и не удивился появлению хуннов, так как был уверен в том, что шаньюй Модэ никогда не простит самовольного ухода из его земель, но всё же был озабочен другим фактом. Он точно знал, что Фатих-шаху не удалось заключить военного союза с хуннами, однако шаньюй Модэ пришёл почти одновременно с канглами. Все, в том числе и куньбек Янгуй, всегда помнили о том, что шаньюй хуннов никогда и ни с кем не вступал ни в какие союзы, а сам, единолично решал все вопросы мира и войны. Но теперь, когда он направил войска против усуней и в это же время на них войной пошли канглы, куньбек Янгуй усомнился в простом совпадении этих двух событий. Он понял, что военный союз между канглами и хуннами всё-таки состоялся.

Куньбек Янгуй не мог знать о том, что шаньюй хуннов даже не предполагал о начале войны между канглами и усунями. Ошибался он и в отношении военного союза между канглами и хуннами, которого на самом деле не было. В столь напряжённом состоянии он не задумывался над тем, что для шаньюя хуннов канглы, так же как и усунь, были потенциальными врагами, как, впрочем, все, кто окружал его державу или же находился на караванных путях от неё. Так или иначе, но пребывание куньбека Янгуй в заблуждении относительно отношений Фатих-шаха и шаньюя Модэ теперь не имело никакого значения, поскольку армии первого из них уже вступили с ним в сражение, а второго подступили вплотную к восточному крылу, и он должен был думать над тем, как противостоять им обоим и отбросить от рубежей своих земель.

* * *

Второй день войны между канглами и усунями также завершился без чьего-либо явного преимущества. После отступления на свои позиции заметно поредевших войск на всех пяти долинах, где шли сражения, осталось множество тел — и людей, и лошадей, над которыми тучами кружили хищные птицы.

* * *

Фатих-шах, несмотря на старания лекаря, не приходил в сознание. Толстый кожаный панцирь, хотя и был пробит, но стал хорошим препятствием для стрелы, угодившей в грудь, так как значительно погасил силу её удара, иначе она вошла бы в тело очень глубоко и мгновенно сразила его насмерть.

Визирь Кутуз сразу же после случившегося с шахом оповестил об этом всех визирей, командовавших остальными армиями. От них стали часто прибывать гонцы, через которых визири докладывали о положении дел, но больше интересовались тем, как теперь быть, так как они перестали получать из главного лагеря какие-либо указания. Визирь Кутуз был в растерянности: отдавать приказы другим визирям он не имел права и что делать в этом случае, не знал. Пост главного визиря, который дал бы ему право на замещение правителя во время военных действий, а значит, на принятие решений и управление другими визирями, по-прежнему оставался свободным. Как опытный военачальник, он понимал общую ситу-

ацию, но на вопросы визирей, тем не менее, не отвечал, отправляя гонцов без каких-либо указаний и приказов. Такое молчаливое бездействие со стороны главного лагеря пагубно отразилось на поведении визирей во всех армиях, привело к прекращению согласованности в действиях между ними. Более того, положение ещё более ухудшилось, когда, неся большие потери, они перестали получать пополнение из резервных войск ставки. Воины бились на пределе своих возможностей, не получая отдыха, так как нечем было их заменить. Вдобавок ко всему усунь на всех направлениях ввели в бой свежие силы, и натиск стало очень трудно сдерживать.

Растерянность визиря Кутуза начала перерастать в панику. Его надежда на лекаря таяла с каждым мгновением, и наконец он перестал даже интересоваться состоянием здоровья правителя. Ситуация во всех войсках канглов складывалась таким образом, что рассчитывать на победу в начатой ими же войне не приходилось. Теперь все визири думали только об одном: как бы сделать так, чтобы прекратить кровопролитие и заключить мир с усунями, пока они полностью не разгромили канглов и не вошли в их земли.

* * *

Наби-бек прибыл в восточное крыло и встал всеми своими сотнями в тылу у войск цзо дуглу Бэйтими-бека. Перед ними лежала широкая долина, зажатая между скалистыми горами, по которой и приближалась армия хуннов. Справа и слева от усуней рос густой ельник, тянувшийся вверх по западным склонам высоких гор.

Дозорные отряды хуннов уже не скрывались и постоянно разъезжали перед усунями на небольшом отдалении. Они смеялись и показывали копьями в их сторону, при этом проводя рукой по горлу, давая понять, что очень скоро будут отрезать головы непокорным.

До подхода армии хуннов к позициям усуней оставался один день.

* * *

Сведения о том, что с востока к рубежам усуней подошла огромная армия хуннов, донеслись и до канглов. Радостная весть прокатилась по всем войскам, воодушевив воинов и значительно повы-

сив боевой дух. Теперь они стали биться яростнее, понимая, что усунь не смогут достойно противостоять и им, и хуннам и что победа близка. Отныне никто не обращал внимания ни на невосполнимые потери, ни на усталость.

Состояние Фатих-шаха оставалось без изменения.

Визирь Кутуз свылся с мыслью о том, что правитель так и не придёт в себя. Он наконец направил резервные войска всем визирям, за что те были благодарны ему. И как только он отдал свой первый приказ командующему резервными войсками, то сразу же почувствовал свою значимость и превосходство над другими визирями. Никто из окружения в ставке даже не смел обсуждать его решения, не говоря о том, чтобы перечить. Более того, все стали относиться к нему не как к правителю, конечно, но уже как к главному визирю. Всё складывалось очень удачно.

* * *

Куньбек Янгуй был очень встревожен последними событиями и на западе, и на востоке его земель. Все его резервы, в том числе и все ополченцы, были брошены на поддержку воюющих армий. Он призвал взять в руки оружие весь свой народ, но понимал, что простолюдины не равня настоящим воинам, из которых состояли войска противников. Во всех стойбищах люди готовились к приходу врага, пряча лошадей и всю другую живность в лесах, сооружая укрепления и заготавливая запасы пищи и воды.

* * *

Ранним утром передовые сотни хуннов выстроились по всей ширине долины и по команде военачальников двинулись на усуней. Цзо дуглу Бэйтими-беку была хорошо известна тактика атаки хуннов лавинами, и он заранее приготовился к ней, соорудив и выставив перед своими передовыми отрядами заграждения в виде связанных из брёвен больших щитов, за которыми скрывались лучники. Хунны плотными рядами приближались к усуням, на полном скаку выпуская тьму стрел по их позициям, затем разлетались в стороны, пропуская вперёд следующие ряды, атакуя издали, подобно лавинам, накатывающим одна за другой. При таком огромном количестве выпущенных стрел потерь было не избежать. Лучники усуней в ответ стали расстреливать их из дальнобойных луков, из-

готовлению и использованию которых когда-то научили их сами хунны. Битва на расстоянии длилась весь день, и с наступлением вечерних сумерек, которые в горной местности опустились внезапно, хунны отступили в свой лагерь. Усуни же, заменив передовые отряды на свежие силы, своих позиций на ночь не покинули.

* * *

Канглы с огромным усилием и пока ещё очень медленно, но продвигались в глубь земель усуней. Почти на всех пяти направлениях, неся большие потери, они теснили войска усуней. Им было известно о том, что все резервы исчерпаны, и поэтому помощи из своей ставки они не ждали. Также они знали и о том, что усуни на востоке вступили в жесточайшую схватку с армией хуннов.

Фатих-шах всё ещё не приходил в сознание. Лекарь его уже не лечил. Теперь работа заключалась лишь в том, чтобы заботиться о нём, перевязывая рану и изредка вливая воду ему в рот, дабы жизнь не угасла навсегда.

Визирь Кутуз давно перестал заходить в походный шатёр Фатих-шаха. День и ночь он занимался управлением всеми армиями, с которыми держал постоянную связь через гонцов, отдавая приказы визирям, тем самым став первым среди равных. К нему стали всё чаще обращаться, называя главным визирем. Он воспринимал это как должное.

* * *

Отправив дуглу Наби-бека на восток, куньбек Янгуй перенёс свою ставку ближе к войскам на западе. Он понимал, что воины должны чувствовать его близкое присутствие и не терять духа. В сопровождении начальника личной охраны Ризы и его сотни куньбек Янгуй стал появляться среди войск то на одном направлении, то на другом, таким образом воодушевляя воинов на стойкость и проявление мужества. Там, куда он прибывал, его войска не только останавливали противника, но и переходили в наступление, однако такой успех длился недолго.

* * *

В очередной раз хунны приблизились к позициям усуней с множеством запалённых факелов, от которых они поджигали стрелы,

выпуская их затем по бревенчатым щитам. Влажное от утренней росы дерево поначалу не горело, но запалённых стрел, попадавших в ограждение, было так много, что в конце концов оно запылало. Лучники, скрывавшиеся за щитами, стали отбегать, но, оказавшись на открытом пространстве, большей частью были сражены стрелами хуннов, так и не добежав до своих конниц. Теперь хунны, разгромив первую линию обороны усуней, оказались перед основными силами и вновь атаковали лавинами, накатывая рядами, расстреливая на расстоянии и разлетаясь в стороны, уступая место следующим рядам, таким образом нанося урон, уходя от обстрела и в итоге приближаясь к усуням всё ближе и ближе.

* * *

Визири Гачай и Аасим, каждый командуя своей армией, часто обменивались гонцами между собой. Усиление визиря Кутуза и особенно его высокомерное поведение по отношению к таким же, как и он, визириям стало очень раздражать. Самопровозгласив себя главным визирем, визирь Кутуз негласно и без права на то возвысил себя над ними. Другие сановники, хотя и не выражали прилюдно недовольства этим фактом, но в душе были возмущены. Визирь Кутуз ни с кем не советовался ни по какому вопросу, а лишь отдавал приказы и требовал их неукоснительного исполнения. Ему не следовало бы так вести себя, но, опьянённый властью, он не замечал ничего странного в своём поведении. В конце концов, считал он, это же он взял бразды правления в свои руки в самый сложный момент для всех, когда из-за ранения Фатих-шаха войска остались без предводителя. Только уже по одной этой причине, не говоря о других, он считал себя правомочным руководить военными действиями и брать ответственность за командование над всеми визириями, военачальниками и войсками.

В одну из ночей, выслушав днём очередное недвусмысленное послание недовольного визиря Кутуза, связанное с очень медленным, по мнению самопровозглашённого предводителя, продвижением войск, визирь Гачай вызвал к себе в шатёр воина из личной охраны, к кому проявлял особое доверие, и поручил ему, как он подчеркнул, очень важное задание, после чего воин покинул лагерь с запасным скакуном и направился в сторону главного стойбища канглов.

* * *

Куньбек Янгуй был в своём шатре, когда к нему вошёл сотник Риза и сообщил о прибытии ханьских гонцов. Услышав об этом, куньбек Янгуй с удивлением посмотрел на него, но тот был очень серьёзен и ожидал веления. Куньбек Янгуй разрешил впустить гонцов. В шатёр вошли два воина, с ног до головы покрытые пылью, — даже их лица чернели от неё, и только узкие глаза сверкали живыми огоньками на фоне почти безжизненных масок из засохшей грязи. Один из них был гонцом, а другой оказался переводчиком. Гонец сообщил, что они прибыли по поручению господина Дзяо Мина, вступившего со своей армией в южные земли усуней по велению императора Вэнь-ди. Куньбек Янгуй не мог поверить в услышанное. Он молча смотрел на них, а они взирали на него покрасневшими глазами, терпеливо ожидая его слов.

* * *

Огромная, стопятидесятитысячная армия ханьцев, совершив долгий переход по дороге, по которой не так давно прошли племена усуней, уходившие из-под влияния хуннов, продвигалась на север, в сторону главного стойбища усуней. Дзяо Мин исполнял веление своего императора Вэнь-ди, заверившего зимой куньбека Янгуя через его послов в оказании всяческой помощи в случае начала военных действий по отношению к нему со стороны его западного соседа — правителя канглов Фатих-шаха.

* * *

Фатих-шах умер на рассвете, так и не приходя в сознание. Визирь Кутуз разослал гонцов во все армии, ко всем визирям с этой трагической вестью. Остановив войска и перейдя к оборонительной тактике, все визири вскоре прибыли в главный лагерь, в ставку правителя.

Тело Фатих-шаха под усиленной охраной было отправлено в главное стойбище, дабы там предать его земле со всеми почестями.

Положение стало тяжёлым. Фатих-шах ушёл из жизни, не назначив никого из сановников главным визирем. Смерть правителя оставила их и без престолонаследника, что было гораздо важнее, — как поступать в таком положении, никто не знал. Визирь Кутуз пытался призвать визирей пока оставить всё, как было в

те дни, когда шах находился без сознания, иначе, как он утверждал, положение в войсках может усугубиться, что приведёт к поражению. Таким образом, он давал понять, что перемены в такое сложное время никому не нужны и что все должны продолжать подчиняться его приказам. Визири хоть и понимали его правоту, но всё же были недовольны тем, что именно он будет и дальше командовать ими. Обстановка в главном шатре накалилась, и каждому из присутствующих стало понятно, что к единому мнению они не придут. Исчерпав все доводы в пользу того или иного решения, вскоре они замолчали, сидя на своих местах и потупив взоры.

В это время вошёл главный стражник и, обратившись к визирю Гачаю, сообщил, что ему хочет что-то сказать начальник его личной охраны. Визирь Гачай вышел из шатра. Недолго пробыв снаружи, он вернулся в шатёр, но вместе с ним зашли ещё два человека с повязками на лицах. Визири посмотрели на них, затем перевели вопрошающие взгляды на визиря Гачая. Он молча отошёл в сторону, повернулся к вошедшим, приложил руку к груди и склонил голову. Визири, видя странное его поведение, но ничего не понимая, стали переглядываться. Один из этих двоих снял повязку с лица, и все вскочили на ноги с удивлением в глазах — перед ними стоял главный визирь Джарбаш. Визири не успели опомниться, как главный визирь Джарбаш, так же как и визирь Гачай перед этим, отошёл в сторону, повернувшись ко второму мужчине, приложил руку к груди и склонил голову. Тот тоже снял повязку, но он не был знаком визирям, кроме Кутуза, Аасима и Гачая, которые тут же почтительно склонились. Это был Яншенук.

Главный визирь Джарбаш поднял голову, посмотрел на него и обратился, назвав светлейшим шахом.

* * *

Куньбек Янгуй в сопровождении своей личной охраны, ведомый ханьскими гонцами, мчался на встречу с Дзяо Мином. Не успел он преодолеть и половину пути от своего лагеря до местонахождения армии ханьцев, как к нему навстречу из перелеска выскочил отряд канглов численностью в две сотни воинов. Тут же началось яростное сражение. Канглы вдвое превосходили усуней. Вскоре, несмотря на ожесточённое сопротивление усуней, канглы, потеряв почти половину своих воинов, убили их всех.

Куньбек Янгуй лежал на земле и помутневшими глазами смотрел в небо. Его верный белоснежный жеребец, весь забрызганный кровью, стоял рядом.

* * *

Выдержав до наступления вечерних сумерек натиск хуннов, обрушившихся на войска цзо дуглу Бэйтими-бека и впервые вступивших в ближний бой, передовые отряды усуней, понесшие большие потери, отошли в тыл для отдыха и пополнения своих рядов из резервных войск Наби-бека.

* * *

Сян дуглу Хаан-бек, согласно велению куньбека Янгуйа распределив весь резерв по пяти воюющим армиям, сам находился в центральной из них, рядом с сян дуглу Юити-беком. Посланный им в ставку правителя гонец вскоре вернулся и сообщил о том, что там, в ставке, кроме десятка воинов, никого нет. Также он сообщил, ссылаясь на слова десятника в ставке, о том, что с юга в их земли к ним на помощь пришла армия ханьцев и куньбек Янгуй направился к ним навстречу. Сян дуглу Хаан-бек знал, что у правителя была лишь его сотня охраны, знал он и о том, что дорога к южному стойбищу, куда он направился, пролежала в опасной близости от мест, где велись активные военные действия. Скорее почувствовав опасность, нежели заподозрив неладное, сян дуглу Хаан-бек сообщил сян дуглу Юити-беку о приходе армии от императора Вэнь-ди, дабы тот распространил эту благую весть по всем их армиям, и, взяв с собой две сотни воинов, спешно выступил в дорогу за правителем.

Ещё издали сян дуглу Хаан-бек увидел место прошедшего не так давно небольшого сражения, где всюду лежали окровавленные тела сражённых воинов и стояли лошади. Разослав дозорных, он спешился и обошёл погибших. Вскоре он заметил изрубленное тело начальника личной охраны правителя сотника Ризы, а чуть в стороне обнаружил тело куньбека Янгуйа — его отрубленная рука, лежавшая рядом, по-прежнему сжимала меч. Когда сян дуглу Хаан-бек опустился на колени возле тела куньбека Янгуйа и прикрыл ему глаза, к нему, пофыркивая, подошёл белый жеребец.

* * *

Известие о том, что на помощь усуням ханьский император Вэнь-ди прислал огромную армию, быстро распространилось и до канглов, и до хуннов. Все узнали и о смерти от полученной раны правителя канглов Фатих-шаха, и о гибели в бою правителя усуней куньбека Янгуя. Новости, как и следовало ожидать, воспринимались противоборствующими сторонами по-разному.

Командующий армией хуннов сян-ван западного крыла помнил о том, что его правитель шаньюй Модэ все последние годы старался не обострять отношения со своим могущественным южным соседом — императором ханьцев, и как только узнал о том, что Вэнь-ди выступил на стороне усуней и оказал им военную помощь, прислав армию, то велел своим военачальникам временно прекратить атаки на позиции усуней, направив гонцов к шаньюю с целью узнать о велениях с учётом новых обстоятельств.

Канглы, не успев попрощаться со своим светлейшим шахом Фатихом, неожиданно быстро обрели нового правителя в лице его единственного единокровного племянника Яншенука, который, сразу проявив свою волю, первым же приказом восстановил на посту главного визиря Джарбаша, а вторым велел приостановить любые военные действия против усуней.

Усуни, воодушевлённые было приходом союзнической армии ханьцев, узнав о гибели своего правителя куньбека Янгуя, сменили радость на траур. Несмотря на тяжёлое положение, связанное с войной, люди бесконечными потоками из всех своих поселений потянулись в сторону главного стойбища, чтобы отдать последнюю дань уважения правителю и попрощаться с ним, проводив в последний земной путь.

* * *

Сян дуглу Хаан-бек встретился с Дзяо Мином в полевом лагере ханьцев и, поприветствовав его и представившись через переводчика, выразил благодарность и ему, и императору Вэнь-ди за их приверженность условиям заключённого союза и оказанную военную помощь, а также сообщил о гибели своего правителя куньбека Янгуя. Выслушав от Дзяо Мина слова искреннего соболезнования в связи с кончиной правителя усуней, сян дуглу Хаан-бек изложил ему все сведения о положении дел как в западных, так и в восточ-

ных землях усуней. Дзяо Мин принял решение, согласно которому он незамедлительно разделял свои войска на две части и направлял их против канглов и хуннов. Сян дуглу Хаан-бек представил Дзяо Мину своих сотников, которые должны будут показать его войскам дорогу к позициям армий усуней, и, попрощавшись, отбыл в главное стойбище, куда уже по его приказу должны были доставить тело куньбека Янгуя.

* * *

Наби-бек и цзо дуглу Бэйтими-бек скорбели по погибшему правителю куньбеку Янгую, но покинуть свои позиции не могли. Хунны, к удивлению, прекратили свои атаки, но оставались в лагерях и в любое время могли возобновить их.

* * *

На следующий день после предания земле в долине смерти тела правителя усуней куньбека Янгуя, где над могилой был насыпан высокий курган, вокруг которого три дня и три ночи после сидели двенадцать шаманов, войска ханьцев подошли к позициям армий усуней и на западе, и на востоке их земель и встали лагерями у них в тылу.

Ещё через день, на рассвете, и усунь, и ханьцы на западе увидели, как войска канглов по всем пяти направлениям стали уходить на свою территорию, оставляя после себя только вытопанную землю, мусор и множество кострищ. Светлейший шах Яншенук прекратил войну против усуней.

По прошествии ещё одного дня на восточных рубежах усуней также с наступлением утра армия хуннов свернула свои лагеря и покинула долину. Сян-ван, командующий армией хуннов западного крыла, дождавшись возвращения направленного к шаньюю гонца, незамедлительно исполнил его высочайшее веление о прекращении войны с усунями и возвращении в свои земли.

* * *

Дзяо Мин был очень доволен тем, что ему удалось кардинально повлиять на исход войны между усунями, с одной стороны, и канглами с хуннами, с другой, при этом не пролив ни одной капли крови своих воинов. Он понимал, что следует покинуть земли усуней.

ней только после того, как будет провозглашён их новый правитель, новый куньбек, дабы точно знать о том, с кем придётся иметь отношения его императору в будущем. Десять дней он оставался у усуней и в качестве самого почётного гостя присутствовал на пиру, данном в честь победы над врагами, устроенном усунями во главе с дуглу Наби-беком и сян дуглу Хаан-беком.

В течение всего времени пребывания здесь Дзяо Мин с интересом наблюдал за двумя сановниками, между которыми ввиду отсутствия у усопшего куньбека Янгуя как прямого, так и любого другого кровного наследника, как он догадывался, и развернётся борьба за власть. Видя, что каждый из них обладает качествами, необходимыми для будущего правителя, он сам с каждым днём всё больше и больше отдавал предпочтение сян дуглу Хаан-беку, учитывая и отношение других сановников и военачальников, которые явно его побаивались, и его перспективный возраст.

Как и его император Вэнь-ди, выступая в этот дальний поход, Дзяо Мин даже не предполагал, что куньбек Янгуй может так внезапно погибнуть, и теперь оказался в довольно щепетильной ситуации, так как не мог напрямую повлиять на выборы высшим советом усуней нового куньбека. Посоветоваться с императором, находясь в такой дали от него, он не имел возможности. Ему следовало как-то косвенно воздействовать на решение совета, на заседание которого он был приглашён в качестве представителя союзника — без права голосования. Долго размышляя над этим непростым вопросом, он в конце концов понял, как поступит, очень надеясь на то, что император поймёт его весьма дерзновенное решение.

В назначенный день все члены высшего совета собрались в главной юрте. Дзяо Мин явился туда с небольшим опозданием, как он и задумал заранее. При нём, как всегда, был переводчик. Прежде чем ю дуглу Карами-бек объявил об открытии заседания совета, Дзяо Мин обратился ко всем с просьбой дать слово, сказав, что у него есть особое поручение от императора Вэнь-ди. Члены совета, проявляя уважение и к нему, и к ханьскому императору, единодушно разрешили исполнить данное ему поручение и с неподдельным интересом ожидали его выступления. То, что они услышали, повергло их в изумление. Император Вэнь-ди высочайшим велением издал указ о помолвке одной из своих дочерей — принцессы Ланфен с

высоким сановником народа усуней сян дуглу Хаан-беком. При этом император выразил надежду на то, что данные семейные узы отныне станут гарантией вечной дружбы между двумя великими народами. Дзяо Мин замолчал и окинул взором всех присутствующих, остановив взгляд на сян дуглу Хаан-беке. Тот приложил руку к груди и склонил голову. Дзяо Мин в ответ тоже слегка склонил голову перед ним. В главной юрте стояла тишина, пока ю дуглу Карами-бек не пригласил Дзяо Мина на определённое для него место и не начал заседание совета, итогом которого стало единогласное избрание сян дуглу Хаан-бека новым куньбеком усуней.

Часть восьмая

**II ВЕК ДО Н. Э.
СРЕДНЯЯ АЗИЯ**

Г Л А В А   П Е Р В А Я

Прошёл год с того времени, как усунь покинули земли в окрестностях озера Лобнор. Теперь они по праву обитали на огромной и богатой разнотравьем территории. Уже здесь у них явились в этот мир дети, чьей родиной с первого вдоха стала эта благодатная земля. Бесчисленный скот плодился и радовал людей своим количеством и упитанностью. Табуны лошадей, состоящие из множества тысяч косяков, паслись на бескрайних сочных предгорных лугах с множеством рек и озёр с чистейшей студёной ледниковой водой. После благополучного для них завершения двух кровопролитных войн, предав земле тела погибших защитников, воздав им все почести и завершив траур, народ усуней зажил в столь долгожданном спокойствии, занимаясь обычными повседневными делами, теперь уже с полной уверенностью в мирном завтрашнем дне. Во всех стойбищах участились помолвки молодых людей, откладываемые из-за связанного с ожиданием войны напряжения в течение всей зимы до наступления более подходящего для этого времени, которое наконец-то и наступило.

* * *

Первым послевоенным чужеземным гостем на самом высоком уровне в главном стойбище усуней стал правитель огузов Карим-шах. Предварительно обменявшись послами, куньбек Хаан пригласил Карим-шаха посетить его ставку. Тот с благодарностью принял приглашение и через некоторое время в сопровождении свиты и с щедрыми дарами прибыл, пробыв в гостях у усуней три дня.

Наби-бек, как и прежде, занимал высокий пост дуглу и продолжал верное служение новому правителю и всему народу. При первой встрече с Карим-шахом в главной юрте он сдержанно приветствовал его и был немногословен, помня о событиях, связанных с Карим-шахом в его бытность визирем огузов, но, после того как

новый правитель огузов сам вспомнил ту непростую ситуацию, в которую угодил и из-за которой не смог сдержать своего обещания, данного покойному куньбеку Янгую, и искренне рассказал о причинах её возникновения куньбеку Хаану, Наби-бек успокоился и изменил своё отношение, воспринимая его как человека, достойного уважения, и честного и справедливого правителя.

Заклучив с куньбеком Хааном договор о добрососедских отношениях и об улучшении торговых отношений между народами, поблагодарив за радушный приём и за богатые дары и пригласив к себе с ответным визитом, Карим-шах отбыл в свои земли.

* * *

Дильбар со дня похорон отца не покидала своей юрты. Только теперь, когда его вдруг не стало, она почувствовала весь ужас абсолютного одиночества. Осознание того, что она теперь никому не нужна во всём этом огромном мире, раз и навсегда поселилось в её голове, изматывая юную душу, лишая покоя, а вместе с этим и таких обычных человеческих желаний и потребностей, как сон и аппетит. Она не хотела видеть никого, даже свою подругу Фирузу. Её пугали и раздражали любые звуки, доносившиеся извне, и больше всего — людские голоса. Она не могла понять того, как можно продолжать спокойно жить, чем-то заниматься, куда-то ходить, когда нет больше в этом мире самого главного человека, нет правителя всего народа, нет её отца. Ей было больно от мыслей о том, что люди, как ей казалось, почти безразлично отнеслись к смерти её родителя, перед которым не так давно преклонялись и чьё слово было для них самым главным и значимым. Их неблагодарность, а в ней она была уверена, вызывала обиду и даже порой ненависть. Она, сама того не понимая, изматывала себя этими и подобными им думами, истощая и душевные, и физические силы, что сильно отразилось на её внешности. Она перестала следить за собой, совершенно не видя в этом смысла, как, впрочем, и во всём другом, что касалось обычного быта и повседневного обихода, отчего выглядела просто неузнаваемо: сильно исхудала, осунулась, взор её потух, волосы, не так давно восхищавшие всех своей пышностью и сияющей чистотой, превратились теперь в космы. Она пребывала на грани сумасшествия, но ещё не перешла её благодаря своему молодому организму, крепости духа и силе характера.

На куньбека Хаана, однажды прибывшего к ней в юрту, Дильбар даже не посмотрела, молча уйдя за ширму и задвинув её за собой. Он всё понял и больше не стал её посещать, поручив одному из своих дагяней обеспечивать её всем необходимым для жизни, чтобы она не нуждалась ни в чём, и приставить заботливую прислугу, дабы она постоянно приглядывала за ней.

Наби-бек, часто посещавший дочь покойного друга Дильбар, подолгу сидел в её юрте и с горечью в душе смотрел на неё, не обращавшую никакого внимания на его присутствие. Он не раз привозил лекаря, но она не подпускала его к себе, закрываясь в спальной части жилища, и даже доставленного однажды Наби-беком главного шамана выгнала из жилища, выбросив привезённый им целебный отвар.

Со временем она стала покидать юрту, сперва совсем ненадолго, потом почти на весь день, бродя по селению, но всегда сторонясь людей и отгоняя собак подобранным где-то посохом. Прислуга не могла чинить ей препятствий и просто ходила следом на небольшом отдалении, следя за тем, чтобы ничего плохого не случилось.

* * *

Иджими и Джуйя были помолвлены и ожидали торжеств, связанных с вступлением в семейные отношения, день проведения которых должны были назначить их отцы — дуглу Наби-бек и цзо дуглу Бэйтими-бек, получивший титул сян дуглу.

Старший брат Джуйи, командующий войсками главного крыла тысячник Ихлас, прибыв к командующему дозорными войсками тысячнику Бурчуку, попросил руки его дочери Фирузы, на что получил одобрение. Постоянно занятый делами войск, Ихлас из-за нехватки времени никогда и не смотрел на девушек и, наведываясь по тем или иным вопросам в жилище к Бурчуку, замечал возле него Фирузу, навещавшую отца. Когда закончились войны и пришло время подумать о личной жизни, выбор Ихласа пал на неё, на Фирузу, так как кроме неё и своей младшей сестры Джуйи он так близко никакой другой девушки не видел.

Верные друзья Иджими — Айю, Баркут, Акташ, Габи, Кассак, Куньми и Кабат — решили не отставать от него и тоже обзавестись семьями, дабы все будущие дети, так же как и они, росли вместе и стали верными друзьями на всю жизнь.

Берджу начал больше времени проводить в кругу семьи, изредка покидая её по торговым делам, которыми теперь занялся всерьёз. Такой перемене прежде всего была очень рада его жена Галатис.

Сотник Терим, прежде возглавлявший сотню лазутчиков, отныне возглавил личную охрану куньбека Хаана, а его место, став сотником, занял один из его бывших десятников по имени Бабу.

Г Л А В А   В Т О Р А Я

В один из дней шах канглов Яншенук в сопровождении своего главного визиря Джарбаша прибыл с дружественным визитом в главное стойбище усуней. Встреченный на подступах к ставке Ихласом, он вёл коня по главной дороге огромного селения и смотрел по сторонам, вспоминая о том, что не так давно был здесь, но при этом памятуя и о том, что ничего тогда увидеть так и не довелось. Всё вокруг напоминало его главное стойбище: те же жилища в виде юрт, те же загоны для скота, те же лошади, и только люди были другими по внешности: канглы черноволосые, а усуни имели рыжий цвет волос. Хотя он и раньше знал об этом отличии, но теперь оно особенно бросалось в глаза, поскольку ему не доводилось видеть усуней в таком большом количестве.

Яншенук с интересом разглядывал поселенцев. Некоторые из них, в основном старики и дети, стояли по бокам от дороги и с любопытством взирали и на него, и на свиту. Ещё издали он заметил одиноко стоящую девушку, смотревшую в их сторону. Она держала в руке длинный прямой посох, напоминавший древко копья и, в отличие ото всех девушек и женщин, была с непокрытой головой, отчего её косматые золотистые волосы развевались на ветру. Поравнявшись с девушкой, он приостановил скакуна и, посмотрев на посох в её руках, вспомнил покойного наставника, визиря Каплана. «У прямого посоха никогда не будет кривой тени. Помни об этом всегда», — словно услышал он его последние слова и обратил внимание на тень от посоха: ровной линией она тянулась от земли по одежде девушки, пересекая её лицо и вновь падая на землю за её головой. Он смотрел на тень, скользя по ней взглядом снизу вверх, и вдруг его глаза встретились с глазами девушки, и он тут же узнал их.

— Дильбар... — прошептал он. — Это ты.

Девушка, смотревшая на него прищурившись, услышала своё имя и отступила на шаг. Яншенук сошёл на землю и приблизился к ней, не сводя глаз с её лица, будто увидел нечто удивительное и неотразимое. Дильбар продолжала смотреть ему прямо в глаза, и её взор изменялся с каждым мгновением. Было заметно, что она пока не узнавала человека, стоящего перед ней, но понимала, что он ей чем-то очень знаком, и напряжённо старалась вспомнить.

Тысячник Ихлас остановил скакуна, поднял руку и описал ею круг над головой. Сотня почётного караула встала кольцом вокруг Дильбар, Яншенука и его свиты, оттесняя любопытную толпу, которая стала быстро собираться вокруг остановившегося правителя канглов.

— А, это ты, мой спаситель. Я узнала тебя, — вдруг тихо произнесла Дильбар и слегка склонила голову к плечу. — Ты же умер. Ты же не смог одолеть болезнь. — Глаза Дильбар наполнились слезами. — Мне же так сказали...

— Это я, Дильбар, — прошептал Яншенук. — Я жив. Они ошиблись.

— Ты приехал за мной? — не моргая и не отводя глаз, так же тихо спросила она, и крупные слёзы покатались из глаз.

— Да, Дильбар, я приехал за тобой, — дрогнувшим голосом проговорил Яншенук.

Он попытался улыбнуться, но не смог.

— А как твоё имя? — не обращая внимания на текущие слёзы, спросила Дильбар.

— Яншенук, — прошептал он.

— Яншенук, — тихо повторила она.

— Дильбар, ты поедешь со мной? — спросил он.

— Да, — ответила она.

Яншенук подошёл к своему скакуну, подвёл его к Дильбар, осторожно поднял её на руки и посадил в седло, затем взял коня под уздцы и повёл к главной юрте усуней, где его ожидал куньбек Хаан. Дильбар продолжала держать в руке посох.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	3
-------------	---

Часть первая II ВЕК ДО Н. Э. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Глава первая.....	7
Глава вторая.....	14
Глава третья.....	32
Глава четвёртая.....	34

Часть вторая II ВЕК ДО Н. Э. СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Глава первая.....	41
Глава вторая.....	66
Глава третья.....	88
Глава четвёртая.....	98
Глава пятая.....	153

Часть третья II ВЕК ДО Н. Э. СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Глава первая.....	157
-------------------	-----

Часть четвёртая II ВЕК ДО Н. Э. СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Глава первая.....	183
Глава вторая.....	195
Глава третья.....	210
Глава четвёртая.....	227

Часть пятая
II ВЕК ДО Н. Э.
СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Глава первая.....	233
Глава вторая.....	242
Глава третья.....	265
Глава четвёртая.....	305
Глава пятая.....	346
Глава шестая.....	353

Часть шестая
II ВЕК ДО Н. Э.
СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Глава первая.....	377
Глава вторая.....	386

Часть седьмая
II ВЕК ДО Н. Э.
СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Глава первая.....	419
Глава вторая.....	422

Часть восьмая
II ВЕК ДО Н. Э.
СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Глава первая.....	441
Глава вторая.....	444

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме с помощью каких-либо электронных или механических средств, включая изготовление фотокопий, аудиозапись, репродукцию или любой иной способ, или систем поиска и хранения информации без письменного разрешения издателя.

Литературно-художественное издание

Абай Тынибеков
Ауэз Тынибеков

ИДУЩИЕ

Исторический роман

Редактор *Елена Шаихова*
Художественный редактор *Женис Казанкапов*
Технический редактор *Жанузак Досхожаев*
Верстальщик *Акмарал Кадикенова*
Корректор *Оксана Колодкина*